

СИНТАКСИСЪ
РУССКАГО ЯЗЫКА

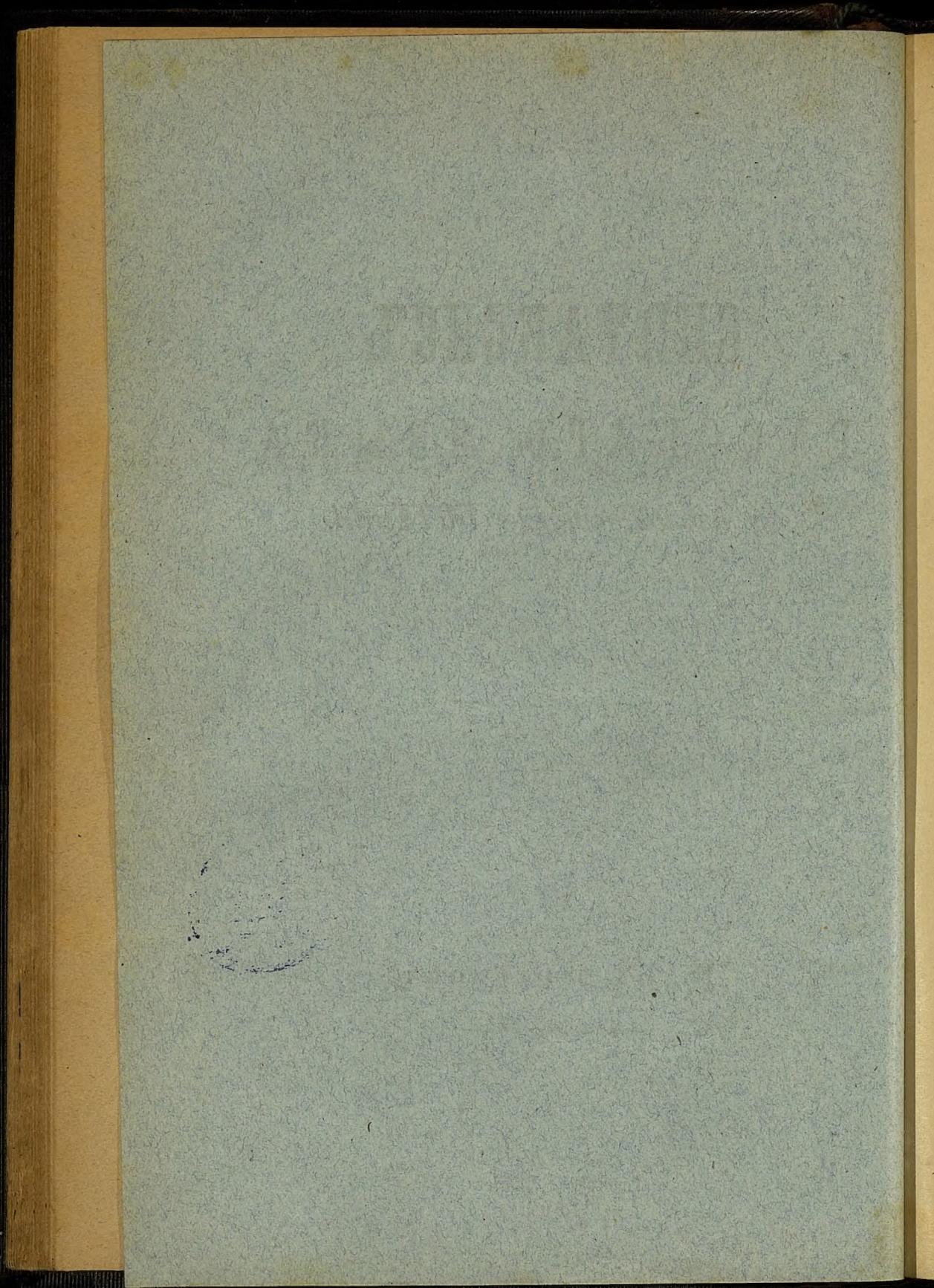
въ изслѣдованіяхъ ПОТЕБНИ.

Изложилъ
И. Бѣлоруссовъ,

ОРЕЛЪ.
Типографія Хализева.
1902.

СИНТАКСИСЪ
РУССКАГО ЯЗЫКА

въ изслѣдованіяхъ ПОТЕБНИ.

13070

Изложилъ
И. БѢЛОРУССОВЪ.

ОРЕЛЬ.
Типографія Халнзева.
1901.

СННТАКСНЕР

РАСЯКАТО ЯЗЫКА

НА ПЕРВОУЧАЩИХ ПОСЛАН

Дозволено цензурою. Варшава, 15 Сентября 1901 г.

Издатель
Д. Роговский

ОПЕДР

Торговая Дирекция

1901

По глубинѣ мыслей, широтѣ замысловъ и смѣлости комбинацій и выводовъ Потебни принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ лингвистамъ-философамъ, пониманіе которыхъ естественно представляетъ извѣстныя трудности. Трудность пониманія Потебни осложняется кромѣ того и своеобразною оригинальностью его стиля. Поэтому Потебню приходится не просто читать, а *изучать* и изучать съ постояннымъ напряженіемъ мысли и неослабной вдумчивостью въ изучаемый предметъ.

Само собой, не всякій желающій ознакомиться съ изслѣдованіями Потебни подготовленъ къ такого рода чтенію, а если кто и подготовленъ, то не у всякаго найдется время посвятить себя столь нелегкому занятію. Этимъ и объясняется, почему *имя* Потебни, какъ оригинальнаго и своеобразнаго лингвиста-философа, знакомо многимъ, но глубина его мыслей, широта замысловъ и тѣ пути, которыми онъ доходилъ до своихъ выводовъ, извѣстны лишь профессиональнымъ и, такъ сказать, присяжнымъ ученымъ, которые по долгу служенія своего наукѣ обязаны *знать* Потебню, для того чтобы или учиться у него, или считаться съ нимъ, какъ съ выдающимся ученымъ, сказавшимъ свое новое слово въ области языковѣдѣнія.

Предлагаемая книга представляетъ попытку дать подробный конспектъ и вмѣстѣ краткое изложеніе 1) самаго обширнаго (до 1200 страницъ компактной печати) и самаго важнаго изслѣдованія Потебни, извѣстнаго подъ скромнымъ названіемъ *Записокъ по русской*

грамматикъ *), и 2) другого изслѣдованія его: „Значенія множ. числа въ русскомъ языкѣ“ **), близко примыкающаго по содержанию къ *Запискамъ*.

Какъ извѣстно, Потебня въ помянутыхъ изслѣдованіяхъ не довольствуется простымъ констатированіемъ фактовъ и внѣшнею ихъ группировкою, а проникаетъ внутрь наблюдаемыхъ явленій въ языкѣ, выясняетъ послѣдовательную и причинную связь между ними и открываетъ новые пути въ изслѣдованіи синтаксиса русскаго языка. При осуществленіи своей попытки дать сжатое изложеніе столь важныхъ изслѣдованій нашего великаго ученаго я и поставилъ себѣ задачей не только отмѣтить самыя явленія, наблюдаемыя Потебнею въ исторіи синтаксиса русскаго языка, но уловить и ту внутреннюю его мотивировку, на основаніи которой онъ даетъ новое освѣщеніе фактамъ языка и приходитъ нерѣдко къ новымъ выводамъ по сравненію съ предшествовавшими и современными ему изслѣдователями. Насколько достигъ я намѣченной мною цѣли, предоставляю судить объ этомъ лицамъ, болѣе меня компетентнымъ; но не могу не сказать, что при исполненіи своей работы старался быть добросовѣстнымъ и объективнымъ. Я отрѣшился отъ обычныхъ и господствующихъ взглядовъ на синтаксисъ русскаго языка, *намышленно* подчинилъ себя всецѣлому вліянію Потебни и, находясь подъ исключительнымъ его вліяніемъ, заботился единственно о томъ, чтобы проникнуть въ сущность основныхъ его взглядовъ, уловить

*) «Изъ Записокъ по рус. грамматикѣ». I. Введеніе.—II. Составныя части предложенія и ихъ замѣны. Изд. 2-ое, Харьк. 1888 г.—III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Харьк. 1899 г.

**) «Значенія множ. числа въ рус. языкѣ». Филол. Записки 1887 г. №№ 2, 5, 6; 1888 г. №№ 1 и 2.

внутреннюю связь между ними и выразить весь строй его системы по возможности *короче* и вмѣстѣ *точнѣе*.

Особенно трудна была для меня *краткость изложенія*. Для этой цѣли нужно было отдѣлять болѣе существенное отъ менѣе существеннаго; но какъ производить это выдѣленіе, когда у Потебни, собственно говоря, *все* существенно, *все* находится во внутренней связи между собою, какъ звенья цѣльной цѣпи, и, слѣдовательно, вырывать изъ нея отдѣльныя звенья значило бы разрушать самую цѣпь. Чтобы избѣжать такого разрушенія, на которое добросовѣстный передатчикъ не имѣетъ права, мнѣ приходилось прибѣгать къ обобщеніямъ и изъ нѣсколькихъ звеньевъ составлять одно, такъ что цѣльность цѣпи или внутренняя связь между основными мыслями сохранялась, но самыя звенья цѣпи получали иной видъ и становились больше. Вслѣдствіе того же стремленія къ краткости невозможно было пользоваться и буквальными выписками изъ Потебни, поэтому я прибѣгалъ къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, напр. въ опредѣленіяхъ, требующихъ особенной точности, или въ такихъ мѣстахъ, которыя представлялись мнѣ въ какомъ-либо отношеніи сомнительными. Въ послѣднихъ случаяхъ я не рѣшался брать на свою отвѣтственность правильнаго пониманія мною этихъ мѣстъ и потому, предлагая свое толкованіе, считалъ за лучшее оставлять и подлинныя слова Потебни.

Не менѣе трудностей представляло для меня и стремленіе къ *точности выраженія* нѣкоторыхъ взглядовъ Потебни и глубокаго пониманія имъ смысла формъ и оборотовъ древне-русской рѣчи. Въ подобныхъ случаяхъ нужно было самому возвышаться до возрѣвнѣйшаго глубокаго мыслителя, самому проникаться тѣмъ же пониманіемъ духа языка, какимъ былъ онъ проникнутъ; а это очень трудно, потому что Потебня обладалъ необыкновенною

и дивною способностью проникать въ сѣдую старину и, такъ сказать, „нутромъ“ воспринимать въ себя стихію старинной рѣчи. Я чувствовалъ, что онъ, сроднившись съ духомъ древняго языка, понималъ его такъ же, какъ и старинный писатель, а для меня это было недостижимо; я сознавалъ, что Потебня какъ бы переселялся навремя въ древній міръ, бесѣдовалъ съ старинными писателями на *ихъ* языкѣ и изъ этихъ бесѣдъ, какъ непосредственнаго источника, воспринималъ *точный* смыслъ отжившихъ теперь древнихъ формъ и стараго строя рѣчи, а мнѣ приходилось *приближаться* къ такому пониманію лишь путемъ напряженнаго мышленія. Чтобы отличить, напр., формы „сътвори“ и „бѣдѣ сътвори“, для него не было, по видимому, нужды *переводить* послѣднюю форму на современный языкъ и предлагать къ ней комментарий: онъ и безъ этихъ препаратовъ живо и непосредственно понималъ ее *съ тѣмъ самымъ оттыкомъ*, который присуць былъ въ свое время этой формѣ; для меня же необходимы были и переводъ, и комментарий, и потому я позволялъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать пояснительныя вставки или въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній подъ строками текста, или въ самомъ текстѣ, заключая свои поясненія въ скобки *).

Задачей себѣ, какъ передатчику и интерпретатору Потебни, я ставилъ также и то, чтобы, съ одной стороны, облегчить читателю пользованіе моею книгой, а съ другой — дать ему возможность провѣрить правильность или неправильность моего изложенія посредствомъ сличенія его съ изслѣдованіями Потебни. Съ этой цѣлю

1) я на поляхъ своей книги всюду проставляю соответствующія страницы изъ Потебни, такъ что сомнѣ-

*) Чтобы не смѣшивать принадлежащихъ мнѣ примѣчаній со взглядами самого Потебни, я вездѣ отмѣчаю примѣчанія свои буквами *И. Б.*

вающійся въ чемъ-либо читатель всегда можетъ провѣрить меня, отыскавъ нужное ему мѣсто изъ изслѣдованія Потебни.

2) Такъ какъ Потебня объ одномъ и томъ же предметѣ нерѣдко толкуетъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ послѣдующія его толкованія служатъ или разъясненіемъ, или дополненіемъ, а иногда и исправленіемъ предыдущаго, то я во всѣхъ этихъ случаяхъ признавала необходимымъ дѣлать ссылки на параллельныя мѣста, цитируя при этомъ страницы Потебни, которыя легко находить въ моей книгѣ. Особенно же необходимымъ считала я дѣлать такія сличенія тамъ, гдѣ Потебня или не въ совершенной полнотѣ исчерпываетъ трактуемый имъ предметъ, или же дѣлаетъ поправки къ предыдущему *).

3) Всѣ главныя подраздѣленія въ изслѣдованіяхъ Потебни на главы и отдѣлы я оставляю неприкосновенными, но для большей точности и, такъ сказать, членораздѣльности допускаю во многихъ мѣстахъ и свои подраздѣленія. Особенно необходимыми казались мнѣ такія подраздѣленія тамъ, гдѣ приводится у Потебни цѣпь доказательствъ чего-либо или цѣлый рядъ выводовъ изъ предыдущаго. Для того, чтобы не оставлять въ тѣни ни одного изъ доказательствъ и рельефнѣе выдвинуть каждый изъ выводовъ, я и считала важнымъ распредѣлить ихъ подъ отдѣльными цифрами или буквами (1, 2,

*) Въ III-ей части *Записокъ по русской грамматикѣ* нѣкоторые мѣста, очевидно, намѣченныя Потебнею еще до второго изданія I и II части (1888 г.), цитируются иногда по первому изданію 1874 г.; въ этихъ мѣстахъ я, для однообразія, возстановляю цитаты по второму изданію. Срав., напримѣръ, страницы 476—481 третьей части *Записокъ*, гдѣ всѣ ссылки на вторую часть сдѣланы Потебней по первому изданію.

3, 4... а, б, в, г...). Такъ, напр., страницы 534 и 535 второй части *Записокъ* представляютъ выводъ изъ *всего* предыдущаго изслѣдованія; въ виду такой важности этого мѣста, я, для большей ясности и точности, выдѣлилъ здѣсь каждое основное положеніе подѣльными цифрами, а одну изъ этихъ цифръ подраздѣлилъ еще на буквы, вслѣдствіе чего вниманіе читателя не скользитъ по тексту, а волей-неволей останавливается на каждомъ подраздѣленіи.

4) Кромѣ того, противъ каждаго подраздѣленія и каждой основной мысли въ цѣпи доказательствъ я, для большей наглядности и удобства при пользованіи моею книгой, дѣлаю на поляхъ мелкимъ шрифтомъ краткое оглавленіе, такъ что, пробѣгая эти оглавленія, можно подробно и систематически ознакомиться съ содержаніемъ всего изслѣдованія Потебни.

5) При выборѣ примѣровъ, которыми такъ богаты изслѣдованія Потебни, я старался выбирать въ каждомъ данномъ случаѣ хотя по одному примѣру изъ всякаго памятника, при чемъ всегда отдавалъ предпочтеніе письменности русской предъ ц.-славянскою, а гдѣ нужно и важно было, пользовался я примѣрами и изъ *Дополненій*, приложенныхъ ко II и III частямъ *Записокъ по рус. грамматикѣ*.

6) Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, прилагаю подробный *алфавитный указатель* всего существеннаго.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Императорской Академіи Наукъ за выданную мнѣ субсидію на изданіе настоящей книги и Ординарному Академику А. А. Шахматову за его совѣты и указанія, которыми онъ не оставлялъ меня при выполненіи этой работы.

Изъ записокъ по рус. грамматикѣ.

Ч. I. Введение.

I.

Что такое слово?— Слово есть *единство* членораздѣльнаго звука и значенія, соединяемаго съ инымъ. Употребляясь въ рѣчи, оно «каждый разъ соответствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е., имѣеть не больше одного значенія» въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что каждое слово, употребляемое даже съ однимъ опредѣленнымъ значеніемъ, но поставленное въ различныхъ формахъ, есть уже иное слово, наприм., верст-а, верст-ы, верст-ь.

Слово, какъ единство звука и значенія, соединяемаго съ звукомъ.

1—2

3—4

II.

Представленіе и значеніе. Кромѣ значенія, слово включаетъ въ себѣ еще *знакъ*, внѣшней оболочкой котораго является звукъ. *Знакъ* и *значеніе* слова не одно и то же: значеніе есть *внутреннее*, содержимое слова, а *знакъ* есть *внѣшній*, даже случайный какой-нибудь признакъ, по которому мы даемъ названіе познаваемому предмету. Напр., ребенокъ, знакомый съ арбузомъ, но незнакомый съ круглымъ матовымъ колпакомъ лампы, называетъ его «арбузикомъ». Тутъ у ребенка „произошло сравненіе познаваемаго съ прежде познаннымъ“, и по *внѣшнему* признаку, шарообразности арбуза, онъ колпакъ лампы назвалъ тоже „арбузикомъ“. Такимъ образомъ, *внѣшній* признакъ *прежде* познанаго предмета (шаровидность арбуза) послужилъ поводомъ къ названію шарообразнаго же колпака лампы арбузикомъ. „Этотъ признакъ и есть *знакъ значенія* этого слова“. Тѣмъ не менѣе, „знакъ въ словѣ есть необходимая *замѣна* соответствующаго образа или понятія“, соединяемаго съ тѣмъ предметомъ, который обозначается этимъ словомъ, и „потому называется онъ *представленіемъ*“, но не въ смыслѣ логическаго представленія, а въ качествѣ какъ бы *представителя*, т. е. означающаго, а не означаемаго.

Знакъ и значеніе въ словѣ.

5

Знакъ, какъ представитель значенія слова.

6—7

А такъ какъ *ближайшее* значеніе слова, обозначаемое этимъ знакомъ, часто бываетъ *пусто* сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа, то слово называется *формой* мысли.

Слово, какъ форма мысли.

8

III.

Различныя понятія о корнѣ слова.— „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе *опредѣленной* грамматической категоріи (имени, глагола и т. д.) достигается въ словѣ тѣмъ, что оно включаетъ въ себѣ *больше одной части*“, напр. *верс-та*, и сколько въ словѣ частей, столько предполагаются въ немъ и корни. Такъ обр., слово *сложно*, и если бы не было такой сложности слова, то нечѣмъ было бы достигать и обозначенія опредѣленности той или другой грамматической категоріи. Такъ, въ словѣ *верс-та* принадлежность къ имени обозначена второю частью слова «та»,

9—10

11

12-13 которая есть образовательный именной корень слова (ср. дал. I; 81). По-
 этому въ *дофлексивномъ* языкѣ первобытнаго человѣка, какъ въ языкѣ дѣ-
 тей, слова безъ флексій были не словами, а *чувственными образами*, не раз-
 личавшими *отвлеченныхъ* категорій ни дѣйствія, ни качества, ни предмета,
 и, безъ сомнѣнія, прошли цѣлыя тысячелѣтія между началомъ членораздѣль-
 ной рѣчи безъ флексій и началомъ флексій.

14 Современное языкознаніе можетъ заниматься опредѣленіемъ только *са-
 мыхъ общихъ свойствъ* корня дофлексивнаго періода; и „на всемъ этомъ
 протяженіи жизни языками не можемъ предположить ничего, кромѣ про-
 стыхъ сочетаній звуковъ и воспріятій въ самомъ началѣ“. Значеніе корня
 слова становится для насъ понятнымъ лишь въ періодъ *флексивный*, когда
 существуетъ уже *рядъ словъ* съ опредѣленнымъ значеніемъ, и безъ ряда словъ
предшествующихъ и *послѣдующихъ* корень „не есть корень, какъ отецъ,
 не имѣвшій никогда дѣтей, не есть отецъ“.

15 Опредѣленіе
корня. „Корень въ индо-европейскихъ языкахъ, по Курціусу, есть
знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣле-
 ніи всего формальнаго, случайнаго“, т. е., чисто фонетическаго, какъ напри-
 мѣръ ощущение *ε* въ *γί-γυ-ο-μαι* при словѣ *γένος*. Оставаясь на этой точкѣ
 зрѣнія, Потебня дополняетъ опредѣленіе Курціуса: „корень есть знаменате-
 льное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ *оста-
 льныхъ знаменательныхъ сочетаній*“) и по устраненіи звуковыхъ случайно-
 стей“, и затѣмъ приводитъ слова М. Мюллера, которыми какъ бы обобща-
 ются оба эти опредѣленія: „корень есть то, что получается въ остаткѣ
послѣ полнаго анализа нашего нарѣчія или всѣхъ нарѣчій, въ своей сово-
 купности составляющихъ арійскую группу“.

Корень не есть
слово и облек-
тительнаго значенія
не имѣеть. „Какъ всякое *отвлеченіе*, корень не можетъ совпадать ни съ
 однимъ изъ *конкретныхъ* явленій языка“) и, слѣдовательно, не мо-
 жетъ еще составлять слова, вопреки Курціусу, который признаетъ, что въ до-
 флексивный періодъ многіе корни уже были словами. Потебня видитъ тутъ про-
 тиворѣчіе: «корни добываются *отвлеченіемъ*, а между тѣмъ, по Курціусу, суще-
 ствуютъ *объективно*», т. е. въ видѣ *словъ*, заключающихъ въ себѣ конкретное
 значеніе, что, конечно, невѣрно, ибо, отвлекая общіе признаки волка, лисы,
 собаки, мы получимъ «только *общее понятіе*, которое не будетъ характеристи-
 кою никакаго дѣйствительнаго животнаго».

16 Итакъ, *корень* и *слово* совершенно различныя понятія. «Корень, какъ *отвле-
 ченіе*, заключаетъ въ себѣ (лишь) нѣкоторыя указанія на свойство корня, какъ
настоящую слова, но не можетъ никогда равняться этому послѣднему». Корень
 есть какъ бы *родоначальникъ*, а слова—суть поколѣніе его, въ которомъ сохра-
 няются лишь *общія* свойства родоначальника: и какъ родоначальникъ не есть
 поколѣніе, происшедшее отъ него, такъ и корень не есть слово.

) т. е., корней образовательныхъ суффиксовъ. И. Б.

Поэтому и «реальною основою производнаго слова служить не корень, какъ дофлексивное слово (которое не было еще дѣйствительнымъ словомъ), и не тема, которая есть *отвлеченіе*, а флексивное же слово», какъ по отношенію къ *сыну* производителемъ его является *только отецъ*, а не какой-нибудь отдаленный предокъ.

«Слѣдуетъ ли выставить для каждаго языка особые корни, или одни общіе для всего семейства языковъ?» спрашиваетъ Курціусъ.

Какіе корни
нужно призна-
вать въ языко-
знаніи.

Гейзе допускаетъ только индо-европейскіе корни, и Штейнталь соглашается съ нимъ, между тѣмъ какъ И. Гриммъ держится мнѣнія, что то, что считается корнемъ въ одномъ языкѣ, можетъ не признаваться корнемъ въ другомъ». Курціусъ же думаетъ, что «языкознаніе въ частности всегда будетъ имѣть дѣло *только съ относительными* корнями, которые въ *каждомъ* языкѣ являются въ *другомъ* видѣ». Цетебня приходитъ къ среднему заключенію и говоритъ, что, «безъ сомнѣнія, слѣдуетъ выставить тѣ и другіе», т. е. корни и *отдѣльныхъ* языковъ, и *общіе индо-европейскіе*, такъ какъ «въ общихъ чертахъ и тѣ и другіе совершенно сходны» и «ни тѣ, ни другіе не суть слова. Они—*отвлеченія*, но добытыя не изъ *всего семейства* словъ, а только изъ *древнѣйшаго члена* семейства въ *отдѣльномъ* языкѣ, какъ напримѣръ въ греческомъ или индо-европейскомъ». «Корни *спеціально* — народныя (греческ., славянск. и пр.) и корни *общинно-европейскіе* суть не болѣе, какъ необходимыя *посылки* начатаго, но недоконченнаго языкознаніемъ *умозаключенія* о корняхъ; какъ *дѣйствительныхъ* словахъ, о свойствахъ языка, неизвѣстнаго намъ *исторически*. О такихъ корняхъ, конечно, нельзя (еще) сказать, что *съ нихъ началось созданіе языка*: ими *только кончается наше знаніе строенія языка*», а «кто напр. въ значеніи корней, добываемыхъ *нынѣ* языкознаніемъ, усматриваетъ дѣйствительныя свойства *первобытнаго* языка, тотъ принимаетъ... подмостки за самое зданіе».

Невѣрно мнѣніе Бонпа, что языкъ ведетъ свое начало отъ 82 кардинальныхъ понятій: ихъ были сотни; невѣрно и мнѣніе М. Мюллера, что человекъ даетъ имя (т. е., создаетъ слова) извѣстному предмету только тогда, когда открываетъ въ немъ какое-либо *общее качество*; напротивъ, «за исходную точку мысли слѣдуетъ признавать *чувственныя* воспріятія...

Количество основ-
ныхъ кор-
ней.

Созданіе словъ
на основаніи
конкретныхъ
признаковъ, а
не общихъ
свойствъ пред-
мета.

И что весьма конкретное сравнительно съ *отвлеченностью* *общаго качества*. «Правильный ходъ мысли» всегда идетъ «отъ частнаго къ общему», отъ *внѣшняго признака*, какъ *представителя* слова (см. гл. 2), къ *значенію*, содержащемуся въ словѣ; сперва *знакъ* для новаго слова *по сравненію*

съ предшествующимъ ему другимъ словомъ, а потомъ уже *значеніе* новаго слова, на свойство котораго человекъ направляетъ свое вниманіе.

IV.

Грамматическія формы.

5
Опредѣленіе слова со стороны лексической и грамматической.

Слова вещественныя и чистого формальныя.

Опредѣленіе слова, какъ *единства звука* и соединяемаго съ нимъ *внутренняю значенія*, еще не полно: это опредѣленіе касается лишь *частнаю* или *лексическаю* значенія слова, разсматриваемаго въ отдѣльности. Но, кромѣ *частнаго*, каждое слово въ рѣчи имѣетъ еще значеніе *общее* по отношенію къ другимъ словамъ того же разряда; напр. «верста» по отношенію къ другимъ словамъ этого же разряда есть *имя существит., жен. рода, ед. ч. именин. надежъ*. Такое значеніе слова называется *общимъ* и *грамматическимъ*.

Со стороны лексической *ближайшее* значеніе слова, сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа, есть только *внѣшній знакъ* или *пустая форма* (ср. стр. 8); по отношенію къ категоріямъ *грамматическимъ* само это формальное значеніе является *вещественнымъ*. Поэтому, слова, какъ *верста*, имѣющія и частное, и общее значенія, называются *лексическими* и *вещественными*. Итакъ, *вещественными* словами называются тѣ, которые имѣютъ и лексическое, и грамматическое значеніе.

Но есть слова, которыя *не имѣютъ своего частнаго* (лексическаго) *содержанія* и служатъ только указателями функций другихъ словъ и предложений. «Такия слова называются *чисто формальными* и *грамматическими* или *служебными*» *), въ противоположность *вещественнымъ*, которыя называются еще *знаменательными*.

26
Такимъ образомъ, слова разсматриваются со стороны *лексической* (ихъ *вещественность*, *содержаніе*) и со стороны *грамматической* (*форма*).

27
Вещественность и форма бывають *различны* для насъ не тогда, когда мы говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово *предметомъ наблюденія*; обыкновенно же въ *арійскихъ* языкахъ *содержаніе* и грамматическая форма составляютъ какъ бы *одинъ* актъ мысли и живутъ въ сознаніи *говорящаю*, какъ *недѣлимая* единица. Этими существенно и отличаются *арійскіе* языки отъ тѣхъ, которые грамматической формы не имѣютъ.

*) Но не въ смыслѣ Вуслаева (Гр. §§ 138, 159), который къ служебнымъ словамъ, *кромѣ предлоговъ и союзовъ*, относитъ еще *числительныя, мнѣстоименія, нарѣчія мнѣстоименныя и вспомогательныя глаголы*.

V.

По чемъ узнается присутствіе грамматической формы въ данномъ словѣ.

Грамматическая форма указываетъ на *общее* значеніе слова; «но въ то же время она тѣсно связана и однородна съ *вещественнымъ* значеніемъ». Отсюда естественно является вопросъ: *всегда ли* созданіе *новаго* *вещественнаго* значенія въ словѣ влечетъ за собою и измѣненіе звуковой формы? Нѣтъ; напр. есть нѣкоторые глаголы, которые въ совершенномъ и несовершенномъ видѣ имѣютъ одну и ту же грамматическую форму: я *женю*—и настоящему, и будущему времени. Дѣло въ томъ, что въ виду *единства* *вещественнаго* и *формальнаго* значенія языкъ мало дорожитъ грамматическими формами и позволяетъ имъ *разрушаться*. Разрушеніе начинается съ конца слова, гдѣ преимущественно сосредоточены формальные элементы. Такъ наприм. потерялось различіе между именительнымъ и винительнымъ падежами *мужескаго* рода (неодушевлен.), т. е., между *подлежащимъ* и *объектомъ* (напр. «*святъ* создать» и «Богъ создалъ *святъ*»), но внослѣдствіи языкъ опять отличилъ эти падежи, придавъ винительному падежу окончаніе родительнаго (одушевл.). Однако замѣна винительнаго родительнымъ не повлекла за собою смѣшенія въ смыслѣ значеній, и въ то же время языкъ создалъ *новыя* грамматическія категоріи: *одушевленности* и *неодушевленности*.

Измѣненіе *вещественнаго* значенія не всегда влечетъ измѣненіе *формальное*.

Разрушенію *грамматич. формъ* и *созданію новыхъ грамматич. категорій*.

И *звуки* *вещественнаго* значенія словъ (т. е. коренные) могутъ также исчезать безъ ущерба для самого значенія. Напр. въ «подъ» (вм. *поди*) коренное и потерялось.

Потеря *звуковъ* *вещественнаго* обозначенія (корня).

Такимъ образомъ, языкъ мало дорожитъ исчезновеніемъ *звуковъ* какъ грамматическаго, такъ и *вещественнаго* значенія. Въ словѣ все зависитъ отъ традиціоннаго *употребленія*. Самое созданіе слова обуславливается употребленіемъ, такъ какъ «созданіе есть лишь *первый* случай *употребленія*».

Важность *usus'a* въ *созданіи* и *измѣненіи* словъ.

Спрашивается, какимъ же образомъ значеніе слова (и *вещественное* и *формальное*) сохраняется въ теченіе *вѣковъ* при столь слабой поддержкѣ *звуковой*?—Въ *одномъ* словѣ это было бы, конечно, невозможно, потому что *отдѣльное* слово «есть звукъ *пустой*»; значеніе слова и сохраняется, и понимается *только* въ *рѣчи*, въ которой всякое смѣшеніе формъ выясняется: гдѣдъ есть конь (имен. п.) мой?—помяну конь (вин. п.) свой.—отбѣгоша конь (род. мн.) своихъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ существительное «конь» въ *звуковомъ* отношеніи

Сохраненіе *значенія* словъ и *понятность* ихъ только въ *рѣчи*.

представляется какъ бы *общею* формою для именит. и вшит. пад. ед. ч. и для родит. множ. числа; но это кажется такъ только при разсмотрѣніи каждой формы *въ отдѣльности*, въ дѣйствительности же такъ называемаго «*общаю* значенія словъ», какъ формальнаго, такъ и вещественнаго существовать въ живомъ языкѣ не можетъ. Невозможно представить себѣ, чтобы *все отдѣльныя* значенія сдѣлалъ въ *одномъ* звукѣ *вмѣстѣ* и *въ одно время*: конь именит., вшит., родит. пад., или: *знай*, какъ повелительное наклоненіе, такъ и условное. «Слово въ каждый моментъ своей жизни есть *одинъ* актъ мысли», а не два. «Слово не можетъ стоять въ повелительномъ наклоненіи и въ *то же время* въ условномъ», но оно можетъ быть и условнымъ, и тогда станетъ уже *другимъ* словомъ. И все это выясняется лишь *въ рѣчи* и въ *отдѣльныхъ* случаяхъ. (Срав. стр. 3—4).

Но, въ свою очередь, и для пониманія рѣчи, какъ части языка, необходимо присутствіе въ душѣ многочисленныхъ отношеній даннаго явленія языка къ другимъ явленіямъ подобнаго рода. Употребляя, напримѣръ, какую-либо *именную форму*, я, хотя и не перебираю *всѣхъ* формъ *склоненія*, тѣмъ не менѣе нахожу смыслъ данной формы лишь по тому мѣсту, которое она занимаетъ въ *склоненіи*. Или когда говоримъ: «я кончилъ», то совершенность вида этого глагола *сказывается* намъ *не непосредственно звуковымъ* составомъ, а тѣмъ, что мысленно сопоставляемъ мы эту форму съ другою—вида *несовершенною*: «я кончалъ».

VI.

Формы *этимологическія* и *синтактическія*.

Итакъ, присутствіе и функція формы узнается только по смыслу, т. е., по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ.

Выходя изъ этого положенія и можно только дѣлать опредѣленіе *этимологій* и *синтаксиса*.

Буславъ говоритъ, что *всѣ* флективные языки съ теченіемъ времени теряютъ или искажаютъ *этимологическія* формы и недостатокъ ихъ дополняютъ формами *синтаксическими*, *описательными* (Грам. § 117), грамматику же, какъ ученіе о *формахъ* языка, дѣлитъ онъ на *этимологію* и *синтаксисъ*, изъ коихъ первая разсматриваетъ *каждое* слово *въ отдѣльности*, а второй разсматриваетъ слова во *взаимномъ ихъ сочетаніи*, при чемъ *этимологія* ограничивается *только звуковою* частью реченій, *синтаксисъ* же *объясняетъ значеніе* и *употребленіе* частей рѣчи.

О опредѣленіи
этимологій и
синтаксиса Бу-
славъ.

Потебня признаетъ это невѣрнымъ: 1) этимологія раз- Опроверженіе Потебни.
сматриваетъ не каждое слово въ отдѣльности, а цѣлые разряды
словъ, *независимо отъ ихъ роли въ предложеніи*; 2) этимологія не есть
фонетика, иначе не пришлось бы объяснять въ этимологіи, наприм., что 33
неопредѣленное наклоненіе есть существительное, отъ глагола произведен-
ное» (Бусл. Гр. § 51); пришлось бы опускать все *описательныя* формы,
какъ формы *сложныя* и, слѣдовательно, синтактическія, какъ напримѣръ
буду дѣлать и т. п. Поэтому должно быть предложено другое
дѣленіе грамматики, какъ ученія о формѣ языка: 1) на *фоне-* Дѣленіе грам-
матики на фоне-
тику и ученіе
о значеніи.
тику, которая разсматриваетъ звуки, не касаясь ихъ значенія,
но *предполагая* ихъ *знаменательность* (т. е. значеніе звуковъ
въ словѣ), и 2) *ученіе о значеніи*, въ которомъ, наоборотъ, вниманіе
сосредоточивается *на значеніи*, а звуки только предполагаются. Такимъ
образомъ, первая часть грамматики занимается изученіемъ *внѣшнихъ*, зву-
ковыхъ *формъ* слова, а вторая - изученіемъ *внутреннихъ формъ*, или спо-
собовъ представленія содержанія, и «въ языкѣ нѣтъ ничего, кромѣ внѣшней
и внутренней формы».

Но въ области *внутренней формы* есть различіе между Значеніе веще-
ственное и
формальное.
представленіемъ *содержанія* и представленіемъ *формы, въ какой*
мыслится содержаніе. Первому въ языкознаніи соответствуетъ
ученіе о значеніи *въ тѣсномъ смыслѣ* (вещественное значеніе), второму—
ученіе о *грамматическихъ формахъ*.

Каждое изъ этихъ двухъ дѣленій можетъ разсматриваться И то и др. уче-
ніе о значеніи
можетъ разсмат-
риваться какъ
съ этимолог.
(историч.), такъ
и съ синтактич.
(описат.) точки
зрѣнія.
не съ одною, а съ двухъ точекъ: *этимологической* и *синтак-
тической*, т. е., или а) мы *опредѣляемъ* вещественное и фор-
мальное значеніе слова *изъ контекста* (синтактически) или б)
изыскиваемъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія
(этимолог. точка зрѣнія). Такимъ образомъ, этимологія и синтаксисъ идутъ
рука объ руку другъ съ другомъ, при чемъ этимологія такъ относится къ
синтаксису, какъ *исторія* къ *описанію современнаго состоянія*; поэтому
этимологическая точка зрѣнія называется еще *историческою*, а синтакти-
ческая—*описательною*. Согласно этому взгляду этимологія должна быть 39
историческою, а *историческій синтаксисъ «немыслимъ»**). Вообще
опредѣленіе этимологіи можетъ быть правильнымъ или вѣрнымъ—
годнымъ только тогда, когда въ опредѣленіе ея входитъ изслѣ-
дованіе *вещественнаго значенія* словъ (а не звуковъ, какъ у
Буслаева) и 2) когда она *не совпадаетъ съ фонетикой*.

*) По возможна, конечно, «исторія синтаксиса», когда синтактическія формы
и ихъ замѣны и смѣны разсматриваются въ хронолог. порядкѣ. И. Б.

40

Дѣленіе Буслаевымъ синтаксиса на древнѣйшій и позднѣйшій.

Потебня не соглашается съ Буслаевымъ (Грамм. § 155) и относительно дѣленія синтаксиса на древнѣйшій и позднѣйшій: древнѣйшій, основанный на этимологическихъ формахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядный, конкретный, и позднѣйшій, отступающій отъ этимологическихъ формъ *по требованію мысли* и потому отвлеченный, абстрактный; напр. «*та* десять копень описана» (древн.) и «*ть* десять копень описаны», или «десять копень описано» (поздн. сочетание по смыслу, а не на основаніи этимологическихъ формъ). Потебня

41

Опроверженіе этого взгляда Потебнею.

въ послѣднихъ двухъ оборотахъ видитъ тутъ не сочетание, отступающее отъ этимологической формы, а *совсѣмъ иную, новую* формы. Мысль въ языкѣ, имѣющемъ формы, «никогда не разрываетъ связи съ грамматическими формами: удаляясь отъ одной, она непремѣнно въ то же время создаетъ *другую*, новую, на основаніи которой и происходитъ новое сочетание, но *не по требованію мысли*, а *формально*». Въ выраженіи: «два человѣка» съ теченіемъ времени категория *двойственности* забылась, и стали употреблять ее въ смыслѣ *нѣсколько*: три, четыре человѣка, т. е. создавалась *новая* категория «*нѣсколько*», занимающая средину между *единствомъ* и *множествомъ* *), которое начинается съ *пяти*: пять, шесть... человѣкъ (род. п. множ. ч., а не дв.). Словомъ, тутъ

42

идеть несогласія между значеніемъ и употребленіемъ, между этимологіей и синтаксисомъ. Точно также въ выраженіи: «надѣяться на Бога» Буслаевъ видитъ синтаксическое сочетание, *основанное на этимологической формѣ* (*полагать что-нибудь на что-нибудь*), а въ выраженіи: «надѣяться *чего*» (=ожидать *чего*) видитъ сочетание, основанное уже *не* на формѣ, а на *отвлеченномъ* понятіи, по смыслу. Потебня же во второмъ выраженіи видитъ опять *новую грамматическую форму*, въ которой глаголь «надѣяться въ значеніи *ожидать*» сочетается именно съ род. п., а не при помощи предлога *на*. «Всякое послѣдующее слово есть болѣе сложное производеніе чѣмъ предыдущее»; сложнѣе становится и самое значеніе послѣдующаго слова. Напр., значеніе цвѣта «наварискаго дыму съ пламенемъ» сложнѣе чѣмъ *сырый, бѣлый*, но нельзя сказать, чтобы *сырый, бѣлый* были конкретнѣе и изобразительнѣе, чѣмъ «наварискаго дыму съ пламенемъ», хотя послѣднее названіе цвѣта и позднѣйшее. Слѣдовательно, если раздѣлимъ языкъ на два періода: предшествующій (конкретныхъ значеній) и послѣдующій (значеній абстрактныхъ), то это было бы неточно и произвольно. «Нельзя допустить строя языка, выказывающаго господство этимологій (съ болѣе конкретнымъ значеніемъ) или синтаксиса (съ болѣе абстрактнымъ)»: «этимологія и синтаксисъ, какъ *два взаимно усиливающія* себя точки зрѣнія, *нераздѣльны*».

43

44

45

*) Сравни. далѣе III, 447. И. Б.

Изъ всего сказаннаго Потебня выводитъ слѣдующее о формахъ *этимологическихъ и синтактическихъ*: а) «звуковые элементы отдѣльныхъ формъ съ теченіемъ времени стираются; б) формы, какъ значенія, смѣняются другими; в) эти послѣднія могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ одного слова («буду дѣлать») и слѣдовательно не составлять звукового единства», что не противорѣчитъ, конечно, единству звука и значенія въ словѣ.

Выводъ о формахъ *этимологическихъ и синтактическихъ*.

46

Противоположеніе же *этимологич. синтаксису* есть лишь неудачное преобразование другого противоположенія: *созданія и паденія* (разрушенія) *формъ*, или *созданія и употребленія формъ*.

VII.

Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.

М. Мюллеръ говоритъ, что въ языкѣ съ теченіемъ времени является порча, и что слова и ихъ части удерживаются искусственно, путемъ традиціи. Во время этой-то фонетической порчи и появляются *грамматическія формы*. Потебня считаетъ такой взглядъ *произвольнымъ*: «порча» эта не уничтожаетъ языка, а приводитъ его къ высшему совершенству: къ грамматическимъ формамъ; что же касается «традиціи», то она не можетъ появляться *только въ позднее время*; она одновременна съ самимъ языкомъ: *звуковая измѣчивость* есть тоже явленіе *первоначальное* и всеобщее въ языкахъ. На этомъ основаніи Потебня видитъ особое проявленіе *жизни* въ томъ, что Мюллеръ считаетъ болѣзнью языка: «пзмѣненіе функций слова, образованіе *новаго* слова изъ прежняго»—это «не отсутствіе жизни въ словѣ», а «*новое* появленіе жизни»; это—не разрушеніе, а созиданіе. Напр. въ русскомъ языкѣ вытѣненіе чуждой ему (славянской) формы причастія на *щій* формами на *чи*, *че* (*знаючи, знающе*) есть не что иное, какъ стремленіе къ образованію *новой* грамматической категоріи *двѣнпричастія*.

Взглядъ М. Мюллера на порчу въ языкѣ и появленіе *грамматич. формъ*.

47

Опроверженіе этого взгляда Потебнею.

48

Итакъ, что же такое *созданіе и разрушеніе* грамматическихъ формъ, если то и другое дѣйствительно характеризуетъ два различныхъ періода въ жизни языка?

Разрѣшеніе вопроса о созиданіи и порчѣ *грамматическ. формъ*.

Дѣленіе языка В. Гумбольдтомъ на два періода:

1) періодъ *созданія* языка и 2) *пользованіе* имъ, какъ орудіемъ.

Гумбольдтъ смотритъ такъ. Въ періодъ образованія формъ народы усиленно стремятся выразить мысль, и это стремленіе ихъ производитъ и поддерживаетъ ихъ творческую славу. Поэтому, чѣмъ первобытнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче формами. Періодъ созиданія формъ оканчивается тогда, когда языкъ, какъ орудіе мысли,—*на лицо*. Тогда духу остается только *употреблять* его и воплощаться въ немъ.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

2

Значить, въ первомъ періодѣ языкъ создается и самъ служитъ цѣлью, а во второмъ—употребляется и становится средствомъ.

Возраженіе По-
тебли противъ
такого дѣленія.

50

Непрерывное
развитіе языка,
какъ съ сторо-
ны лексической,
такъ и грамма-
тической.

51

52

Однако, это дѣленіе на два періода не объясняетъ, почему настаётъ будто бы время уменьшенія (разрушенія) формъ. Противоположности созданія и употребленія (цѣли и средства), какъ и противоположность этимологии и синтаксиса, это—не различные періоды, а лишь различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же періодъ. «Языкъ всегда есть столько же цѣль, сколько и средство, настолько же создается, насколько употребляется». Впрочемъ, и самъ Гумбольдтъ далѣе говоритъ: «ни одного періода въ жизни человѣчества или народа нельзя считать исключительно предназначеннымъ для развитія языка». И дѣйствительно, наблюденіе свидѣтельствуетъ о непрерывномъ измѣненіи языковъ во всѣхъ частяхъ его строенія. Языкъ постоянно остается посредникомъ между познаннымъ и вновь познаваемымъ. Какъ вещественныя значенія, такъ и формы языка должны быть разсматриваемы какъ средства, такъ вмѣстѣ и акты познанія. Нѣтъ предѣловъ лексическому развитію языка, слѣдовательно, не можетъ быть и черты, ограничивающей количество формъ языка. Языкъ можетъ «падать» или останавливаться въ своемъ развитіи только развѣ «отъ ухудшенія породы, отъ перерыва въ преданіи, причиненнаго внѣшними вліяніями», а все остальное, совершающееся въ языкѣ, зависитъ отъ усложненія мысли. Самъ Гумбольдтъ признаетъ фактъ, что строеніе языковъ, происшедшихъ отъ индоевропейскаго, наиболѣе возбуждаетъ дѣятельность духа и потому сохраняетъ наиболѣе прочную силу производить новыя образованія, вызываемыя теченіемъ времени и судьбами народовъ. Наиболѣе выдающимися грамматическими категоріями являются глаголь, создающій предложеніе, и мѣстоименія съ союзами, связывающія предложенія въ болѣе сложныя единицы.

54

55

56

Потеря одной
формы, какъ
отжившей, смѣ-
няется новою,
болѣе пригод-
ною для выра-
женія болѣе
сложной мысли.

Фактъ стиранія флексій не есть уменьшеніе общаго количества формъ, составляющихъ не звукъ только, а и значеніе. За потерю одной формы слѣдуетъ рожденіе новой, причемъ стирающаяся форма или а) можетъ перерождаться въ другую, какъ напр. форма «два рубля» изъ категоріи «двойственности» переродилась въ категорію «нѣсколько»: «три, четыре рубля», или б) вовсе исчезаетъ, потому что оказы-
вается она негодною, съ увеличеніемъ способности въ отвлеченію мы-
шленію, а иногда и лишнимъ бременемъ для мысли, если на мѣсто пече-
зающей формы остается другая соответствующая и болѣе пригодная. Кромѣ
того, самый счетъ грамматическихъ формъ часто бываетъ невѣренъ.
Говорять, напр., объ одномъ творительномъ падежѣ, а ихъ въ русскомъ

языкъ нѣсколько категорій: все это *новые* надежи. Каждое особое значеніе предлога даетъ *новый* надежъ.

Конечно, нѣкоторыя формы исчезли, какъ напр. форма глагола дедеративная, оптативная, но это не говорить объ *уменьшеніи* формъ вообще: исчезнувшія замѣнились новыми, болѣе пригодными къ выраженію сложности современной мысли. Древніе языки потому и важны въ *педагогическомъ отношеніи*, что они проще и доступнѣе анализу, чѣмъ языки новые.

Съ совершенствованіемъ языковъ нетрудно примирить и фактъ *вывѣтриванія звуковъ*, поддерживающихъ даже *значенія* формы, а также—*чередованіе формъ простыхъ и описательныхъ*. Естественно, что чѣмъ сильнѣе энергія мысли, тѣмъ она меньше нуждается въ звукѣ, какъ въшней опорѣ, и наоборотъ. Поэтому, если извѣстный звукъ въ окончаніи лишь замедляетъ теченіе рѣчи и мысли, то онъ выкидывается; если же въ звукѣ этомъ является нужда, то онъ сохраняется. II, конечно, это значить не то; что въ языкѣ ослабѣваетъ творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой въшней опорѣ звука, довольствуясь лишь *значеніемъ мьсти*, которое занимаетъ слово въ рѣчи.

Что же касается *описательныхъ формъ*, то онѣ свидѣтельствуютъ не о паденіи формы, а о торжествѣ ея въ принципѣ, объ освобожденіи *вещественнаго* слова отъ всякаго *вещественнаго содержанія* и о возведеніи ихъ въ чисто формальныя; это есть не вырожденіе, а *перерожденіе*, созданіе новой формы, которая, несмотря на свою сложность, сохраняетъ *единство* значенія, таковы напр. сочетанія предлоговъ, образовавшихся изъ имени, съ именемъ же, сочетанія личнаго мѣстоименія съ глаголомъ, какъ одно цѣлое, чего не было въ древнихъ языкахъ, ибо тамъ, если личныя мѣстоименія ставились при глаголѣ, то они имѣли *не формальное, а вещественное* значеніе.

VIII.

Грамматика и логика.

Эта глава направлена противъ Я. Гримма, а съ его легкой руки и противъ тѣхъ педагоговъ, которые считаютъ подлежащимъ (по смыслу) не только именительные надежи, но и косвенные: *мнѣ* не спится; *у* меня нѣтъ *книжъ*. Но какъ для логики безразлично *словесное* выраженіе, такъ и для грамматики, изучающей между прочимъ *функціи* надежей, безразлично логическое подлежащее.

57

Вывѣтриваніе звуковъ въ связи съ энергіей мысли.

58

Замѣна простыхъ формъ описательными, какъ освобожденіе слова отъ всякаго вещественнаго содержанія и какъ окончательное торжество формъ.

59

Грамматика не есть логика.

60

Штейнваль еще въ 60-хъ годахъ доказалъ логическую немыслимость «логико-грамматическаго подлежащаго». Потербия, ссылаясь на книгу Штейн-
 тала «Grammatik, Logik und Psychologie» (1855 г.), ограничивается здѣсь
 лишь нѣкоторыми главнѣйшими положеніями о различіи грамматики и логики.

61

Слово не есть
 понятие, и пред-
 ложеніе не тожд-
 ественно съ су-
 жденіемъ.

1) Прежде всего, самое «слово» отлично отъ *понятія* и
 не можетъ быть его эквивалентомъ или выраженіемъ уже
 потому, что въ ходѣ развитія мысли *предшествуетъ* понятію».

2) Грамматическое *предложеніе* не тождественно и даже
 непараллельно *сужденію*, и хотя въ томъ и другомъ есть подлежащее и
 сказуемое, но члены эти сходны только по названію. Такъ а) въ грам-
 матикѣ подлежащее, какъ предметъ, и сказуемое, какъ признакъ, не могутъ
 замѣнять другъ друга, между тѣмъ какъ въ логикѣ все равно, скажемъ ли
 мы: «лошадь—животное» или: «животное—лошадь», потому что «для ло-
 гики въ сужденіи существенна только *сочетаемость* или *несочетаемость*
 двухъ понятій, а которое изъ нихъ будетъ названо субъектомъ, которое
 предикатомъ, это для нея должно быть безразлично». б) Иногда предложеніе
 соотвѣтствуетъ не сужденію, а только одному понятію, напр. «гремятъ»,
 гдѣ дѣйствіе выражается безъ дѣйствителя, и наоборотъ—предложеніе
 можетъ соотвѣтствовать болѣе чѣмъ *одному* сужденію; наконецъ, каждая
 пара членовъ предложенія (подлежащее и сказуемое, подлежащее и опредѣ-
 леніе, сказуемое и дополненіе) и даже *одинъ членъ* предложенія могутъ
 соотвѣтствовать сужденію. Напр. малорусское «пичкуръ» — человекъ, ку-
 рящий нечи, «дривітня» — мѣсто, гдѣ рубятъ (тнутъ) дрова.

62

3) Грамматическихъ категорій въ предложеніи больше чѣмъ логиче-
 скихъ въ сужденіи.

Индивидуаль-
 ные различія
 языковъ для
 логики безраз-
 личны.

4) Индивидуальныя различія языковъ не могутъ быть
 понятны «логической грамматикѣ», такъ какъ логическія ка-
 тегоріи «народныхъ различій» не имѣютъ: для всѣхъ наро-
 довъ одна логика.

63

Различіе логи-
 ческой и грам-
 матической пра-
 вильности.

5) Логическая и грамматическая правильность совер-
 шенно различны: что правильно грамматически, то можетъ
 быть неправильно логически, и наоборотъ.

Наибольшая
 формальность
 логики.

Наконецъ, 6) хотя и логика, и грамматика формальны,
 но формальность ихъ различна: формальность логики *абс-
 трактна*, а формальность языка *вещественна*: она связана съ
 словомъ.

IX.

Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.

Въ языкахъ, подобныхъ нашему, необходимо различать *содержаніе* и

форму. Но ни то, ни другое еще не выяснено надлежащимъ образомъ, что отзывается и на опредѣленіи предложенія.

Наше *предложеніе безъ глагола невозможно*, а потому всѣ опредѣленія предложенія безъ глагола должны быть выгнаны. 64

Буслаевское опредѣленіе предложенія, какъ *сужденія*, не вѣрно, потому что «добрый человѣкъ» есть сужденіе, но тутъ нѣтъ предложенія. Какъ существенный признакъ въ составъ предложенія *должны входить части рѣчи*. Разсмотрѣніе Буслаевского опредѣленія предложенія.

По Буслаеву, во всякомъ предложеніи должно отличать 1) *содержаніе*, т. е. *названіе* самыхъ понятій, входящихъ въ составъ предложенія, и 2) *способъ сочетанія* ихъ въ предложеніи. Но то, что Буслаевъ называетъ содержаніемъ, матеріей предложенія, *не есть матерія*, ибо «названіе понятій» глаголомъ, существительнымъ, прилагательнымъ *есть грамматическія формы*, а *не действительное бытіе*, которое выражается только *известнымъ* существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, составляющимъ часть *живой рѣчи* въ опредѣленной связи съ другими живыми словами. Слѣдовательно, у Буслаева *матерія* есть та же форма, и такимъ образомъ *оба* признака, входящіе въ опредѣленіе предложенія, составляютъ одну форму, отнявши которую, мы разрушаемъ предложеніе флексивныхъ языковъ. 65

Далѣе, когда говорится у Буслаева, что предложеніе состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго, и затѣмъ *порознь* опредѣляется то и другое, то опредѣленіе подлежащаго и сказуемаго исключаютъ другъ друга. Напр. въ предложеніи: «(я) *говорю*» личное окончаніе *ю* (или вмѣстѣ съ нимъ и личное мѣстоименіе *я*), *составляя подлежащее*, *въ то же время* входитъ и въ составъ *сказуемаго*. Значитъ, подлежащее и сказуемое въ предложеніи не суть *отдѣльные* члены. Разсмотрѣніе подлежащаго и сказуемаго и отношеній ихъ между собою и къ др. членамъ.

Идентичность отождествленія подлежащаго съ главнымъ предметомъ въ рѣчи очевидна сама по себѣ: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ» — здѣсь *единственный* предметъ рѣчи: «завтрашній день», и однако это не подлежащее. 66

Не менѣе сбивчивы въ грамматикахъ (а въ томъ числѣ и у Буслаева) отношенія подлежащаго и сказуемаго и къ другимъ членамъ предложенія 1) по способу *согласованія*, или 2) по способу *управленія* словъ: согласованіе и управленіе предполагаютъ *части рѣчи, флексіи*; а въ опредѣленіи подлежащаго и сказуемаго у Буслаева части рѣчи и флексіи не входятъ. 67

Разсмотрѣніе
второстепен-
ныхъ членовъ
предложенія

Второстепенные члены предложения у Буслаева разсматриваются 1) по синтаксическому употребленію и 2) по значенію.

68 1) по синтаксическому употребленію:

а) слова согласуемая и управляемая.

1) По синтаксическому употребленію слова *согласуемая* суть опредѣленія, а слова *управляемая*—дополненія. Но терминъ *согласованія* и *управленія* здѣсь неточны и нерѣдко совпадаютъ другъ съ другомъ. Напр. въ «*добрый* человекъ» есть и *уподобленіе* (согласованіе), и *зависимость* (управленіе), такъ какъ форма *добрый* (а не *добрая*, *доброе*) зависитъ отъ слова *человекъ*.

Различіе опредѣлительныхъ и дополнительныхъ по разряду словъ, къ коимъ они присоединяются; тоже неудачно. Напр. опредѣлительныхъ словъ при глаголъ и прилагательномъ по Буслаеву не бываетъ. Но 1) куда отнести прилагательное въ выраженіи: «остался *бѣденъ*»? Оно вѣдь входитъ въ составъ сказуемаго какъ *опредѣлительное*; 2) въ выраженіи: «это *такой* добрый человекъ, что»—слово *такой* можетъ быть только *опредѣленіемъ прилагательнаго*: «добрый».

б) Слова, не состоящія въ видимой синтаксической связи (обстоят.).

Подъ *согласованіе* и *управленіе* словъ не подходятъ *обстоятельства*: они «не состоятъ въ *видимой* синтаксической связи съ словами, къ которымъ присоединяются», говоритъ Буслаевъ. Напр. *очень* хорошій, идти *въ* городъ. Но—если

они не состоятъ *въ* связи, то, значить, стоять *вне* предложенія, что невозможно; а если стоять *въ* невидимой связи, то какъ узнать о существованіи этой связи?

Вотъ слабыя стороны различенія второстепенныхъ членовъ предложенія по синтаксическому ихъ употребленію, и несмотря на неудачную попытку опредѣлить второстепенные члены съ этой точки зрѣнія, все-таки она *единственно вѣрная*, по сравненію съ другой точкой зрѣнія—*по значенію*.

70 2) По значенію.

2) При разсмотрѣніи второстепенныхъ членовъ предложенія *по значенію* оказывается а) что опредѣлительныя слова являются и согласуемыми, и управляемыми (домъ *отцовскій* и домъ *отца*), б) между обстоятельственными, сверхъ несогласующихся и неуправляемыхъ, большая часть должна быть отнесена къ дополненіямъ (подниматься *на гору*); в) что же касается дополненій, то они опредѣляются уже *синтаксическимъ употребленіемъ*, именно—управленіемъ.

Такая путаница въ опредѣленіи *по значенію* произошла отъ того, что дѣленіе это основано не на *наблюденіи надъ языкомъ*.

Слова опредѣлительныя, различаемыя по вопросамъ.

Распознаваніе опредѣлительныхъ словъ по значенію при помощи вопросовъ: *какой*, *чей*, *который*, сколько оказывается *неграмматическимъ*.

71

Какой есть вопросъ о качествѣ *независимо отъ грамматической*

формы. На этомъ основаніи *всѣ* слова, отвѣчающія на вопросъ *какой*, должны быть опредѣлительными словами, т. е. не прилагательныя только и не родительный падежъ существительнаго *безъ предлога*, но и другіе падежи съ предлогами, которые *по синтаксическому употребленію* должны быть дополненіями: *любовь къ чтенію*.

Чей есть вопросъ о принадлежности, на который безразлично отвѣчаютъ и родительный падежъ существительнаго, и прилагательныя: *сынъ отца, отцовскій сынъ*, какъ будто это одинъ и тотъ же членъ предложения.

На вопросъ *какой* отвѣчаютъ и мѣстоименія указательныя, и числительныя порядковыя, и всякое обозначеніе мѣста, занимаемаго опредѣляемымъ предметомъ въ ряду другихъ.

Сколько. Отвѣты на этотъ вопросъ приводятъ къ различнымъ синтаксическимъ категориямъ: *два верста—мною людей—мною сдѣлалъ*. Кромѣ того, въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «выступало *семь* коровъ», слово *коровъ*, по Буслаеву и Гатталъ, въ одно и то же время есть и подлежащее и опредѣленіе (къ «семь»).

Дополненіями означается отношеніе предмета къ дѣйствію и къ лицу дѣйствующему чрезъ непосредственное или посредственное управленіе, причемъ въ *страдательномъ* оборотѣ лицо дѣйствующее обозначается *творительнымъ* падежомъ.—Это—точка зрѣнія *не грамматическая*, ибо съ грамматической точки зрѣнія дѣйствующее лицо есть *именит.* падежъ (подлежащее). Отъ смѣшенія разныхъ точекъ зрѣнія, выходитъ неразрѣшимая путаница: дѣйствующее лицо выражается и *творительнымъ*, и *именительнымъ* падежомъ, а предметъ дѣйствія обозначается и *винител.* падежомъ (при дѣйствительномъ оборотѣ), и *именит.* (при страдательномъ оборотѣ), т. е. дополненіе смѣшивается съ подлежащимъ, какъ будто косвенные падежи имѣютъ какое-либо право наследства на значеніе подлежащаго (*мнѣ* думается=я думаю; его убило *громомъ*=громъ его убилъ).

Слова *обстоятельственныя* съ точки зрѣнія *по значенію* употребляются для *обозначенія* обстоятельства мѣста и другихъ и отвѣчаютъ на такіе-то вопросы. Категория эта *въ цѣломъ* не можетъ быть отличена отъ дополненія, когда не знаешь, по чему судить: по формѣ, или не по формѣ: «войти *въ городъ*» по значенію—обстоятельство мѣста, по синтаксическому употребленію—дополненіе.

Въ сбивчивости опредѣленій особенно второстепенныхъ членовъ *виновата*, конечно, не логика, потому что она *второстепенныхъ членовъ*, напримеръ, вовсе не знаетъ.

X.

Члены предложения и части рѣчи.

1. Первоначальное слово есть уже предложеніе, но только не

76 Психологическое предложение и отношеніе его къ словесному предложению.

логическаго, а *психологическаю сужденія*. Такое первобытное предложение «есть актъ *анперцепции*», т. е. сравненіе и объясненіе того, что уже разъ воспринято. Оно связываетъ двѣ мысленныя единицы: *объясняемое* (психологическій субъектъ) и *объясняющее* (психологическій предикатъ), и въ этомъ смыслѣ такое предложение *двучленно*. Словесно же выражается въ такомъ предложеніи *только объясняющее*, т. е. *сказуемое*, напр. «мама!» Значитъ, первообразное словесное одночленное предложение *предикативно*. Сюда относятся: *сюда! пора!* и т. п., образовавшіяся внослѣдствіи.

77 Въ первообразномъ *словь-предложеніи* не мыслится ни субстанціи, ни ея атрибута или дѣйствія, словомъ—оно еще безформенно, между тѣмъ простѣйшее предложение *нашихъ* языковъ заключаетъ уже въ себѣ *форму грамматическую*, и эта форма составляетъ *формальное содержаніе предложения*, какъ того *глагола*, въ коемъ совершается жизнь этихъ формъ. Жизнь формъ проявляется въ *образованіи и измѣненіи ихъ**); вслѣдствіе этого происходитъ *измѣненіе и въ самомъ предложеніи*. Такъ, напр., *личныи глаголы* русскій чрезвычайно разнообразенъ въ формахъ своихъ, которыя образовывались и мѣнялись. Точно также и *имя*. Съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбежно мѣняется и самое предложение, въ которомъ возникаютъ и измѣняются онѣ. На этомъ основаніи, *исторія языка* должна давать *рядъ опредѣлений предложения***).

78 Личный глаголь какъ необходимый элементъ словеснаго предложения.

2) Переходя отъ *безформеннаю* (психологическаго) предложения—сказуемаго къ *формальному*, Потебня говоритъ, что *главное предложение не возможно безъ личнаго глагола*, который самъ по себѣ есть уже предложение, какъ *минимум*; слѣдовательно, предложение прежде всего есть *verbum finitum****); максимумъ же опредѣленія предложения будетъ зависетьъ отъ внесенія въ него другихъ чертъ, зависящихъ отъ другихъ грамматическихъ категорій.

*) Это изложено далѣе во II части изслѣдованія: „Составные члены предложения и ихъ замѣны“ (стр. 125 и дал.). И. Б.

**) Но самаго опредѣленія предложения Потебня не даетъ ни для одного періода развитія языка. И. Б.

79—80 ***) Между тѣмъ Поповъ въ своемъ изслѣдованіи „Именит. зват. и винит. падежи“ допускаетъ предложения и изъ одного имени, какъ *древнѣйшія и первообразныя*. Поэтому Потебня въ примѣчаніи опровергаетъ все предположенія Попова объ одночленныхъ предложенияхъ *безъ глагола* и считаетъ такіа предложения не первообразными, а зависящими отъ строя *нынѣшняю* языка при *опущеніи глагола*. Такъ, а) одночленные *именныя* предложения: *пожаръ! пора! стужа!* и т. п. Потебня принимаетъ за составныя *сказуемыя* съ опущенною связкою; б) *именительный восклицательный* въ предложенияхъ какъ „ой я несчастный!“ есть подлежащее съ атрибутомъ при опущенномъ *сказуемомъ* („что будешь дѣлать?“); в) *винительный восклицательный* есть дополнение при опущенномъ

Содержаніе предложенія, какъ сказано выше (стр. 76), не вещественно, а *формально*; поэтому и сказуемое-глаголь должно отличаться отъ имени только формально, равно какъ и все остальные члены предложенія или части рѣчи.

Въ *глаголахъ* (всегда) и *имени* (почти всегда) должно различать *два корня*, или *вѣрнѣе—два составныя части*: *вѣсть=вѣд+ть* (3 л. настоящ. вр.) и *вѣсть=вѣд+ть* (существ. жен. рода).

Глагольные и мѣстоименные корни. Какъ составныя части словъ.

Одни называютъ эти части корнями *вещественными* (вѣд) и *формальными* (ть), другіе—*глагольными* (вѣд) и *мѣстоименными* (ть), третьи—*глагольными* (вѣд) и *именными* (ть).

По мнѣнію Фика, мышленіе *начинается* со способости разлагать воспріятіе (анперцепція) на двѣ основныя его части: *носителя дѣйствія* и *самое дѣйствіе*. Это и выразилось въ созданіи первобытнаго слова, гдѣ глагольный корень означаетъ дѣйствіе, а именной—носителя дѣйствія, и если въ ихъ сочетаніи превѣшиваетъ глагольное значеніе, то возникаетъ глаголь, въ противномъ же случаѣ возникаетъ имя.

Взглядъ Фика на актъ первоначальнаго мышленія.

Но по мнѣнію Потебни мышленіе *начинается не съ разложенія* воспріятія на субстанцію и предикать, а *съ обозначенія цѣлаго воспріятія*. Напр: слово, предполагаемое лексическою частью (лек) глагола *летитъ*, означало *летающую птицу*, а не *полетъ* только птицы, какъ отвлеченное понятіе дѣйствія. То же самое слѣдуетъ думать и о корняхъ мѣстоименныхъ: и они обозначали *цѣлое воспріятіе*, а не субстанцію только, отдѣльно отъ ея атрибута. Вся разница обозначенія тѣмъ и другимъ корнемъ состоитъ въ томъ, что *мѣстоименіе* отмѣчаетъ воспріятіе *указаніемъ относительно* говорящаго (*этотъ*—т. е. близкій ко мнѣ; *тотъ*, т. е. болѣе далекій), а корень *лексическій*—*безотносительно* къ говорящему. Поэтому глагольные корни слѣдуетъ назвать *безотносительными* (*качественными, объективными*), а мѣстоименные—*относительными* (*указательными, субъективными*).

Опроверженіе Потебни и взглядъ его на корни глагольные и мѣстоименные.

соотвѣтствующемъ глаголь или стоящихъ на лицо частицахъ, имѣющихъ глагольную, предикативную силу, хотя бы частицы эти были и мѣстоименнаго происхожденія, напр. „о те мізерит!“—„ну тебя!“—Сюда же относитъ Потебня г) *родительный надежъ* при восклицаніяхъ, который у Миклошича называется *родительнымъ причины*, напр. ц.-слав. „о преславныхъ чудесъ!“—греч. *ὦ παραδόξων* *πραγμάτων!* и д) наконецъ, *дательный* при восклицаніяхъ: *ὦ μοι* *τῆς τύχης!*—Охъ-ти мнѣ!

81

82

83

84 Опреѣленіе глагола по признаку возникающему и опредѣленіе имени по признаку данному, готовому.

Итакъ, понятіе о качественныхъ (=глагольныхъ) *корняхъ* не даетъ еще возможности отличать *глаголь* отъ имени: выраженія «зеленая трава» и «трава зеленѣетъ» по *содержанію* безразличны, хотя первое выраженіе не есть предло-женіе, а второе есть предло-женіе. Но чего пѣтъ въ корнѣ, то находится въ самомъ словѣ-*глаголь*, образованномъ отъ этого кор-ня: «глаголь (зеленѣетъ, въ отличіе отъ имени *зеленый*) изображаетъ *признакъ во время его возникновенія* отъ дѣйствующаго лица, а имя—пѣтъ», т. е., глаголь, (зеленѣетъ), какъ слово въ предло-женіи, показы-ваетъ признакъ имени (трава) въ тотъ самый моментъ, когда при-знакъ этотъ возникаетъ отъ этого предмета; имя же, замѣняющее гла-голь (т. е., «зеленый» вмѣсто «зеленѣетъ») *возникновенія* признака не обна-руживается, такъ какъ признакъ зелени травы присущъ былъ травѣ *и прежде*, или вообще присущъ ей, какъ имени *). Словомъ; признакъ предмета въ глаголь представляется *дѣйствующимъ*, или непосредственно *вытекающимъ* изъ дѣйствующаго лица или предмета, а признакъ, выра-жаемый *именемъ*, какъ бы пребываетъ въ покоѣ, не обнаруживая никакой энергіи своего проявленія.

85 Личныя мѣсто-именныя окон-чанія, какъ зна-ки связи сказа-емаго съ подле-жащимъ.

Что же касается *личныхъ мѣстоименныхъ окончаній*, которыя составляютъ необходимую принадлежность глагола—*сказуемаго*, то они есть только *знаки связи* или отношенія сказуемаго съ подлежащимъ, а не *замѣна подлежащаго*, какъ думаетъ Буславъ (Гр. §§ 122, 124); даже *въ безлич-ныхъ или безсубъектныхъ* предло-женіяхъ — и тамъ личное окончаніе не замѣняетъ подлежащаго, а указываетъ только на отношеніе къ *скрытому* подлежащему средняго рода «пѣчто», почему безличный глаголь—сказуемое въ прошедшемъ времени и выражается среднимъ родомъ: *разсвѣло*.

3) Какъ опредѣленіе сказуемаго совпадаетъ съ опредѣленіемъ гла-гола, такъ опредѣленіе *подлежащаго*, а равно и опредѣленіе простого *аттри-бута*, *предикативнаго атрибута* (въ составномъ сказуемомъ) и *допол-неніи* должны совпадать съ опредѣленіемъ *имени*.

86 Обычныя опре-дѣленія существ-вительныхъ и прилагатель-ныхъ съ неграм-матической точ-ки зрѣнія.

Существительныя и *прилагательныя*, образованныя отъ *безотносительныхъ* (качественныхъ) корней, чрезвычайно близки между собою, что доказывается, между прочимъ, общ-ностью ихъ именного склоненія; поэтому они называются вообще *именемъ*, въ отличіе отъ глагола.

Обычныя предло-женія существительныхъ и прилагательныхъ, какъ названій *предмета* и *свойства* его, невѣрны: «добрякъ» и «добрый» —оба

*) Ср. далѣе I, стр. 86, 87, 89. И. Б.

суть названія *свойства, качества*, равно какъ и глаголь «бѣлѣть». Певѣрность эта зависить отъ *неграмматической* точки зрѣнія на *грамматическій* предметъ.

По отношенію къ лицу познающему и акту познанія имя относится къ глаголу, какъ *воспоминаніе прежде познаннаго къ познаваемому вновь*, т. е., въ имени представляется признакъ данный, готовый, еще прежде въ немъ бывшій, а не теперь возникающій или производимый предметомъ, ибо возникновеніе признака свойственно глаголу.

Готовые, данные признаки въ именахъ и отличіе этихъ признаковъ въ существительныхъ, прилагательныхъ, и причастныхъ.

Въ частности, имя *прилагательное* есть готовый признакъ, находящійся въ чемъ-то другомъ и именно въ томъ, что опредѣлено грамматическою формою прилагательнаго (родъ, число и падежъ), напр. *зеленая* (трава).

Причастія, какъ *глагольные* (а не *отглагольные*) прилагательныя, заключаютъ въ себѣ признакъ и глагола, и имени; въ «*зеленѣющей*» глагольною чертою служитъ признакъ, обнаруживающій *энергію, производящую* силу; но этотъ же признакъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ *даннымъ*, готовымъ: «*зеленѣющая*» трава значить не только имѣющая *зеленость* (какъ признакъ данный), но и *сама производящая* этотъ признакъ. Отсюда видѣ всякаго сомнѣнія; что *первобытное* имя (до созданія существительныхъ и прилагательныхъ категорій) ближе всего подходило къ причастию по способу представленія въ немъ признака (глагольнаго и именного), съ тою только разницею, что въ первобытномъ причастиі—имени не отличалось, повидимому, категорій времени и залога, и было оно предикативнѣе, чѣмъ позднѣйшее имя.

Близость первобытнаго имени къ причастию.

Когда прилагательное или причастіе становятся существительными, то признакъ прилагательнаго и причастія сначала не измѣняется. Вся разница состоитъ лишь въ томъ, что въ прилагательныхъ и причастіяхъ признакъ является вопросомъ: *бѣлъ* (кто?), *ветхъ* (кто?), такъ какъ нѣтъ того, кому или чему слѣдуетъ приписать этотъ признакъ, въ существительныхъ же признакъ является въ видѣ отвѣта: (бѣлъ) *бѣлокъ*, (бѣла) *бѣль*, (ветха) *ветошь*, т. е., первоначальное *существительное*, въ отличіе отъ прилагательныхъ, является *признакомъ, заключеннымъ* (даннымъ) въ чемъ-то *опредѣленномъ* и *безъ помощи другою слова*.

Способъ, какимъ пользуется языкъ для обозначенія признака въ существительномъ, *чисто-формаленъ*, т. е., прибавка въ существительномъ поваго, иногда чуть-чуть видоизмѣненнаго суффикса по сравненію съ прилагательнымъ *не* опредѣляетъ еще того, что *именно* означается признакомъ въ существительномъ. Напрямъ *бѣль*—это есть «нѣчто бѣлое», а что *именно*—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, та совокупность неизвѣстныхъ признаковъ (комплексъ), къ коимъ отнесенъ

Существительными конкретными и абстрактными.

данный признакъ, представляется *дѣйствительно существующею*: «бѣль» — бѣлая пряжа. Таковы существительныя *конкретныя*. Что же касается существительныхъ *отвлеченныхъ* (абстрактныхъ), какъ «бѣлизна», то совокупность въ нихъ признаковъ *фиктивна*; но все-таки и въ отвлеченномъ существительномъ *данный* признакъ мыслится *самостоятельно*, а не въ чемъ-либо *другомъ*, какъ это бываетъ съ признакомъ прилагательнаго. При чемъ, какъ говоритъ Гейзе, абстрактнаго не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что не подлежитъ чувствамъ; напротивъ, часто не подлежащее чувствамъ, но не фиктивное, а самостоятельно и объективно существующее, бываетъ конкретно; напр. Богъ, душа, время. Абстрактное же реально не существуетъ, а только *мыслится*.

92 Съ теченіемъ времени данный отдѣльный признакъ во множествѣ существительныхъ *забывается*. Это происходитъ отъ того, что признакъ, входящій въ существительное, бываетъ часто несущественнымъ, нехарактернымъ. Поэтому, напр., хотя въ словѣ «дубъ» и былъ иѣногда свой явственный признакъ, но теперь, съ забвеніемъ его, мысль относитъ это слово не къ отдѣльному признаку, а ко *всему кругу* признаковъ, составляющихъ содержаніе слова «дубъ».

Опре-
шеніе су-
ществительнаго.

Т. обр., въ концѣ концовъ, общимъ признакомъ всѣхъ родовъ существ-го служитъ то, что «оно» есть названіе *грамматической субстанціи* или вещи», какъ комплекса или совокупности всѣхъ признаковъ существ-го⁹²), при чемъ, само собою, нельзя смѣшивать *грамматическую субстанцію* съ *метафизической*: въ то время какъ метафизич. субстанція есть *вещь сама по себѣ, отдѣленная отъ всѣхъ своихъ признаковъ*, — грамматическая, напротивъ, «есть *совокупность признаковъ* однородныхъ съ тѣмъ (признакомъ), который можетъ быть данъ этимологически въ существительномъ», не обращая вниманія на то, будетъ ли эта совокупность признаковъ *дѣйствительная* или *фиктивная*⁹³).

93

Субстанція
грамматическая
и метафизиче-
ская.

Въ опредѣленіе имени входятъ не только слова съ *качественнымъ корнемъ* (ср. стр. 83), но и *местоименія*, которыя бываютъ или существительными, какъ имена субстанцій: я, ты, онъ, или прилагательными, какъ имена признаковъ, относимыхъ къ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ: тотъ, этотъ, мой, твой.

⁹² Ср. дал. III. 2. 3.

⁹³ По Миклошичу, существительное отличается отъ прилагател. *по значенію* тѣмъ, что первое можетъ означать носителя признаковъ, а второе — иѣтъ (Грам. IV 3). при этомъ подъ признаками онъ разумѣетъ не тотъ признакъ, который *въ существительномъ* можетъ противопоставляться *совокупности другихъ* признаковъ, а тѣ, которые даются въ предложеніи опредѣленіемъ и сказуемымъ.

4) Послѣ опредѣленія глагола-сказуемаго и имени Потебня даетъ опредѣленіе *подлежащаго*: «оно есть *вещественное* указаніе на *непосредственную производителя* признака, означаемого *сказуемымъ*», при чемъ личн. мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда оно *вещественно*, т. е., означаетъ *вещь*, а не тогда, когда оно равносильно личному окончанію, какъ напр. въ выраженіи «я *сказалъ*», равномъ латинскому *дixi* безъ личнаго мѣстоименія *ego*. Опредѣленіе это относится и къ подлежащему при *страд. зал.*, несмотря на то, что самостоятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фиктивна.

Опредѣленіе
подлежащаго.

Им. и зват. пад. есть *единственные* выразители подлежащаго. Шлейхеръ и Миклошичъ не считаютъ зват. п. за падежъ: это-де есть имя въ формѣ *междоименія*, Потебня же признаетъ его *прямымъ* падежомъ наравнѣ съ именит. и считаетъ способнымъ выражать субъектъ въ предложеніи. *Синтаксическое различіе* им. и зват. п., по мнѣнію Потебни, состоитъ лишь въ томъ, что им. пад. выражаетъ подлежащее *во вѣсѣхъ трехъ лицахъ*, при чемъ для 1 и 2 лица служатъ личн. мѣстоим. (я, ты; мы, вы), а для 3-го—остальные мѣст. и имена качественныя *), зват. же пад. выражаетъ подлежащее *только* при 2-мъ л., согласуясь со 2-мъ лиц. сказуемаго. Сходство значеній обоихъ падежей выражается и въ сходствѣ *этимологическомъ*: въ двойств. и множеств. числахъ зват. пад. сходенъ съ именительнымъ.

Им. и зват. п.
какъ вырази-
тели подлежаща-
го.

Впрочемъ, въ народныхъ пѣсняхъ зват. п. въ функціи именительнаго бываетъ подлежащимъ и при 3-мъ лицѣ. Въ этихъ случаяхъ Миклошичъ считаетъ *самый* зват. п. падежомъ субъекта (Гр. IV, 370), но Потебня думаетъ, что зват. п. употребляется лишь въ *функціи* именит-го и что употребленіе зват. п. вмѣсто именит-го произошло отъ обращенія къ 3 лицу отсутствующему, *какъ бы ко 2-му присутствующему*. Примѣры такого употребленія звательнаго падежа встрѣчаются въ малорус. думахъ, въ серб. пѣсняхъ, а у Гомера—обычны.

Обыкновенно говорится, что «всякая часть рѣчи въ качествѣ подлежащаго *становится существительнымъ*». Но это неточно: «субстантивность подлежащаго и дополненія есть *лишь стремленіе* нашихъ языковъ, а не постоянное свойство». Въ слав. языкахъ и чистыя прилагат. бываютъ подлежащимъ и дополненіемъ, вопреки мнѣнію Миклошича (Гр. IV, 6, 1), который говоритъ, что или къ субстантивированному прилаг. прибавляется сущ., или же прилаг. стало обращаться впоследствии прямо въ существительное: *мѣдрьць* вмѣсто *мѣдрь*. Однако, въ глубокой древности встрѣчаются примѣры, какъ: «*алчьнаго* накрьми», гдѣ мѣстоименное (дол-

Или прилаг. въ
роли сущ-го.

*) Т. е. им. сущ. съ качеств. корнемъ. И. Б.

ное) окончаніе вмѣсто именного (краткаго) прямо указываетъ, что «алтычпааго» есть прилагательное. Въ подобныхъ примѣрахъ, какъ предыдущій, или: «битый небитая везеть» субстанціальность хотя и существующая, но не определена, къ кому именно относится, что, какъ извѣстно, есть признакъ прилагательнаго *). И такая неопредѣленная субстанціальность вполне естественна: иногда опредѣленность ея даже невозможна, и въ подобныхъ случаяхъ употребляется *сред. р. прилагательнаго*, которое становится уже настоящимъ существительнымъ.

Опредѣленіе
грамматическаго
аттрибута.

5) *Грамматическій атрибутъ* (со включеніемъ такъ называемыхъ сокрац. опред. предложений) есть «названіе признака, который представляется *даннымъ* (готовымъ) въ субстанціи, обозначенной *другимъ словомъ*», т. е. въ опредѣляемомъ существительномъ.**).

Атрибутъ изъ
существительна-
го.

Атрибутъ выражается какъ существительными, такъ и прилагательными. Атрибутивное существительное приписывается признаку опредѣляемой субстанціи чрезъ посредство другой субстанціи (т. е. черезъ другое существ.), при чемъ «вноситъ въ мысль черту своей *прежней* ***) *самостоятельности*», что и выражается иногда несогласованіемъ съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ: городъ *Ливны* (аттр.)

Случай несо-
гласованія ат-
трибутивнаго
существительна-
го въ падежѣ.

стоитъ на р. *Соснѣ*. Если же встрѣчается несогласованіе и въ падежѣ, какъ напр. «на Дунай-рѣкѣ», «князь-Василья», то

а) это указываетъ только на особую близость опредѣленія съ опредѣляемымъ словомъ, которая проявляется въ соединеніи ихъ *въ одно слово*. Такимъ же соединеніемъ въ одно слово Потебня объясняетъ и слѣд. выраж.: «купецъ-жена» изъ сокрац. прилагат. «купецск(ая) жена», вопреки Миклошичу (Гр. IV, 21), который видитъ тутъ соединеніе существ. муж. р. съ существ. женскаго ****).

Объясненіе не-
согласованія
приложенія
въ падежѣ.

б) *Дѣйствительное* же несогласованіе въ падежѣ атрибутивнаго существ., какъ *приложенія*, бываетъ только тогда, когда при приложеніи бываетъ свое опредѣлит. слово: «Дмитрію—*розныя* очи», «Туромъ—*золотыя* рога». Объясненіе Буслаева, который считаетъ эти приложенія за *опред. прид. предл.*

*) Въ III-мъ т., на стр. 58 Потебня отказывается отъ этого и говорить, что подлежащія и дополн. могутъ быть только именами вещей, существительными. *И. Б.*

***) При чемъ, само собой, предполагается *согласованіе* атрибута съ опредѣляемымъ существит., хотя въ данномъ мѣствѣ и не упоминается объ этомъ у Потебни. *И. Б.*

****) Т. е., пока атрибутив. существительное не сдѣлалось еще атрибутомъ опредѣляемаго слова. *И. Б.*

*****) Въ III томѣ на стр. 174 Потебня отказался отъ этого своего мнѣнія и согласился съ Миклошичемъ. *И. Б.*

(=который имѣетъ грозн. очи, зол. рога) невѣрно: Потебня находитъ такую замѣну неточною и считаетъ эти явленія языка аналогичными съ образованіемъ сложныхъ словъ: «бой-баба», «бой-бабѣ», гдѣ *обычность* употребленія атрибута повела къ *неподвижности* формы атрибута, составляющаго какъ бы одно слово съ опредѣляемымъ.

в) Въ противоположность предыдущимъ атрибутивнымъ сущ-мъ въ неподвижной формѣ слѣдуетъ причислять не къ атрибутамъ, а къ грамматическимъ *объектамъ* тѣ существительныя, которыя стоятъ при опредѣляемомъ существѣ, въ несогласуемыхъ падежахъ (домъ *отца*) и относятся къ опредѣленіямъ по причинамъ *не грамматическимъ* (ср. стр. 70—71), а на томъ только основаніи, что они могутъ быть замѣнены согласуемыми прилагательными (*отцовскій* домъ вм. домъ *отца*) и отвѣчаютъ на вопросы опредѣлительныхъ словъ. Существительныя эти въ несогласуемыхъ падежахъ «съ *грамматической* точки зрѣнія означаютъ предметы, мыслимые не въ другомъ предметѣ, а виѣ его», т. е., не означаютъ признака, мыслимаго въ опредѣляемой субстанціи, а сами являются самостоятельными субстанціями, на чтѣ и указываетъ, между прочимъ, отсутствіе всякаго согласованія ихъ съ опредѣляемымъ именемъ.

Что касается *прилагательныхъ-атрибутовъ*, то они, Атрибутъ изъ имени прилаг. и согласованіе его въ р., ч. и пад. повидному, не могутъ получить независимости и согласуются въ родѣ, числѣ и пад. съ опредѣляемымъ. Сюда же относятся и *согласованіе по смыслу*: собираетъ сущ. ед. ч. въ дѣйствительности есть *множ.* число: «придоша *Русь*»; несогласованное выраж.: «страстная и святая недѣля были проведены» = страст. недѣля и св. недѣля были проведены. Но требуетъ особаго объясненія *сред. р.* прилагательнаго при сущ. въ *муж.* и *ж.* родѣ: «человѣка два выидета въ цркъвь, Объясненіе slu-чаевъ несогласованія. едино фарисѣй, а друго мытарь»; «изъя шесть сыновъ, а седьмогъ дщерь». Такое несогласованіе Миклошичъ признаетъ возможнымъ тогда, когда или польз. опредѣляемыхъ существ. считается безразличнымъ, или сущ-ья имѣютъ различный родъ (Гр. IV, 32—33). Потебня, повидному, также раздѣляетъ мнѣніе Миклошича *), но, сопоставляя съ этими примѣрами древне-рус. выраженія: «болное сущо» (Лавр.), въ *тоѣ* палату» (Котош.), «за *тоѣ* веревку», — признаетъ причину такого сочетанія *сред. р.* мѣстоименій и рѣже прилаг-ыхъ неясною, а потому склонень, кажется, принимать формы «тоѣ», «всее», «одноѣ», «самое» за *особую форму* вин. п. ед. ч. жен. р.

Трудно объяснимыми считаетъ Потебня и несклоняемыя н.-слав. и др.-рус. слова на *ь* (отъ темы *и*), какъ *исплънь*, *различь*, *свободь*, *сущубь*,

*) Ср. далѣе III, 64—65. И. Б.

испразднѣ *): «сугубѣ грѣси», «свободѣ бѣдете». Наклоняющаго склоняемость этихъ словъ объясняетъ такъ же, какъ составную атрибутивную часть *сложныхъ* словъ: *ворон-коня* (ср. *Дунай-рѣки*), съ тою только разницею, что приведенныя несклоняемыя слова употребляются не только атрибутивно, но и предикативно, какъ можно видѣть изъ послѣдняго примѣра.

Приложеніе и
отличіе его отъ
простого атри-
бута.

Нужно отличать сущ. атрибутивное (князь Петръ) отъ сущ. *приложенія* (appositio): Петръ, царь-преобразователь **); первое можетъ составлять сложное слово (князь Петръ, князь-Петра), а второе никогда; значить, *въ приложеніи больше самостоятельности*, а вслѣдствіе этого и *предикативности*: оно составляетъ «среднюю функцію***) между собственно-атрибутомъ и опред. придат. предложениемъ съ глагольнымъ сказуемымъ». — Аппозиціей можетъ быть и прилагательное, когда оно 1) имѣетъ при себѣ дополн.: «N, *жадный къ деньгамъ*», и 2) когда оно стоитъ при лич. мѣст.: «*ходилъ я, молодецъ, по всемъ городамъ*». Особенно же склонно къ аппозитивному употребленію причастіе, при чемъ «присоединеніе причастія нѣкоторыхъ глаголовъ (въ старин. яз. *сги* и проч.) къ согласуемому имену дѣлаетъ это имя *аппозиціею* или *усиливаетъ* его аппозитивность; ср. N, царь... и N, сынъ царь..., N, сынъ милосердъ», гдѣ причастіе *сги* «можетъ быть переводимо (въ современномъ языкѣ) посредствомъ *будучи*» ****).

*) Въ выраженіи: «это *особь* статья» „особь“ есть нарѣчіе изъ „о собѣ“.

**) Для избѣжанія всякой сбивчивости, нужно помнить, что Потебня хотя и не формулируетъ нигдѣ отдѣльно, но признаетъ *три вида атрибута собственно-атрибутъ, атрибутъ аппозитивный (приложеніе) и атрибутъ предикативный. И. Б.*

***) «Среднюю» въ томъ смыслѣ, что хотя аппозиція и не составляетъ предложенія, но самостоятельнѣе простого атрибута и заключаетъ въ себѣ извѣстную степень предикативности, которой нѣтъ въ *собственно-атрибутъ. И. Б.*

****) Такимъ образомъ, на двухъ рядомъ страницахъ высказываются Потебнею два различныхъ взгляда на оппозицію или приложеніе: съ одной стороны оппозиція есть видъ атрибута, близко граничащаго съ *опредѣлит. придат. предложениемъ* (Петръ, царь-преобразователь), а съ другой—она есть одинъ изъ видовъ такъ называемыхъ сокращенныхъ *обстоятельственныхъ* придат. предложеній (*ходилъ я, молодецъ=будучи молодецъ, по всемъ городамъ; N, сынъ царь*). Спрашивается, есть ли это внутреннее противорѣчіе во взглядѣ Потебни на оппозицію, или же Потебня признаетъ два вида оппозиціи—атрибутивной и адverbіальной, обстоятельственной? Судя по дальнѣйшему изслѣдованію, слѣдуетъ предполагать, повидимому, послѣднее: сперва оппозиція атрибутивная, являющаяся изъ простого атрибута („N, царь“ изъ „царь N“); затѣмъ—*усиленіе* атрибутивной оппозиціи посредствомъ аппозитивнаго причастія вспомогательнаго глагола, если оппозиція выражается именами существительными и прилагат. („N, сынъ царь“, «N, сынъ милосердъ»), при чемъ подъ «усиленіемъ» оппозиціи Потебня, очевидно, разумѣетъ переходъ атрибутив-

6) *Аттрибутъ въ сказуемомъ*. Имя, входящее въ составное сказуемое, Миклошичъ называетъ *предикатомъ* (Гр. IV, 344), а Курціусъ самое сказуемое называетъ *именнымъ*, Потебня же такія сказуемыя называетъ *составными* и имя признаетъ *аттрибутомъ* (а не предикатомъ), съ тою лишь особенностію, что аттрибутъ этотъ присоединяется чрезъ посредство глагола, сообщающаго всему сказуемому грамматическое (формальное) значеніе *времени*: „снѣтъ (есть, былъ, будетъ) бѣлъ“, и если оиъ называетъ это имя предикативнымъ, то потому только, что оно входитъ въ составъ сказуемаго.

Предикативные
аттрибуты глгъ
именъ суще-
ствительныхъ и
прилагательн.

105

Предикативное имя, по мнѣнію Потебни, стоитъ *только* въ *именительномъ* пад., какъ и подлежащее, съ которымъ аттрибутъ долженъ согласоваться *въ надежь*; отличается же отъ простаго аттрибута тѣмъ, что обнаруживаетъ *энергію*, проявленіе которой, однако, въ противоположность простому сказуемому, *не подлежитъ наблюденію*, а предшествуетъ ему, а потому «составное сказуемое по значенію менѣе наглядно, чѣмъ соотвѣтственный простой глаголъ». Въ выраженіи «Кій—перевозчикъ» мы *не видимъ* самаго акта проявленія энергіи, а только знаемъ, что оиъ перевозилъ или перевозитъ *).

Согласованіе
предикативныхъ
существитель-
хъ съ подлежащимъ.

106

Существительное въ составномъ сказуемомъ, такъ же какъ и въ приложеніи, можетъ обнаруживать свою независимость отъ подлежащаго несогласованіемъ въ родѣ и числѣ, но *не въ надежь*: «Дибирь есть *рыба*», «побой не суть *средство* къ направленію людей».

Предикативныя
прилагательныя
и согласованіе
ихъ.

107

Предикативное прилагательное по общему правилу согласуется съ существительнымъ и въ родѣ, и въ числѣ, а если и бываетъ несогласованіе, то оно—*мнимое*, потому что въ этихъ случаяхъ прилаг-ое согласуется «*съ наличнымъ значеніемъ* рода и числа въ сущ-мъ», а не съ окончаніемъ его. Такъ, прилагательное ставится во *множ. числѣ* при сущ-мъ *собирательномъ*, которое означаетъ *множественность* при окончаніи единственнаго числа. (Срав. I, 101).

Согласованіе предикативныхъ прилагательныхъ съ существительными, бываетъ вовсе не потому, что въ прилаг-хъ есть форма для муж., жен., ср. р., а потому, что оно «*есть средство производить извѣстные оттѣнки* наго значенія аппозиціи къ адвербіальному; наконецъ—аппозиція адвербіальная, получающая завершеніе обстоятельственнаго своего значенія въ переходѣ аппозитивнаго причастія въ дѣепричастіе („N, будучи царемъ“, „N, будучи милосердъ“). Этой-то адвербіальной аппозиціи и посвящаетъ Потебня въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи отдѣлы о составномъ приложеніи (II, 114), о переходѣ аппозитивныхъ причастій въ дѣепричастія (II, 159, 160), о второстеп. сказуемомъ (II, 184) и объ именит. самот. падежѣ (II, 194 и слѣд.). **И. Б.**

108

*) „Но изъ этого не слѣдуетъ, что *составное* сказуемое менѣе наглядно (конкретно), чѣмъ простое сказуемое“, поправляетъ себя Потебня въ III томѣ (стр. 355, примѣч.). **И. Б.**

Случай несогласованной предик. атрибута изъ имени прилагательнаго и глагола въ 3-мъ Бу-слаеве. Потеб-ни.

169

«мысли». Такъ, согласованное предикатив. прилаг-ое остается все-таки признакомъ, *мыслимымъ въ субъектъ* и изменяющимся вмѣстѣ съ нимъ, когда же языкъ уничтожаетъ согласованіе, то тѣмъ самымъ онъ *отвлекаетъ* признакъ отъ субъекта и создаетъ *новую грамматическую категорию*: «грѣхъ сладко, а человекъ надко», «умъ хорошо, а два лучше того».... Буслевъ (Гр. § 239) такое сочетаніе объявляетъ или 1) опущеніемъ: «умъ хорошо» вмѣсто «имѣть умъ хорошо», или 2) тѣмъ, что средний родъ прилагательнаго замѣняетъ здѣсь существительное, а именно: «умъ хорошая вещь, хорошее дѣло», какъ напр. въ пѣснѣ XVIII в. «весновая служба — молодцамъ веселье, зимовая служба — молодцамъ кручинно» (вм. *кручина*). Это послѣднее мнѣніе Буслаева согласно и съ мнѣніемъ Миклошича (Гр. IV, 29, 12), который считаетъ здѣсь прилагательное сред. р. субстантивированнымъ. Но Потебня отвергаетъ и тотъ и другой взглядъ и говоритъ: «для насъ здѣсь не субстантивированныя прилагательныя, а *нарѣчія*», что и составляетъ новую грамматическую категорию въ развитіи языка *).

170

Предикативная связка.

7) *Предикативную связку* въ составномъ сказуемомъ надо отличать отъ *связи*: связь есть *грамматическая форма* въ личн. глаголь, а связка есть то *особое слово*, которое заключаетъ въ себѣ предикативную связь и служитъ для присоединенія атрибута къ подлежащему.

171

Мнѣніе Буслаева, что терминъ *связка* лишній въ рус. грам., Потебня признаетъ не достаточно обоснованнымъ: 1) нѣкоторые глаголы, составляющіе связку, *никогда* не опускаются; 2) глаголь существительный Буслевъ желаетъ называть прямо сказуемымъ, но тогда не было бы и *составною* сказуемаго; 3) глаголь *былъ*, по Буслаеву, тѣмъ болѣе не можетъ быть названъ связкою, что онъ самъ нуждался прежде въ связкѣ «*былъ есмь*», *былъ еси*»; но тогда связкою и служило «*есмь*», а «*былъ*» составляло *предикативное причастіе*; когда же «*былъ есмь*» слеплось въ одинъ актъ мысли и *есмь* стало опускаться, тогда «*былъ*» получило возможность быть связкою.

172

Какіе глаголы нужно считать предикативными связками.

Въ противоположность Гейзе и Миклошичу, которые считаютъ собственно связкою только такіе абстрактные глаголы, которые не имѣютъ никакого *вещественнаго* значенія. Потебня признаетъ связками *всѣ средніе глаголы, требующіе предикативнаго им. п.* Кѣрос ἐγένετο βασιλεύς — τριταῖοι (на 3-й день) ἀπέληθον — *вста*

* Однако впослѣдствіи Потебня признаетъ и вообще субстантивированныя прилагательныя (III, 55, 59—63), и въ примѣрѣ: «зимовая служба молодцамъ *кручинно*» считаетъ «*кручинно*» *прилагательнымъ ср. р.*, а не нарѣчіемъ (III, 456). И. Б.

тридцатьвѣтъ. Вездѣ здѣсь предикать состоитъ изъ связки и предикативнаго атрибута. Грамматическая форма *времени*, указывающая на вещественное значеніе существованія, не можетъ мѣшать формальности связки. Что же касается *изорит.* пад. при связкѣ 'вмѣсто именит-го въ славянскихъ нарѣчійхъ, то Потебня считаетъ его за *instrumentalis* (а не *ablat.*) и во всякомъ случаѣ признаетъ «своеобразнымъ оборотомъ», свидѣтельствующимъ о дальнѣйшемъ движеніи въ развитіи языка *).

113

Отъ составнаго сказуемаго нужно отличать *описательное время*. Въ составное сказуемое могутъ входить *причастія, суц. и прилаг.*, въ описат-ое же время *только причастія*, при чемъ глаголь составнаго сказуемаго можетъ быть словомъ и формальнымъ (абстр.), и вещь-мъ, въ описат-мъ же времени *только формальнымъ*, и переходъ описат-го вр. въ составное сказуемое *невозможенъ*. Напр. «хочу быти» безъ обозначенія *хотѣнія* есть описат. буд. вр., а съ обозначеніемъ хотѣнія—составное сказуемое; «бываль осужденъ, бывало говорилъ»—составное сказуемое, потому что «бываль» не есть глаг. формальный.

Отличіе составнаго сказуемаго отъ описательнаго времени.

111

Въ соотвѣтствіе терминамъ *составнаго сказуемаго* и *предикативной связки* слѣдуетъ принять и термины *составнаго приложнія* съ *антиситивной связкой*: «X, милосердъ сѣи»—«сѣи» есть антиситивная связка въ составномъ приложеніи **).

Составн. приложнїе и антиситив. связка.

115

8) Какъ субъектъ есть несогласуемый ни съ чѣмъ именительный или зв. пад. суц-го и его замѣны, такъ *объектъ* или *дополненіе* есть косвенный пад., тоже *ни съ чѣмъ не согласуемый*. По выраженію Востокова (Гр. § 107, II), это—«*другой предметъ*» въ предложеніи, т. е. другой, кромѣ подлежащаго. На основаніи такого опредѣленія Потебня относитъ къ дополненіямъ *всѣ несогласуемыя имена*, поставленныя въ косвенномъ падежѣ, а именно: 1) слова управляемыя, т. е. требуемыя въ извѣстномъ косвенномъ падежѣ самимъ дополняемымъ словомъ, куда относятся между прочимъ *род. и дат. пад. принадлежности* послѣ именъ существительныхъ (садъ *отца*), и 2) слова неуправляемыя, т. е. косвенный падежъ которыхъ *не указывается* формальнымъ значеніемъ дополняемаго, каковы напр. обозначенія мѣста, времени, образа дѣйствія, причины посредствомъ именъ существ-хъ, *грамматически не зависящихъ* отъ дополняемаго слова (идти *въ городъ*, не былъ *по бользни*) ***).

Грамматическій объектъ или дополненіе.

*) Ср. далѣе ч. II, стр. 509 и слѣд. **И. Б.**

***) Далѣе (II, 184) Потебня называетъ составное приложнїе второстепеннымъ составнымъ сказуемымъ, такъ что термины эти у него тождественны. **И. Б.**

****) Такимъ образомъ Потебня къ дополненіямъ относитъ и тѣ имена въ косвенныхъ падежахъ, которые *по значенію* принадлежатъ къ обстоятельствомъ. **И. Б.**

114 Составное до-
полненіе или до-
полненіе съ пре-
дикативнымъ ат-
трибутомъ.

9) Языкъ, вѣрный принципу *согласованія*, при обра-
щеніи имен. и субъекта въ косв. падежъ дополненія согла-
суетъ и предикатив. атрибутъ съ дополненіемъ, которыя
вмѣстѣ образуютъ *составное дополненіе*. Напр. вмѣсто «ни азъ
сътворихся достоинъ приити» говорится: «ни себе достоинъ сътворихъ».
Такое же согласованіе предикативнаго атрибута бываетъ съ доп. и въ
род. и *дат.* падежахъ, за исключеніемъ *твор.* и *мыслнаго*, которые въ со-
ставное дополненіе не входятъ.

Замѣчу вышнелнаго творительнымъ («не считаю васъ рабами») въ
современномъ рус. яз. Потебня считаетъ «измѣненіемъ принципа согласо-
ванія», обращеніемъ къ «пнымъ средствамъ», свидѣтельствующимъ о
дальнѣйшемъ движеніи языка *).

117 Какъ въ составномъ сказуемомъ, такъ и въ составномъ дополненіи
нужно отличать простое опредѣленіе и приложеніе отъ предикативнаго ат-
трибута. Напр. «избрашъ царя Кира (опред.), избраша Кира, царя перска
(прилож.), но въ выраженіи: «избрашъ Кира царя» (=въ царі) вышит. падежъ
царя» есть *предикативный* атрибутъ, входящій въ *составное дополненіе*,
при чемъ простое опредѣленіе и приложеніе обозначаютъ признаки данные,
готовые, а предикативный атрибутъ въ *составномъ дополненіи*—признакъ
возникающій.

118 Подлежащее и ближайшее дополненіе съ ихъ простыми
и вторые — ат-
трибутивными.
опредѣленіями и приложеніями Потебня называетъ *первыми на-
дежами*, а предикативные атрибуты—*вторыми атрибутив-
ными* или *согласуемыми*. Что же касается такъ называемыхъ *сокращен-
ныхъ* прид. предложеній, выраженныхъ посредствомъ *причастій*, то Потебня
не признаетъ ихъ предложеніями и самыя причастія отождествляетъ со
вторыми атрибутами. Что это не придаточныя *предложенія*, видно изъ
того, что въ нихъ нѣтъ *сказуемаго*, т. е. *v. finit.*, и современный языкъ
стремится обращать ихъ въ предложенія съ союзами и мѣстоименіями, из-
гнавъ причастія.

Роль причастій
въ качествѣ вто-
рыхъ надежен.
Причастія, какъ вторые падежи, представляютъ остатокъ
глубокой древности, когда возможно было построеніе рѣчи
изъ предложеній, не имѣющихъ никакой *формальной* связи
(союзовъ, мѣстоименій), напр. «увѣдаша, князь идетъ» вмѣсто «яко
идеть»; «виждѣ, уже избобалъ есть въдро сочива» вм. «яко избобалъ есть».
Для объединенія такихъ не связанныхъ предложеній и употреблялись при-
частія въ качествѣ вторыхъ надежен: «увѣдаша князя *идуца*», «виждѣ
и *изобавшиа*».

*) Ср. выше I, 114 и дал. II, 507—509. И. Б.

10) Причастія вспомогат. глагола, присоединяющія второй именительный или второй косвенный падежъ къ личному глаголу составного сказуемаго, называются *второстепенными* *связками*: «кѣто убо мынить ти сѧ сѧ близыни»; «кого (1-й в.) глаголють сына (2-й в.) человекска сѧца».

Второстепенныя
связки: а) причл..
б) веопредѣлен.
наклоненіе.

119

Вмѣсто причастія второстепенною связкою въ этихъ случаяхъ можетъ быть и неопред. накл.: кѣто... близыни (2-й им.) мынить ти сѧ быти; кого (2-й вш.) глаголють мѧ (1-й в.) быти*).

11) *Обстоятельствами* бываютъ только нарѣчія, косвенные же падежи именъ обстоятельствами не бываютъ, и вообще обстоятельствами не бываютъ ни существительное, ни прилагательное, ни глаголѣ. «Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ, говоритъ Потебня, разумеѣмъ мы *признакъ* (стало быть *знаменательную* часть рѣчи), *связуемый съ другимъ признакомъ* даннымъ (въ именахъ) или возникающимъ (въ глаголахъ) и лишь черезъ его посредство (т. е. черезъ посредство *другою* признака) относимый къ предмету (субъекту и объекту), а самъ по себѣ не имѣющій съ нимъ (т. е. съ предметомъ) никакой связи**).

Обстоятельства
или нарѣчія.

Изъ такого опредѣленія нарѣчія, какъ обстоитъ слова, вытекаетъ слѣдующее:

1) Нарѣчіе при прилагательномъ можетъ быть названо *несогласуемымъ* атрибутомъ атрибута, въ отличіе отъ атрибута согласуемаго, такъ какъ въ древнемъ языкѣ вмѣсто нарѣчія могло употребиться при прилагат-мъ и прилаг-ое: «ищу грамоту... *добръ* здоровъ», т. е. *совершенно* здоровъ;

2) при сущ-мъ въ современномъ яз. обстоятельства не могутъ быть, потому что нарѣчіе есть признакъ *признака*, сущ-ое же не есть признакъ, и *носитель* признака, поэтому нельзя сказать: «снѣгъ *было*», хотя въ старш. яз., при отсутствіи строгаго различія между сущ-мъ и прилаг-мъ, иногда и встрѣчается нарѣчіе при сущ-мъ: «люди хрестьяны *зло*»; «научися быти *благочестно* дѣлатель»;

3) такъ какъ при *неопред. наклоненіи* можетъ стоять обстоятель-

*) Эти второстепенныя связки пужно отличать отъ связокъ аппозитивныхъ (см. выше I, 114), такъ какъ аппозитивныя связки связываютъ *приложение* съ своимъ *опредѣляемымъ*, второстепенныя же связки присоединяютъ къ сказуемому *вторые предикативныя* падежи. — Ср. дал. II, 382—383. *И. Б.*

**) Поясимъ отъ себѣ это опредѣленіе на примѣрѣ «*Н очень* добръ». Нарѣчіе «очень», какъ признакъ, само по себѣ не имѣетъ никакой связи съ субъектомъ «*Н*», но оно связывается съ признакомъ прилагательнаго «добръ» (*очень* добръ); а такъ какъ прил. «добръ» составляетъ признакъ субъекта «*Н*», то и «очень» вмѣстѣ съ прил-мъ составляетъ признакъ субъекта «*Н*». *И. Б.*

ство (мысль *было*), то, значить неопред. наклоненіе нельзя считать именною формою *).

Виды нарѣчій.

Нарѣчія по происхожденію своему бываютъ 1) *отыменныя* и 2) *образованныя изъ сказуемаго*, какъ напр. *чуть живъ*:

121

Отыменныя на-
рѣчій. Отыменныя проходятъ а) отъ согласуемыхъ частей предложенія и б) несогласуемыхъ (дополненій).

а) Отъ *согласуемыхъ* проходятъ α) *двѣ причастія*, которыя есть не что иное, какъ *имен. п.* (а не *вин.*) муж. или ж. р. причастія: *дѣлая*, *сдѣлавъ* (муж. р.), *сдѣлавши* (ж. р.); β) *срав. степ.* отъ прилаг-хъ: *бѣлье* и γ) *полож. ст.*: *много*, *мало*, которыя Боппъ, Вуел. и Микл. (Гр. IV, 393—4) производятъ однако отъ *вин.*, видя въ этихъ нарѣчійхъ слѣды *объекта*, чего Потебня не желаетъ видѣть **: «*право* судить еси», по мнѣнію Потебни, равно не «*правое* (вин. п.) судить еси», а «*правъ* судить еси», при чемъ переходъ прилаг-го «*правъ*» въ *сред. р.* Потебня признаетъ средствомъ *устранить согласованіе* (котораго въ нарѣчійхъ не должно быть), а не *субстантивировать прилагат-ое* ***). Въ нарѣчійхъ же «*какъ*», *такъ», *малорус.* «*горазд*» (вм. *гораздо*) Потебня готовъ видѣть *окаменѣлость* въ *именительномъ пад.* даже *муж. рода*.

122

б) Какъ нарѣчія отъ согласуемыхъ словъ теряютъ согласованіе, такъ *нарѣчія отъ дополнительныхъ словъ* теряютъ свою *субстанціальность*, а вмѣстѣ съ нею и способность *управленія*, что различается, впрочемъ, *только по контексту* ****), пока нарѣчіе не достигло еще *окаменѣлости*. Напр. *я утра* можетъ быть, судя по пониманію говорящаго, и *сущ-мъ*, и *нарѣчіемъ*, но *завтра*, въ коемъ разорвана уже видимая связь съ *склоненіемъ сущ-го «утро»*, ирришается только за нарѣчіе (Микл. Гр. IV, 151—2). — Большинство *древнѣйшихъ нарѣчій*—*мѣстоименныя*.

Предлогъ какъ
связки объекта,
и образованіе
предлоговъ изъ
нарѣчій.

12) *Предлоги*. Когда дополненія переходятъ въ нарѣчіе, (напр. «*копнѣ приломити конецъ поля половецкаго*»), тогда они, если до превращенія въ нарѣчіе имѣли дополненіе, являются *связкою* своего прежняго дополненія съ дополняемымъ словомъ, вслѣдствіе чего послѣ такихъ нарѣчій и стоитъ

*) Другія доказательства глагольности, а не субстантивности неопред. наклоненія, приведены у Потебни во II ч, стр. 342—360. И. Б.

***) Однако Потебня признаетъ образованіе нарѣчій *изъ дополненій*, слѣдовательно и изъ *вин. п.* Ср. далѣе стр. 123, 170: «*конецъ поля полов.*». Въ III томѣ Потебня совсѣмъ уже отказывается отъ своего мнѣнія, что нарѣчія не образуются отъ *вин. п.* (III, 64). И. Б.

****) Ср. выше стр. 110. И. Б.

*****) Значить, иногда различеніе зависитъ отъ *субъективного* пониманія, а не на основаніи положительныхъ грамматическихъ данныхъ? И. Б.

р. и. и., какъ послѣ именъ существительныхъ; когда же такіа нарѣчія теряютъ свое *вещественное* значеніе и дѣлаются неспособными употребиться безъ слѣдующаго за ними падежа, напр. *межь, между*, тогда они становятся *чистыми связками* объекта или *предлогами*. Можно думать, что и древнѣйшіе предлоги произошли такимъ же образомъ отъ *мѣстоименныхъ нарѣчій*. Высшая степень *формальности* предлоговъ обнаруживается въ томъ, что они перестаютъ чувствоваться, какъ *отдѣльныя слова*, и становятся *префиксами* (рѣже суфф.) *падежа* и *глагола*, хотя первоначально и ставились при глаголахъ отдѣльно, какъ самостоят. слова (Ср. напр. у Гомера); «*переходить*», «*объ-ходить*» сначала сходны были съ «*ходить черезъ, — около*».

13) Этимъ заканчивается у Потебни обзоръ формъ, составляющихъ простое предложеніе. Что же касается *относительныхъ мѣстоименій* и *союзныхъ*, то разсмотрѣніе ихъ относится къ учению о сложныхъ предложеніяхъ.

Часть II.

Составные члены предложенія и ихъ замѣны.

Прежде созданное въ языкѣ отчасти *перестраивается* заново, отчасти же *измѣняетъ* свой видъ и значеніе въ цѣломъ отъ присутствія новаго. Явленія эти принадлежатъ къ *древнѣйшимъ* и *разнохарактернымъ* наслоеніямъ.

Древнѣйшее изъ нихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ вторыхъ именительныхъ падежей и изъ вторыхъ, такъ наз. предикативныхъ косвенныхъ падежей: вин-го, род-го, дат-го. Общая черта этого наслоенія есть 1) недостаточное синтактическое различіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и 2) господство началъ *согласованія*, проявляющееся въ *однородности* членовъ предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ яз. Напр. избранный Кира *царя* (древн.) вм. «*царемъ*» (поздн.). — *Позднѣйшее* же наслоеніе характеризуютъ слѣдующія явленія:

- а) сліянiе составного сказуемаго въ *цѣльное*,
- б) стремленіе языка образовать *чисто формальныя* глаголы,
- в) разложеніе составного сказуемаго на связуемое съ придаточнымъ предложеніемъ.
- г) замѣна вторыхъ предикативныхъ падежей *а) несклоняемыми* сло-

вами (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣпричастіемъ), или 3) падежами съ предлогомъ, или 4) творительнымъ падежомъ, и д) некоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Общее во всѣхъ этихъ явленіяхъ позднѣйшаго наслоенія есть стремленіе къ дифференцірованію членовъ предложенія, въ противоположность наслоенію древнѣйшему, въ которомъ господствуетъ однородность *).

Составное сказуемое и составное приложение.

Глаголы, входящіе въ составное сказуемое.

Кромѣ глагола *быть* Потебня отмѣчаетъ и многіе другіе глаголы, входившіе въ составъ сказуемаго старо-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій: 1) *мысльтися, творитися, повѣствоватися, явитися, довольтися, съжалитися, убоятися, кончатися, прѣбытися, прѣстатися, стати и стоятися, състися и съдѣтися, лежатися, вестися*; 2) страд. обороты: *назвавъ бысть, веденъ бысть* и др. Однако указать общую примѣту глаголовъ, входящихъ въ составное сказуемое, находить онъ очень труднымъ. Ихъ нельзя назвать ни средними, ни возвратными, ни страдательными, потому что далеко не всѣ глаголы этихъ категорій входятъ въ составное сказуемое; «безплодно» характеризовать ихъ и признакомъ *отвлеченности* (абстрактности), потому что подъ этотъ признакъ до некоторой степени можетъ быть отнесенъ только глаголъ *быть* (іес, бы, бѣде), который, однако, въ древности имѣетъ большое сходство съ остальными глаголами, входящими въ составное сказуемое, при чемъ только іес означаетъ *существованіе, бытіе*, какъ признакъ отвлеченный, а *бы* и *бѣде* долго оставались съ конкретными значеніями «возникнуть, стать, создаться, построиться, случиться, превратиться, пребывать, совершиться, сбудется (см. Остр. Б., Лавр., Супр. рук.); по позднѣе *бы* и *бѣде* слились по значенію съ глаголомъ іес, въ смыслѣ *бытія* (абстр.).

Причастія, прилагательныя и существительныя входящія въ составное сказуемое.

Причастія, прилаг. и сущ., входящія въ составное сказуемое, хотя въ древнѣйшую эпоху почти не отличались въ функціяхъ своихъ, но зародыши различія между ними лежатъ уже въ древнемъ языкѣ, поэтому удобнѣе разсматривать ихъ отдѣльно.

*) Въ виду важности этого мѣста, характеризующаго древнѣйшій и позднѣйшій языкъ и намѣчающаго какъ бы программу дальнѣйшаго изслѣдованія, я счелъ необходимымъ, для большей ясности и точности, разбить здѣсь основныя положенія на отдѣльные пункты и тѣмъ указать каждому изъ нихъ свое мѣсто въ системѣ изслѣдованія Потебни. И. Б.

Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ (кромѣ *лъ*) съ *есемь* и *пр.*

1) *Прич. наст. дѣйств.* съ *есемь*, *буди*, *буду*, *быхъ*, *быхъ*, *быхъ*;—напр. «*есемь алычъ... есемь десятииъ дайъ*» (Остр. Ев.) вм. греч. *υψηλοῦ, ἀποδεχτῶ* и равняются «я—*посланикъ*», «я—*плательщикъ десятины*»; «*еуть давъ дающе*» (Лавр.)=*еуть даники*;—«*чающе есмы*» (Инат.)=*постоянно надѣмся*; *буди уповая*, ^{129—131} *будеши лова*, *бысть крести*, *бысть видя*, *бъ яды*, *бъ обладая*, *быхъ едѣюще*, *быхъ восхитая* и проч. во множествѣ. Случаи опущенія глагола существительнаго при *настоящемъ* причастіи чрезвычайно рѣдки и то сомнительны.

2) *Причастіе прош.* на *—ъ*, *—въ* съ *есемь* и *проч.* Сочетанія «*есемь*» съ этимъ прошедшимъ причастіемъ въ Остр. Ев. не встрѣчаются, а въ другихъ церк.-слав. и др.-рус. памятникахъ рѣдки: Хрѣъ *бывъ есть* (Шестод.); *покаявшися* *будемъ* (Лавр.); *быхъ ельзихе* (Новг. I.), между тѣмъ сочетанія прич. прошед. съ *другими* глаг. (кромѣ *ес*, *бы*, *буде*) въ старш. яз. перѣдки: «*мннться слышавъ*».

Совершенною противоположностью съ этимъ представляеть сочетаніе другого причастія прои. вр. на *лъ*: оно въ сочетаніи съ *ес*, *бы* въ славянскихъ языкахъ очень распространено, а съ другими глаголами почти не встрѣчается, такъ что выраженіе: «*мннться слышавъ*» скорѣе можно считать за два сказуемыхъ: *мннться слышавъ есть*. Отсюда выводъ: яз. славянскіе стремились избавиться отъ *излишнихъ* двухъ сходныхъ прич. прошед. дѣйствительныхъ, на *ъ* и *лъ* и пользовались въ извѣстныхъ случаяхъ однимъ, а въ извѣстныхъ— другимъ, давъ каждому изъ нихъ свое назначеніе, а именно: прич. на *ъ*, *въ* сочетались съ менѣе формальными глаголами, а прич. на *лъ* съ гл. *ес*, *бы*, какъ болѣе формальными.

3) Сочетаніе съ *ес*, *бы*... причастій наст. и прои. на *ъ* и *въ* не есть подражаніе древ. греческому; оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ст.-чеш., ст.-польск., ст.-серб.—Съ появленіемъ *дѣепричастій*, эти причастія стали переходить въ дѣепр.: «а вы есте *прѣхавъ*... приканчивайте» миръ (Шер. I, 249); въ соврем. великор.: «онъ *принедши*, *проснувшисъ*» и т. д.

Такія же сочетанія прич. прошедшихъ дѣйствительныхъ бывають и въ *литов.*, и въ *лотыш.*, языкахъ, при чемъ въ лотыш. выражаютъ они видъ *соверш.* въ рус. же видъ безразличенъ.—Въ нѣмец. яз. сочетаніе *haben* и *sein* съ прич. наст. вр. дѣйств. з. близко къ славянскимъ, а съ прич. *прошед.*—очень далеко, при чемъ причастія прошед. дѣйств. съ *glan. sein* и сходныя съ прошедшими славянскими исчезли съ незапамятныхъ временъ.

127 Отличительныя особенности сочетаній причаст. дѣйств. з. наст. и прош. вр. съ гесмъ по сравненію съ простыми формами.

128

4) *Какими же особенностями отличаются сочетанія прич. дѣйств., наст. и прош. (з. гв) съ гесмъ... по сравненію съ простыми глаг. соответственныхъ временъ?* Вопреки Гримму, Потебня отрицаетъ отношеніе этихъ сочетаній къ греческой аорстичности и имперфектности пачи, вообще, къ русскому виду: видъ зависить не отъ сложности формы, а отъ свойства времени личнаго глагола, входящаго въ составную форму. Въ выраженіяхъ: «*суть дань дающе*» и «они—данники», «*быша работающе*» и «были рабами» и т. п., по мнѣнію Потебни, составныя съ причастіемъ формы «занимаютъ середину между вторыми выраженіями («они—данники», «были рабами») и простыми глаголами» (дань *даютъ*, *работовали*), а именно: причастіе изображаетъ, какъ и имя, признакъ *данный* (готовый), но въ то же время сохраняется въ немъ память и о *возникновеніи* признака отъ усилій лица въ известное время. Напр. въ выраженіи: «они краснобаи» заключается *данный* признакъ безъ ограниченія *временными* предѣлами (и прежде и теперь краснобаи), а въ выраж.: «*суть хитро сказующе*» тотъ же признакъ приписывается только, какъ «*современный* (настоящій) по отношенію ко времени глагола *суть*». А такъ какъ время это *измѣнчиво* (суть, быша, бѣхууть, будутъ), то признакъ настоящего причастія, соединяющагося съ глаголами, можетъ получить значеніе *постоянства*; такъ, «будеши стена» = *будеши постоянно* стена. При чемъ, если при изображеніи *двухъ* событій, первое означено аористомъ съ прич. наст., а второе—*проходящимъ*, то такое неравенство *временъ* бываетъ незамѣтно: «Адамъ же и Ева *плачущащася быста*, и диаволь *радовашеся*» (Лавр.), т. е., «диаволь *радовался все то вр.*, какъ они плакали». Разница тутъ не въ длительности времени, а въ *степени свойственности* признака подлежащему: степень свойственности признака въ глаголѣ *съ прич.* больше, чѣмъ въ простомъ глаголѣ *).

129

Признакъ прич. *прошедшаго* въ подобныхъ сочетаніяхъ разсматривается тоже, какъ *данный*, возникшій *раньше* времени личнаго гл. «есть»: такъ, въ формѣ *jest služiv* дѣйствіе, заключенное въ прич. «*služiv*» является «*лишь воспоминаніемъ*» по отношенію ко времени глаг. *jest*, а «объективная дѣйствительность» (сама служба) доходить только до момента, выраженаго личнымъ глаголомъ, и затѣмъ прекращается.

Различіе между простыми глаголами и соединениями вспомогат. глагола съ причастіями состоитъ въ томъ, что въ простомъ глаголѣ *одинъ* актъ мысли, а въ соединеніи съ прич.—*два*, и потому чувствуется нѣкоторая

*) Т. е., признакъ причастія ближе къ признаку *существительнаго*: плачь Ад. и Е. быть постоянный, непрерывный и, слѣд., какъ бы *данный*, а не *возникшій*, какъ это проявляется въ глаголѣ «радоваться». И. Б.

Двойственность; напр. «есть судя», при чемъ двойственность эта еще болѣе увеличивается, когда глаголь и прич. стоять въ *разныхъ* временахъ, несо-
вѣстныхъ въ одномъ движеніи мысли: «*бяху лежаще* кости его».

Всѣ подобныя сочетанія причастій (кромѣ *лз*) суть состав. Сочетаніе дѣй-
сказ., а не описат. времена, какъ считаетъ Бусл., потому что ствѣн. причастій
описательною формою выражается *одинъ* моментъ мысли (какъ наст. и прошл.
напр. въ сочетаніяхъ съ прич. *лз*), и въ этомъ отношеніи (кромѣ *лз*) не
она равна простой формѣ, выраженія же: «есть судя» и т. н. суть *описат.*
никогда не были *одною* формою спряж., но всегда представлялись сознанию формы, а состав-
сочетаніемъ *двухъ* формъ, что очевидно 1) изъ того, что причастія въ этихъ ное сказуемое.
случаяхъ бывають и *членныя*, а членность *удаляетъ* причастіе отъ глагола
и увеличиваетъ *именной* характеръ: «не съ ли есть *сидѣи* (*ὁ καθήμενος*)
и просѣ». 2) Если два слова сливаются для говорящаго въ одну форму,
какъ въ сочетаніяхъ прич.—*лз* со вспомогаг. глаголомъ, то ни одна изъ
составныхъ частей *отдѣльно отъ другой* не можетъ ни привлекать къ себѣ
словъ, ни подвергаться функциональнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ при при-
частіи составнаго сказуемаго могутъ стоять нарѣчія, какъ и при именахъ
прилагательныхъ: «бѣ *вельми немоща*», а самыя причастія переходятъ иногда
въ *двѣнчастія* (они были *вставни*), чего не можетъ быть въ описател-
тельныхъ формахъ, представляющихъ одинъ актъ мысли.

Причастіе страдательное съ *есмь* и пр.

1) Исторіи слав. языка извѣстны два способа выраже- Двоюкое выра-
нія страд. з.: 1) при помощи возвр. м. *см* и 2) посредствомъ женеіе страд. з.
сочетанія страдательныхъ причастій наст. и прошл. вр. съ глаголами: *есмь*,
быхъ... бываю, гавляюся и пр., при чемъ всякое сочетаніе съ причасті-
емъ выражаетъ явленіе изъ *двухъ* событій: одного, означенаго глаголомъ,
и другого— причастіемъ.

Прич. наст. страд. означаетъ дѣйствіе; протеходящее Страдательное
одновременно съ тѣмъ, которое означено глаголомъ вспомо- причастіе наст.
гательнымъ, при чемъ признакъ, заключающійся въ прич., не вр. и его значе-
только «занимаетъ все пространство настоящаго вр., обозначенаго глаго-
ломъ», но и «выходитъ за предѣлы этого вр. въ *прошедшее*» *). Что же
касается *длительности* и *многократности*, которыя приписываетъ Шлей-
херъ этому причастію, то отгѣнокъ длительности и многократности вовсе

) Поэтому, въ выраженіи: «есть любимъ» признакъ причастія существу-
етъ не только теперь, но былъ и передъ тѣмъ, вслѣдствіе чего признакъ при-
частія наст. страдательнаго пріобрѣтасть нѣкоторое *постоянство*, приближаю-
щееся къ *именнымъ* признакамъ, *даннымъ*, *готовымъ*, какъ и въ причастіяхъ
дѣйствительнаго залога (Срав. выше стр. 138, 139). И. Б.

не заключается въ наст. вр. или страдательности причастія, а зависитъ *отъ темы болѣе длительного глагола*, отъ котораго образовано причастіе или съ которымъ соетается причастіе; напр. «*сказано есть*»; «*видимо бываетъ*» означаютъ длительность и многократность, но въ «*видимо есть*» длительности и повторяемости нѣтъ.

143 **Страдат. прич.** *прошед. и значеніе его.* **Прич. прошед. страд.**, при сочетаніи съ вспомог. глаг., означаетъ дѣйствіе, возникшее *въ прошедшемъ* и продолжающееся въ настоящемъ: «*писано есть*» (какъ и «*естъ сѣдизъ*») = «*оно теперь есть бывшее писаннымъ*» *); при чемъ совершенность или несовершенность видовъ присоединились къ причастію уже впоследствии, а не первоначально.

Сочетаніе страд. прич. съ глагол. по есть одна ф. Оба страд. прич., подобно дѣйствительнымъ, при сочетаніи съ вспомогат. глаг., различаютъ изображеніе *двухъ бытій и двухъ временъ* и потому, въ качествѣ сказуемаго, не могутъ считаться *одною* (описательною) формою.

144 **Особенности этихъ прич. въ соврем. рус. яз.** Въ *современ. рус. яз.* оба эти прич. удержались съ указаннымъ ихъ значеніемъ, и только для вида совершеннаго употребляется исключительно проиш. причастіе, такъ какъ глаголы вида совершенно не имѣютъ *настоящихъ* причастій; въ соответствии этому, и для вида несовершеннаго проиш. времени стали преимущественно употребляться причастія *настоящія* вм. прошедшихъ: *быль* укоряемъ, а не *укорянъ*, *упрекаемъ*, а не *упреканъ* и т. д. Такое устраненіе различія *во времени* между прич. и глаг. можетъ повести къ сліянію сочетанія страдательныхъ прич. съ глаг. въ *одну форму*, какъ это и произошло съ прич. на *лз.*

145 **Степень предикативности причастій страд.** 2) Прич. *страд.* съ давнихъ поръ болѣе близки къ прилагательнымъ и тѣмъ самымъ менѣе предикативны, тѣмъ дѣйств. прич. наст. и проиш. на *з, вг.* Убѣдиться въ этомъ можно, если сравнимъ причастія и имена въ роли аннозціи, которая, какъ извѣстно, стоитъ на переходѣ отъ атрибута къ предикату (Ср. выше стр. 104).

146 **Прич. страд. въ сопоставленіи съ дѣйствительными и съ именами** Дѣйств. прич. *безчленные* настолько предикативны, что вовсе не употребляются въ качествѣ атрибута, а какъ аннозціи, они не нуждаются въ помощи причастія вспомогат. глагола; напр. говорится «*въставъ и рече*» и никогда не употребляется *въставъ сѣи и рече*; безъ причастія вспомогательнаго глагола обходятся они, какъ извѣстно, и въ дат. самост. надежѣ. Между тѣмъ *безчленные прич.* въ славянскихъ языкахъ несли могли быть атрибутами, что и теперь наблюдается въ народной поэзіи, а для того, чтобы стать приложениемъ, безчленные прилаг., какъ и существ., обыкновенно нуждаются въ помощи вспомогательнаго причастія и безъ него встрѣчаются *очень рѣдко*

*) Т. е., написанное прежде есть и теперь, какъ призвакъ данный. И. Б.

даже въ старш. яз., какъ напр.: «Всеволодъ, *благовѣрънъ* и *болобоязливъ* (безъ «сы»), не хотяше»; рѣдко также встрѣчаются имена прилаг. безъ прич. вспомогательнаго и въ дательн. самост. падежѣ: «въ то же время, черниговскому князю *немирну* (безъ «сущу»), воеваше Олегъ»... Лавр. Такимъ обр. ясно, что безыменные имена прилаг. въ роли аппозиціи менѣе предикативны, чѣмъ причастія дѣйствительнаго залога.

Причастія *страд.* въ роли аппозиціи занимаютъ средину между прилагательными и дѣйств. причастіями: подобно прич. дѣйствительнымъ, они въ безыменной формѣ *безъ* вспомогат. причастія обычны, какъ аппозиціи: «гонимъ терни», «хулимъ моли», Лавр. Такъ и въ дат. самост.: «бысть радость велика по всѣмъ землямъ тѣмъ *свобоженнымъ имъ* отъ поганыхъ» Лавр. Такъ же употреблялись страдат. прич. и въ стихотв. рѣчи XVIII и XIX вв., въ *прозѣ* же теперь причастія страд. аппозитивныя употребляются *только членныя*. Съ др. стор., подобно сущ. и прилагат., прич. страд., какъ аппозиціи, могутъ сочетаться и съ вспомогат. прич.: въ старш. яз., а въ позднѣйшемъ—съ дѣеприч.: «прославлени *бывше* (=позднѣйш.: *бывъ* прославлены»), не прославихомъ» Лавр. Тоже и въ дательн. самост.: «обрученъ бо *бывшии*... обрѣтеся имъши въ чревѣ отъ даха свѣта» Остр. В. Однако, безъ вспомогательныхъ прич. *сгѣ* и *бывъ* страдательныя причастія не могутъ выразить тѣхъ *четырехъ* аппозитивныхъ отгѣнковъ, какіе выражаются ими съ этими вспомогательными причастіями *): 1) любимъ *сгѣ*, 2) любимъ *бывъ*, 3) изгнанъ *сгѣ* и 4) изгнанъ *бывъ*. Имя же (какъ *не отличающее время*) въ такихъ сочетаніяхъ съ *сгѣ* и *бывъ* даетъ (и можетъ давать) только два аппозитивныя значенія: 1) добль *сгѣ* и 2) добль *бывъ*, чѣмъ и отличается, между прочимъ, имя отъ причастій страдательныхъ.

Несмотря на болѣшую свою аппозитивность, по сравненію съ именами, прич. страдательныя *безъ* личнаго глагола (вспомог.) не бывають однако сказуемыми придаточныхъ предложений, связанныхъ съ главнымъ посредствомъ *относительныхъ* словъ, и лишь съ *сравн.* частицей (агы, яко) употребляются въ качествѣ сказуемаго, подобно и именамъ: «сѣворипся *аки* боденъ»**). Между тѣмъ прич. дѣйств. и безъ вспомогат. глагола употребляются въ *прѣд.* предложенияхъ, какъ сказуемое, напр.: «не бысть, кто *донеса*»***). Отсюда ясно, что въ *дѣйствительныхъ* причастіяхъ есть

Выводъ отсюда о причастіяхъ страдательныхъ—ихъ меньшая предикат-сть и несогласность съ описательными формами,

*) Не могутъ потому, что 1) прич. *паст.* безъ *бывъ* не въ состояніи выразить отгѣнка *прош.* врем., 2) прич. же *прош.* безъ *сгѣ* не въ состояніи выразить отгѣнка *паст.* времени. И. Б.

***) Справ. далѣе II. 215. И. Б.

****) Справ. далѣе II. 185—187, 205 и слѣд. И. Б.

147

149

149

самостоятельная предикативность, а въ страдательныхъ замѣчается «лишь способность сочетаться съ предикативн. причастіями вспомогательнаго глагола», и, слѣд., страд. прич. менѣ предикативны, чѣмъ дѣйствительныя.

Отсюда выводъ: если дѣйств. прич. съ вспомогат. глаг. (есть *сѣдѣ*) не есть одна описат. форма (срав. выше стр. 139, 140), то тѣмъ болѣе страд. прич. съ вспомог. глаголомъ есть *двѣ* формы (ср. стр. 143); современ.: «онъ *любимъ*» въ граммат. отношеніи, конечно, ближе къ прилагательному «онъ *правъ*», чѣмъ къ описательной формѣ «онъ *любимъ*».

Сочетаніе именъ съ *іесмь*, *бѣхъ*... въ древ. яз.

1) Въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ предикативное *прилагательное* при *іесмь* болѣею частію стоитъ въ им. п. въ *безчленной* формѣ, какъ и въ соврем. рус. яз.: «сѣби *бѣдѣть*», а для выраженія отгѣнка, отчасти передаваемого современнымъ творительнымъ (будуть *сѣпыми*), употреблялось прилаг. *членное*: «да *бѣдѣть сѣпни*», при чемъ членность сближала предикативное прилагательное съ существительнымъ *сѣпни*: *сѣпни+и=тѣ*, которые *сѣпны* (*сѣпныи*). Въ *сравн.* степ. предикативное прилагательное въ ц.-сл. и др.-рус. яз. оставалось прилагательнымъ, т. е., согласовалось съ существительнымъ, тогда какъ позднѣе и теперь въ великорус. говорахъ, по правилу, здѣсь только нарѣчіе: «ида ты *болши* (болѣе) еси отца нашего *Іакова*».

2) *Сущ.* въ древ. яз. ставилось въ этихъ случаяхъ *только въ им. п.*, какъ и слѣдуетъ быть состав. сказуемому и приложенію (ср. стр. 106), въ позднѣйшемъ же — какъ въ им., такъ и въ тв. пад.: «Богъ ти буди *послухъ*» Лавр.

Сочетаніе прич. (кромѣ *лз*) съ глаг. (кромѣ *іес*, *бы*).

Переходные глаголы, сочетающихся съ предикативнымъ причастіемъ.

1) Помимо *іес*, *бы*, въ стар. рус. яз., въ соответствіе греч. причастію или неопред. наклоненію, ставилось предикативное причастіе при слѣд. глаголахъ съ *непереходнымъ значеніемъ*: *мыштити(сѣ)*, *явитися* (показаться), *творитися* (= *притворятися*, показывать видъ), *новѣдати*, *довѣдѣти*, *каятися* (раскапваться, сожалѣть), *жалѣти*, *сѣжалитися*, *радоватися*, *не убоятися*, *моудити*, *прѣбывати*, *прѣстати* (въ болѣе поздн. яз. съ дѣеприч. ви. неопред. наклон.), *остати(сѣ)*, *скопчати*, *сѣвершити*, *пріити* (пріиде видѣ), *възвратитися*, *стати* (ста *рака не поступающи* = остановилась, не двигаясь впередъ, *сѣсти* (внѣжа = княжить Лавр. Ппат.), *лежати*, *вестися*, *поѣхати*, *ходити*. Напр. «*мыняхъ духъ видѣще*» Остр. Е. = думали, *что видятъ*; «*мнимся Бога любяще*» Лавр. «*Александръ Романовичема не престаяшесть хотя зла*» Ппат. «*Митрополитъ поѣха изо Искова одаренъ*» Иск. I. При этомъ прич.

страд. въ силу меньшей предикативности, сочетаются не со всеми этими глаголами, но а) съ *мынитися*, *явитися*, *творишися*, *повѣдаться*, б) *пробыти* и т. п., в) *ити* и проч. глаголами *вещественнаго движенія*. Менѣе употребительны страд. прич. при глаголахъ аффекта (радоватися) и при *перестать*, *сзвершиться*.—Въ новыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ вм. этихъ причастій ставятся или а) развитое придат. предл., или б) неопред. наклон., или в) прич. въ твор. п. и г) дѣепричастіе, т. е., замѣчается разнообразіе формъ.

Замѣны этихъ причастій въ со-времен. русск. языкѣ,

2. Подобныя же сочетанія причастій находятся въ старинныхъ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. 157

3. Въ литов. яз. и донынѣ обычны подобныя причастныя сочетанія. 158

4. Въ латышскомъ—то же, за исключеніемъ причастія *будущаго*. 157 159

5. *Русское дѣепр.*, предвлагающее им. п., возника-
етъ въ великорусскихъ говорахъ 1) или изъ причастій, вхо-
дящихъ въ составное сказуемое съ *іес*, *бы* и съ глаголами
пробыванія (изъ предикативнаго причастія съ другими глаголами не выхо-
дить), или 2) изъ причастія анвозитивнаго (стр. 104)*), или 3), наконецъ,
изъ причастія въ именит. самостоятельномъ**), напр. «онъ *былъ вставши*»
(изъ предикатив. прич.) и «онъ, *вставши*, *сказалъ*» (изъ анпозит. прич.).
Поэтому изъ стариннаго *предикативнаго* причастія *идя* при глаг. «*твори-*
тисся» (твориться *идя*=притворяется *идуцима*) не можетъ выйти дѣепри-
частія, но дѣепричастіе выйдетъ изъ причастія *анпозитивнаго*: «онъ *идя*
притворяется». Разница между предикативнымъ и анпозитивнымъ оборотомъ
въ слѣд.: признакъ стариннаго предикативнаго причастія «*идя*» пред-
ставляется возникающимъ только *въ силу энергіи глагола «твориться»* и по-
тому несамостоятеленъ, въ анпозитивномъ же причастіи: «*идя притворяется*»
содержаніе дѣепричастія не возникаетъ вмѣстѣ съ глаголомъ, а только со-
проводждаетъ дѣйствіе его (=онъ *находу* притворяется) и потому болѣе
самостоятельно. Такимъ обр., върусскіе говоры, допускающіе такіе обороты,
какъ «онъ *былъ выпивши*», и не допускающіе оборотовъ «онъ *притво-*
рился выпивши» въ смыслѣ «выпившимъ», съ одной стороны проводятъ
грань между наиболѣе формальными глаголами *есть*, *былъ*, *будетъ* (стать,
станеть) и всеми остальными переходными, входящими въ состав. сказуе-
мое, а съ другой—указываютъ на стремленіе дѣепричастія выдѣлиться изъ
составнаго сказуемаго и стать совершенно самостоятельнымъ по отноше-

Обращеніе пре-
дикативныхъ и
анпозитивныхъ
причастій въ
дѣепричастіе

160

*) Всегда при томъ же подлежащемъ, что и при личномъ глаголѣ, за исключеніемъ именительнаго самостоятельнаго (II, 194). *И. Б.*

**) О дѣепричастіяхъ изъ причастій въ именит. самостоятельномъ у Потебни говорится далѣе II, 198, 199. *И. Б.*

нью къ сказуемому, что и достигается въ современномъ литерат. языкѣ, въ которомъ выраженія, какъ «быль виновни», не обычны и лишь только терпимы, какъ слѣды стариннаго предикативнаго причастія.

Дѣврич. при «здорово» въ мѣсто «будь здоровъ». 6. Требуяють особаго объясненія дѣвричастія въ подобныхъ оборотахъ: „здорово *женившисѣ*“, „здорово *разговѣшисѣ*“. — По аналогіи съ литовскимъ, эти выраженія преяде всего = здоровъ женившисѣ, разговѣшисѣ; во вторыхъ, здѣсь, въ сомнѣніи, опущенъ глаг. *іеси* или *будь*, такъ что дѣвр. великор. образовалось изъ предикат. причастія, стоящаго при глаг. вспом. съ им. прилагательнымъ: *будь здорово*. По аналогіи съ этимъ выраж. образовался не изъ именит., впрочемъ, а винительнаго причастія у Котом.: „*боярѣ... царя и царевну поздравляють обручився... вѣнчався... сочетався*.“

Характерный признак. вспомог. глагола — отсутствие при нихъ прямого объекта.

7. Въ вышеприведенные глаголы (стр. 151—154), сочетающиеся съ предикативнымъ прич., *не допускають прямо* объекта (вин. п.) и не имѣють вовсе дополненія, такъ что въ выраж.: „*коньчаша церковь винуще*“ вин. п. церковь есть дополн. причастія, а не глагола „*коньчаша*“, который *здесь субъективенъ*, а не объективенъ, т. е., не принимаетъ вин. объекта.*) Что же касается возвратныхъ гл. на *ся*, то въ нихъ *ся* давно потеряло свое падежное значеніе вин. надежа (объекта) и стало знакомъ медальности и пассивности глагола, а потому и причастіе въ сочетаніи съ этими глаг. (твориться *ида*) согласуется *съ подлежащ.*, т. е., ставится въ *им.*, а не *вин. п.*, при чемъ, по мнѣнію Потебни, *нѣтъ нужды* предполагать въ отдаленное вр. первенство *второго винительнаго*, такъ какъ первообразомъ могъ служить второй *им.*: „*твориться ида*“ (соглас. *съ подлежащ.*), а не *твориться идуца* (соглас. съ объектомъ).

Сочетаніе прилагател. въ им. (второмъ) съ глаг-ми, кромѣ *іесмь*.

1. а) при глаголахъ *твориться, познатися, видѣтися, слышатися, мнѣнятся, явитися*, и т. п. и при соответствующихъ страдательныхъ оборотахъ. Напр. *Цыцлавъ... не творится правъ* (а не *права*) *Шнат.*;

б) при *наречися, прозватися, именоватися, слухи, сказатися* и соответствующихъ страдательныхъ: „*отголѣ прозвася земля Уюрьска*“ *Лавр.*;

в) при *fieri, manere* и страдательныхъ оборотахъ отъ глаголовъ, требующихъ *второю вин.*: „*прѣбысть алченъ и жадець*“ *Лавр.* — „*Адамъ бо изгвѣ създанъ бысть, потомъ Евга*“ *Супр. р.*;

г) при глаголахъ *вещественнаю движенія и покоя: стати, стояти, лежати, падати, поклонитися, вымѣти, ити*: „*добри, гостѣе, придоша*“ (сост. сказ.) *Лавр.*;

*) *Коньчаша церковь винуще* — окончили, перестали писать церковь. И. Б.

д) при другихъ разныхъ среднихъ глаголахъ: *преставитися*, *битися*: „Мьстиславъ преставися *унъ*“ Ипат.

2. Въ болѣе позднемъ великор. яз. сравни: *пустая* слыла (улица): лежитъ *пуста*, холостъ *хожу*; *пошелъ*=*сталъ*: „народушко *пошелъ* без-совестный“; *созданъ*, *родилея*, *живетъ* (=бываетъ) и др. 166

3. При глаголахъ *душев. движенія* (радоваться и под.), *перестать*, *кончить* не бываетъ *прилагательныхъ*, а причастія есть, пот. ч. прилаг. менѣ предикативно, чѣмъ причастіе; нельзя сказать „*преста живъ*“, но можно: *преста быти живъ*, пот. ч. съ прибавкою „*быти*“ предикативность прилагательнаго увеличилась. 167

4. Изъ некоторые *особые* случаи сочетанія:

а) Въ выраженіи: „*а такъ*“ (=таковъ)ны (намъ) еси и надобѣ „*такъ*“ есть часть сказуемаго (Ср. «и быть такъ»). Такъ же слѣдуетъ разсматривать и др. влр. мѣст: *каковъ*, *таковъ*; *какой*, *такой*: „*таковы* греки милостивы“ (Путеш. Лукьян.), «*каковъ* тяжель» (Крыл.) и пр. съ прилаг. качественными. — Нарѣчія: „*какъ*“, „*каково*“ въ выраженіи: *каково* поживаешь=*каковъ* поживаешь и проч. 168

б) Подобно мѣст. „*таковъ*“ съ *кач. прилагательнымъ* могло стоять *другое качеств. прил.*: „*придоши добры* здоровы“, гдѣ „*добры*“ есть атрибутъ прилагательнаго „*здоровы*“ и значить: „*совершенно здоровы*“*) „*язвель-трудель*“, „*грузна—болель*“. Все это—*трехсоставныя* сказуемыя (2 прил.+связка). 169

γ) Мѣст: *одинъ*, *самъ* и сложные съ „*самъ*“: *самъ—другъ*, *самъ—пяль* и пр., а также: *правъ*, *радъ* лучше, кажется, считать не предикативными, а атрибутивными, пот. ч. они такимъ же обр. употребляются не только при непереходныхъ глаголахъ, входящихъ въ составное сказуемое, но и при переходныхъ, въ составное сказуемое не входящихъ; напр. „*азъ одинъ* погыну“ Лавр. „*како азъ хочу ннъ законъ пріяти одинъ*“? Лавр., гдѣ „*единъ*“ лучше относить къ „*азъ*“ въ качествѣ атрибута. Точно также: „*правъ* съднлъ еси“ Остр. Е., „*ради* даемъ медомъ и скорою“ Лавр. 169

Въ *соврем.* яз. прил. *правъ* и *радъ* больше тяготеютъ къ сказуемому, обращаясь въ нарѣчія, между т. какъ *самъ* и *одинъ* постоянно остаются въ *им. п.*, хотя, смотря по занимаемому мѣсту, могутъ относиться то къ подл., то къ сказ. и, слѣдов., могутъ быть и атрибутивными, и предикативными: „*онъ одинъ* пришелъ“ и „*онъ пришелъ одинъ*“. — *Самъ—другъ*... теряетъ согласуемость и становится нарѣчіемъ. 174

δ) Какъ изъ причастій образуются дѣпр., такъ изъ прилагательныхъ образуются нарѣчія *не только изъ именинаго, но и косвенныхъ надежей*. Здѣсь отмѣтимъ

*) Срав. выше I, 120. И. Б.

а) нарѣчія, образующіяся изъ прилагательныхъ чрезъ *средній* р. или *чрезъ посредство нарѣчныхъ оконч.*: *ь, ъ*, хотя возможно застываніе и *муж. р.*: *такъ* (таковъ); м. быть: *нищъ, стремлавъ, пѣшь; самъ-другъ*.

б) Нар. на *ь*, вытѣсняемое потомъ нарѣчіями на *о, е*: „добръ придетъ“ (вм. добръ), „будени неразлучно“ (вм.—чьнъ), „прость“ вм. простъ...

171 в) Нар. на *о* (ер. р.) на мѣстѣ согласуемыхъ пад., особенно же въ *трехсоставномъ* сказ.: „побѣгоша разно“; „зима снѣжна была сильно“.

172 5. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ чаще употребленіе согласуемыхъ прилагательныхъ вм. позднѣйшихъ нарѣчій: «ста *простъ*», «падоша *ниши*»; срав. Гомеров. прилаг. вм. нарѣчій, латин.: *serius* (поздно), *rarus* (рѣдко), *nocturnus* (ночью) и т. д.; также и въ литовскомъ, латышскомъ яз.

173 6. Въ влкорус. это свойство особенно сохраняется въ народ. поэзіи.

174 Два разряда глаголовъ съ им. п. прилагательнаго хъ въ соврем. рус. языкѣ:
а) глаголы возникновенія.

Въ *литерат. соврем. рус.* яз. глаголы, входящіе въ составное сказуемое съ им. п. прилагательнаго, могутъ быть подраздѣлены на два разряда:

а) глаголы *возникновенія*: *стать, становиться* (въ смыслѣ *дѣлаться*, а не «начинать»), *бывать, пребывать, сдѣлаться, казаться, очутиться, остаться* и т. п. При нихъ ставится качественное прилагат. въ им. п. съ *именнымъ* (безчлен.) оконч., которое, впрочемъ, можетъ переходить и въ мѣстоименное (членное), но только въ *твор. п.*; напр. «городъ показался мнѣ *многочуденъ*» или «*многолюдимъ*», но не «*многолюдный*»: послѣднее прилаг. было бы простымъ, а не предикативнымъ атрибутомъ.

175 Числит. *порядковья* и прил. относит. съ *членнымъ* оконч.; какъ имѣющія одно мѣстоименное окончаніе, ставятся въ *твор. пад.*

При глаг. же *есть, былъ, будетъ* прилаг. можетъ стоять въ имен. п. какъ съ *членнымъ*, такъ и *безчленнымъ* оконч.; при чемъ членное окончаніе увеличиваетъ связь прилагательнаго съ *подлежащимъ*; и прилагательное какъ бы подчеркивается: «усы его и брови были *черные*» Лерм.

176 б) Второй разрядъ составляютъ глаголы *веществ. движенія* и *пребыванія въ состояніи* (за исключеніемъ *пребыть*): *стану* (=начну), *лну, стою, иду, брожу, достигаю, дока- тываюсь, сижу, уязжаю, таскаюсь, скачу, возвращаюсь, сію, ляжу, силю* и др.

При нихъ слѣдовало бы ставить им. над. прилагательнаго съ *членнымъ* оконч., въ противоположность первому разряду, но, въ виду *архаическаго* и *областнаго* вліянія, писатели XVIII и даже XIX вв. употребляли и *безчленное* окончаніе (Пуш., Лерм., Гог., Крыл., Гриб.).

Глаголы можно дѣлить на невходящіе и входящіе въ составное связуемое. Послѣдніе менѣе самостоятельны и въ свою очередь подраздѣляются въ рус. литер. яз. на болѣе служебные и менѣе служебные. Глаголы первого разряда (а), напр. «онъ становится старъ», болѣе нуждаются въ добавленіи составной части сказуемаго, а глаголы второго разряда (б), напр. «онъ идетъ», менѣе нуждаются въ этомъ добавленіи: можно сказать «онъ идетъ» и безъ прилаг., напр., «задумчивый». Измѣненія формы прилагательнаго при этихъ глаголахъ называютъ, что связь между глаг. и прилагательнымъ «*сбоюдна*», т. е., чѣмъ менѣе самостоятеленъ глаголъ, тѣмъ менѣе самостоят. и прилагательное, и наоборотъ. *Безчленное* прилаг., какъ древнѣйшее и близкое къ причастию, есть форма менѣе обособленная и самостоятельная, а потому оно и сочетается съ менѣе самост. глаголами первого разряда, *пополняя* собою признакъ сказуемаго и заключая «*последній моментъ энергіи*» глагола: «онъ становится *старъ*». *Членное* же прилаг., заключающее въ себѣ признакъ болѣе самостоятельный и возникающій не вълѣдствіе энергіи глагола, а *независимо отъ него и одновременно съ нимъ*, сочетается съ болѣе самост. глаголами второго разряда: «онъ лежитъ *больной*», «она вышла *босая*».

Безчленные и членные прилагательныя въ связи съ двумя этими разрядами глаголовъ.

177

178-179

Сочетаніе существ. въ им. п. съ глаг., *кромѣ* исмь.

Кругъ глаголовъ, съ которыми сочетаются предикат. *сущ.*, нѣсколько иной, чѣмъ при сочетаніи прилагательныхъ. Сюда относятся, *кромѣ быти*; только глаг. веществ. и идеальн. возникновенія: *мьнитися, явитися, творитися, чинитися, наречися, зватися* и т. п.; напр., «Вышегородъ *второй Селунь* явился въ русьтій земли» (Сказ. о Бор. и Гл.); *страд. сочет.*: явленъ, сътворенъ, избранъ, нареченъ и т. п.; «Кирилъ явленъ бьетъ *пастухъ* и *учитель* словѣнску языку.» Не нужно смѣшивать при этомъ *им. независимаю*, напр. «и прозваша Олега *вѣщій*», гдѣ имен. над. стоитъ *въ* грамматической связи.

180

При глаголахъ же веществ. *движенія* и *покоя* ити, рости, жить (въ значеніи *vivere*, а не *быть*, какъ: «похвала *живетъ* (=бываетъ) *человѣку пакуба*»), умереть и т. д. им. над. встрѣчается лишь изрѣдка и уже въ старин. яз. замѣняется *творительнымъ*; напр. съ имен. п.: «старцемъ лежу *притча* (какъ притча) къ наказанію». Кир. Тур. Употребленіе *имен. п. существительныхъ* влѣдето современ. твор. есть черта общеславянская, не предполагающая посторонняго вліянія. У сербовъ именит. п. особенно употребителенъ:

181

Причастія *наст.* и *прош.* (*з, въ*) дѣйств. какъ *второстеп.* сказуемыя.

Аппозитивное употребленіе этихъ причастій въ им. п.—Различеніе аппозитивнаго и атрибутив. причастія въ старин. яз. сказывается

- 1) въ замѣнѣ аппозитивнаго прич. позднѣйшимъ дѣепричастіемъ *).
- 2) въ возможности сочетанія аппозитивнаго причастія со вторымъ именительнымъ,
- 3) въ отдѣленіи такого причастія отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ
- и 4) въ именительныхъ самостоятельныхъ.

182
Аппозитивное
употребленіе
причастія вм.
поздн. дѣепри-
частія и смѣ-
шеніе причаст-
ныхъ формъ.

1. Причастіе *членное*, никогда не переходящее въ дѣепричастіе, тѣснѣе связывается *съ им. существительнымъ*, благодаря членному окончанію; напротивъ, прич. *безчленное*, изъ котораго образуется дѣеприч., ближе примыкаетъ къ *малоу*, какъ и дѣепричастіе. Поэтому замѣна безчленного причастія позднѣйшимъ дѣепричастіемъ служить признакомъ аппозитивности такого причастія.

183
184
Когда такое причастіе превращается въ дѣеприч., то связь причастія съ подлежащимъ, т. е. согласованіе въ падежѣ, р. и числѣ, постепенно разрушается. Въ концѣ XIV в. дѣепричастіе существовало уже, какъ вполне опредѣлившаяся часть р., и причастія аппозитивныя оставались только въ книжномъ языкѣ. Въ лѣт. Лавр., Ппат., хотя и много случаевъ *правильнаго* согласованія аппозитивныхъ прич. въ родѣ, числѣ и падежѣ, но въ этихъ же памятникахъ и другихъ есть множество примѣровъ и *нарушенія* согласованія: причастныя формы *имен.* и *всѣхъ трехъ ч. муж. и ж. рода* веда и ведѣ (муж. ед. ч.), ведучи и ведѣши (жен. ед. ч.), ведуче и ведѣше (мн. ч.) употребляются почти *безразлично* и даже *вм.* косвенныхъ падежей. Начало такого смѣшенія можно относить къ концу XII или началу XIII в. Изъ трехъ указанныхъ дѣепричастныхъ формъ «ведуче» исчезаетъ ранѣе другихъ; равноправность же двухъ остальныхъ формъ (веда и ведѣ, ведучи и ведѣши) въ влкорус. видна въ XV—XVII вв. (См. акты Юрод.). Въ наше время преобладаетъ (въ жив. говорахъ) *идучи*, но не исчезла и форма *идя* ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій.

2. *Второй именит. съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе).*—Какъ вышеприведенные глаголы сочетаются со вторымъ им. (предикат.), такъ и аппозитивныя причастія отъ этихъ глаголовъ могутъ имѣть при себѣ второй им., вмѣстѣ съ которымъ составляютъ *второстепенное составное сказуемое* или *составное приложеніе*: «Канафа, *архиерей сги* (второст. составное сказ.) лѣту тому, рече имъ» Остр. Е. «Мстиславъ приведе многы, *творяся* (аппозитив. прич.) на Ляхи *ида*» (2-й им.) = *притворяясь идущимъ* на Ляховъ (Ппат.). «Литва, *мняще мирни суще* (трехосоставное второст. сказ.), придоша къ Берестью» Ппат.

*) Срав. выше II, 159, 160. И. Б.

Въ позднѣйшемъ яз. второй-им. п. частью замѣняется творительнымъ (Ср. II, 175 и 180), частью же развивается въ придат. предложеніе съ личнымъ глаголомъ: «творятся *ида*»=притворяясь *идуцимъ* или «*что идетъ*».

3. Союзъ между аннотивнымъ причастіемъ и глаголомъ.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ Срезневскаго (Мысли объ исторіи русскаго языка стр. 82—83), что причастія дѣйств. на *з*, *въ*, подобно причастіямъ на *ль*, употреблялись вмѣсто личныхъ глаголовъ съ опущеніемъ «*есть*», какъ напр.: «Володимеръ... вѣсплакавъ *и* рече», не раздѣляя также и взгляда Буслаева (Гр. § 205), что эти причастія и дѣепричастія прямо употреблялись въ старинномъ языкѣ *вмѣсто глаголовъ*,—Потебня до нѣкоторой степени допускаетъ во взглядахъ Срезневскаго и Буслаева лишь одно, что въ подобныхъ выраженіяхъ даны *два почти равносильныхъ предложенія*, соединенныхъ союзомъ *и*; вѣришь же, что тутъ не два равносильныхъ предложенія, а только «два почти равныхъ центра» въ *одномъ* предложеніи, что предложеніе это «какъ бы распадается на-двое», но все-таки не распалось, такъ какъ аннотивное причастіе остается *подчиненнымъ* членомъ простаго предложенія; что же касается союза между причастіемъ и глаголомъ, то онъ есть явленіе глубоко древнее, указывающее на эпоху «переживанія» того строя рѣчи, среди котораго оно возникло *).

Въ частности а) соединительные союзы *и* и *а* (=и) ставились послѣ причастій и дательнаго самостоятельнаго *передъ глаголомъ*: «благословивъ *и* прѣломи» Остр. Е.; «приникъши *и* рече» Лавр. (То же самое въ стар. сербскомъ, польскомъ, чешскомъ и литовскомъ языкахъ).—«Въшьдъшу Нисеу въ Каперьяумъ *и* приступи къ нему сътъникъ» Остр. Е.; «дѣаволь испърва *и* хотѣи добра роду чловѣчю *и* завидѣвъз ему *и* воздвиже крамолу велику» Повг. I. Въ тѣхъ же случаяхъ для выраженія *последовательности во времени* употреблялись въ древ.-рус. яз. частицы: *ти*, (=и) **), *та* (=да, и), *таже*, *тоже* (=также, тогда), *толи*, *ноли* (=тогда лишь, тогда): «аще

Частные случаи
постыновки со-
юзовъ *и*, *а*, *ти*,
та
а) передъ гла-
голами послѣ
причастій.

188—
189

190—
191

*) Именно, когда при нѣкоторой еще „распущенности“ въ рѣчи языкъ соединялъ иногда не только однородные и равносильные члены предложенія, но и *подобные*, каковыми являются здѣсь предикатъ-глаголь и аннотивное причастіе, какъ два „почти равносильныхъ центра“ одного предложенія.—Ср. это явленіе въ языкѣ съ фигурой *ѣв бѣа бѣоѣ* далѣе въ *Запискахъ* Потебни III, 281. **И. Б.**

**) Частицу *ти* послѣ нарѣчій *како*, *так* и др. Потебня, вопреки Миклошичу, считаетъ не союзомъ, а мѣстоименнымъ дательнымъ *этическимъ* падежомъ (dat. eth.), который сокращается въ *тѣ*, какъ *ми* въ *мѣ* (Ср. далѣе II, 244), между тѣмъ какъ союзъ „*ти*“ не сокращается. Поэтому, напр., частицу *а* съ значеніемъ *пусть*, *да*, *нехай* нужно считать образовавшеюся изъ *а-ти* (Ягичъ, Arch. VII, 65), гдѣ *а=да* (*а=быхъ*, *да=быхъ*), а *тѣ=дат. ти*.

бо кто и невидяъ ся ти слушааше ю бесѣдующю, то начинаше мнѣти мужа ю суша» (Жит. Θεод.); «а вы, *раздраше* (=разсорившись) та прочь» (Новг. Д); «како и колпко дѣтъ *лежавъ* тѣлю святого *тоже* неврѣжено пребыть» (Жит. Бор. и Гл.).

Такъ какъ эти и другіе примѣры указываютъ, что *и, а* послѣ причастій *паст.* вр. *обыкновенно* не употребляются («за ними *буда*, узрѣ» Плат.), то можно думать, что и частицы *и, а* наравнѣ съ *ти, также* послѣ прошедшихъ аннотативныхъ причастій не столько служатъ для соединенія, сколько усиливаютъ отношеніе *послѣдовательности во времени* и равняются „потомъ“: „вѣставъ и рече“ = „вѣтавши, *потомъ* сказать“.

192 б) Союзъ *и* и *и* послѣ глагола переходъ причастіемъ. б) Но союзъ *а* ставился и *послѣ* глаголовъ, *передъ* причастіемъ, какъ прошедшимъ, такъ и настоящимъ, и тогда получалъ значеніе противительное: „ты, княже“ чужей землѣищи. *и* (=а между тѣмъ) своея ся охабивъ „Иавр.“ — „Жены русскія вѣсизавашася *а* (=а при этомъ) ркучи“ (Сл. б и. Пг.). „Такое употребленіе союза, какъ въ некоторой послѣдовательности языка“; остается и послѣ обращенія причастій въ дѣепричастія и исчезаетъ только въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ.

194 Въ виду „недостатка связности предложенія въ древнемъ и народномъ языкѣ“ союзы „какъ бы назначаютъ еще недостаточно сросшія швы между частями предложенія“. Этимъ и объясняется постановка союза *и* а) между дательнымъ самостоятельнымъ и главнымъ предложеніемъ и б) между придаточнымъ развитымъ предложеніемъ и главнымъ, гдѣ *и* является плеонастическимъ съ точки современнаго литературнаго языка.

Важно еще отмѣтить постановку союза *да* между *подлежащимъ* и *сказуемымъ* въ *одномъ и томъ же* предложеніи: „сотникъ *да* будетъ умнѣе меня!“ гдѣ *да* „выражаетъ родъ легкаго противоположенія сказуемому“ (*).

Отдѣленіе союзомъ подлежащаго отъ сказуемаго ведется изъ стариннаго: „аще ли который чернецъ. вышедъ изъ монастыря, *а* (**) почнетъ на игумена... люди подымати“... Ак. Пет. 1416 г. (Дополненія ко II части *Записокъ*).

*) Но, какъ кажется, въ подобныхъ примѣрахъ *противоположеніе* заключается уже въ противоположности самыхъ *значеній* подлежащаго и сказуемаго: „дѣтакъ сему статься, шобъ *панъ* та (=да) узавъ *мужичку?*“ а при имени существительномъ подразумевается аннотативное *съ, будучи*: „чтобъ овъ, *будучи* паномъ“, *да* взять мужичку“. Слѣдовательно, здѣсь въ современномъ языкѣ надо предполагать старинный остатокъ сочетанія *аннотативнаго причастія съ глаголомъ* посредствомъ союза *да* въ значеніи *усилительномъ*. Примѣровъ такихъ множество. И. Б.

***) Здѣсь *а* не отдѣляетъ подлежащаго отъ сказуемаго, а соединяетъ аннотат. причастіе „вышедъ“ съ личнымъ глаголомъ „почнетъ“, и, слѣдовательно, примѣръ этотъ долженъ быть относимъ къ тѣмъ, которые приведены выше на страницахъ 188—189. И. Б.

4. *Именительный самостоятельный*.—Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ языкѣ и сходство его функціи съ функціей личнаго глагольнаго сказуемаго проявляется не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго главнаго предложенія союзомъ, но и въ возможности постановки *отдѣльнаго самостоятельнаго подлежащаго*, помимо подлежащаго при сказуемомъ главнаго предложенія. Правда, такое явленіе встрѣчается рѣже, чѣмъ дательный самостоятельный, но это не есть признакъ забывчивости пишущаго или невольное высказываніе изъ одной колѣнъ въ другую въ среднѣхъ предложеніяхъ: (*ἀνακολούθη*); напротивъ именительные самостоятельные должны быть оцѣнены наравнѣ съ дательными самостоятельными, которые трудно назвать неправильностью. Причина употребленія въ древнемъ языкѣ аппозитивнаго причастія *со своимъ подлежащимъ* заключается въ большемъ сходствѣ причастія съ глаголомъ, чѣмъ въ новомъ языкѣ; аппозитивное причастіе со своимъ подлежащимъ, хотя и не вполне заканчиваетъ предложеніе, но даетъ мысли нѣкоторый раздохъ, намѣчаетъ дѣленіе предложенія на двѣ части: въ родѣ „вставь и рече“ только при различныхъ подлежащихъ. Напримѣръ: „а вы плотники суще, а (=и) представимъ вы хоромъ рубити“ Новг. I. „И пришедъ Изяславъ... и бѣ Игорь разболѣлся“... Ппат. Но бывають случаи и одинаковыхъ подлежащихъ при причастіи и глаголѣ, если подлежащее причастія стоитъ далеко отъ глагола: „мы *человѣци* *иръшши* *суще* и *смертши*, то (=и) оже ны (кто) зло сотворить, то хоцемъ ѿ пожрети“ Лавр.

195

196

197

Къ самостоятельнымъ же именительнымъ должны быть отнесены и тѣ отрицательныя слова, которыя уже лишены рода, числа и падежа и потому не согласуются съ опредѣляемымъ словомъ, но они не есть и дѣепричастія, потому что стоятъ не при глаголѣ, что требуется отъ дѣепричастія, а при *своимъ подлежащемъ*. Напр. „выскакавъ же *вси* *проци* изъ *людя*, и рече Олегъ. Лавр.— „По Великой рѣкѣ *ледъ* *идуци*, христіаномъ *снано* *много* *хоромъ* *подрало*“ Пск. I. Сюда же относятся и нѣкоторые примѣры *дѣепричастія независимаго* (Бусл. Гр. § 275, пр. 2), если оно предполагаетъ другой *именительный падежъ*: „*Осидлавши онъ* *Екимъ* *копей*, *наряжаютъ* *они* *ѣхать*“ (Древ. рус. стих.).— (Примѣры именительныхъ самостоятельныхъ употребляются и въ стар. чешскомъ, польскомъ, сербскомъ, хорватскомъ, литовскомъ языкахъ). Когда же дѣепричастіе не имѣетъ при себѣ *явственнаго* именительнаго, то вѣроятнѣе всего, что оно произошло изъ *дательнаго* самостоятельнаго, какъ болѣе обычнаго (*), но иногда лучше все-таки производить дѣепричастіе отъ именительнаго, какъ напримѣръ, „убивъ мене (=когда ты убьешь меня), а

198

199

*) Срав. дат. II, 334. И. Б.

- тобѣ волость“ Плат. Таковы же дѣепричастія: *рекуче* (—ше), *рекуше*; въ нынѣшнемъ языкѣ: „*исключая*“.
- 200 Им. самост. съ опущеніемъ причастія. Очень рѣдко употребл. *им. самост. съ опущеніемъ причастія*, какъ и дат. самостоятельный въ значеніи *обст. времени*: «тояже зимы, *еще полове Псковскіи на Московь*, князь... и посадникъ заложивша градъ новъ» (Собр. рус. лѣт.).
- 201 Им. самост. съ развитымъ при немъ прид. предложениемъ. Цѣрѣдка встрѣчается *им. самост. безъ прич.*, но съ развитымъ при немъ прид. предложениемъ: «конь, *тегоже любши...*, отъ того ти умрети» Лавр.; *городная осада*, гдѣ кто живеть, тому тутю и сидѣти (Собр. гос. гр.). Такіе *им. самост.* подобны *неопредѣленному самост.* («*знать онъ знаетъ, да не говоритъ*») и соотвѣтствуютъ описательному выраженію: «*что касается до того, что... что до...**»). И дѣйствительно, въ влкорус. памятникахъ при такихъ именительныхъ иногда ставится «*а что*»: «*а что наши ординци, а тѣмъ знати своя служба*» (Договор. гр.).
- Им. самост. при мѣстоименномъ подлежащ. той же субстанціи. Къ этимъ *им. самостоятельнымъ* относятся и тѣ случаи, когда къ *именному* подлежащему присоединяется или *подлежащее мѣстоименное*, означающее ту же субстанцію, или *мѣстоименіе въ косв. падежѣ*: «князь Андрей Шуйскій, а *онъ* былъ злодѣй» Пск. I. «*Епископы, поны и шумены*, съ любовью *внимайте* *отъ нихъ* благословеніе» Лавр. Часто въ былинахъ: «А и молодой Дунай, *онгда* гднвѣ былъ**».
- 202 Им. самост. въ собиран. суц. Подлежащее *собирательное* или стоящее во *множ. ч.* можетъ быть *им. самостоятельнымъ*, если далѣе слѣдуетъ перечисленіе предметовъ, составляющихъ его объемъ: «*дружина* же его, бии по немъ идоша, а дружинъ *осташа* его» Плат.

Причастіе безъ личн. глагола, какъ сказуемое придат. предлож. связанное съ главн. сказ. посредств. относительнаго слова*).**

- 206 Миклоничъ не различаетъ причастій въ примѣрахъ: «*пѣсть, кто милоуидъ*» и «*видѣ* *господа висидита*», называя ихъ предикативными (Гр. IV,

*) Срав. далѣе II, 439—441. И. Б.

- **) Становятся самостоятельными и *косвенные падежи* именъ, если за ними слѣдуетъ *такой же падежъ мѣстоименный* или относит. нарѣчіе: «*боярина князя Ромодановскаго, жены его* *человѣкъ*» (Акты до Юрод. б. относ.). «*Поляковъ же и Литву... начаша ихъ побивати*» Котош.—Въ народ. пѣс.: «*какъ по мосту... тамъ шель-прошелъ*».

***) Этотъ отдѣлъ, очевидно, является съ одной стороны продолженіемъ предыдущаго отдѣла объ аппозитивныхъ причастіяхъ, какъ второстепенныхъ сказуемыхъ (стр. 181), а съ другой—служить и завершеніемъ изслѣдованія Потемни о др.—русскихъ причастіяхъ вообще, достигающихъ высшей своей самостоятельности въ роли сказуемаго придаточныхъ предложений. И. Б.

823—5; 834—5); Потебня же различаетъ ихъ, считая причастія первыхъ выражений за *второстепенныя сказуемыя* *), а вторыя—просто предикативными причастіями, входящими въ составное сказуемое.

Второстеп. сказуемыя—причастія въ придаточныхъ предложеніяхъ присоединяются къ члену главн. предложенія не прямо, какъ предикативное причастіе (и въ этомъ заключается существенное отличіе), но посредствомъ относительныхъ словъ, а именно:

а) посредствомъ относительныхъ мѣстоименій въ *именн. над.* послѣ глагола *есть* (нѣсть) въ главн. предложеніи; при чемъ причастіе ставится только въ настоящ. вр. («есть, кто донеса»);

б) посредствомъ относит. мѣст. въ *именительномъ* же над. послѣ *оружихъ* глаголовъ въ главномъ предложеніи;

в) посредствомъ тѣхъ же мѣстоименій въ *косвенныхъ* падежахъ;

г) посредствомъ мѣст. относительныхъ съ *нарѣчьемъ относительнымъ* или одного нарѣчія;

д) посредствомъ *союзовъ*,

и е) очень рѣдко *безъ союзовъ* **).

а) **Второстепенный предикатъ съ относит. мѣст. въ именн. над. послѣ глаг. «есть» (нѣсть)**. Въ примѣрахъ, какъ «нѣсть, кто воды нося» (Жит. Θεод.), «не бысть, кто и вѣсть принеса» (Лавр.) съ одной стороны и „есть судя“, «бяху ловяче» съ другой—разница заключается въ слѣд: 1) причастіе безъ относит. мѣстоименія составляетъ *одно сказуемое* вмѣстѣ съ глаголами „есть“ и „бяху“, тогда какъ причастія „нося“ и „принеса“ съ относит. мѣст. сами составляютъ второстеп. сказуемое, присоединенное относит. мѣстоименіемъ къ главнымъ сказуемымъ „нѣсть“ и „не бысть“; 2) причастіе *наст. вр.*, въ качествѣ второстепеннаго сказуемаго, можетъ быть и вида совершеннаго, соответствующаго современному *будущему* вр. („есть, кто донеса=донесеть“), причастіе же *наст. вр.*, входящее въ составное сказуемое, *въ совершенномъ видѣ не встрѣчается*, а если бы и встрѣчалось, то означало бы видъ соверш. *только прошед.* вр. („посадыя его на престолъ, поидете же къ Иерусалиму“ Повг. I), и 3) причастіе съ имен. падежомъ относительнаго мѣстоименія

207

*) Второстепенными же сказуемыми называетъ Потебня и аппозитивныя причастія (II, 181), но аппозитив. причастія, какъ приложенія, лишь *приближаются* къ самостоятельнымъ сказуемымъ и составляютъ *среднюю функцію* между сказуемымъ и атрибутомъ (Срав. выше стр. 104). **И. Б.**

***) Подраздѣленіе это, въ видѣ вывода изъ примѣровъ, Потебня предлагаетъ далѣе на стр. 219, но пункты а и б онъ здѣсь *объединилъ*, хотя и примѣры подъ этими буквами (стр. 206—208) и приводятся у него *отдѣльно*, какъ *различныя*. Поэтому пункты а) и б) пришлось формулировать намъ *самимъ* на основаніи приведенныхъ примѣровъ. **И. Б.**

можетъ всегда замѣняться въ современномъ языкѣ неопредѣл. наклоненіемъ^(*) съ дательнымъ того же мѣстоименія („не бысть кто принеса“ = некому было *принести*“), причастіе же, входящее въ составное сказуемое, такой замѣны не допускаетъ.

б) *Второстепенный предикатъ съ относит. мѣст. въ именит. надежь послѣ друиѣхъ маоловъ, кромѣ иень (дѣсть): „ту стояху вси, иже отъ Галилеи пришедше“* Дан. Пал.—„И они, кто съгдавъ у кого невѣсту, посылають“... Котош.

в) *Второстеп. предикатъ съ относит. мѣст. въ косвенныхъ надежахъ: „невѣтася, чего просяще“* Остр. Ев.—„Невѣтася, что творяще“ Ипат.—Аште добро творили, вѣжьса, кому творя“. Изб. 1073.—„Ею же умъючи, того незабывающе“. Лавр.—Приношаху по пей (за невѣстой), что *одадуче*“ Лавр. (м. б. = „что дадутъ“, т. е. буд. вр.).—„Не мнѣ тоста не управила, еже рекша, но Богови“ = не мнѣ не исполнили (того), что было обѣщали Ипат.

г) *Второстеп. предикатъ съ мѣст. и нарѣчьемъ относительнымъ: „Вѣдѣаше яко жыну, идѣ же не съязъ.—Аще кгде видѣвшие такого отрока, да възвѣстите“* Жит. Θεод.—„А прокъ ихъ разбѣжеса, куды ккто видя“... Новг. I.—„Поима... скоты и овцы, кды что чуй“ Лавр.—„Не вѣдѣаху бо, камо *бѣжаще*“ Ипат.—„А идѣ будешь хотя посланъ на наше лихо, а тамо ти отъслати“ (Сборн. Гос. гр.) = а *идѣ хотя* будешь посланъ. (**). „И *игда* воду *въливая* въ котель, глаголетъ“ Жит. Θεод.—(Мы) *какъ скоро съидиши* на столцы (престола) отчины, такъ же черезъ наши послы тебе напоминали“ А. З. Р.—„Се, *якоже обѣщався*... повѣдаю ти“ Посл. Никиф.—„Аче (хотя) та къ нама не шла, *якоже рекше*... Ипат.—*Елико хотячи*“... „*елико моуше*“... Лавр.

д) *Второст. предикатъ съ союзами аки, яко, (=что такъ какъ), а, аще, бо, при чемъ причастія съ сравнит. союз. аки, яко (=какъ будто) заключаютъ въ себѣ иногда отбѣнокъ мнимости: „лежа (аор.) творяся, акы *изнемоая* с ращъ“* Ипат. (***)—„Мнози... *вознесешя* уможь *яко иѣчто* добро *сътворише*“ (какъ будто...) Дан. Пал.—„Пошелъ быше Копчакъ, похуня, *яко плъннити хотя*“ („хотя плъннити“ = буд. вр.) Ипат.—„Держи въ съсудѣ (тѣло Хр.), *а хотя* до того же дни“ (Вопрош. Кюр.): здѣсь «а хотя» (=если хочешь) уже близко къ союзу. — Се бо не погашьскыли жи-

^{*)} т. е., при обращеніи въ безличный оборотъ дѣлается тѣмъ же второстепеннымъ сказуемымъ (Ср. III, 474, 475). И. Б.

^{***)} Здѣсь въ „гдѣ *хотя*“ дѣепричастіе стремится уже стать *частью нарѣчья „толь“* въ смыслѣ „гдѣ-либо“. Срав. также: «куда *хотя*», т. е. „куда-либо“.

^{***)} *аки* можно соединять не только съ дѣйств. прич., но и *страдат.* и съ именами: *сътворися аки боденъ*, «лежа *аки мрътъ*». (Ср. выше стр. 148). И. Б.

вемъ, *еще урѣсти вѣрующе*“ Лавр.—„Гюрги же... творяишь, *ако тако* ту волость *загмг* (Изяславъ), тамо же и *есть*“ Плат. (=Г. полагая, что такъ какъ Изяславъ прежде занялъ ту волость, то и теперь онъ тамъ же).— „*Не бо его видьвг*“ Жит. Феод.—„Великъ *есть* день сей, не (*яко*) часовъ имья множае, по великихъ ради чудесъ“ (Кир. Тур.).

217

е) Второстеп. предикатъ съ опущеніемъ союза встрѣчается очень рѣдко: „и самъ *са* *прьдавг* писано ксть“ (*καὶ ἑαυτὸν παραδεδωκέναι γέγραπτα* = написано, что онъ самъ себя предалъ). Перев. XIII в. Гр. Б. (*).

Въ современномъ яз. остатковъ отъ второстепеннаго сказуемаго — причастія мало:

Остатки въ современномъ яз. отъ второстепеннаго сказуемаго — причастія съ относительными словами.

1) „*куда хоть* (=куда хотя) брошусь... не найти роженнаго дитятка“ Барс. Прич.; „кто кого смога, „*ити кула зря*“, „*бить чьмъ попада*“.

2) Въ малор. „*бѣтеця з чьмъ попадаши*“.

3) Союзъ *хотя*, возникшій изъ „а *хотя*“ (см. Д) или изъ оборотовъ: кто, что—хотя, гдѣ—куда *хотя*, теперь переставляется: „*хоть кто*“, „*хоть куда*“ и т. п.—По аналогіи съ этимъ нужно объяснять происхождение „*будто*“: сперва „*какъ бывг*“ съ соответствующимъ „*то*“ („какъ бывъ, то“), потомъ „*какъ буди*“ (будь), *то*, и наконецъ, черезъ опущеніе „*какъ*“ является „*будь то*“ = „*будто*“.

218

219

Если глав. предлож. *личное*, то подлежащее причастнаго сказуемаго или относится къ лицу подлежащаго въ глав. предложении („*есть, ккто донеса*“), или же ставится въ *ед. ч.*

Постановка причастнаго подлежащаго и самаго причастія.

хотя бы подлежащее главнаго было во множ. ч.: „*идяхуть, ккто что замыслиа*“ (**). Если же главнаго предлож. *безличное*, въ которомъ сказуемое выражается *неопред.* наклоненіемъ (съ наличнымъ или подразумеваемымъ глаг. „*есть*“), а вмѣсто подлежащаго стоитъ *дательный дополненія*, то причастіе ставится все-таки въ *именин.* падежѣ, предполагая именительный подлежащаго главнаго предложенія, а не дательный дополненія: „(есть) *рѣзати* (имъ), *что хотяче*“. Отклоненіе отъ этого правила представляютъ договорныя грамоты XIV—нач. XVI вв. въ *обычныхъ* выраж.: „а *что ти* (вы = *дат.* и.) *слыщавг* о мнѣ... *то ти* (вы) *мнѣ поведаши*“, гдѣ, по аттракціи къ *дат.*

*) Этотъ пунктъ съ примѣромъ перенесенъ сюда со стр. 219, гдѣ онъ у Потебни стоитъ не совсемъ на мѣстѣ. И. Б.

**) Безъ сомнѣнія, тутъ у Потебни вкралась маленькая неточность: такая постановка причастнаго подлежащаго въ *един.* числѣ бываетъ только тогда, когда подлежащее причастія состоитъ изъ мѣст. *кто, что*, которыя множ. числа не имѣютъ, въ остальныхъ же случаяхъ причастныя подлежащія бываютъ въ томъ же числѣ, что и въ глав. предложеніи. Срав. выше стр. 207: „*стояху вси, иже* (мн. ч.) *отъ Галилеи прьшедше*“. И. Б.

при неопред. накл., подлежащее причастія ставилось также въ дат. и. вм. „что слышавъ (ты), то ти повѣдати“.

220 Выводъ о причастныхъ прид. предложеніяхъ.

Итъ основанія объяснять разсмотрѣнныя причастія въ качествѣ второст. предложеній опущеніемъ вспомогательнаго глагола, ибо опущеніе гл. *есть* въ наст. вр. въ разсмотрѣнный періодъ не составляло правила, а опущеніе вспомог. глагола въ другихъ временахъ всегда чрезвычайно рѣдко. Поэтому необходимо признать эти причастія стоящими самостоятельно, и какъ лич. глаголь въ древ. языкѣ служить для выраженія „полносильнаго первостепеннаго сказуемаго“, такъ причастіе служило средствомъ для обозначенія второстепенныхъ зависящихъ сказуемыхъ, такъ что причастныя предложенія „*есть ничто промежуточное* между членомъ простаго предложенія и развитымъ прид. предл. съ личнымъ глаг. въ сказуемомъ“. Затѣмъ въ слав. языкѣ наступаетъ переломъ. Языкъ стремится уничтожить образованія, среднія между предложеніемъ и членомъ предложенія и увелчить т. обр. противоположность этихъ категорій“, обособить ихъ; вѣдѣ. этого онъ „причастія, по функціи, *болѣе отдаленныя отъ глагола*“, воплощаетъ въ предложеніе“, т. е., дѣлаетъ ихъ *подчиненными* членами, „переводя въ категоріи прилагательнаго и нарѣчія, а причастія *менѣе отдаленныя отъ глагола*“—замѣняетъ личнымъ глаголомъ“.

Литов. и Лотыш. причастія въ Им. п., какъ сказ. придат. предложенія.

221 Тождество причастныхъ подлежащихъ съ главнымъ какъ древнѣе явленіе въ языкѣ.

1) Сходство литов.-лотышскихъ причастій—сказуемыхъ съ славянскими состоитъ въ томъ, что при личномъ главн. сказуемомъ подлежащія причастныя *могутъ* быть тождественны съ главнымъ подлежащимъ; но это не составляетъ правила, какъ въ слав. яз.

222

2. Другая особенность литов.-лотыш. языка та, что *post v. sentiendi; cognoscendi; declarandi* для выраженія косвенной рѣчи употребляются въ качествѣ сказуемыхъ причастія дѣйств. зал., наст., прошед. и будущаго времени, при чемъ связь между глав. и прид. предл. можетъ или вовсе не выражаться, или же выражается мѣст. и нарѣч. относительными, или союзами вопросит. и изъяснительными. Нерѣдко бываетъ и такъ, что глаголь глав. пред. „говорять“ вовсе опускается, такъ что вся рѣчь можетъ состоять изъ однихъ причастій. Что же касается предполагаемаго опущенія

223

225

227

*) каковы причастія атрибутивныя и аппозитивныя, границія съ опредѣлительными и обстоятельственными словами. **И. Б.**

) т. е. причастія, употребляющіяся въ качествѣ сказуемаго придаточныхъ предложеній. **И. Б.

вспомогат. глагола при причастіяхъ, то въ литов. яз. обычно опущеніе только *есть* и *суть* и при томъ при причастіяхъ *главною* сказ., отсутствіе же ихъ въ придаточныхъ предложеніяхъ, какъ и въ рус., нѣтъ нужды объяснять опущеніемъ.

Сравненіе славянскихъ и литовскихъ причастныхъ оборотовъ возбуждаетъ два вопроса:

1) что древнѣе: обязательное ли *единство* подлежащаго въ глав. и причастномъ предлож., или возможность особаго подлежа. при причастіи, какъ „самъ съ прѣдавз, льсано іестъ“ (Ср. стр. 217)?

Въ выраженіяхъ: „іѣсть кто възыскаа“ и „іестъ възыскаа“ последнее (съ однимъ и тѣмъ же подлежа.) безъ сомнѣнія древнѣе, какъ простѣйшее, изъ котораго могло развиться первое въ видѣ сложнаго предложенія. Такъ же точно, если въ *состав. сказуемомъ* причастіе обязательно имѣеть одно подлежа. съ глаголомъ, равно какъ и аппозитивное причастіе, служащее непосредственнымъ приложеніемъ къ подлежащему, то, значить, различныя подлежащія, встрѣчающіяся въ глав. и прид. предложеніяхъ, есть явленіе позднѣйшее.

2) Что древнѣе: возможное ли присутствіе косвенности рѣчи или отсутствіе этого отбѣнга? Вѣроятнѣе послѣднее. — Прид. Вѣроятная первоначальность прямой рѣчи. предложеніе не отъ глаголовъ *dicendi* не есть еще косвенность рѣчи, а *простое различеніе* глав. и прид. предложенія. Отбѣнокъ косвенности и затѣмъ сомнительности въ прид. предложеніи могъ появиться сначала *только* въ силу *вещественнаю* значенія нѣкоторыхъ глаголовъ глав. предложенія съ составнымъ сказ., какъ напр: „*мьняахъ духъ видяще*“; *творяахъ съ правдыни съще*“, гдѣ косвенность, мнимость *формально ничѣмъ не выражена*, а вытекаетъ изъ лексическаго значенія глаголовъ: *мьнити*, *творитиса*, и только потомъ уже какъ въ славянскомъ, такъ и литов. яз. для выраженія этого отбѣнга стали прибавляться нѣкоторые союзы, какъ слав. *акы* (будто): „*творяахъ съ акы правдыни съще*“. Но въ слав. языкѣ (за исключеніемъ чешскаго и польскаго, подверженныхъ вліянію латинскаго со-
251
слагательнаго накл.) косвенность, или мнимость на этомъ и остановилась: она не распространяется на придаточныя предложенія съ мѣстоименіями и нарѣчіями; въ литовскомъ же и латышскомъ отбѣнокъ косвенности и со-
252
слагательности распространяется на *всѣ* способы сочетанія причастнаго сказуемаго послѣ глаг. *dicendi* etc; вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ соблюдаться и тождество подлежащихъ въ глав. и придаточныхъ предложеніяхъ.

Причастіе *прош.* на *лъ*.

1. Причастная форма на *л* осталась въ качествѣ причастія лишь въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Подобно другимъ причастіямъ, суф. на *лъ* самъ по себѣ не заключаетъ указанія на время и залогъ, но образуетъ все-таки

причастіе, котораго нельзя смѣшивать съ *отпричастнымъ прилагательнымъ* на *л*: тинлой, вялый, смѣлый, удалой...

Отличіе отпричастныхъ прилагательныхъ отъ причастій на *л* 2. Прежде всего а) прилагат. имѣютъ *членную форму*, которой нѣтъ у причастій на *лз*; но и безчленная форма прилагательныхъ отлична отъ причастной формы глаголовъ на соглас. горѣ, свѣтящ., зубную и губную: дохль (прил.)—пздохъ (прич.); хриль (прил.)—охриль (прич.). Отсюда ясно, что часто безчленная форма прилагательныхъ *не совпадаетъ* въ звуковомъ отношеніи съ прич., и доходимъ мы до пса изъ формы *членной*, которая, слѣдов., является «неразрывною съ категоріей прилагательныхъ» и отличительнымъ признакомъ ихъ по сравненію съ причастіемъ.

б) Въ безчленныхъ прилагательныхъ и причастіяхъ на *лз* звуковая разница сказывается иногда и *въ удареніи* им. п. ед. ч. жен. р: тухлѣ и тухла, спѣлѣ и спѣла...

в) Во *множ. ч.* им. п. прил. оканчивается на *ы* (смѣлы), а прич. на *лз* имѣетъ оконч. *и* (смѣли).

3. Прич. на *л* образуется отъ темы *неопр.* начл. *всьхъ* глаголовъ, прилагат. же лишь отъ *нѣкоторыхъ* причастій, *не допускающихъ* прямою *объекта*: палый, дезжалый, горѣлый...

4. Отъ глаголовъ *возвратныхъ* прич. на *л* образуется съ *ся*, въ прилагательныхъ же *ся* отбрасывается: разсѣлся (камень) и «отъ камня разсѣлаю». Въ *польскомъ*—«ся» также отбрасывается въ атрибутахъ какъ причастныхъ, такъ и прилагательныхъ:

5. Въ прилагательныхъ на *лз*, какъ «градъ Іерус. людми нежилъ... а за городомъ нѣтъ *жилыхъ* мѣстъ» (Пут. Лук.)... имѣть нужды предполагать *страд.* значенія, а нужно видѣть въ нихъ слѣд. «переходы мысли»: а) «самому предмету приписано дѣйствіе, которое въ немъ совершилось: въ домѣ жили, стало быть—домъ жилъ»; б) «отъ того, что въ домѣ жили въ оредѣл. вр., заключено къ тому, что въ немъ вообще *можно* жить». Значить, прилаг. эти выражаютъ *возможность*, способность и близки по значенію къ латинскому, какъ *ineffabilis* и др. под.

6. Предлогъ *въ* прилагательныхъ на *л* въ большинствѣ случаевъ приближаетъ ихъ по значенію къ причастіямъ: мерзлый и замерзлый, зяблый и озяблый, горѣлый и пригорѣлый. Есть много предложныхъ прилагательныхъ и безъ соответствующихъ имъ безпредложныхъ: огрубѣлый, оголѣлый, осовѣлый, ошалѣлый, обрусѣлый, которыя въ качествѣ атрибута удаляются отъ причастнаго значенія, а въ качествѣ аппозиціи могутъ даже замѣняться прич. на *з*, *вз*; напр. «человѣкъ возмужалый (=возмужавшій) въ трудахъ и

лишеніяхъ». При этомъ безпредложное прилаг., какъ болѣе удаленное отъ причастія, и въ безчленной формѣ не можетъ быть смѣшано съ глаг.: «смѣлый человекъ—онъ смѣлъ» (прилагательное), чего нельзя сказать о предложныхъ прилагательныхъ: «одурѣлый человекъ»—«онъ одурѣлъ» (глаг.).

Русскій языкъ, образовавши дѣепр. и сохранивши членныя причастія прошед. на *шій* и *виій* (отъ *ъ*, *въ*) съ *аппозитивнымъ* значеніемъ, чуждается *аппозитивнаго* употребленія какъ безчленныхъ, такъ и членныхъ прич. на *л*. Уже въ древ. яз. *аппозит.* причастія на *л* очень рѣдки и сомнительны, какъ напр.: «милостыни; *свѣзкушилася* (=совокушвишися) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человека» Пов. I.; «кто се есть царь славы, съ толикою на ны *прииселъ* (пришедшій) властно?» Кир. Тур.—Обыкновенно же прич. на *лъ* входитъ въ составъ *сказуемаго* и составляетъ описательную форму съ глаг. «есть», стоящимъ налицо, или подразумеваемымъ.

Незлюбовъ рус. языка къ аппозитивному употребленію причастій на *л*.

Обычное употребленіе прич. *лъ* въ качествѣ *сказуемаго*.

240

Бусл. (Гр. § 198, прим. 2) въ примѣрѣ: «гопъ (хвостъ) крѣпкой, короткой и неповислой и никуда на сторону *нескинулся* (вм. *нескинувшійся*)» считаетъ «нескинулся» за причастіе, но Потебня признаетъ его за глаголь, потому что съ *ся* атрибутивное прич. на *лъ* не употребляется.*) Равнымъ образомъ и въ примѣрѣ: «истоги *заросъ*, стоять», слово «заросъ» признаетъ Потебня не атрибутив. причастіемъ, а глаголомъ, такъ какъ оба глагола: «заросъ» и «стоятъ» тутъ равносильны и могутъ быть сопоставлены съ обычной формулой купчихъ XVII в.: «се язъ N, *живу* своимъ дворомъ, *продалъ* есмь» (Акты до Ю. Б.).

241

Въ противоположность рус. языку, въ польскомъ причастія на *ъ*, *въ*, по возникновеніи дѣепричастій, постепенно исчезли, и на мѣстѣ ихъ употребляются причастія на *лъ*.

242

Въ чеш. употребительны членныя прич. и на *ъ*, *въ*, и на *л* въ значеніи причастія.

7. Вѣроятно, иногда предикативное прич. на *л* соединялось обычно и съ другими вспомог. глаг., сочетавшимися со 2-мъ именительнымъ причастіемъ, кромѣ *есмь*, *бѣ*, *бѣдѣ*; но уже въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко такія сочетанія: «*чюется* къ Богу *прѣдалъ*» (XII в. «Свѣд. и З.» Срез.), «*творяшися* добро *учинилъ*» Лавр.

Рѣдкіе случаи сочетанія предикативныхъ прич. *лъ* съ другими вспомог. глагол. въ древ. рус. яз. кромѣ «есмь».

Въ рус. литературномъ яз. прич. на *л*, ограниченное только кругомъ *предикативности*, сочетается не со всеми вспомогат. глаг., а лишь съ нѣкоторыми формами глагола *существительнаго*, въ позднѣйшее же время съ *однимъ наст.* «*есмь*», который возвысился до *чисто формальной* предикативной связи.

Употребленіе прич. *лъ* въ соврем. литер. яз.

*) Срав. выше II, 234. И. Б.

8. Сочетаніе прич.—*лз* съ наст. вр. *есемь* и пр.

Употребленіе вспом. глагола «есемь» въ дрв. рус. яз. А) Въ дрв.-рус. яз. вспомогат. глаг. «есемь» обыченъ при причастіяхъ на *лз* при существительныхъ и прилагательныхъ во всёхъ лицахъ:

244—246	Ед. ч.	Дв. ч.	Множ. ч:
	1 л. <i>есемь</i> <i>есми</i>	1 л. <i>есвѣ</i> <i>есва</i> (позднѣе)	1 л. <i>есемы</i> <i>есмз</i> (очень рѣдко)
	2 л. <i>еси</i> <i>есъ*</i>	2 л. <i>еста</i>	<i>есми</i> (рѣдко)
	3 л. <i>есть</i>	3 л. <i>еста</i>	<i>есме</i> , <i>есмя</i> (влр. въ 14 в.) <i>есмо</i> (позже 14 в. въ юж. и зап. памятникахъ)
			2 л. <i>есте</i> <i>естя</i> (позднѣе; ср. съ <i>есмя</i>)
			3 л. <i>суть</i> .

Сочетанія съ „есемь“ и проч. не книжныя только, при чемъ вспомогательный глаголь ставился и впереди, и позади причастія на *лз*.

«есемь» въ зв. предикат. связки съ чисто-форм. значеніемъ: В) Вопреки мнѣнію Бусл. (Гр. § 177, прим. I), что будто бы *есемь*, *еси*, *есмы* и *есте* (1 и 2 л.), потерявъ силу глагола, стали позднѣе употребляться для обозначенія только лицъ; т. е. вм. я, ты, мы, вы,—Потебня говоритъ, что глаголы эти теряютъ лишь свое *вещств.* значеніе и становятся, такимъ обр., *формальными*, но остаются все-таки глаголами, именно — *предикат. связками*; поэтому, когда съ теченіемъ времени связки эти начали опускаться все чаще и чаще, то взаимно ихъ стали ставиться личныя мѣст., какъ чисто *формальныя* же слова, безъ всякаго *вещств.* содержанія, а только для обозначенія лица**).

247 Опушеніе «есемь» въ др.-рус. пам. В) Такъ какъ *имя вообще*, а въ частности и *прич.*, само по себѣ есть *3-е лицо*, то легче всего опускаться глаг. вспомогат. *ес* въ *3-мъ лицѣ*. Такіе случаи опущенія есть уже въ Супр. р.—Въ хорут., серб., болг. опускается только *естъ*. Въ рус. яз. съ древнѣйшихъ временъ опущеніе «естъ» обычно; въ Новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV вв. *постоянно*, но «еся», «есме» удерживаются. Опушеніе „суть“ съ XIII в. обычно; *есмь*, *еста* опускаются рѣже; еще рѣже—другія лица.

*) „Ты еси не братъ, но ратный еси ему“ Ипат., при чемъ въ Ипат. лѣтописи «въ звуковомъ отношеніи съ этимъ *еси* равносильны *мъ* изъ *ми* и *тъ* изъ *тъи*» (dat. ethnic: ср. выше стр. 199): „абы—мъ (=ми) дасть Богъ мочи изволодѣти“; «то—тъ (=ти) Василько побѣдилъ Литву».

***) Срав. выше I, 93.— И. Б.

Г) Въ влрусскихъ говорахъ „*еси*“, при—*лъ* теперь, по-видимому, исчезло, за исключениемъ „гой *еси*“ въ ибѣняхъ; *) *ієсть* съ—*лъ* встрѣчается нрѣдка, какъ архаизмъ; *є* (= *єсть*) при—*лъ* въ народныхъ ибѣняхъ употребляется въ значеніи не только 3-го, но и 2-го л. ед. и множ. числа. Какъ полнѣе сказуемое и связка при *существовательныхъ и прилагательныхъ* „*єсть*“ употребляется во *всѣхъ* лицахъ ед. и множ. ч. безразлично.

Опущеніе *є* *єсть* въ влрусскихъ говорахъ.

Д) Въ восточно-марус. *єсть* и *суть* при—*лъ* постоянно опускаются; но при именахъ встрѣчаются; *еси* и *єсте* встрѣчаются въ ибѣняхъ при именахъ, а при—*лъ* не слышно.

Опущеніе *є* *єсть* въ влрусскихъ нарѣчьяхъ.

Е) Въ Сѣв-западныхъ предѣлахъ марусскаго нарѣчья:

1 л. ед. ч. вм. «*єсь*» встрѣчается *м* **)

2 л. ед. ч. *ієсь* употребляется,

3 л. ед. ч. *єсть* не слышно, какъ и въ вост. мар. ***)

1 л. мн. ч. *єсьмо*, *сьмо*.

2 л. мн. ч. *те* (изъ *єсте*), особенно съ личн. мѣст. «*ви*»: „*ль якого ви-те браю?*“, при чемъ въ иныхъ случаяхъ лишается предикативной силы и становится частью личнаго мѣстоименія: „*ой воли мой, чемъ ~~те~~ не-орете?*“ ****).

Ж) Въ Юго-запад. (галш.) мар. нарѣчьи:

	муж. р.	жен. р.	сред. р.
Ед. ч. 1 л.	орав- <i>јем</i> (орав- <i>єм</i>), <i>јім</i> (— <i>ім</i>)	орала- <i>м</i> , ходила- <i>ям</i> лишала- <i>єми</i> — <i>єме</i>	орало- <i>м</i>
2 л.	орав- <i>єсь</i> , <i>јісь</i> , <i>ісь</i> ,	орала- <i>сь</i>	орало- <i>сь</i>
3 л.	орав <i>є</i>	орала <i>є</i>	орало <i>є</i>
Мн. ч. 1 л.	орали- <i>сьмо</i> (— <i>сьме</i> , — <i>м</i>)		
2 л.	орали- <i>єте</i>		
3 л.	орали <i>суть</i> , при чемъ <i>є</i> (3 л. ед. ч.) и <i>суть</i> ближе къ восточ. малороссій опускаются.		

*) При чемъ *еси* относится и къ множ. ч. безразлично (Ср. дал. II, 250): «гой *еси* *єи* люди работные»; «гой *еси* ты *єси* царь Сауль». Поэтому здѣсь формы вепом. глагола не замѣняютъ уже соответствующаго личнаго мѣст., вопреки мнѣнію Вуслаева (Гр. § 187, Пр. 1; § 202, Пр. 4.).

**) „еще—*м* я молодой незрадив никого“.

***) О 3-мъ л. множ. ч. у Потебни ничего не говорится. И. Б.

****) Въ влрусскихъ областныхъ говорахъ подобно „*те*“ также употребляются част. „*єте*“ (изъ *єсте*) и „*єта*“ (изъ *єста*), по видимому, теперь только для выраженія вѣжливости: „пожалуй-*єта*“, или для показанія вводной рѣчи: „она багетъ: я—*єта* и въ домъ не пушу“.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

- 253 Сочетаніе прич. на I съ *jesm* въ польск. яз. 3) Въ польск. яз. а) въ древнѣйшихъ памятникахъ при сочетаніи съ прич. на I исключительно господствуетъ простое наст. *jesm* и проч.;
- 253--255 б) въ XV-XVI вв. появляются въ 1 и 2 лицахъ ед. и мн. ч. сочетанія *ja-m jest* (=я есмь), *ty-s jest*, *my-smy sa*, *wy scie sa*, въ коихъ *jest* и *sa* служатъ для усиленія предикативной связи при именахъ, въ 3-мъ же лицѣ просто *jest* и *sa*;
- в) въ вышеишемъ литер. языкѣ въ 1 и 2 лицахъ при формахъ *ja-m jest*, *ty-s jest*... стоять и слитныя: *jestem*, *jesteś*, а во множ. только слитныя: *jesteśmy*, *jesteście*, въ 3-мъ же лицѣ для *обоихъ* чиселъ—*jest*. Форма *byłem* (=млр. був-зем) есть стяженіе глагола существительнаго *jesm* въ „ем“ (*byl+jesm*). Въ памятникахъ XVI в. употребляются формы *tedy-smy pytali* рядомъ съ *tedy-smy pytali*, которыя перенесли и въ зап. рус. памятники: „подтвердлившы“ и пр., гдѣ переходъ *ch* въ *s* объясняется фонетически (Ср. аор. *приидхъ* изъ *приидхъсь*); что же касается формы на *ech* въ 1 л. ед. ч. (*bylech*), то она равносильна съ-ем,-m (*byłem*) изъ *jesm*, и *ch* фонетически не могло перейти изъ *m*.

9. Значеніе сочетанія—*лз* есмь.

Двѣ эпохи сочетанія—*лз* съ „есмь“.

Нужно отличать двѣ поры сочетанія—*лз* съ „есмь“:

- а) *древнѣйшую*, одновременную съ простыми прош., и б) *позднѣйшую*, послѣ потери прошедшихъ простыхъ.

256 Какъ лучше назвать формы—*лз* съ „есмь“ и съ „бхъ“.

А) Формы, въ родѣ „сѣяль *iesi*“, не есть perfectum, какъ наз. Микл. въ отличіе отъ „сѣяль *бъ*“, *бъаше*, которыя оны наз. *plusquamperf.* и ч. „сѣяль *iesi*“ не соответствуетъ греч. perfectum и въ слав. яз. не заключаетъ понятія о совершенномъ. Поэтому первую форму лучше называть (согласно съ Востоку) *прошедш. сложнымъ*, и вторую—*переходящимъ сложнымъ**).

Эпоха древ.

Древнѣйшее значеніе сочетанія—*лз* съ „есмь“ должно

257

быть выведено изъ его строенія**). Сначала—*лз* съ „есмь“ было

сочетаніемъ *двухъ* формъ, вносящихъ свои отгѣнки времени: прошедшаго (прич.) и настоящаго (есмь). Т. обр. форма—*лз* съ „есмь“ первонач. изображала событіе *прошедшее* по отношенію къ *настоящему*, напр. „еслико насъ *крестилися есмы*, вляхомъ ся“, Лавр., т. е., сколько насъ *есть* (въ наст. вр.) *крестившихся* (прежде), мы всѣ покаяшесъ. Отсюда пошло, по замѣч. Бусл. (Гр. § 189, 3, пр. 3), употребленіе *прошед.—лз* въ старш. яз. о морѣ, рѣкѣ и т. п.: море Черное *обтекло* съ полдня; р. Десна *потекла* на подни... Дунай *рѣка*... къ морю *расшиблась* на многія гирла.

*) Срав. дал. II, 261. И. Б.

**) Срав. выше II, 137—139. И. Б.

. Старинныя выраженія *прош. вр.* указываютъ на фактъ, пѣкогда совершившійся, напр., на дѣйствіе рѣки, которая *тѣкогда* потекла... и ввела туда-то^{*)}, а Потебня прибавляетъ къ этому: „на фактъ, совершившійся и пребывающій донынѣ“, ибо безъ этой прибавки слова Буслеева будутъ относиться не только ко врем.—*лз есмь*, но и къ *прош. простымъ* (которыя выражаютъ то, что кто сдѣлалъ безъ отношенія къ *наст. вр.*), какъ напр. „Днѣпръ *потече* (*прош.*) изъ Оковьскаго лѣса и *потечеть* (*наст.*) на поля дне“ (Лавр.)

В) Въ позднѣйшую пору въ рус., мдр., польск. чеш., серб. языкахъ сочетаніе—*лз съ „есмь“*, обратившись въ одну глаг. форму и потерявъ двойственность значенія времени (прошедшаго по отношенію къ настоящему), стало выражать только *прошед. вр. безъ отношенія къ настоящему*. Сліяніе—*лз съ „есмь“* въ одинъ актъ мысли совершилось тѣмъ легче, что значеніе времени „есмь“ постепенно забывалось вслѣдствіе вытѣсненія формъ—*лз бѣхъ*, — *лз бѣхъ*, — *лз буду*, съ которыми могло еще сравниваться сочетаніе—*лз есмь*. Когда же исчезли въ языкѣ и простыя формы преходящаго и аориста, тогда по необходимости—*лз есмь* должно было смѣнить ихъ мѣсто въ качествѣ глагола *прош. вр.* Можно думать поэтому, что форма „*лз есмь*“ стала *одною* формою съ того времени, какъ исчезли *имрѣ*. и *аог.* А такъ какъ *аог.* и *имрѣ*. были и въ письменныхъ памятникахъ, и въ живой рѣчи еще въ 12-13 вв., то *слияніе* «—*лз есть*» въ одну форму должно быть отнесено въ рус. яз. только къ 14 в., не ранее.

Эпоха позднѣйшая, когда—*лз есмь* слилось въ одну форму.

259

10. Въ литов-лотыш. яз. за отсутствіемъ причастія, равнаго славянскому—*лз*, функционировало въ сложной формѣ причастіе, равное славянскому *з*, *вз*. Сложная форма эта также стремится вытѣснить прошедшее простое, какъ и въ рус. яз., при чемъ въ народныхъ пѣсняхъ гл. вспомогат. опускается во *всѣхъ* лицахъ.

Вытѣсненіе простыхъ прошедшихъ въ лит-лотыш. яз.

259

11. Мркя. считаетъ *бѣхъ* и *бѣхъ* за *имрѣ*. и вслѣдствіе этого описательную форму—*лз съ* этими глаголами—за *рѣрѣ*, какъ—*лз съ* «есмь»—за *регѣ*. (Ср. II, 256). И дѣйствительно *прошед. прич.* означаетъ здѣсь пѣтѣо предпрошедшее, «запрошлое», по отношенію къ *бѣхъ* и *бѣхъ*.

Рус. причастія *лз съ* *быхъ*, *бѣхъ*, *бѣхъ* съ *изъавит.*

251

А) Однако сочетаніе, какъ «далъ *бѣхъ*», можетъ быть называемо *давипрошедшимъ* «не по своему глаголу, а по причастію», т. е., *запрошлое*, *предпрошедшее* значеніе сложной формы «—*лз бѣхъ*» находится не въ «*бѣхъ*», а въ самомъ причастіи, и какъ въ формѣ «—*лз есмь*» причастіе означало въ старин. языкѣ про-

Сочетаніе *лз съ* *бѣхъ*, *бѣхъ* значеніе его.

*) Значить, здѣсь „потече“ и „потечеть“ вмѣстѣ равняются какъ бы одной формѣ „потекль есть“. И. Б.

шедшее время по отношенію къ настоящему «есмь». (Ср. выше II, 257), такъ и въ формѣ «—лъ бѣхъ» различаются тоже два момента мысли: одинъ, выражаемый глаголомъ «бѣхъ», и другой, заключающійся въ причастіи «—лъ»; этотъ-то послѣдній моментъ мысли и является *предпрошедшимъ* по отношенію къ прошедшему «бѣхъ». Напр. «и ту вен быша; въ то же время пришелъ бѣ Гюргевиць» Плат., т. е., Гюргевиць *былъ* одновременно съ остальными, но *пришелъ-то прежде*.—«И видѣ два ангела... идеже бѣ лежало тѣло Иисусово», т. е., въ то время оно уже не лежало, но было *лежавшимъ прежде*. Такимъ образ., вещественное обозначеніе *предшествія* должно быть относимо къ прич.—лъ, а не къ бѣ, въ чемъ можно видѣть признакъ стремленія къ поглощенію времени глагола *временемъ причастія*, какъ это видно было и въ описат. формахъ—лъ съ «есмь».

Съ тѣмъ же отбѣнкомъ, но *образо рѣже*, встрѣчается и сочетаніе —лъ съ *быхъ* въ *изъявительномъ* значеніи *): «Изяславъ же не хотяше не Кіева поити, зане *улюбилъ* («улюбить» Лавр.) *бы* Кіевъ ему» Плат., т. е., Кіевъ *былъ* ему *въ это время полюбившимся* (прежде).

Б) «Бѣхъ» само по себѣ не изображаетъ событія *предшествующаго*, но, какъ *преходящее, длительное*, захватываетъ моменты, далѣе отстоящіе отъ наст. вр., чѣмъ аористъ, (бѣ, бы), означающій *моментъ одновременный* съ другимъ прошед. временемъ: «и *бысть* (Климъ черпориц.) книжникъ и философъ такъ (=такой), яко же въ русской земли *не бѣиеть*» (*не бывало*) Плат. Но въ сочетаніи съ прич.—лъ, «бѣхъ» отнюдь не соответствуетъ вышнему прошедшему длительного глагола *бывалъ*, и вещественное обозначеніе давно прошедшаго вр. относится здѣсь уже не къ причастію—лъ, какъ при аор. бѣ, бы, а къ *бѣхъ*, (*бѣхъ*). Напр. „Иисусъ... обрѣте и четыре дни уже имаща въ гробѣ... мнози же отъ Иудей *бѣхъ* *пришли* къ Марьѣѣ и Маріи“ (Остр.-Е**).

Оба разсмотрѣнныя сочетанія—лъ съ *быхъ* и *бѣхъ* вполне русскія, на что указываютъ даже рус. формы: *бѣиеть*, *бѣхуть* (вм. ц. слав. бѣише, бѣиха). Въ серб. яз. оба эти сочетанія живы и теперь, въ польскомъ же, чеш. и позднѣйшемъ рус.—исчезли.

12) Сочетаніе—лъ съ *бывъ* *есмь* есть болѣе позднее, хотя въ Лавр., Плат., Нов. I и стоитъ рядомъ съ предыдущими. Что сочетаніе это позднѣйшее, видно изъ того, что 1) въ Остр. Ев. и другихъ древнихъ слав. памятникахъ этого сочетанія нѣтъ; 2) въ древнихъ лѣтописяхъ оно является *сначала* излишнимъ при фор-

*) Объ употребленіи *быхъ* въ условномъ, желательномъ и сослагат. наклон. см. дал. II, 269 и слѣд. И. Б.

***) т. е., *были* приходившими *прежде* пришествія Иисусова, тогда какъ „бѣша пришли“ значило бы: „были *въ то время*“, но *пришли прежде*. И. Б.

махъ—*лз бы* и *быхъ* и только послѣ исчезновенія ихъ.,—*лъ былъ есмь*“ стало необходимо, при чемъ „*есмь*“ часто опускалось.

Вопреки Востокову, нѣтъ основанія считать это сочетание „прошедшимъ соверш.“ п. ч. причастіе въ немъ можетъ б. и отъ глаг. несовершеннаго.

Сначала, —*лъ былъ есмь*“ означало только предшественность настоящему и прошедшему безъ тѣхъ, впрочемъ, отглагольствій, которые мы видѣли въ, —*лъ бѣхъ*“ и, —*лъ бѣахъ*“. Напр. „челюдь ему вороти, што *была* рать *повоевала*“ Плат.—Затѣмъ, въ тѣхъ же памятникахъ, вследствие частаго употребленія въ противоположеніяхъ, сочетание, —*лъ былъ есмь*“ получаетъ отглагольствія, не дошедшаго до надлежащаго исполненія: „се уже *прельстилъ* мя *еси былъ* (=было), дьяволе, ... а уже не пмамы ся затворити въ пещерѣ“ Лавр.—„Се Володимеръ и Псыславъ хрестъ къ намъ *была* чьловала...“ и (=а между тѣмъ) хотѣла со мною лествю; убити ми хотяча“ Плат.

267

Въ вост. и с.-вост. маруе. такое употребленіе есть и донныѣ, только съ опущеніемъ „*есмь*“.

Въ влрус.: „имали быти“ и др. оставалось до 18 в.; въ сказкахъ: „жилъ былъ“—болѣе древнее и безъ отглагольствованія.

Сочетаніе это никогда не было *одною* формою, что видно изъ разложенія его въслѣдствіи на безличное *было* съ прич. *лз*: „хотѣлъ *было*, да раздумалъ“, и подобно тому, какъ въ безличныхъ оборотахъ, въ родѣ „быть, *было*, пенастью, да дождь помѣшалъ“, гдѣ „*было*“ равно безличному сказуемому „было есть“, которое *не можетъ сливаться* съ другимъ сказуемымъ въ одну форму, такъ и въ оборотахъ «хотѣлъ было, да раздумалъ» *было* предполагаетъ посредствующую ступень «было есть: хотѣлъ есть», гдѣ обозначается не одинъ, а два момента мысли.

268

Въ ю.-западныхъ малор. и польск. языкахъ сочетаніе это употребляется безъ противоположенія; тоже—въ чеш., серб., хорут., хорватскомъ.

Въ лит.-лотыш. веѣмъ *тремъ* сочетаніямъ (—*лъ бѣхъ*, —*лъ бѣахъ* и —*лъ былъ есмь*) соотвѣтствуетъ сочетаніе причастія, равнаго славянскому причастію на *ъ*, *въ* съ вепом. глаг. прош. вр.

13. Причастіе —*лз* съ *быхъ*, *бы*.

269

Въ такъ называемыхъ напшонскихъ и.-сл. памятникахъ аор. 1 л. *бимъ*, 3 л. *би*, множ. *бимъ*, *бисте*, *биши* встрѣчается съ прич. *лз* лишь для выраженія *условности* (съ „аште“ и безъ него) и *желательности* (съ „да“), въ памятникахъ же ст. славянскихъ и древ.-русскихъ аор. *быхъ*, *бы*... употребляется и въ знач. *изъявительномъ* (Ср. выше стр. 263), а *би* въ сложеніи съ предлог. (прѣбысть) —

Причастіе *лз* съ *быхъ* въ условныхъ.

только въ изъяв. и при томъ съ *веществ.* значеніемъ*). Переходъ аор. *быхъ* отъ изъявительнаго къ услов. значенію предполагаетъ уже чистую формальность въ „бы“ и *не сочетаніе* причастія съ „бы“, а *одну* грамат. форму, при чемъ прич.—*лъ* иногда опускается: „аще бо *бы* (быль) перевозникъ Кій, не *бы* ходилъ Царьграду“ Лавр.

270

Условія недѣй-
ствительнаго.
А) Прич.—*лъ* съ „быхъ“ съ условнымъ знач. ставится какъ въ условливающемъ (*protasis*), такъ и условливаемомъ (*apodosis*), при чемъ въ *protas.* обыкновенно ставятся союзы (въ старин. рус. яз. *аще, аче, а, да, оже* и проч.), которые, впрочемъ, легко могутъ и опускаться, равно какъ и самыя условія, напр. въ выраженіяхъ вѣжливости, осторожности: „я *бы* думалъ, ... полагалъ *бы*“ (подразумѣв: если бы...); „была *бъ* (=если бѣ была) прежняя молодость, выручивъ *бы* тебя“.

271

Основаніемъ для перехода прошед. *изъявит.* „бы“ къ значенію *условному* служитъ сходство прош. времени со всеми *идеальными* наклоненіями (услов., желат., сосл.), ибо какъ идеальныя накл. изображаютъ событія существующими *только въ мысли*, такъ и прошедшее можетъ разсматриваться какъ „отрицаніе дѣйствительнаго присутствія (наличности) явленія“, чѣмъ и объясняется то, что въ нѣмец. и латш. яз. недѣйствительная (ирреальная) условность выражается временами прошедшими. Съ условнымъ значеніемъ употребляется—*лъ быхъ* и въ другихъ славянскихъ нар., а въ серб. и болгар. условное значеніе получаютъ и другія прошедшія изъявительнаго наклоненія, при чемъ условность отъ союза не зависитъ, и сама условная частица, напр. серб. *е*, по видимому, равносильна плеонастичному рус. *что* (древ. рус. *оже, еже*): «Но говори Аиѣ Иванова: *е* волижахъ Шивлянина Баја» (Нѣв. Приг.). Позднѣе къ такимъ переходящимъ условнымъ, какъ «волижахъ» стало прибавляться *би* въ качествѣ союза: „Волижахъ *би* Мирковича Вука“.

272

—*лъ быхъ* желательнаго.
Б) *Желательное* значеніе „быхъ—лъ“, какъ и условное, выражается не только съ союзами, но и безъ нихъ. Въ *др.-рус.* яз. ставились союзы: *а, да, аже, чьто, како—быхъ*, откуда образовались потомъ сложные союзы: *абы, дабы, ажбы, чьтобы* (Ср. далѣе II, 280, 281): „а *бы* Богъ далъ, вы *быста* уладилася съ своимъ братомъ... а (=и) *быста* вы сидѣли въ Кіевѣ“ Плат. Въ позднѣйш.: „дай Богъ, ты *бы* (=соврем. литер. *чтобы*), господишъ мой, здоровъ *былъ* на многія лѣта“ (Акт. З. Р. 1536 г.). Можно бы думать, что желательное значеніе «—*лъ оихъ*» возникло изъ условнаго, при коемъ умолчано условливающее

*) Есть случаи сокращенія въ древ. рус. яз. *быши* (3 л. мн. ч.) въ «бышичъ» отс., по видимому, является рус. частица „бишь“ черезъ переходъ *и* въ *и*, такъ что „бишь“ есть остатокъ изъявительнаго сочетанія „быши“ съ прич.—*лъ*: „какъ—*бишь* его звали“=„како *быши* звали его“ (Дополн. ко II ч. „Записокъ“).

(profas.), но, по мнѣнію Потебни, здѣсь нѣтъ нужды выводить желат. накл. изъ опущеннаго условія; напротивъ, вѣрнѣе, что самая условность появляется изъ желательности: первоначально чисто желательное „ты бы сходилъ“ („а тебѣ бы сходить“), а потомъ уже съ условнымъ отбѣнкомъ: „если хочешь“. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по видимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль можетъ прямо переходить отъ изъявн. прошедшаго къ желат. наклоненію: то, что желательно намъ, представляется въ нашихъ желаніяхъ уже осуществившимся *событіемъ*, но только *событіемъ въ будущемъ*. Такъ, въ нѣспяхъ литовскихъ и русскихъ, далеко выданная замужъ дѣвушка думаетъ о томъ, какъ бы ей вернуться домой: „пойду я въ лѣсъ къ пестрой кукушечкѣ, займу у ней крыльевъ... полечу къ матушкѣ... тамъ буду куковать, не услышитъ ни матушка“. До сихъ поръ *желаемая* событія изображаются *буд.* временемъ, но затѣмъ, въ силу самообольщенія мысли, будущее, желаемое является уже какъ бы совершившимся, и потому нѣспя продолжаетъ въ *прошед.* вр. „Услышала (матушка) голосокъ, открыла окошко“... Т. обр., *будущее событіе* можетъ изображаться по-русски *совершеннымъ прошедшимъ*, въ серб. чаще аористомъ и прошедшимъ „—лъ іесъ“, въ мдр.—тоже прошедшимъ.

Выраженіе желательности изъявительнымъ проищ. времени.

273

274

Середину между такимъ употребленіемъ прошедшаго и образованіемъ изъ него новой грамматической формы занимаютъ, по видимому, формы „—лъ“ послѣ «дай Боже» (мдр. бѣ дай=Богъ дай), а также и безъ такихъ выраженій: „дай Спици; здоровъ *былъ* государь мой батюшка... Дай Господи, здоровъ *былъ* правосл. царь“... (Пѣс. Рич. Джемса 1620 г.). Въ мларус.: „бодай волі живи *були*“; „бодай вінъ *здохъ*“.*—Такъ же въ болгар., польскомъ, латышскомъ. Точно также безъ „бодай“ и другихъ подобныхъ въ смыслѣ пожеланія или повелѣнія: „здорова *была*“—„а *побила* тебе лихая година!“ влвр: „пошелъ!“ „пошелъ воиъ!“—„Пригоже намъ *было* (=было бы) тобя жаловати..., да еще есмь лѣты не совершенны“ А. В. Р. Сюда же относятся въ серб. клятвенныя увѣренія (рѣже *безъ прошед. мли.*): „такъ ја здрав *био*“, „такъ ја здрав и жив!“ Отсюда—*переходъ къ условности*: «*била* здрава глава моја (=пусть будетъ... если будетъ здорова...), родиће ми зуба сна».

275

276

277

Въ русскихъ памятникахъ до 14—15 в. „*быхъ—лъ*“ въ условно-желат. значеніи вполнѣ обыченъ, какъ *маюлг*, спрягаемый по всеѣмъ лицамъ: „аж *быхомъ* что тако *учиниш*, того не дай Богъ“ (Смол. гр. 1229). «Игорь... оишь погна къ полякомъ того дѣля, что *быша* (=что бы) познали князи и возворотилися *быша*» (=бы) Ипат.

278

* Не нужно смѣшивать съ подоб. выраженіями такого: „бодай би вінъ здохъ“, въ коемъ желательность зависитъ уже отъ „би“ (изъ „быхъ“).

Бы, какъ сов. зл.
и отличіе его отъ
глагол. *былъ*, въ
древ. памят.

Не позже XIV в. рядомъ съ глаг. „*быхъ*“, имѣвшимъ еще предикатив. силу съ отношеніемъ къ наклоненію, является въ русскихъ памятникахъ *бы* и какъ союзъ, отличающійся отъ глагола

273

а) тѣмъ, что онъ не согласуется уже съ прич.—лъ и подлежащимъ: „аже *бы* (вм. *быхъ*»: 1 л.) язъ *хотѣлъ*... а *бы* (вм. *бына*) въ землю гдубоку *не вхоудити*“ Плат:

281

б) тѣмъ, что рядомъ съ *бы* появляется *еси, есте* въ качествѣ вспомог. гл. при—лъ: значить, *бы* потеряло уже предикат. силу. Напр. «аще быете чловѣци (былъ Плат.), то въ дне *бы есте* пришли (ходили)» Лавр. Тоже явленіе въ морав. говорѣ, юго-зап. мѣруе. (*бись, бисьмо, бисте* изъ *бы+ись*...): „ой ко-б була-сь, мати, *знала* таку мою долю, ти(-б) була-сь мня утоила малов дѣтиною“ (Микл. Гр. IV. 811).

в) Еще болѣе внутренній признакъ перехода предикативнаго *быхъ* въ союзъ *ом* проявляется въ связи съ предшествующими частицами: *лишь бы* (лишь бы), *только бы*, *хотя бы*, *чтобы*, *како бы*, *кабы*, мѣр. *як бы*. Въ этомъ видѣ *бы* порываетъ связь съ—лъ въ древ.-рус. яз. и получаетъ возможность соединяться съ друг. формами: „лишь бы *выйти* замужъ“ при чемъ нынѣшнее: „чтобы *пришелъ*“ возникло не прямо изъ стариннаго „*бы* (= *быхъ*) *пришелъ*“, а изъ „что+*бы* *есть* *пришелъ*“, такъ что не въ глаголѣ „*есть* *пришелъ*“ заключается условное или желательное значеніе, а въ союзѣ *чтобы*, въ коемъ „*бы*“ вовсе не есть уже глаголь, какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 194).

281

Сослагатель-
ность въ слав.
языкѣ.

Г) *Сослагательность*, не свойственная славянскимъ яз., проникаетъ въ ц.-слав. памятники изъ греч. языка, а въ чешскіе и польскіе по преимуществу изъ латинскаго, съ 14-го же в. черезъ польскій яз. проникаетъ сослагательность и въ зап.-русскую письменность.

Сослагатель-
ность въ усло-
внѣхъ.

а) *Сослагательность въ условныхъ предложеніяхъ*.— Высшее проявленіе сослагательности въ славянскихъ яз. Понятно видѣть въ присутствіи союза *бы*, поставляемаго въ условныхъ предложеніяхъ для выраженія *недѣйствительности* событія, такъ что, по его мнѣнію, всѣ русскія сослагательныя наклоненія образуются только изъ условныхъ предложеній. Но онъ строго разграничиваетъ условность, зависящую отъ формы „—лъ *бы*“, въ которой и проявляется сослагательность, и условность, зависящую отъ самыхъ союзовъ. Онъ говоритъ: „Такъ какъ условные союзы*) сочетаются въ рус. языкѣ не только съ

*) Целав. *аще*; др.-рус. *аже* (изъ а+оже), *оаже* (изъ да+оже), *аже, оаже* (изъ да+аже), *ажи* (изъ аже+и); позднѣйшіе: *если* (изъ есть+ли), *ежели* (изъ еже+ли), *буде* (изъ „будеть“: срав. далѣе II, 293, 296). И. Б.

условными формами глагола („—лъ быхъ“), но и съ изъявительными, то условность формы „—лъ быхъ“ есть нечто отличное отъ условности союзовъ и независимое отъ нея⁴, именно: условность значенія „быхъ—лъ“ въ древнемъ языкѣ, какъ видѣли выше, есть *отрицаніе дѣйствительности* событія (Срав. выше II, 270), условность же, зависящая отъ союзовъ, представляетъ событіе дѣйствительнымъ, почему и ставится часто послѣ условныхъ союзовъ въ ст.-слав. и другихъ языкахъ *изъявительное* накл. будущаго или наст. вр. тамъ, гдѣ по-гречески и по-латинѣ стоитъ послѣ условнаго союза *сослагательное* накл.; въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ, подъ вліяніемъ латинскаго и нѣмецкаго, въ этихъ случаяхъ можетъ ставиться кромѣ изъявительнаго и условное наклоненіе съ *by*. Напр. ц.-слав. *аще кто не родитъся* (= ἐάν μή γεννηθῆι, nisi genitus sit) съвыше, не можетъ вѣдѣти цѣсарствія божія⁴; въ рус. и серб. стоитъ изъявительное, въ польскомъ же—сослагательное, а въ другомъ такомъ же случаѣ—изъявительное. Или др.-рус.: „аъ оубѣтъ мужь мужа, то мьстити братоу брата“ (Рус. Прав.). Въ этихъ и подобныхъ оборотахъ условное накл. въ ц.-слав. и рус. языкахъ не есть *сослагательное*, но если въ apodosis'ѣ вм. изъявительнаго (не родитъся) или *дебитивнаго* (мьстити) наклоненія явится сочетаніе съ *by*, то и protasis въ рус. языкѣ обратится въ *сослаг. наклоненіе*: „если *бы* кто не родился... не могъ *бы*“. Въ памятникахъ же зап.-рускаго яз., подъ вліяніемъ польскаго, и послѣ *изъявительнаго* и *дебитивнаго* apodosis'a могло ставиться въ условномъ предложеніи *by*: „*есть ли бы* хрестыанинъ жида забилъ, маеть быти каранъ (Акт. 3. Р.).“)

б) Латин. conjunct. въ независимыхъ вопросахъ: quis hoc credat? quid ennumerem? передается или 1) *изъявительнымъ* личнымъ: „кто этому *повѣритъ*“? или 2) *дебитивнымъ неопред.* съ подраз. „*есть ли*“: „зачѣмъ мнѣ *перечислять*“? Отвѣтомъ на эти вопросы должно быть: никто этому *не повѣритъ*, не *зачѣмъ* мнѣ *перечислять*. Но если эти вопросы передадимъ по-рус. *условнымъ* выраженіемъ съ „*бы*“: „кто *бы* этому *повѣрилъ*“? (подраз.: „если *бы* даны б. такіа-то условія),—то въ отвѣтъ получится также условное выраж.: „никто *бы* этому *не повѣрилъ*“. А такъ какъ по-русски условныя предл. съ *бы* выражаютъ *условіе недействительное*, то надо здѣсь подразумевать, что условія этихъ *не даны*; вѣдѣствіе этого на вопросъ: „кто *бы* этому *повѣрилъ*“? въ отвѣтъ получается уже „а между тѣмъ *вѣрятъ*“. Так. обр., *сослагательное* выраженіе *незав. вопроса* по-русски имѣетъ *совсѣмъ противоположное* значеніе, чѣмъ

*) Вообще, по мнѣнію Потебни въ рус. языкѣ *изъявительность* или *сослагательность* apodosis'a влечетъ за собою *изъявительность* или *сослагательность* и protasis'a. Формъ смѣшанныхъ Потебня, по видимому, не допускаетъ. И. Б.

282

283

284

по-латинскѣ, и это оттого, что выраженію: „кто этому повѣритъ“ придается форма условнаго предложенія съ „бы“. Поэтому латинскіе независ. вопросы по-русски можно передавать только *изъяв.* или *дѣйствительнымъ* неопред. склоненіемъ.

285 Сослагатель-
ность въ косвен-
ныхъ вопросахъ.

в) То же самое събудетъ сказать и о косвенныхъ вопросахъ: *difficile dictu, quaeenam causa sit?* по-рус. можно передать только *изъяв.* накл.: „трудно сказать, какая (есть) причина“. Поэтому, встрѣчающіяся въ косвенныхъ вопросахъ условныя накл. въ смысл *сослагательномъ* Потебня считаетъ *несамостоятельнымъ* явленіемъ въ славянскихъ языкахъ; напр. въ Зограф. Ев.: „въвиду же помышленіе въ нѣ, кѣто ихъ вѣштен *би былъ* (quis esset, τίς ἄν εἴη). — Недоумѣхъ, чѣто *бѣ отвѣщали* (τί ἀποκριθεῖσι). Смѣшанное употребленіе въ косвенныхъ вопросахъ то *изъявительнаго*, то условно-сослагательнаго въ польск. и чеш. языкахъ д. считать случайнымъ. подъ вліяніемъ латин. яз., а тамъ, гдѣ сослагательное употреблено правильно, нужно подразумѣвать умолчаніе условія.—Въ литов.-лотын. зависимые вопросы условными склоненіями не выражаются; но въ стар. юж.-рус. письмѣ подъ вліяніемъ польскимъ: „пыталъ есмы того визня, хто *бы былъ*“ (1593 г.); также у Гоголя: „любопытнѣ бы однако знать, кто *бы* такая (вм. „кто такая“) была писавшая“ (Мертв. Д.)

286

Сослаг. съ *ли*
послѣ мѣст. и
нарѣч. относительныхъ.

г) На мѣстѣ латин. сосл. въ придаточныхъ предл. съ *quisvnde...* и въ рус. *можетъ* стоять сосл. „бы—ль“ условнаго значенія, но непременно съ „*ли*“: „что бы *ли* случилось, надѣйтесь на меня“, т. е.: „если бы *все* случилось, надѣйтесь на меня“. Когда же послѣ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ съ „*ли*“ ставится *изъявительное* накл. тогда получается *концессивное* значеніе: „что *ли* случится (= *хотя бы* случилось *все*), надѣйтесь на меня“. По мнѣнію Потебни, въ этихъ случаяхъ условный рус. оборотъ, благодаря „*ли*“, очерчиваетъ *весь* кругъ возможныхъ условій и „заключаетъ въ себѣ не отрицательный смыслъ, какъ можно бы думать, судя по тому, что условность есть отрицаніе дѣйствительности, а положительный: непременно что-нибудь случится“; тогда какъ *безъ* „*ли*“ русское „кто бы“, „что бы“ съ прич. — *ль* указываетъ только на *однѣмъ* случай и при томъ *недѣйствительный*: „кто бы сказать это (=если бы кто сказалъ это). солгалъ бы“, но подразумѣвается, что никто *не* сказалъ этого. Когда же нужно выразить случай *дѣйствительный*, тогда ставится по-русски *изъявит.* накл.: „кто *приметъ* одно изъ такихъ дѣтей (греч. εἶς с. conj. aor.) во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня“, между т., въ польск. и чешск. въ этомъ случаѣ ставится прич.—*ль* съ *бы*, а въ стар. Зап.-рус. и съ „бы“, и съ *изъяв.* накл.: *Kto by przijał... Kdoż przijał...* „А кто *бы* мѣль нарушити, разеу-

287

дятся со мною“ (Лит. З. Р. 1483 г.); „а хто се слово наше *порушитъ...*, разсудитя со мною предъ Богомъ (Кіев. гр. 1446).

д) Въмѣсто латинскихъ сослагательныхъ въ придаточныхъ предложеніяхъ съ *qui* послѣ главныхъ отрицательныхъ: *ne* *est*, *nihil est*, а также послѣ *quis est*, *qui...* и *non dubito, quin*

1) въ стар.-рус., какъ и въ старо-чеш., ставилось *причастіе безъ глаг.*: «*нѣсть кѣто донеса*» и неопред. накл.: „*нѣ-гому принести*“.

2) въ соврем. же литер. яз. *относительное мѣст.* ставится какъ съ *изъяв.* накл., такъ и съ „*бы*“: *нѣтъ* никого такого, *кто можетъ...* *нѣтъ* человека, *который бы, кто бы, идъ бы, куда бы...*; *общее* же заимъю этихъ относительныхъ словъ служить *чтобы*, при чемъ „*чтобы*“ сплошь и рядомъ у образцовыхъ писателей ставится *вм. что* и *будто* съ *изъяв.* накл.: „*Не слыхивалъ, чтобы* (=будто) *рыбка говорила*“ Пушкин.— «*И еще въ жизни не слыхивалъ, чтобы* собака могла *писать*» (=что можетъ...) Гог.

Потенія и здѣсь во многихъ случаяхъ предполагаетъ *первоначальныя* условныя предложенія; уже одно *влр.* „*будто*“ наводитъ на эту мысль (*будь*=если бы было что ниб.,—то бы...; *отс. будь...*, *то...*, *будто*): „*нѣтъ* такого, *кто бы* (=что-бы) могъ сдѣлать то-то“ (если бы онъ былъ). Съ теченіемъ времени „*предполагать* опущеніе условія становилось все труднѣе, а наличное условное (кто-бы...) все болѣе подходило къ тому *сослагательному* (съ „*чтобы*“), образцы коего давались латинскимъ и франц. языкомъ“. Т. обр. и вошло въ употребленіе *сослаг.* наклоненіе съ „*чтобы*“ *взамѣнъ* первоначальныхъ условныхъ, а *глав.* обр., какъ и *взамѣнъ* случаевъ, гдѣ въ *ст.-славянскомъ* и *сербскомъ* стоитъ *да* съ *изъявит.*: „*да* *взыкъ...* *не погыбнетъ, нѣ имать живота вѣчнааго*“.

е) Въ латинской *oratio obliqua* первое изъ придаточныхъ предложеній ставится въ *асс. е. inf.*, а слѣдующія въ *сосл.* накл. Въ нѣмец. и чеш. уже *вм. асс. е. inf.* ставится *сослаг.* съ союзомъ *изъяснит.* или безъ него, а въ *ст.-слав.*, *серб.* и *рус.* на этомъ мѣстѣ ставится *только изъявит.* накл. съ *изяснит.* союзомъ: *яко, что*; но въ стар. зап.-рус. письменности употреблялось и *сослаг.* накл. подъ вліяніемъ польскаго: „если бы *жидъ...* *рекъ, ижъ бы позычилъ...*“ (Грамота Витовта 1388 г.).

ж) Послѣ союзовъ: *пока, пока не, прежде нежели* Гоголь ставитъ *сослаг.* съ *бы*: «*прежде нежели онъ объяснилъ бы*» *вм. буд.* *изъяв.*: „*объяснить*“. Въ чеш. яз. также встрѣчается въ этихъ случаяхъ „*бы*—*ль*“ въ смыслѣ условно-сослагательномъ.

Изъ этого обзора видно, что отбѣнокъ *сослагательности, чуждый слав.*

Сосл. въ придаточныхъ предл. съ *qui* послѣ отрицательныхъ главныхъ и выражающихъ сомнѣніе.

288

289

290

Сослаг. послѣ *пока, прежде, чѣмъ* и под.

языку, въ рус. литературномъ яз. привился только въ одномъ случаѣ, именно: „чтобы—ль“ ⁶⁶ *послѣ отрицательныхъ предложений.*

14. Прич. на —ль съ „буду“.

Прич.—ль съ „буду“ не есть условное только, какъ думаетъ Вост. (Гр. 92—93), не есть и условное—совершенное, какъ считаетъ Бусл. (Гр. § 88. А. II, 4), ибо сочетание это употребляется и безъ всякаго условнаго отгьика, а причастіе образуется отъ глаголь и несоверш. вида.

Въ древ. яз. „—ль буду“ не представляетъ единства грамматической формы, а составляетъ сочетание формъ, изъ коихъ одна (—ль) изображаетъ *прошедшее событіе*, а другая (буду)—*отношеніе* этого событія къ *другому*, еще не наступившему событію (Ср. выше II, 257) и заключающемуся въ другомъ предложеніи, которое выражается или будущ. временемъ (часто съ обозомъ *да*), или повелит. накл.; или неопред. въ смыслѣ долженствованія.

Такое сочетание (—ль буду) выражается

А) въ *неусловныхъ* и Б) въ *условныхъ* предложенияхъ.

А) Въ *неусловныхъ* предложенияхъ употребленіе „—ль буду“ имѣть слѣд. отгьика: а) „буду“ въ сочетаніи—*ль буду* можетъ имѣть значеніе *одновременности* съ тѣмъ событіемъ, которое еще не наступило и которое выражено въ другомъ предложеніи. Напр. „не на мигъ та будетъ кровь (событіе не наступившее), но на томъ, кто *будетъ* криво *учинилъ* (Ипат. 612), т. е., кто *кажется* (въ день суда) *сотворившимъ* (прежде) неправду“.

б) „буду“ можетъ потерять значеніе одновременности съ *ненаступившимъ* еще событіемъ, *прошедшее* же вр. причастія—*ль* еще чувствуетъ *какъ прошедшее* по отношенію къ „буду“. Напр. „да аче стрый (дядя по отцу) *придетъ* на тя; Дюрги (Георгій, в. кн. Сузд.), *ногъ* (послѣ того какъ) ты ся съ людьми *утвердилъ будещи*, годно ти ся съ нимъ *умирити*“ Ипат. Здѣсь будущія времена: „*придетъ*“ и „*будещи*“ при прич.—*ль* *неодновременны* („будещи“ предшествуетъ времени: „*придетъ*“), *прошедшее* же вр. причастія еще чувствуетъ: послѣ того к. ты *будещи утвердившимся*—окажешься, что *утвердилъ прежде, передъ тѣмъ*.

в) „буду“ можетъ вовсе потерять значеніе будущаго вр. и взявъ этого получить модальный отгьикъ *вѣроятности, предполагаемости* (м. б., д. б., пожалуй, чего добраго и т. п.): „княже, не-лацъ (=*неспроста**) ти велита брата (дв. ч.) крестъ *тловати*: цъ (=*ци, чи*) *да будутъ* зливъ чловѣчи... *вложили будутъ**) зло слово“ Ипат.

*) Въ словарь Срезнев. „не-лацъ“=*необдуманно*. И. Б.

*) Частнца *чи* (*ци*) не всегда бываетъ вопросительною, какъ и здѣсь: она усиливаетъ модальный отгьикъ сочетанія «*вложили будутъ*» (=должно быть, вѣроятно, насплетничали).—Потѣбня.

г) Наконецъ, уже въ старш. рус. яз. могъ теряться отглагольн. и прошед. вр. въ—лъ, такъ что „буду—лъ“ становилось какъ бы одной формой вм. *буду съ неопред. начл. будещи отвѣтъ имъль* = будещи имѣть отвѣтъ. Ипат.—Польскій яз.; а за нимъ и зап. слр. особенно стали употреблять „буду—лъ“ въ этомъ послѣднемъ значеніи.

Б. „Буду—лъ“ съ союзами и безъ нихъ въ условномъ значеніи:

а) „Аще ли *взялъ, будетъ* (= если окажется *взявшимъ*) = *буду—лъ* съ услов. знач. если окажется, *что взялъ*), да заплатитъ сугубо“ Лавр. „И кто *будетъ былъ* въ разбоѣ..., и такихъ пытають“. Котоших.—Въ стар. чеш. и нынѣш. болг. то же самое.—Такою условностью въ „буду—лъ“ и отличать отъ условности въ „быхъ—лъ“ и съ союзомъ „бы“: «даже (=если) *быхъ* тако *сѣтворилъ*, а(=то) *былъ быхъ* правъ» выражаетъ *недѣйствительность*; „даже *если* тако *сѣтворилъ*, язъ *правъ*“ изображаетъ *дѣйствительное* прошедшее событіе, *послѣдствіе* котораго продолжается до *наст.* времени; та же дѣйствительность явленія и въ будущихъ условныхъ временахъ какъ простыхъ, такъ и сложныхъ: „даже тако *сѣтворю*... даже тако *сѣтворилъ буду*, язъ *правъ буду*“. Однако есть разница между послѣдними двумя выраженіями: «въ первомъ случаѣ, гов. Потебня, событія итъ, по оно само совершится, а во второмъ совершится не оно, а откровеніе того, что оно уже совершилось, при чемъ появится и другое условленное имъ»*).

б) Отс. происходитъ то, что „все сочетаніе (—лъ буду) становится изображеніемъ уже не прошедшаго по отнош. къ будущему, а *прямо прошедшаго*, дѣйствительно совершившагося, какъ основанія для будущаго“, что и доказывается нѣкоторыми примѣрами (правда, рѣдкими) въ старш. языкѣ. Напр. „како (=т. какъ) ны *будетъ* отецъ твой (уже умершій!) *кормилъ и любилъ*, а (=то) *хочемъ*...

*) Т. е., въ обѣихъ этихъ условныхъ формахъ *apodosis* не выражаетъ *событія*, какъ факта, вытекающаго изъ условія (*protasis*), и въ этомъ—сходство обѣихъ условныхъ формъ; что же касается *условливающихъ* предположеній (*protasis* овъ), то они разнятся, а именно: условіе съ буд. *простымъ* (сѣворю) указываетъ лишь на то, что слѣдствіе („событіе“) произойдетъ: если я такъ поступлю, то я *буду правъ*; условіе же съ будущимъ *сложнымъ* (сѣтворилъ буду) = *окажусь* сотворившимъ прежде) не только указываетъ на то, что слѣдствіе („событіе“) произойдетъ, но и *предуказываетъ* (заключаетъ „откровеніе“), что *условіе* уже *совершилось* (прич. на—лъ), а слѣдоват. и „событіе“, вытекающее изъ этого условія, обязательно совершится.—Такъ обр., условіе съ буд. *сложнымъ* есть не условіе только, какъ предположеніе, но и реальное *основаніе* для того, чтобы совершилось событіе: основаніе это заключается въ проиш. прич.—лъ, при сочетаніи съ которымъ гл. «буду» теряетъ, очевидно, свою функцію указывать на отношеніе къ будущему времени, о чемъ и говоритъ дальше Потебня. И. Б.

головы своя сложити“ Ипат., т. е. „т. какъ отецъ твой *кормилъ* и *любилъ* насъ, то мы готовы сложитъ своя головы“.

Переходъ «будеть» при-ль въ союзъ услов. в) Съ теченіемъ времени, отъ употребленія „буду—ль“ съ условнымъ значеніемъ, на самомъ вѣкомъ глаголъ отвечается значеніе условности. Напр. „и *будемъ* у которыхъ государей *отвѣдала*, (что) дочери есть, ... и ты *бы* о томъ ко мнѣ отказала“ (увѣдомила) А. З. Р. Вмѣстѣ съ этимъ, *буду* постепенно разрываетъ связь съ прич.—лъ и становится простымъ модальнымъ указателемъ изъявительнаго *накл.* съ услов. значеніемъ. Въ качествѣ такого указателя изъявительнаго *накл.*, „буду“ ставится даже при *паст.* вр., то согласуясь съ нимъ въ лицѣ и числѣ, то безлично (въ 3 л. ед. ч.). Напр. „и *будутъ* (другіе послы) въ чемъ упорно *стоятъ*, и (=то) ошп (москов. послы) о томъ пишутъ въ Москвѣ“ Котош.—, „А *будетъ* мы *учимъ* на него царю бити челомъ, то...“ Оставаясь же съ такимъ условно-модальнымъ значеніемъ при прич. на *ль* и не согласуясь съ нимъ, *будетъ* перестаетъ уже быть знакомъ предикативности причастія, которая съ того времени переносится на опускаемый *есмь*, а «будеть» остается только указателемъ *условности* и дѣлается союзомъ. Съ такимъ значеніемъ «будеть» можетъ быть и при другихъ состав. сказуемыхъ: «и *будетъ* (=если) вамъ напѣ *клянутся* (есть) ... и (=то) вамъ у паны *быти*» (есть). 1583 г. (И. Хр. Бусл. 889).

Отгѣнки сою- зовъ «буде» и г) Союзъ «буде» влѣдствіе своего происхожденія, м. б., имѣеть свой отгѣнокъ значенія по сравненію съ *если* (изъ «если». *есть-ли*). «Если» выражаетъ *условность* съ *нѣкоторымъ сомнѣніемъ* въ существованіи событія (не даромъ и происходитъ изъ вопросительнаго: «есть-ли?»); «буде» же, какъ видѣли выше, кромѣ условности, заключаетъ въ себѣ и *основание* существованія обуславливаемого имъ событія.

По аналогіи образованія отъ глагола союзовъ *буде* и *если* образуются союзы и отъ *мѣстоименій*. Таковъ союзъ *се* (=такъ какъ): «се (=такъ какъ) слышъ твой заялъ Половцы, зачалъ рать..., а (=то) поиди на Русь» Ипат.—Млрус. *се* (=если) и стар. влкрус. *восе*: «Вернись, муй милый, вернись до дому, А *се* (если) не вернесся, то Бѣгъ с тобою».—«*Восе* же (=если же) того не уговорятся, шю (=то) бы принисъ съ печатыми привезти» Акт. З. Р.—Съ союзомъ *бы*: «*се-б* в мори втошнвса, то-б Дунай разливса».

Сходно съ *се* переходятъ къ значенію *условныхъ* союзовъ въ влкрусскомъ: *такъ*, *только*, *ужо*: «*такъ* (=если) насъ поймають, уже намъ живымъ не быть».—«*Только* (=если) того земельного вала не укрѣпить, и соборной церкви *будетъ* поруха» Акт. до Ю. Б.—«*Ужо* (=если) тобя N велѣлъ неволити, и (=то) кому то у тебя вѣдомо?» Ibid.

Вторые косвенные падежи*).

Второй винительный.

1) Второй вин. или вин. предикативный по свойствамъ своимъ напоминаетъ винит. первый, т. е. винительный непосредственнаго, безипредложнаго объекта послѣ глг. действительныхъ. Напр. постави *мя* (перв. вин.) *попа* (втор. вин.).

Предикативность второго винительнаго къ древ. языку.

Кругъ употребленія *перваго* вин. падежа въ древ. яз. былъ шире, чѣмъ теперь. Напр., *post v. sentiendi, cognosc., declar.* (а также и *faciendi*) теперь въ вин. п. безъ предлога ставится только ближайшій объектъ, а дальнѣйшій или употребляется съ предлогомъ, или замѣняется цѣлымъ оборотомъ съ союзомъ; въ древнемъ же яз. оба рода объекта могли выражаться *простымъ* винительнымъ. Напр. «слышавъ *смерть* (вм. о смерти) Изяслави» Плат.—«Знаю твое за Адама *постраданіе*» (вм. «что ты *пострадалъ*») Кир. Тур.—«Узрѣна нами сторожеве и мняху *Болгарской полкъ*» (вм. «что это болг. п.») Лавр.—«Сказали *его* въ городѣ» (вм. «что онъ въ городѣ»). Но рядомъ съ этими примѣрами въ тѣхъ же памятникахъ древности стоятъ и обычные теперь обороты съ предлогами и союзами: «увидаша, *оже, ажъ, яко* и пр., и чѣмъ дальше отъ древности, тѣмъ рѣже начинаютъ употребляться подобные вин. безъ предлога, замѣняясь падежами съ предлогомъ или цѣлыми оборотами съ союзомъ.

300

301

302

Для характеристики *вторыхъ* винительныхъ важно разграничивать первые винит. отъ вторыхъ въ древнихъ памятникахъ: такое разграниченіе ведетъ, между проч., къ правильному истолкованію оборота асс. с. *inf.* въ тѣхъ языкахъ, гдѣ онъ есть (лат., греч., нѣм.). Прежде всего, оборотъ асс. с. *inf.* можетъ б. только послѣ глаголовъ, сочетающихся съ *прямымъ объектомъ* (первый вин. п.); напр. «*nutiabant Cygum*», «видѣна стада». Затѣмъ, когда къ первому винительному прибавляется второй—предикативный, то въ древ. языкѣ является выраженіе: «видѣна стада *взята*». Въ этомъ выраженіи слово «взята» м. б. и простымъ опредѣленіемъ (=увидали *взятыя* стада), и *предикативнымъ* причастіемъ (=увидали стада *взятыми*—что они *взяты*). Этого-то второй винит. (предикативный) стариннаго языка и обращается въ асс. с. *inf.*: «увѣщали Кира *побѣдившимъ*—что онъ *побѣдилъ*—*nutiabant Cygum vicisse*. Поэтому *infinitivus* является здѣсь замѣною *второго*

303-304

объясненіе оборота асс. с. *inf.* изъ второго винительнаго.

*) Покончивъ со вторыми предикативными *именительными*, Потебня, послѣ изслѣдованія сказуемыхъ изъ сочетанія «—ль съ вспомог. глг. настоящаго, прошед. и буд. вр., естественно переходитъ къ изложенію вторыхъ предикативныхъ *косвенныхъ* падежей. И. Б.

винительнаго, и вин. надежъ существительнаго въ оборотъ *acc. c. inf.* справедли-
вѣе так. обр. считать не подлежащимъ при неопред. накл., а *первымъ* ви-
305 пительнымъ при *глагольн. глав. предложенія*.

Причина, почему *второй* вин. не смѣшивается съ атрибутомъ или
атрибутивнымъ приложениемъ, лежитъ въ *вещественномъ* значеніи самихъ
глаголовъ *sentiendi, cognoscendi, declarandi, faciendi*: если бы въ выраже-
ніи: «постави мя *пона*» слово «пона» имѣло значеніе простого приложения,
то рѣчь была бы не докончена (меня, *пона*, поставилъ онъ чьмѣдъ?); при-
нимаемая же «пона» за второй, *предикативный* винит., мы имѣемъ въ пред-
ложеніи *полный* смелъ: «онъ поставилъ меня *понамъ* = въ *пону*».

Второй вин. свойственъ всѣмъ индо-европ. языкамъ и выражается
именами существительными, прилагательными и причастіями.

2. *Второй* вин. изъ *им. существительнаго при глаголахъ*
306 *cognoscendi, nominandi, faciendi*: «Отца своего глаголаше *Бога*» Остр. Е.—
«Сына *Бога*» помяна Кпр. Тур.—«Сына моего примите собѣ князя Повг. I.—
307 «Постави Меводія *спискона*» Лавр.—«Кого прикажешь на свое мѣсто *иу*
мена» (Акт. Пет. I, 1533 г.).—«Княжо, даль еси *приставъ* (=приставомъ)
своего челоувѣка Прохонію» Грам. 2300 г. (Дополн. ко II ч. *Записокъ*).—
Тоже—въ чеш., серб., латыш. яз.

Въ позднѣйшемъ яз. вторые вин. замѣняются или тво-
308 рительнымъ, или винительнымъ съ предл. *за*, при чемъ вин.
съ *за* употребляется послѣ глаголовъ «мысленной дѣятель-
ности», когда вин. съ *за* «означаетъ предметъ, *идеально* замѣ-
няющій собою другой предметъ», выраженный винительнымъ безъ гред-
309 логя; напр. *счесть* что *за* рѣдкость, имѣть кого *за* виновника (полонизмъ),
вѣдать, *принять* мѣдъ *за* золото. Исключается отс. выраженіе, заим-
ствованное, м. б., изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: «взять *за* жену» и
вмѣсто жены, а въ *качество* жены, женою, *вз* жены.

3. *Второй* вин. изъ *им. прилагательнаго* съ именнымъ (безъ-
членнымъ) окончаніемъ, какъ болѣе предикативный, чѣмъ сущ., употребляется
не только при глаголахъ *cognosc.*, *nominandi, faciendi*, но и при глаголахъ
движенія: *йти*, *вести*, *нести*, *сълати* и др., а также: *ясти*, *жѣрати*. Изъ-
рѣдка встрѣчаются позднѣе и мѣстоименныя прилагат. въ *качество* вторыхъ
310 винительныхъ. «Что ма глаголаши *блага*» Остр. Е.—«Вы есте нарекли мя...
311 *старѣйшаго*» Ипат.—«Мняхуть и *своего*» Лавр.—«*Нелънива* мя быль сотво-
риць» Поуч. Вл. М.—«*Живы* пожрѣли быши *пы*» Псал. 123; 2.

Такое употребленіе прилагательнаго, хотя и съ большимъ ограниченіемъ,
продолжается и нынѣ: «Ты свой долгій носъ изъ горла *цльз* (вмѣ-
цѣлымъ) *унесъ*» Крыл.—Есть у Пушкин., Лерм., Гоголя.—*Одинъ* (= „solus“)

можетъ употребляться въ подобныхъ случаяхъ *только въ вин.* и никогда въ твор: «оставить ее *одну*, его *одною*, ихъ *однихъ*».

Таково же употребленіе вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ и въ мѣрус., серб., лит., латыш.

Изъ вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ развились два главныхъ оборота рѣчи: а) прид. предл. съ изъяснит. союзомъ (узнали, что *сизъ живъ*) и б) твор. п. на мѣсть второго вин.—Другіе обороты съ предлогами («*въ живыхъ*», и мертвого») и нарѣчія („и *не такъ* вм. «не такимъ» воображалъ врага“ дерм.) менѣе важны.

4. *Второй вин. изъ предикативнаго причастія* перемѣнивается съ причастіемъ атрибутивнымъ, такъ что не всегда м. различать ихъ. Такъ, въ примѣрѣ «видѣша юноша *сѣдши*» (Остр. Е.) въ греч. и лат. «сѣдши» стоитъ въ видѣ приложенія: юношу, «сѣдящаго»*), по дальнѣе причастія предикативны: „Видѣвши люде князя *бѣжавша* (что кн. бѣжалъ), возвратишася Кыеву“ (Лавр.—«Видѣ тьмою вся воля *прикрыты*» Сл. о. П. П.—«Слышавше *идуца* Нзяслава..., даша ему мръ» Плат.

Въ лит. господствуетъ второй вин. причастія, но есть и замѣны его. Въ латыш. преобладаютъ замѣны съ союзомъ *что*.—

Въ позднѣйшихъ славянскихъ языкахъ второй винит. частію удерживается, частію же замѣняется *творит.* падежомъ и *дѣепричастіемъ*, что указываетъ на предикативность второго винительнаго.

5. *Дѣеприч. изъ 2-го винит. прич. наст. и прош. дѣйств. зал.*—Въ стар. рус. яз. въ теченіе нѣкотораго времени *дѣепричастія изъ 2-го вин.* употреблялись рядомъ со вторыми вин. причастіями, въ виду постепеннаго превращенія причастій въ дѣепричастія. Формы на *е* и *ь* (=с) до нѣкоторой степени можно еще считать причастіями вин. и множ. ч. въ виду возможности фонетическаго перехода звука *е* изъ *я* (=а); формы же на *и* нужно считать уже *дѣепричастіемъ*, такъ какъ трудно допустить фонетическое образованіе *и* изъ *я*=а, равно какъ и формы на *ше* (пришедше) вм. вин. ед. (пришедши): „Слышавше (прич.) Болгаре в малѣ дружинѣ князя *пришедше* (дѣепр.), идуща опять съ полономъ, достигша въ борзѣ“ Плат.—«Невидать есмь мертвеца на свинныхъ *ѣздячи*» (дѣепр.) Дан. Зат.

Въ народ. сѣв. влр. языкѣ Бусл. (Гр. § 275, 2, прим. 2) считаетъ *независимыми* (=дат.сам.) дѣепричастія въ такого рода примѣрахъ: «видѣли молодца *сядучись*, а не видѣли удалаго *пюдучись*»; но это невѣрно, и ч. дѣепр. эти образовались изъ прич. *винительнаго* и, слѣд., *зависимаго*

*) Однако *κλιθήμενον* (Марк. XVI, 5) по-гречески поставлено *безъ члена*; а употребленіе прилагательныхъ и причастій безъ члена обыкновенно считается или *предикативнымъ*, или *адвербіальнымъ*, но не атрибутивнымъ. И. Б.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

312

313-1

315

316

317

6

надежа; что же касается *возвратной* формы въ этихъ и подобныхъ дѣпричастіяхъ, то *ся* не зависитъ отъ предполагаемаго дѣпричастіями надежа: она бываетъ въ дѣпричастіяхъ и при им., и дат. надежахъ: «я *смотрясь* на красоту Чурилову..., помutilись у меня очи ясныя» Рыби.

Въ соврем. рус. литер. языкѣ дѣпричастій, образовавшихся изъ *вин.* и причастій, нѣтъ, въ млр. они рѣдки; въ польскомъ—есть, въ литов.-лотыш. обычны образованія дѣпр. изъ 2-ю *винит.* (предикат.) надежа.

6. Въ предполагаемыхъ двухъ отдѣльныхъ предложеніяхъ, напр. «видѣ ны: стоять праздни», при слияніи ихъ въ *одно*, образуется второй *вин. составной*: „видѣ ны на трѣзници *стояща праздни.*“—Остр. Е.—„Обрѣтоша тѣло святою (Бор и Гл.) *лежаще црлю*“ Ж. Б. и Гл. Чаше же второй *составной вин. п.* употребляется въ причастіяхъ глагола существительнаго: «относнѣ оставльше и лѣ *живи сѣща*» Остр. Е.—«Видѣвъ ю *добрѣ сущу*» Лавр.—«Видачи его *болна суща*» Плат.

Въ нов. рус. яз. второй *вин. составной неумѣстенъ*, и ч. языкъ нашъ стремится замѣнять придаточными предлж. даже и не *составной* второй *вин. п.*—Литов. яз. болѣе склоненъ къ *составному* сказ. съ прич. существительнаго глагола, чѣмъ даже стар.-слав., въ которомъ *вм. составнаго* встрѣчаются и простые вторые *винит.*, и неопр. *пакл.* *быти* съ *винительнымъ*.

7. Русскіе вторые *винительные* одного строя съ подобными же *винительными* греческими: «увѣдаша *князя идуща*» (=что князь идетъ) по конструкции своей равносильно греческому: *Хερρόνησον κατέμαθε πόλεις ἐνδεκα ἔχουσαν* (=онъ узналъ, что Х. имѣеть 11 городовъ.—Курциусъ и др. въ подобныхъ оборотахъ видятъ такъ наз. *продлѣтисъ* и *аттракцію*, т. е. перенесеніе подлежащаго *прид. предложенія* въ *главное*, гдѣ оно дѣлается *дополненіемъ* (*Хερρόνησον*), а причастіе *придаточнаго предл.* по *аттракціи* принимаетъ надежъ этого *пролентического дополненія* (*ἔχουσαν Χερρόνησον*); между тѣмъ тутъ нѣтъ ни *продлѣтисъ*, ни *аттракціи*: это—первый и второй *винительный* къ глаголу *главнаго предл.* и въ развитіи рус. языка замѣчательно, конечно, не то, что здѣсь второй *предикативный винит.* согласовался съ *первымъ винительнымъ*, а то, что *потомъ* онъ перешелъ въ *творит.* вопреки требованіямъ *согласованія*. Что же касается *винит. перваго*, то онъ остался и тогда, когда второй *винительный* сталъ развиваться въ *полное прид. дополнит. предложеніе* съ *относительными нарѣчіями* и *союзами*, какъ напр. «Полови же услышавше *Русь* (1-е *дополн.*), *оже приими* на нихъ (*вм. 2-го вин. пришедшя*) (=и): «помысли *убогыхъ* (1-е *дополн.*), *како лежатъ нынѣ*» (*вм. 2-го винит.*); *καί μοι τὸν οἶον* (1-й в.) *εἰπέ εἰ μὲ μὰ θηκε τὴν τέχνην* (*вм. 2-го вин. предикат. причастія*).—Такихъ замѣтъ 2-го *винит. придаточными дополнительными предложеніями* при сохраненіи *перваго винитель-*

наго въ древ. рус. яз. очень много; встрѣчаются онѣ и у новыхъ писателей, если глаголь глав. предложія можетъ имѣть при себѣ прямой объектъ: «вѣдя *мошылка*, что онъ вкругъ свѣчки вьется» (вм. вьющимся). То же явление наблюдается и въ чеш., и серб. языкахъ.

324

Второй родительный.

1. По Миклошичу, славян. родительный п. въ синтактич. отнош. соответствуетъ *ablativ'u* и *genetiv'u*, изъ коихъ первый означаетъ предметъ, отъ котораго нечто *отдаляется* (отнятіе, отдѣленіе, разлученіе), и второй означаетъ *принадлежность*. Слѣдов., *аблятивенъ* славянской родительный при значеніяхъ

Понятіе о род. п. по Миклошичу. (Ср. IV, 447--9).

325

аблятивенъ славянской родительный при значеніяхъ

а) удаленія, отпята, отращенія, лишенія, *страха*, *стыда*,
б) при *сравнит. степ.*, а равно положительной и превосходной, употребленныхъ сравнительно,
и в) при обозначеніи *происхожденія*, *матеріала*, *основанія*.

Генитивенъ родительный, когда онъ означаетъ

а) *принадлежность* (владѣніе, собственность),
б) когда онъ бываетъ *при именахъ*, стоящихъ въ связи съ транзитивными глаголами,

и в) когда, какъ *партитивъ*, означаетъ часть цѣлаго.

Для опредѣленія *второго* родительнаго важенъ въ славян. яз. первый род. только при глаголахъ съ *отрицаніемъ*. Миклошичъ вмѣстѣ съ другими причисляетъ этотъ падежъ къ родительному *части* цѣлаго, Потебня же относитъ его, согласно съ Восточковымъ (Рус. гр. § 129), къ *аблятиву удаленія*, *лишенія*, пбо «выпить вина» (род. части) не то же, что «непить вина». Къ этому же аблятиву удаленія, лишенія Потебня относитъ и род. при глаголахъ *алкать*, *жаждать*, *хотѣть*, *желать*, *ждать*, *требовать*, *искать*, *просить*, такъ какъ, чего я жду, хочу, прошу и пр., того у меня *нѣтъ*.

Взглядъ на род. п. послѣ отрицательныхъ глаг. и подобныхъ имъ.

326

Къ той же категоріи Потебня причисляетъ *род.* при глаг. *плакаться*, *жаловаться* и при *жалъ*, *люто*, *милу*, *школа* и пр., хотя родит. при нихъ и отличается отъ родительныхъ отрицанія: отрицаніе отрицательнаго глагола передается и неопредѣленному накл., завещающему отъ отрицательнаго глаг. («неумѣть сдѣлать чего»), при глаголахъ же *жалъ* и пр. этого нѣтъ: «жалъ *денегъ*», но: «жалъ тратить *деньги*».

327-8

2. Второй род. ставится въ славянскихъ языкахъ послѣ всѣхъ отрицательныхъ глаголовъ, которые безъ отрицанія принимаютъ послѣ себя второй винительный, а также и послѣ нѣкоторыхъ другихъ съ отрицаніемъ; напр. «Уже не глаголю васъ *рабъ*» (2-й род. вм. позднѣш. *рабами*) Остр. Ев.—«Не заста отца *живого*» Шпат.—«Не жалъ матери *стари суца*» (2-й составн. род.) Лавр.

Второй род. при отрицательныхъ глаголахъ.

3) *Родительн. самостоятельный*.—Род. пад. времени, неясный по происхожденію, б. м., означаетъ *мысленное движеніе* отъ начала известнаго періода *времени*, напр. *сею дня*. Къ такому род. въ стар.-русскихъ памятникахъ могъ присоединяться второй род. причастія, но только отъ глагольв, *лексически* означающихъ время, и так. обр. получался оборотъ на подобіе лат. *abl. abs.*, означающаго время. Напр. «Того же дѣла *исходячи* приходи Романъ ко Вручеву» Лавр.—«И съде Романъ въ Киевѣ мѣсяца июля *наставша*» Ипат.

Съ дѣеприч. вл. 2-го род. причастія: «того же дѣла *исходячи* разболѣся князь Мстиславъ» Ипат.

Второй дательный.*)

320 Когда къ дательному надежу имени присоединяется причастіе, то оно можетъ б. и атрибутивнымъ, и предикативнымъ. Различать это можно лишь по контексту. Напр. въ выраженіи: «всѣ *мнѣ* чужаи были на чужбину *пошедшей*» причастіе «пошедшей» можетъ быть и атрибутивнымъ, и предикативнымъ. Но когда поставимъ дательный имени «мнѣ» какъ при глаголь, такъ и при причастіи, тогда явственно расценимъ это выраженіе на предложенія главное и придаточ.; «всѣ *мнѣ* чужаи были, *мнѣ* на чужбину пошедшей», т. е., «когда я пошла на чужбину, всѣ *мнѣ* чужаи были». Значить, пока дательный имени одинагово тяготеетъ какъ къ глаголу, такъ и причастію, предикативность причастія явственно не выражается; когда же причастіе имѣетъ свой отдѣльный дат. и имени, тогда предикативность его обозначается явственно. Такой предикативный дательный причастія съ *отдѣльнымъ* дательнымъ имени называется *дат. самостоятельнымъ*. Когда же за такими придат. предлож. «укрѣпляется значеніе обстоятельства», тогда дат. самостоятельные становятся возможными и тамъ, гдѣ главное сказуемое *не допускаетъ* дополненія въ дат. надежѣ. Это второй шагъ въ развитіи дат. самостоятельнаго въ смыслѣ удаленія его отъ главнаго сказуемаго.

331 Но *рядомъ* съ предикатив. дательнымъ причастіемъ уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ стоятъ и дѣепричастія, замѣняющія *дат. пад. причастія***).

*) Сюда не входятъ сочетанія дательнаго съ *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ, о чемъ см. далѣе II, 391 и слѣд.—И. Б.

**) Так. обр., по мнѣнію Потебни, причастія въ дат. самост., съ одной стороны, *предикативны* и потому причисляются ко *вторымъ* косвеннымъ падежамъ, а съ другой—*переходятъ* они въ *дѣепричастія*. Между тѣмъ выше (II, 159—160) Потебня доказалъ, что предикативное причастіе можетъ обращаться въ дѣепричастіе только въ составномъ сказ. со связкою *іес* и что замѣна причастія дѣепричастіемъ служитъ признакомъ не предикативности, а *антиситивности* этихъ причастій (II, 182). Такое разпорѣчіе во взглядѣ Потебни на случаи перехода

А) Итакъ, на первой ступени должны б. поставлены еще не вполне развитые дат. сам., когда при главномъ сказ., будетъ ли оно личное или безличное, *стоитъ или подразумевается дат. над. той же имени*, что и первый падежъ въ дательномъ самостоятельномъ: «да оуже едино отъ двоего прѣдъложимъ вамъ: или *жързгшмъ* (вамъ) богомъ, ... чьстѣмъ и дарѣмъ достойномъ быти (вамъ), или *непокорившемся* отъяти (вамъ) поясы»... Супр. 53.—Въ томъ же памятникѣ въ другомъ мѣстѣ (Супр. 51) стоитъ и дѣепричастный оборотъ: «едно отъ двою прѣдълежитъ вамъ: или *жързше* богомъ въ саши и чьсти достойномъ быти, или *непокорившемся* отъяти»...—«Мнѣ ли гестъ, *пришгдѣше* къ сеому попоу, ти (=и) неповѣдати грѣхы свои» Супр.—«Нелѣпо есть *намъ*, братіе, *инокомъ сущимъ* и *отврѣгшимся* мирскихъ, събранне пагы творити»... Ноуч. Теод. Печ.—«Тобѣ съ нами *увѣдавшися* то же (=потомъ) ѣхати (тобѣ) въ Ильсковъ» Повг. I.

Дат. самост. едн
олично
дат. имена нѣтъ
въ глав., такъ и
при с. проп.

Въ приведенныхъ примѣрахъ причастія, потерявшія согласованіе съ дат. падежомъ главнаго сказуемаго, но еще не лишеныя близкой связи съ нимъ, представляютъ собою *среднюю* форму между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Когда же связь эта съ первымъ дат. падежомъ, *общимъ* для глагола и причастія, разрушается, тогда этотъ *бывшій* первый дат. падежъ причастія начинаетъ тяготѣть къ *одному* только глав. сказуемому и дѣлается его дополненіемъ, а причастіе, сдѣлавшись вполне дѣепричастіемъ, относится къ главному сказуемому уже непосредственно и *только черезъ главный глаголъ* связывается съ его дополненіемъ въ дат. падежѣ. Напр. (сладъ) «сладка *ти* есть *взкоушашите*, къ горька по *въкоуеѣ*» Супр. Если же при глав. сказуемомъ дополненія въ дательномъ пад. вовсе не бываетъ лица, тогда и первый дат. падежъ дѣепричастія становится *неопредѣленнымъ* (=«всякому»), «чего при существованіи причастія не могло случиться». Напр. «а въныш дни *цѣловаше* крестъ ясти все», т. е., *всякому, кто* поцѣдуетъ кр., ѣсть все. (Впрш. Кюр.)—«Дитя *крестяче*, дати причастье» (т. е., *всякому, кто* креститъ дитя, слѣдуетъ дать (крещенному причастье); но „въ *крестячи* (безъ 1-го дат. над.)... достоитъ...» хотя при причастіи

причастій въ дѣепричастія не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только ошибочнымъ стремленіемъ его причислять причастія дательнаго самостоятельнаго къ *предикативнымъ* вторымъ падежамъ, что однако невозможно: одно уже *обстоятельное* значеніе дательныхъ самостоятельныхъ заставляеть считать причастія въ этихъ оборотахъ рѣчи *аппозитивными*, а не предикативными. Поэтому ученіе о дат. самост. должно бы быть отнесено въ грамматической системѣ Потевни не ко вторымъ (предикативнымъ) падежамъ, а къ *аппозитивнымъ причастіямъ*, и можетъ быть поставлено влѣдъ за именительными самостоятельными (II, 194 и дал.). Къ аппозитивнымъ же причастіямъ слѣдуетъ относить и род. самост. (II, 329). И. Б.

332

333

334

и имѣть налицо относительнаго подлежащаго (т. е. 1-го дат. пад.), но есть определенное указаніе на этотъ надежъ^{*)}).

Такия дѣпр. безъ опредѣленнаго перваго дательнаго донинѣ остаются въ рус. яз: „позволено было *сидя* дремать“ Пушки.— „*невши* тощо, а *повши* тощо“ . Всѣ эти дѣпр. должно считать образованными не изъ именительныхъ самостоятельныхъ, а изъ дательныхъ: „*невши* тощо, а *повши* тощо“ (т. е. всякому).

335

То же явленіе наблюдается въ мрус. и другихъ слав. нарѣчіяхъ.

Б. Встрѣчаются иногда и такіе примѣры (въ мрус.), что при дѣпричастіи ставится *дат.* пад. существительнаго, если при глав. сказуемомъ стоитъ также допол. въ дат. п: „як-же-таки *Галочіи*, будучи *хозяйши* (=тв. влр.), та не турбоватисъ“ (заботиться, хлопотать). Квитка.

Дат. самост. въ совершенной независимости отъ дательнаго при глав. сказуемомъ

В. Когда, наконецъ, глав. сказуемое *вовсе не допускаетъ* дополненія въ дат. п. или же допускаетъ только по *вещественности* своей и притомъ другое, чѣмъ дательный при причастіи, тогда дательный самост. не сохраняетъ уже и слѣда зависимости по отношенію къ дательному въ глав. предложеніи; напр. „*епископу* слезы *проливаючю*...“ оупъ же *невохотѣ*“ Пнат.— „*Судячю* же *Гльбови* Юрьевичю въ *Киевѣ*...“ приде множество *Половиць*“ Пнат.— При этомъ,

336

или а) 2-й дат. причастія правильно согласуется со своимъ (первымъ) дательнымъ имени, какъ можно видѣть изъ предыдущихъ и другихъ многочисленныхъ примѣровъ,

б) или при первомъ дат. стоять несогласуемыя отричастныя формы: „*идуци* ми сѣмо, видѣхъ бани *древены*“ Лавр.— „*Свитаюци* же дни...“ сторожеве *рекоша*“ Пнат.— „*Идуце* же ему с Чюди, и *више* въ *Пльсковѣ*“ Пнат.— „*Добрымъ* мужемъ главами своими *пжываюце* на св. Софию, многосердый Господь *посла*“... Новг. I.— Оба эти вида дат. самостоятельнаго особенно любимы вольнскимъ лѣтописцемъ (Пнат.), у котораго часто при стеченіи множества дательныхъ самостоятельныхъ забывается даже глав. предлож.^{**)} „Такия излишества (въ употребленіи дательныхъ самостоятельныхъ)

337

*) Однако едва ли можно согласиться съ тѣмъ комментариемъ, который предлагаетъ Потебня при передачѣ этихъ дѣпричастій на современный языкъ, и если ужъ причастія въ этихъ оборотахъ аппозитивны (но не предикативны, какъ называетъ ихъ Потебня), то тѣмъ болѣе аппозитивны дѣпричастія; поэтому и передавать ихъ на современный яз. слѣдуетъ не посредствомъ атрибутивныхъ придаточ. предложеній (всякому, *кто поцѣлуецъ*..., всякому, *кто креститъ*...); но посредствомъ временныхъ или условныхъ союзовъ (*когда* (если) кто поцѣлуецъ крестъ... *когда* (если) кто креститъ... . И. Б.

**) Т. обр., Потебня не признаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторые дат. самостоятельные сами замѣняютъ глав. предложенія. И. Б.

служать, конечно, признакомъ искусственности языка *писателя*, но не доказываютъ искусственности *самою построения*⁶⁶, гов. Потебня.*)

в) Набѣнецъ, въ дательныхъ самостоятельныхъ первого дательнаго все итъ на лицо, а вм. второго стоитъ дѣепричастіе, при чемъ не нужно смѣшивать эти обороты изъ дательныхъ самостоятельныхъ съ именительными самостояст. (срав. выше II, 194). пот. ч. къ послѣднимъ лучше относить тѣ, въ которыхъ при дѣеприч. бываетъ им. над. налицо а не такіе, какъ напр. «закъжеся пожаръ... въ говѣніе, *идуше* въ заутреннюю» (=идушемъ людямъ; слѣд., здѣсь дѣеприч. замѣняетъ собою дат., а не им. самостояст.). Повг. I. — «А отъ мѣста св. Георгія, *пойдуци* въ горы (вм. дат. е.), до Іерусалима 20 верстъ» Дан. Полом.—

Въ позднѣйшемъ языкѣ дат. самостоятельный первыхъ двухъ видовъ, т. е. съ *первымъ* дательнымъ, передается почти всегда полнымъ *временнымъ*⁶⁷ обст. предложениемъ, причемъ первый дат. обращается въ подлежа: «*когда* я шелъ сюда, то увидалъ... Что же касается послѣдняго вида, т. е. безъ первого дательнаго, то и нынѣ встрѣчается онъ въ народ. словесности: «бобы не грибы, *не поспѣвъ* (т. е. непоспѣвшию или «непоспѣвшемъ людямъ») не взойдутъ».

Когда дат. лица «миѣ» въ глав. предл. можетъ замѣняться выраженіемъ «у меня», то въ народ. словесн. можетъ стоять въ придат. предл. также дѣепричастіе, если оно относится къ тому же лицу, что и въ глав.: «какъ ретивое сердечюшко позаныло *у меня*..., *живуци* безъ своей матушки».⁶⁸)
Послѣдній видъ замѣны дат. самостоятельнаго дѣепричастіемъ сохранился въ ярус. и серб. языкахъ.

[Итакъ, въ основу объясненія дат. самостоятельнаго долженъ быть положенъ *первый* дат. при причастіи, которое Потебня называетъ предикативнымъ.

Сначала первый дат. въ дат. самостоятельномъ былъ тождественъ съ дат. главнаго предложенія или въриѣ—повтореніемъ сего послѣдняго, а причастіе при первомъ дат. носило обоюдный характеръ: и атрибутивный, и предикативный, судя по контексту. Затѣмъ, причастіе стало тяготѣть больше къ

*) Если такъ, то, значить, Потебня, въ противоположность Срезневскому, признаетъ дат. сам. вполне свойственнымъ духу рус. яз. (ср. выше „Зап.“ стр. 195). Поэтому и сожалѣніе Ломоносова о потерѣ дат. сам. имѣетъ свое основаніе (Лом. Гр. § 533, изд. 1847 г.). И. Б.

*) Не только временнымъ, но причиннымъ, условнымъ и уступительнымъ: „не мози, чадо, неяденіемъ плоть свою изнуряти, *юну ти сищу*“; „изиди противу варваръ и, *Богу помогающу* ти, побѣдиши“; „*прѣбывающу же* ему въ таковѣ любочестіи у царя, и отъ всѣхъ смхъ не вознесся сердце его“.— И. Б.

**) Дѣеприч. въ народ. пѣсняхъ ставится и тогда, когда оно относится не только къ дат., но и къ *род.* п. имени главнаго предл.: „*невыздрѣвши, рябины* нельзя заломать“. (Шейнъ Р. и. п.). Значить, дѣеприч. ставилось и ставится, когда оно относится 1) къ им. п. глав. предл., 2) къ *род.* и 3) къ *дательному*. И. Б.

Замѣн. дат. сам. въ позднѣйш. яз.

общій выголь дат. сам.

глаголю глав. предложенія, чѣмъ въ дательному падежу *имени* при глав. глаголь, и велѣд. этого съ одной стор. получался перевѣсъ предикативности надъ атрибутивностию, а съ другой—дат. падежь при глав. глаголь сталъ игнорироваться, такъ что являлась возможность употреблять первый дат. при причастіи, несмотря на *отсутствіе дательнаго при глав. сказуемомъ*. Т. обр. и явился при причастіи *первый* дательный самостоятельнымъ или независимымъ отъ дательнаго при главномъ сказуемомъ*).

Въ свою очередь, и съ предикативнымъ (вторымъ) дательнымъ уже въ древ. памятникахъ пропеходить измѣненіе: онъ вълѣдствіе потери атрибутивности, требующей согласованія съ *первымъ* дательнымъ, постепенно утрачиваетъ падежны, родовыя и числовыя формы и превращается въ дѣепричастіа. Такимъ образомъ, въ позднѣйшемъ яз. является *новый* видъ дательнаго самостоятельнаго: *оан. съ дѣепр.*, а наконецъ—уже *одно* дѣепр., какъ остатокъ въ новомъ яз. отъ древняго дат. самостоятельнаго]**).

311

Владъ Микл.
и дат. сам.

Такое объясненіе наиболее вѣроятно, и передъ нимъ падаютъ два объясненія Миклонича: первое, будто-бы «дат. имени съ причастіемъ въ именной формѣ означаетъ первоначально отношеніе времени дѣйствія, выраженнаго причастіемъ, къ дѣйствію, выраженному посред. *verbum finitum*» (Гр. IV. 615), и другое, что «объясненія дательному самостоятельному слѣдуетъ искать въ употребленіи, впроч. рѣдкою, *дательнаго въ значеніи времени*»; но, какъ справедливо замѣчаетъ Потебня, время причастія будетъ находиться въ такомъ же отношеніи ко времени главнаго сказуемаго и тогда, когда причастіе стоитъ *не* въ дат. падежь, что же касается второго объясненія, то простой дательный, безъ причастія, въ значеніи времени не употребляется.

Неопред. наклоненіе***).

312

1) Приведа опредѣленіе неопредѣленнаго накл. по Иоанну экз. Болгарскому, который смотритъ на инфинитивъ какъ на *имя* и *глаголь*, только не излѣюшій предикативной силы наклоненія, и указавъ невѣрность взглядовъ Буслаева (Гр. § 195) и Н. Некрасова (О значеніи формъ р. гл. стр. 17), которые вмѣстѣ съ Воиномъ смотрятъ на неопр. накл., какъ на *отглагольное имя* (теч. нечъ, честь у Некрас.),—

313—4

Опредѣленіе инфинитива.

2) Потебня останавливается на «рѣшительно и прочно господствующемъ мнѣніи, что инфинитивъ *только былъ* и-

*) Срав. далѣе II, 394. **И. Б.**

) Приведеннаго общаго вывода о дат. самостоятельномъ у Потебни нѣтъ, но для большей отчетливости мы позволили сдѣлать его отъ себя. **И. Б.

***) Внутренняя связь этого отдѣла со вторыми предикативными падежами вытекаетъ изъ взгляда Потебни на неопред. наклоненіе: въ *синтаксическомъ* отношеніи онъ смотритъ на неопред. н., какъ на часть составнаго *сказуемаго*. **И. Б.**

когда именемъ (за долго до начала славян. письменности), но не остался имъ», что онъ есть имя въ этимологическомъ отношеніи и родъ глагола въ синтаксическомъ». 315

А) Лишившись падежности, неопр. накл. потеряло и другія свойства имени: родъ и число. Поэтому синтаксическое сопоставленіе имени существительнаго, особенно на *nie* и *nie*, и неопредѣленнаго наклоненія взаимнѣ того или другаго падежа въ древ. рус. и соврем. языкѣ Потебня считаетъ стилистической ошибкой; напр. «и тѣ бы священники... оучили своихъ учениковъ *страху* Божию, и *грамотъ*, и *писати*, и *пѣти*, и *чести*» Стогл.*); рав. обр., принимать при себѣ предлоги и членъ, подобно греч., иѣмец. и романскимъ яз., неопредѣленное накл. въ рус. яз. не можетъ. 316

Б) Потерѣ числа неопред. наклоненіемъ не противорѣчать уменьшительныя окончанія неопредѣленнаго накл. (жар. «спа-т-оньки», влрус. «спора спатеньки»), пот. ч. формы эти съ оконч. имен. п. множ. ч. *непервообразны* и во всемъ прочемъ имѣють *функции глагола*, а не именныя. 317

В) Отсутствію въ неопр. накл. *рода* не противорѣчить постановка прилагательнаго въ сред. родѣ при неопр. накл.; напр. «въ бою *не уступитъ* великой честью *озарило-бъ* мои *младые* годы» (Бусл. Гр. § 195): здѣсь сред. р. согласуется съ неизвѣстнымъ подлежащимъ (безлично: ср. III, 403), а самому неопр. наклоненію сред. р. чуждѣ. 318

Г) Не имѣя родовъ и чиселъ, какъ средствъ къ согласованію, неопред. накл. не м. б. и атрибутомъ къ существительному, а за отсутствіемъ падежности оно не м. б. и подлежащимъ или дополненіемъ; неопр. наклоненіе «можетъ принадлежать лишь къ глаголу въ обширномъ смыслѣ». Отъ личнаго глагола неопр. наклоненіе отличается тѣмъ, что в. finium самъ обозначаетъ свое лицо, въ неопред. же наклоненіи лицо опредѣляется или а) при помощи личнаго глагола: я хочу ѣсть (==чб я ѣлъ), ты хочешь ѣсть (==чб ты ѣлъ) и т. д., или б) опредѣляется *косвеннымъ* падежомъ того же предложенія: прошу *васъ* притти (==чб вы пришли), прошу *его* притти (==чб онъ пришелъ) и т. д., или в), наконецъ, субстанція лица вовсе не опредѣляется, если при личномъ глаголѣ нѣтъ дополненія: отдай (неизвѣстно кому) спрятать эту вещь. 319

Когда лица личнаго глагола и неопредѣленнаго накл. совпадаютъ («хочу ѣсть» = я хочу, чтобы я ѣлъ), то неопр. накл. наз. *субъективнымъ*, когда же субстанція лицъ бываютъ 320

Субъективное и объективное неопр. накл.

*) Однако, такія сопоставленія были и есть; слѣд. приходится считаться съ ними, какъ съ фактомъ. И. Б.

различны (прошу *васъ* прийти=я прошу, чѣ *вы* пришли) или когда главное предложеніе безлично, то неопред. накл. наз. **объективнымъ**.

Неопр. накл. не
есть существ.
отглагольное.

Д) Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ «неопр. накл. вносить въ языкъ особое составное*) *сказуемое*, состоящее... изъ двухъ видоизмѣненій глагола», и не можетъ быть дополненіемъ къ личному глаголу, пот. что неопред. наклоненіе не имѣетъ уже косвенныхъ падежей и не есть субстанція: «я хочу ѣсть» не равно «я хочу ѣды»; равн. обр. неопр. накл. не м. б. и подлежащимъ, а только *выдвигается иногда на мѣсто подлежащаго* при безличномъ выраженіи, напр. «уиѣе есть умръти», по это выраженіе не равносильно «уиѣиши есть смръть», пот. ч. «умръти» имѣетъ глагольное, а не именное значеніе. Что же касается грамматическихъ уравниваній, какъ «просить *пустить*» и «просить *чтобы* пустили», то они также не должны считаться тавтологіями въ строгомъ смыслѣ: «неопред. наклоненіе точно предполагаетъ предложеніе съ личнымъ глаголомъ, но не *придаточное*, снабженное союзами, вносящее въ рѣчь большую сложность и опредѣленность, чѣмъ неопр. накл.; а предложеніе *независимое***»).

351

Е) Неопред. накл. не можетъ быть названо существительнымъ еще потому, что и опредѣляется оно *нарѣчиемъ*, а не прилагательнымъ.

Ж) Неопр. накл., подобно нѣкоторымъ причастіямъ, можетъ сливаться съ глаголомъ въ одну грамматическую форму (буду читать), а *отглагольное существительное* не можетъ.

З) Въ греч. и лат. неопред. и. имѣетъ времена и залог, въ славянскомъ можетъ имѣть *видовыя* отбѣнки, между т. отглагольными сущ. на *нѣ* и *тѣ* не отъ всякаго вида глагола могутъ быть удобно образованы; напр. отъ начинательныхъ и однократныхъ глаголовъ: сохнутіе, толкнутіе не удобны: «разлитіе» м. значить, что рѣки *разливались* и *разлились*: «для предупрежденія *разлитія* рѣкъ»=чтобы рѣки не *разливались* и не *разлились*.

352

353

И) Въ славян. языкахъ неопред. накл., какъ и прич., можетъ принимать прямой объектъ (вин. п.), послѣ же существительныхъ этого не бываетъ: создать (создавшій) *что*, но создатель, созданіе *чего*. Исключенія крайне рѣдки (напр. «по принаи ми отъ Бога великій *даръ*» (Сунр.) и представляютъ остатокъ той древнѣйшей эпохи, когда граница между причастіемъ и отглагол. существительнымъ не была еще рѣзко проведена.

*) Конечно, не само по себѣ неопред. накл. есть *составное* сказуемое, а *смыслъ съ личнымъ глаголомъ*; въ отдѣльности же неопред. накл. Потобня называетъ сказуемымъ *второстепеннымъ* (Ср. далѣ III, 474). И. Б.

***) Трудно понять, въ какомъ смыслѣ „независимое“, особенно если сопоставить этотъ взглядъ съ тѣмъ, что говорится на стр. 349: „неопред. накл. есть такой родъ отглаголенія имени, котораго особое назначеніе есть *служить второстепеннымъ, зависимымъ* сказуемымъ“. И. Б.

Г) Наконецъ, и самъ Бусл. (Гр. § 195—197) дѣлаетъ уступку высказанному имъ прежде взгляду на неопред. накл., какъ на отглагольное существительное: инфинитивъ имѣеть де способность обозначать наклоненіе (возможность, необходимость), существительное же этой способности не имѣеть.

З) Продолжая дальнѣйшую характеристику неопредѣленнаго накл., Бусл. говоритъ, что оно содѣйствуетъ большей отвлеченности мысли (Гр. § 195, пр. 5).

А) Но въ какомъ отношеніи содѣйствуетъ большей отвлеченности: по сравненію ли съ личн. глаголомъ, или только съ причастными формами? Что касается сравненія съ личными формами, то, конечно, неопр. накл., если признавать его за имя дѣйствія съ мнимою субстанціей, болѣе отвлеченно, чѣмъ личный гл., при которомъ бываетъ дѣйствительный производитель; но замѣна неопредѣленнымъ накл. причастныхъ формъ сама по себѣ вовсе не представляется шагомъ къ отвлеченности. Правда, при этомъ появляются въ романскихъ, напр., и германскихъ языкахъ несомнѣнные признаки превращенія неопредѣленнаго накл. въ отвлеченное существительное, каковы члены и предлоги, которые бывають *только при именахъ*, но другая категорія неопредѣленныхъ наклоненій *безъ члена и предлога* по прежнему остается *глагольною*. Въ слав. языкѣ незамѣтно даже и такихъ признаковъ субстантивировапія неопредѣленнаго накл. Подтвержденіемъ того, что слав. неопр. накл. больше тяготеетъ къ глаголу, чѣмъ къ имени, служитъ то, что греч. *субстантивированныя* неопред. наклоненія *съ членомъ* передавались въ лучшихъ образцахъ древ.-слав. яз. не неопред. наклоненіемъ, а существительнымъ на *ише* и *тише*, чего не было бы, если бы славянское неопр. накл., какъ и греческое, могло субстантивироваться; напр. τὸ ἔχειν = имѣише, τὸ γράφειν = писатише, τὸ εἶναι = на възьтише, τὸ πρᾶττειν = дѣватише (XIII слов. Григ. Бог.).

А что касается оборотовъ «*еже*» и «*во еже*» съ неопр. накл. вм. греческихъ τὸ и εἰς τὸ съ неопр., то слав. *еже* могло равняться не τὸ, греческому члену, какъ признаку субстантивировапія неопредѣленнаго накл., а русскому союзу «что»: «*а еже състи*» (τὸ δὲ καθίσαι) равно выраженію «*а что до того, чбы сѣсть*»; «*а еже на доухъ хоула*» (τὸ πνεύματος βλασφημία) = «*а что до хулы на Духа*».

Б) Неопр. накл. вытѣняетъ двѣ причастныя формы а) на *ту* и б) на *тъ* (достиг. накл.), что также должно служить подтвержденіемъ стремленія неопредѣленнаго накл. къ глагольности.

а) Форма на *ту* могла быть первоначально дат. п. причастія: «да не имѣеть ново что *быту*» (XIII сл. Гр. Богосл.).

б) Достигат. форма на *тъ* и *ть*, происходящая отъ внит. п. (ср. лат. sup. на *tum*), встрѣчается въ рус. яз. до XIV в. включительно и ставилась

Степень существительности неопред. наклоненія.

Вытѣненіе неопредѣленнымъ причастія на *ту* и *тъ*.

не только послѣ глаголовъ движенія въ пространствѣ, но и послѣ *пояти, звати, пристраивати ся, просити, хотѣти* (съ веществ., а не форм. знач.). Надежъ послѣ дост. накл. ставится не вин., а род. что указываетъ конечно еще на *существительность* достг. накл.: «приидоша видѣти *гроба*» (Кир. Тур.). Точно также и форма *ти*, съ давнихъ поръ ставившаяся на мѣстѣ *тъ*, сохраняла послѣ себя *род.* надежъ: «пошлетъ своихъ шенцовъ *Москву* писати и московскихъ *становъ*» (Собр. Г. Гр.). И только въ новыхъ русскихъ нарѣчійхъ исчезаетъ различіе между достг. и собственно неопред. наклоненіемъ, за исключеніемъ мрусскаго, гдѣ сохранилось еще множество примѣровъ *род. надеж* послѣ неопредѣленнаго накл.: «якъ послала мене мати в степ *пшениці* жати». Но если бы даже съ увѣренностью можно было сказать, что родительный при достигаельномъ ставился потому же, почему и при отглагольномъ существительномъ, то позднѣйшая замѣна достигаельнаго неопредѣленнымъ *уже съ вин. п.* служила бы новымъ подтвержденіемъ стремленія неопред. наклоненія къ глагольности въ смыслѣ второстепеннаго сказуемаго.—Кромѣ вытѣсненія причастныхъ формъ на *ту* и *тъ* неопред. накл. еще замѣнило въ немногихъ случаяхъ болѣе древнія причастія, о чемъ сказано будетъ ниже*); въ серб. же и болгарскомъ языкахъ само неопред. накл. замѣнилось *личнымъ* глаголомъ, что еще больше говорить о глагольности неопред. наклоненія.

В) Ограниченіе употребленія неопред. наклоненія въ серб. и болгар. языкахъ.

а) Въ серб. яз. *чрезвычайно часта* замѣна неопред. наклоненія личнымъ гл. съ частицею *да* въ случаяхъ, подобныхъ ст. слав.: «приде *да* послужитъ тебу, но *да* послужити». (Остр. Ев.) вм. «приде послужитъ». Такою замѣною сербскій яз. пользуется для различенія вещественнаго значенія нѣкоторыхъ глаголовъ отъ формальнаго. Такъ; если надо указать на знаменательность, а не вспомогательность личнаго глагола *хочу*, при которомъ стоитъ неопред. накл., то въ серб. обязательно ставится «*да*» съ изъявит.: «*хоћу да пишемъ*» (желаю писать); когда же „*хоћу*“ бываетъ глаголомъ формальнымъ, тогда и по-серб.: „*хоћу писати*“.

б) Въ нов. болг. вовсе потеряно окончаніе *ти*, и вм. неопредѣленнаго накл. остается *чистая глагольная* тема: *можеши ми зе* (=вѣзд), но *не можеши ми да* (=дать).

Разсмотрѣніе случаевъ употребленія неопредѣл. наклоненія въ рус. языкъ.—Въ рус. языкѣ разсмотрѣніе случаевъ употреб-

*) Ср. II, 382, 387). И. Б.

лей неопредѣленнаго накл. можно подраздѣлить на неопред. накл. *субъ-ективное* и *объективное* (срав. II, 349).

Неопред. накл. *субъективное*,

т. е., неопредѣленное при одномъ и томъ же подлежащемъ съ личнымъ глаголомъ, ставилось

при глаголахъ, близкихъ къ формальности или формальнымъ.—Въ слав. яз. одни изъ этихъ глаголовъ, входя въ составное сказ., сочетались и съ причастіемъ, и съ неопред. накл., другіе же только съ неопредѣленнымъ. Къ послѣднимъ относятся

4) *имаамъ* и *имѣ съ неопредѣленнымъ*. Глаголы эти съ значеніемъ *имѣть* и *братъ* въ сочетаніи съ неопред. накл. бываютъ то вещественны, то формальны и даютъ смыслъ буд. времени.

а) *Имаамъ* = $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$: „прити имать сынъ чловѣчьскій“ *Имаамъ съ формал. знач. для выраж. буд. вр.*
($\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\iota$ $\xi\rho\chi\sigma\theta\iota\alpha\iota$).

б) *Имаамъ* съ чисто формальнымъ значеніемъ и выражаетъ будущее время, которое слѣдуетъ за другимъ будущимъ: „продаждь—и *имѣти имаамъ*“, т. е., *посль того какъ продаждь... будещь имѣть*.—„аще сего не створимъ, поубиши ны *имать* Святославъ“ Лавр. Здѣсь неопр. наклоніе получило перевѣсъ надъ *имаамъ*, оттого и наст. вр. уже не чувствуется.

в) Кромѣ того, *имамъ* съ неопр. накл. *иногда* имѣетъ модальный отбѣнокъ *необходимости, увѣренности*: „сребромъ и златомъ *не имамъ нальзти* (не въ состояніи я найти, навѣрно не найду) дружины, а дружиною *нальзу* (найду) сребро и злато“ Лавр.

г) Гл. *имаамъ* при неопред. накл. сохраняетъ еще иногда значеніе и наст. вр. съ отбѣнкомъ *вѣроятности*: „взяша и мертвѣ мянше, ... и узрѣша, яко живъ ееть, и рече Феодосій, яко се *имать быти* отъ бѣсовьскаго дѣйства“ Лавр., т. е., что это, *вѣроятно, д. б., происходитъ* (а не произойдетъ) отъ бѣсов. наводженія.

д) Въ южно-рус. и зап.-рус. „*маю*“ съ неопр., болѣе чѣмъ *имаамъ*, даетъ чувствовать свое наст. вр. съ отбѣнкомъ *долженствованія или возможности*: „а какъ Петръ... *имаетъ* намъ *служити* двѣма копы“.—„*Иидъ маеть присягнути*, яко не вѣдѣлъ“.—„*Купцы... маютъ* (=могутъ) огонь у своихъ домѣхъ *держати*“...

е) *Иму* въ др.-рус. яз. въ сочетаніи съ неопред. накл. вида *несоверш.* образуетъ будущее *начинательное*: „си *имуть имати* (=начнутъ брать) дань на насъ“ Лавр. Съ этимъ именно значеніемъ въ пынѣшнихъ влрус. областныхъ и млр. говорахъ употребл. выраженія: „*иму дѣлать, имѣмъ вѣть, нему* (не стану) *пахать*“.

5) *Хочу* и *хочу* (=θέλω) съ *неопр.* имѣеть еще вещественное знач. и потому не образуетъ грамматической формы буд. времени, а заключаетъ лишь отгѣнокъ этого времени, при чемъ употребляется

а) для выраженія *въроятности* (можетъ быть, должно быть): „лють се мужъ *хоче быти* (=д. б., стало б., онъ лють, когда...) яко имѣнья не брегеть“ Лавр.

б) Для выраж. *дебитивнаго* отгѣнка: „како азъ *хочу* ншъ законъ *пріяти* еднш (=какъ мнѣ *принять*, т. е. *нельзя*, не могу *принять*), а дружина сему смѣяться *начнутъ*“ Лавр.—„А ты овчая купѣли жадаени, помать *пресохнути хотяща*“ (=долженствующей...) Кир. Тур.—Съ такимъ же дебитивнымъ отгѣнкомъ употребляются серб. жу и болг. штъ съ *неопр. накл.*

в) Для выраженія *сомнительности*: „пожалуй“, „чего добраго“, какъ переходъ уже къ *буд. вр.*: „како я *хочу* молвити (дебитив.)? а на мя *хотять* молвити (=пожалуй, *станутъ говорить*) твоя дружина и моя, рекуше: *хочеть погубити* (=чего добраго погубить) смерды“ Ппат.

г) Для выраженія *будущаго наступающаго*, имѣющаго быть „неукоснительно“: „се уже *хочемъ помрети* отъ глады, а отъ князя помочи нѣту“ Лавр.*)

д) Для выраженія *будущаго* же времени употребляются и сочетанія *неопредѣленнаго накл.* съ формами *хотѣаше, хотѣа, хотѣти*: „хотѣаше оумрѣти“ (ἤμελλεν ἀποθνήσκειν) Остр. Е.—„Погибель *хотѣаше быти* сему“ Лавр.—Самъ бо вѣдѣаше, что *хотѣа сътворити* (τί ἔμελλε ποιῆν) Остр. Е.—„егда *начнеть хотѣти свнцнати*“ (=свѣтать) Златоостр.—Въ обоихъ послѣднихъ сочетаніяхъ (г, д) видѣти переходъ глагола *хочу* отъ вещественнаго значенія θέλω къ болѣе формальному μέλλω (=пмаамъ: ср. выше II, 363), по *двойственности* моментовъ мысли все-таки замѣтна: грамматическія формы глагола *хочу* указываютъ на *настоящее* (хочу) или *прошедшее* (хотѣаше) время, а вещественное значеніе тяготеетъ къ *будущему*. Поэтому можно сказать, что сочетанія эти выражаютъ *будущее* по отношенію къ *настоящему* (хочетъ быти) или къ *прошедшему* (хотѣаше быти), какъ „будеть былъ“ обозначаетъ прошедшее по отношенію къ будущему. (Срав. выше II, 291).

б) *Начну, стану* съ *неопр. наклоненіемъ* Бусл. признаетъ *описательною формою* начнательнаго буд. вр. вида *соверш.* (Гр. § 158), но Потѣбня отрицаетъ и *совершенство* вида, и *описательность* формы:

*) Въ *единственномъ* выраженіи древ.-рус. „не дождоху“ (Ппат. 457) Потѣбня хотѣлъ бы видѣть полное формальное и *звуковое* слияніе „хочу“ съ *неопр. накл.* (=„не дождати *хочу*“, подобно сербскому: «знаѣу»=знати хоѣу).— Ср. II, 360.

а) совершеннымъ видомъ сочетаніе это не можетъ быть уже потому, что соверш. видъ глагола *начну* не переходитъ на неопр. п.: *начну изорить*”;

371

б) сочетаніе гл. *начну* съ неопред. накл. въ современномъ яз. не можетъ быть и описат. формою, пот. что *начну* (почну, учну, зачну) теперь имѣютъ свое веществ. значеніе, а потому и при переводѣ на иностран. яз. передаются, какъ самост. глаголы; въ старо-слав. же и др.-рус. яз. „начну” съ неопр. могло замѣнять *буд. вр.*, какъ *одна* описат. ф.: „перачи—ти начыпеть” = *αχταφρονήσει*. По *начинательности* и *несовершенности* вида это сочетаніе близко къ др.-рус.: „*и му творити*” и противопоставляется другому *будущему совершеннаю* вида: „се работающей мѣшѣ *пити начынууть*, вы же *взжажжестся*”.

372

в) Глаг. *стану*, по мнѣнію Потѣбни, въ древ.-рус. яз. едва ли составляя одну описат. форму какъ въ буд., такъ и прош. вр. Подобно *стану*, съ сохраненіемъ вещественнаго своего значенія, употреблялись и употребляются еще *яти*, *взять*, *приняться*, *пуститься*, *заводить*, *пойти*; напр. „*аче возьмиши воздвѣати руцѣ*” (= станешь возд. р.) Поуч. Θεод.—„*онъ и поидетъ вратъ*” Гог.—Въ латер. рус. языкѣ формы *сталъ*, *ставши. стать*, повидимому, столько же вещественны, какъ и приведенные выше глаголы, но *стану* (т. е. въ буд. вр.) съ неопредѣленнымъ, кажется, можно считать уже вспомогательнымъ глаголомъ съ *начинательнымъ* отбѣнкомъ: „стану сказывать я сказки” Лерм.

373

г) Для большей *живости* разсказа при глаголахъ съ вещественнымъ значеніемъ *движенія* или *начинательности* вм. изъявительнаго накл. „стану” при неопред. наклоненіи

аа) то ставится повелит.: „*давай*” или „*пу*”: „*давай бѣжать!*” „*Мы ну бѣжать!*” (вм. *взялись*, *стали бѣжать*),

бб) то глаголь изъявительнаго накл. отъ „стану” опускается и ничѣмъ не замѣняется, напр. „*Я—читать*, а онъ—спать”. При этомъ повелительнаго „*давай*” нельзя смѣшивать съ употребленіемъ глагольныхъ частицъ *хвать*, *глядь*, которыя выражаютъ *быстроту* дѣйствія.

7) Былъ и буду съ неопред. наклоненіемъ. —

374

а) Въ то вр. какъ причастіе въ древнемъ (отчасти и въ новомъ) языкахъ сочетается съ *личною* формою *вспомог. наст*, *прошед.* и *повел.* (есмь, бѣхъ, буди, уповалъ),—неопред. накл., напротивъ, сочетается почти всегда съ *безличнымъ* „*есть*” (есть уповати) и бываетъ *только объективно*. Если же неопр. при *есмь*, *бѣхъ*, *буди* бываетъ изрѣдка въ древ. яз. субъективно, то глаголь перестаетъ тогда быть формальнымъ, вспомогательнымъ и имѣетъ знач.: *находиться*, *присутствовать*, а иногда замѣняетъ глаголы *движенія* и означаетъ

объективность
неопредѣленна-
го накл. съ личн.
ф. есмь, бѣхъ,
буди.

прибывать, прибыть. Напр. „и сила господиѣ (я) *бы ильмии ид*“ Остр. Е. — и находилась въ немъ сила Господня, *чб она исильяла ихъ*). — А сами не бывали (=не прибывали, не приходили для того чб.) со Исковичи *правити о порубѣжныхъ мѣстѣхъ*“ Пск. I. — Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ неопредѣленномъ чувствуется остатокъ значенія достигательнаго наклоненія. Аналогіей же съ глаголами движенія объяснять нужно и то, что послѣ неопред. наклоненія съ гл. «быть» въ смыслѣ прибыть, приходитъ въ русскихъ пѣсняхъ ставится *род. п.*, какъ и послѣ достиг. накл.: «были ты (=приходили ли) *красѣ монастыря Румянцева*».

б) Въ противоположность формамъ *есмь, бѣхъ, буди*, вспомогат. гл. *буду* сочетается съ субъективнымъ неопред. накл. и при томъ безъ отбѣга начальности, который замѣтенъ въ гл. «стану». *Это явленіе, впроч., новое и до XIV в. въ др.-рус. яз. не встрѣчается*. Сочетаніе это представляетъ уже *полное единствѣ грамматич. формы* и отличается отъ сочетанія «буду съ прич.» («буду лова», «будемъ покаившеса, покайлса»), а равно и отъ сочетаній «имамъ, хочу съ неопредѣленнымъ» тѣмъ, что неопр. накл. бываетъ *только вида несовершеннаго*.

8. *Прочіе глаг. съ неопред. накл. субъективнымъ* трудно подвести подъ какіе-либо разряды по ихъ лексическому содержанию*) и лишь возможно-полное перечисленіе ихъ въ разныхъ періодахъ языка могло бы обнаружить извѣстныя теченія языка.

а) По отношенію къ подлежащему эти глаголы или ставятся лично съ опредѣл. подлежащимъ, и тогда неопр. накл. бываетъ субъективнымъ, или — безлично, и тогда подлежащее переходитъ въ дополненіе, а неопред. накл. становится объективнымъ: «Униаше бо *святый* гедшиъ за вся умрети» и «униаше *святому* умрѣти».

Къ этимъ же гл. по отнош. къ подлежащему д. б. отнесены α) нѣкоторыя качеств. *прилаг.*, входяція въ составы сказ., (чаще съ именнымъ оконч.) и β) *существительныя* (помина *agentis*), сочетающіяся съ неопр. наклон.; напр.

α) «хитри соуть злю *сътвориши*» (Изб. 1073); «моштынъ еси (=можени) *помыслиши*» (Изб. 1076 г.). Здѣсь неопред. и. вполнѣ гла-

*) Вотъ еще болѣе или менѣе служебные глаголы, сочетающіеся съ неопред. наклоненіемъ: *колеблюсь, медлю, сиышу, пренебрегаю, откладываю, опаздываю, лечу, желаю, изволю, благоволю, люблю, боюсь, опасуюсь, стыжусь, гнушаюсь, смѣю, могу, дыню, иду, пытаюсь, стараюсь, готовлюсь, думаю, замышляю, намѣреваюсь, силюсь, похвалюсь, селаняюсь, отказываюсь, обещаюсь, клянусь, присягаю; начинаю, кончаю, перестаю, привыкаю, уносу; удостоюсь, сподобюсь*. Также и сред. гл., требовавшіе прежде *двигат.* наклоненія.

только и отлично отъ греч. субстантивированнаго неопред. съ предлогомъ (*ταυτης εις το ακοβσαι*) и отъ славянскихъ оборотовъ *съ дат.*, какъ „хытръ кынигамъ“. Такъ же употребляются: *радъ* (ради) стараться (обычнѣе: *хотѣхомъ ради битися*, гдѣ неопр. зависить отъ сост. сказ: *хотѣхомъ ради*, а не отъ „хотѣхомъ“); *долженъ, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, властенъ, воленъ, любопытенъ* (Фон. .Виз.), *привиченъ, ренивъ, мнливъ, скоръ, слабъ, гораздъ, досуждъ, охочъ, лютъ, голосистъ* (Гриб.), *удалъ, лажъ, золь*. (Трудно объяснить, почему не встрѣчаются съ неопред. *охотнѣ, щедръ, скупъ*).

3) *Мастеръ ить, охотникъ* повеселиться, не *дуракъ* вынить. Если же номіна *agentis* переходятъ въ номіна *actionis* (охота, власть, сила, возможность, способность, право, надежда, желаніе), то неопр. накл. становится объективнымъ, такъ какъ личный оборотъ *переходитъ въ безличный*: „охота видѣть свѣтъ“.

б) По отнош. къ *залому* глаголы эти большею частію не допускаютъ винительнаго и дат. объекта, хотя и могутъ имѣть ихъ при себѣ, и сочетаются съ неопр. накл. объективнымъ: „прошу създати“=чтобъ кто-и. орудой създати. Встрѣчаются, впрочемъ, и субъектив. неопр. накл. въ стар. яз.: „Володимеръ же Глѣбовичъ посла во Игоревн, *прося* у него *издати* (т. е. чтобы самъ же Влад. Глѣбовичъ издаль) *напереди полкомъ своимъ*“ Шчат.

в) По отнош. къ *виду*, одни изъ этихъ глаголовъ, въ силу своего лексическаго значенія, сочетаются съ неопр. накл. вида только несовершеннаго. другіе же—какъ несоверш., такъ и совершеннаго.

Съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ вида *несоверш.* сочетаются глаголы, означающіе *начатіе, продолженіе, прекращеніе* дѣйствія; *привычку, отвычку*, а также „пойду“ въ смыслѣ „начну“ (Ср. выше II, 372): „пошелъ (=началь) *разказывать*“; но въ „пошелъ *разказать*“ вида *соверш.* неопред. накл. равняется *достигательному* „чтобъ разказать“.

Глаголы, сочетающіеся съ неопред. накл. вида *соверш.* и *несовершеннаго*, имѣютъ слѣд. отбѣки различія: неопр. накл. вида *соверш.* всегда слѣдуетъ за дѣйствіемъ главнаго глагола и относится къ *буд. вр.*: „мняахъ сѧ *ваше приидати*“=думали, что *получатъ*; неопр. накл. вида *несоверш.* означаетъ дѣйствіе, то слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго глагола, то одновременное съ нимъ: „Хрестъ цѣловаль есмь *имѣти* тя сыномъ“ (Шчат.)=что буду имѣть....—„Всякъ иже *убиеть* вы, *мынѣти* сѧ *службѣ приносити* Богу=будетъ думать, что *приноситъ*... „Мнятъ жилище *имѣти*“=что *имѣютъ*“ Лавр.—Въ нынѣш. языкѣ при *надѣюсь, обещаюсь, кляжусь* неопред. накл. имѣетъ значеніе только *будущаю* времени.—Въ древнемъ

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

379

380

Вспомог. глаголы относятся къ залому и виду.

381

7

Отличіе неопред.
наклоненія отъ
причастія въ со-
став. сказ.

языкѣ. неопред. наклоненіе, выражающее одновременность, бы-
ваетъ подобно причастию *наст. вр.* въ составномъ сказ., только
неопред. накл. *болѣе глагольно**) и приближается къ развито-
му прид. пред: „мынѣтся сѣдѣти“=считаетъ себя *сидящимъ*,
а „мынѣтся сѣдѣти“=думаетъ о себѣ, *что сидитъ*; „творяхуться бити“=
показывали видѣ, *что быются*.—Достоинно примѣчанія, что въ древ. явиль.
позднѣйшее неопредѣленное накл. замѣнялось иногда причастиемъ: „не дай
Богъ на поганыхъ *вѣдѣ* ся отрещи“=отказаться *вѣдѣти* Ипат. Такъ же при
глаголахъ: *прѣстани, коньчати*: „коньчаша церковь *пишючи*“ (писати)**).

9. *Неопред. со вторымъ именительнымъ*.—Если къ составно-
му сказуемому (напр. „*Н мынѣтся правъ*“^с) прибавляется субъективное не-
опред. накл. („*Н мынѣтся быти правъ*“), то является *трехсоставное* ска-
зуемое, въ которомъ неопред. наклоненіе становится *второстеп. предикатив.*
связкою, а второй им. предикативнымъ атрибутомъ, какъ это бываетъ и
при второстеп. *причастной* связкѣ: «мынѣтся *сѣи правъ*»***). Въ силу го-
сподства *согласованія* въ языкѣ, неопр. наклоненіе не могло бы тутъ стоять,
если бы оно не было субъективно, т. е., если бы оно не имѣло при себѣ
общаго съ личнымъ глаголомъ подлежащаго. Отсюда являются такіе оборо-
ты: «хощени ли *цѣль быти*», «еда и вы хощете *ученици его быти*».
помысли *быти мнихъ*» Лавр.

Въ позднѣйшемъ яз. трехсостав. сказ. наиболѣе употребительно при
глаголахъ *хотѣть, желать, надѣяться, бояться, думать, намѣреваться*
и др., по нетерпимо послѣ глаголовъ *казаться, считаться, называться*.
сказываться: «казался *правымъ*», а не «казался *быти правымъ*», поэтому
несправедливо объясненіе второго именительнаго въ этихъ случаяхъ оуще-
ніемъ будто бы глагола *быти*, который является въ польск. и чеш. языкахъ.

Неопредѣл. наклоненіе объективное.

Неопр. наклоненіе *объективное*, т. е., не относящееся къ субъекту
глав. глагола, м. б. названо «второстеп. сказуемымъ въ области объекта».
Къ такимъ объективнымъ неопред. наклоненіямъ относятся, между прочимъ,
и оборотъ *асс. с. infinitivo*.

10. *Вин. съ неопр. безъ второго именительнаго или со вторымъ*
можетъ быть разсматриваемъ, во-первыхъ, по отношенію къ связи имен-
ительнаго падежа съ глаголомъ главнаго предложенія и, во-вторыхъ, по отно-
шенію къ инфинитиву.

Въ первомъ отношеніи вин. съ неопредѣленнымъ можетъ быть све-
дены къ 4-мъ случаямъ:

*) Срав. далѣе II, 387. *И. Б.* —**) Срав. выше II, 162. *И. Б.*

***) Ср. выше I, 119. *И. Б.*

а) винительный прямого объекта при глаголахъ *движенія*.

б) такой же вин. при глаголахъ *просить, заставлятъ* и под. и при глаголахъ *дѣлать кого чѣмъ*,

в) вин. *post v. sentiendi, cognosc., dicendi* (Ср. выше II, 299 п слѣд.)

и г) *винительный, независящій отъ глагола глав. предл.*, при безсубъектномъ сказуемомъ *дѣѣ, зрѣ, oportet* и т. д.

По отношенію къ инфинитиву, асс. с. inf. возводится къ первоначальнымъ двумъ типамъ: во-первыхъ, къ *достигательному* наклоненію, сохраняющему въ себѣ остатокъ *вин.* надежа, и, во-вторыхъ, къ неопр. наклоненію, равняющемуся *дательному* надежу (учу *читать* = чтенію).

Изъ оборотовъ винительнаго съ неопредѣленнымъ въ цел. в рус. языкѣ обычны типы а) и б), возводимые къ первоначальному *достигательному* наклоненію:

Типы винит. съ неопредѣл. въ ц.-сл. и рус. яз.

а) при глаголахъ *движенія*: «Азъ вы послахъ жатъ». Но уже изстари встрѣчается и *неопр.* накл.: „посла Олегъ мужи своя... *положити* ряды межн Гръбы и Русью» Плат.; съ XV же вѣка—только *ти* и *тъ*.

б) Вин. съ неопр. накл. послѣ глаголовъ *просить, заставлятъ, принудитъ, убѣдитъ, умолитъ, цюворитъ, приласитъ, позвать, научитъ, явить, нанять, приставитъ* кого что дѣлать и проч.: «пристави к нимъ мужи свои *показати* церковную красоту» Плат.; «приставимъ вы хоромъ (род. п.) рубити» Новг. I; «учашеть его мати *креститися*» Лавр.; при гл. *творити* вин. съ неопр. встрѣчается рѣже: «*познати* мя сътвори танну твою» Супр.

Неопр. накл. съ *первымъ* и *вторымъ* *вин.*: «сподобилъ мя еси *недостойнаго сгноудателя быти*» (Феод. Печ.). На мѣстѣ второго *вин.* теперь ставится творительный.

в) *Post v. sent., cogn. в м. греч. и лат. вин. съ неопр.* въ древнихъ славянскихъ и лит.-лотын. яз. ставится *вин. съ прич.* за исключеніемъ *формальной* «*быти*»: *увѣдоша князя идуча* (= что идетъ). Рѣдкія исключенія отсюда считаются замечательными. Что же касается гл. *быти*, то онъ встрѣчается и въ Остр. Б., и въ Лавр. лѣт.: „кого глаголахъ мѣ *быти* сына чловѣческаго“ (Остр. Б.); и другіи свѣтъ повѣдаютъ *быти*» (Лавр.), хотя встрѣчается и причастіе: «видѣху Христа самого *суща*» (...*хѣточъ сѣхач*). Неопр. накл. причастія въ этихъ случаяхъ выражаетъ большую *лагольность*, т. е. обозначаетъ признакъ *возникающій*, а не *данный*, какъ въ причастіяхъ: «осудилъ и повинна *быти*» = что онъ повиненъ, а «осудилъ и повинна *суща*» = осудили его, какъ виновнаго уже.

По господствующимъ въ славянскихъ языкахъ Потебня, отчасти согласенъ и съ Миклошичемъ, признаетъ

11. *Дательный съ неопредѣленнымъ.* Въ этомъ случаѣ неопр. наклоненіе можетъ быть двухъ видовъ:

а) или второстепеннымъ *сказуемымъ*, когда въ оборотъ этомъ бываетъ только *первый дат.*: «приказать *мнѣ прийти*»=чтобъ я пришелъ,

б) или второстеп. *связкою* между первымъ и вторымъ дательнымъ: «достойтъ *ти быти кротъку*», «дать (аор.) *имъ* область чадомъ божиемъ *быти*». Въ обоихъ этихъ случаяхъ неопр. накл. *не можетъ* замѣняться причастіемъ безъ нарушенія смысла.

По свойству *перваго* дательнаго обороты эти бываютъ двухъ главныхъ разрядовъ.

А. Первый дат. можетъ быть дополненіемъ главнаго глагола и *помимо неопред. накл.* Сюда относятся:

а) *Дат. съ неопредѣленнымъ безъ 2-ю дат.*: «вако можетъ съ плтъъ своихъ дати *намъ ъети*» Остр. Е.—«*Петѣлу* даша посадицать Новгороду Новг. I. Здѣсь дат. надежи равно относятся какъ къ глав. глаголу (дати, даша), такъ и къ неопредѣленному накл. (ъети, посадицать). Тоже послѣ главныхъ глаголовъ: *установити, заповѣдати, повельити (глаголати), творити: хотѣти, желати, чаяти, надѣятися* (кому и чему); *запретилъ, помогъ, присудилъ, благословилъ*: «Володимеръ повелѣ *псковати* лянцѣ сребрены *лсти дружинѣ*» Лавр.

б) *Неопред. со 2-мъ дат.*: «дай *намъ* Богъ... къ мученикомъ *причтенномъ быти*» Ипат. Также при *послабити* (=послаблять, поблажать, потакать кому и чему), *льпо, чне, луке, подоба* (есть), *подобаетъ, бысть, приключися, нельзъ*: «подоба (есть) *хранитиса чистомъ* (2 дат.) отъ нечистыхъ дѣлъ» Изб. 1073; «луче же *пѣтати быти* (кому), неже *полонену быти*» Сл. о П. II. То же и въ нов. рус. яз.: «дай Богъ (мигъ) *живой* убраться» Крыл.—«Хотѣлось бы остаться *мигъ одной*» Кр.—«Визку напередъ: какому *грамотею* (2-й дат.) *ему* (1-й дат.) *быти* надобно» Ф. Виз.

в) Изъ оборотовъ предыдущаго типа съ безличнымъ *составнымъ* сказуемымъ („подоба есть“) создается новый оборотъ: въ составномъ сказуемомъ остается только безличное „*есть*“, а въ позднѣйшемъ яз. и оно мож. б. опущено; т. обр. вм. „подобѣсть сыну пострадати“ является оборотъ: „*есть* сыну пострадати“ и, наконецъ, просто: „*сыну пострадати*“. Отъ со вторымъ дательнымъ: „*Не быти* нама живымъ отъ тебе“ Лавр.—„*Быть* тебѣ отъ невѣсты *поставлену*“ (Горе злоч.).—Отъ опущенія составной части главнаго сказуемаго съ *есть* и представляется, что дат. тяготѣетъ какъ бы къ *одному* неопр. наклоненію, но эта иллюзія пропадаетъ, какъ скоро вм. нает. «*есть*» понадобится поставить другое время: «тебѣ *было* послушну быти», гдѣ *первый дат.* зависить уже и отъ глав. глагола. (Ср. далѣе

II, 400—401). Это же явленіе наблюдается и въ древнихъ слав. нарѣчіяхъ, и въ лит.-лужич. языкѣ.

Б. Ко 2-му разряду оборотовъ дат. съ неопр. относятся

Второй разрядъ
дат. съ неопр.

303

а) тѣ, въ которыхъ первый дат. надежъ не является непосредственнымъ предметомъ, на который направлено дѣйствіе главнаго сказуемаго: «повелѣ *сбору* быти», «повелѣ *кии-*

Дат. подлежащаго.

тамъ написать ея и посланомъ быти», «рѣхъ *прѣмудрости* моея сестрѣ быти». Эти обороты допускаютъ двойное пониманіе—болѣе древнее, образное: «я сказалъ премудрости (какъ лицу), что она сестра моя», и позднѣйшее, когда первый дат. пересталъ быть предметомъ *непосредственною* воспріятія дѣйствія главнаго сказуемаго: «я сказалъ, что премудрость сестра моя». Подобнымъ же обр. нужно объяснять и *вин.* съ неопр. и причастіемъ, гдѣ внимательный и. сперва также зависѣлъ отъ *главнаго* сказуемаго.*)

304

б) Затѣмъ, 1-й дат. съ неопр., подобно дат. самостоя-

Дат. независи-

тельному (Ср. II, 330), дѣлаетъ скачекъ: онъ вовсе теряетъ отпечатокъ своего происхожденія, т. е. первоначальную зависимость свою отъ *главнаго* сказуемаго и появляется при такихъ главныхъ сказуемыхъ, которые сами по себѣ вовсе не допускаютъ дательнаго надежа: «мыно явѣ быти глаголемоуоуму» Супр. (=думаю, что явно будетъ глаголемое); «не мните, яко Евзѣ, прельститица вамъ» (=не думайте, что, какъ Ева, будете вы прельщены) Кпр. Тур.—«Домонѣ не стериѣ обидимѣ быти землѣ» Пер. I (=чѣ земля была обидима).—Въ позднѣйшемъ языкѣ обороты эти, какъ ас. с. inf. и с. participio, исчезаютъ безслѣдно.

Дат. съ неопредѣленнымъ, сдѣлавшись независимымъ отъ глав. сказуемаго, получаетъ возможность присоединяться къ сказуемому, имѣющему дополненіе и въ *вин.* надежѣ, и так. обр. отклоняется отъ принципа согласованія: «сподоби мѧ съобщнику ми быти» Жит. Θεод.

305

Наконецъ, подобно греч. и лат. ас. с. inf., славянскій дат. съ неопр. получилъ возможность «выдвигаться на мѣсто подлежащаго»: изъ оборота „хорошо (есть кому-либо) быть царемъ“ (зм. дат.) образовалось выраженіе: „быть царемъ—хорошо“ (=ἄριστος εἶναι καὶ βασιλεὺς εἶσθαι), *при чемъ неопределенное* остается *все-таки второстепен. сказуемымъ*, а подлежащимъ къ главному сказуемому является мѣст. это: „быть царемъ—это хорошо“. (Ср. мр. „з вами мені разлучитица; се (=это) смерть моя“ Квит.).

306

Примѣмъ говорить, что въ примѣрѣ „быть умрѣти *нищоуоуму*“ дат. не зависѣтъ отъ «быть», иначе „нищоуоуму“ стояло бы послѣ „быть“; но, какъ справедливо возражаетъ Потебня, дательный 1-й можетъ быть отдѣляемъ отъ неопред. склоненія и стоять при глав. сказ., даже *если бы неопредѣлен-*

Ср. рѣшеніе
члѣна Гримма,
Микловича и
другихъ, относив-
тельно дат. в.
при неопред. в.

*) Срав. выше II, 303, 304. И. Б.

наю накл. не было: „добро те есть бѣднѣшоу (2-й дат.) въ животъ вѣштити“. — Миклошичъ объясняетъ 1-й дат. зависимою его не отъ глав. сказуемаго, а отъ неопредѣленнаго накл., какъ глагольнаго имени, по аналогіи съ дат. падежомъ при отвлеченныхъ глагольныхъ именахъ на нѣ прежде пришествія Христу, «по остатни temu сирѣ» (Микл. Гр. IV, 620); по Потебни такіе дательные при глагольныхъ именахъ не только отвлеченныхъ, но и конкретныхъ (сзъдатель миру), считаетъ дательными принадлежности, тяготеющими исключительно къ именамъ, при коихъ стоитъ дательный падежъ: въ примѣрахъ же, подобныхъ „бысть умрѣти нищоуоуму“, дательный тяготеетъ не къ одному неопредѣленному, но и къ глав. сказуемому, и можетъ стоять даже безъ неопред. наклоненія.

Потебня находитъ неудовлетворительною и ту попытку нѣкоторыхъ ученыхъ (Бенфея, Шлейхера, Миклошича), которые изъ первоначальнаго дат. пад. инфинитива думаютъ объяснить стоящій при немъ дательный цѣли путемъ уподобленія или аттракціи, какъ напр. въ литов. и др.-рус. яз: не каждый ротъ братъ пить», «бочка пиву вливать», «ведро водѣ носить»: «нагѣзе мастера... олову ляти» Лавр.—Считая эти дат. падежи дополненіемъ къ неопред. наклоненію и принимая послѣднее за дат. пад. отглагольнаго имени съ суф. *ти*, они объясняютъ дательные, стоящіе вм. инфинитиваго, аттракціей къ самому неопред. наклоненію, т. е., вм. *брату* пить — *братъ* пить, вм. *олово* лить — *олову* ляти. Но Потебня не допускаетъ этого объясненія. пот. ч. такая аттракція возможна только въ доинфинитивную эпоху: когда же въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ неопредѣленное накл. стало безнадежнымъ и сдѣлалось чисто глагольнымъ инфинитивомъ, тогда и аттракція стала невозможною.

Объясненіе Потебни о дательномъ при неопред. и.

Поэтому Потебня положеніе вопроса о дательномъ съ неопредѣленнымъ представляетъ въ такомъ видѣ:

а) съ одной стороны, дательный^{*)} указываетъ на субъектъ неопредѣленнаго: „искова лѣжнѣ ясти дружинѣ“ (=чтобы дружина ѣла); инд: „очищайте сому Индрѣ пить (чтобы Индра пилъ“),

б) а съ другой — дательный указываетъ на объектъ неопредѣленнаго: „нагѣзе мастера... олову ляти“ Лавр. (=чтобы олово ляти); „приставимъ вы хоромѣ рубити нашимъ“ Лавр.—Тоже въ стар.-чеш: „kurěhu jedvo pole pútnikom hriěsti“. По, основываясь на общемъ теченіи языка, которое идетъ отъ соподчиненія (паратактичности) къ подчиненію (гипотактичности), а не наоборотъ, Потебня, согласно съ В. Миллеромъ, видитъ въ дат. падежѣ при неопред. накл. древняго яз. не подчиненіе дательнаго инфинитиву, а соподчиненіе или равномѣрное тяготѣніе и тою и другою

*) съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка И. Б.

г) *овидне, ояне* въ смыслѣ *возможно было, „предстояло“*: „Когда бине брани быти... тогда ся начаша бити межи собою“ Повг. I.—„Точно весла видѣти, а человекъ бѣшетъ невидѣти“ Плат.

д) *бъ съ знач. предстояло, нужно было*: „Данилови же... съхвати... бѣ со выежнихъ горь“ Плат.

е) *бысть съ знач. случилось, не бысть=нельзя бѣ*: „бысть оумрѣти иншъ-лоуму“ Остр. Е.—„не бысть имъ мимо оны поити къ городу“ Плат.

ж) *было (есть) съ знач. следовало*: „намъ было сего у Бога просити“ Плат.—Въ поздн. же языкѣ *было* съ неопр. стало замѣнять собою и другія выраженія съ *бъ, бѣшетъ, бурѣшетъ*, отчасти съ *бысть*: „быть было ненастью, да дождь помѣчалъ“ (Срав. выше II, 267, 268.).

з) *есть* безлич. съ знач. *предстоитъ, возможно, нѣсть=невозможно*: „отъ чего ми *есть* умрѣти“ Лавр.—„Нѣсть убѣжать всякому роженому“ Плат.

Впрочемъ, уже въ древ.-рус. яз. *есть* опускалось, и, вопреки мнѣнью Буса. (Гр. § 196, 2), отъ этого опущенія вовсе не зависятъ ни безличность оборота, ни отношеніе ко времени, ни модальность (необходимость и возможность): „миѣ умереть“ и „миѣ *есть* умерѣти“ совершенно одинаковы.

есть, стоящее налицо или опускаемое при неопр. накл., представляеть нѣсколько отбѣсковъ въ отношеніи къ *времени и модальности*:

а) *есть* почти то же, что *находится, имьется*: „*есть* поговорить“ (о чемъ). „У меня нѣтъ да золотой вазны, *нѣтъ* скатныхъ *отдать* жемчуговъ“ Барс. Причт. Въ этихъ случаяхъ „*есть*“ въ силу вещественнаго значенія своего никогда не опускается, а неопред. наклоненіе настолько самостоятельно, что обороты эти служатъ переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ неопредѣленное накл. отдѣляется отъ глагола союзомъ *чтобы*: „нѣтъ *чтобы* заработать, а все поровить уграсть“.

б) *Есть* отчасти съ значеніемъ *приходится*, отчасти въ смыслѣ *возможно*, при чемъ *есть* болышею частію опускается, и обороты эти никакъ не могутъ передаваться будущимъ вр: „зло *есть* нашимъ головамъ, да (=что) намъ *ясти* (есть) деревяннымъ лѣжцамъ“ Лавр.—„Есть гора Елеонская... *видѣти* же (есть) съ нея всюдѣ... и до Иордана дозрѣти“ Дан. Пал.—Нов. влвр: „*знать* сокола по полету“.—„А *чайтъ* тое вазны болши шти-тысечь рублевъ“ Котош. Отс. *чайтъ*=чаятельно, вѣроятно; *знать*=вѣроятно: „*знать*, оны богатъ“, „*знать*, она сильна“; *незнать*=*незнать*=не то—не то, или—или; *невѣсть*=*невѣсть*: „невѣсть царь, невѣсть король.“—Отъ „*чуть*“ частица *чуть* (сначала: „*чуть* *есть*, журчить“; потомъ—„*чуть* журчить“=сдва журчить); отс. *чуть* съ вопросит. *ли* имѣеть значеніе вѣроятности, догадки: „*чуть* *ли* оны не умеръ“.

в) *Есть* съ знач. *предстоитъ*, при чемъ дѣйствіе неопредѣленнаго

накл. отодвигается къ буд. врем: «волкъв глаголаше... яко... Дигиру (есть) лещици вепать».. Лавр. Дебитивное значеніе здѣсь *не непременно, а только возможно*: «отъ сего ли льба смерть миѣ (есть) взяти?» (Лавр.), и лишь *вещественный смыслъ рчи* требуетъ иногда усматривать въ этихъ оборотахъ дебитивность: «аже ны не даси, а намъ самѣмъ о себѣ *поискати*» Плат.

Въ другихъ временахъ, кромѣ настоящаго, глаг. «есть» *не опускается*: «зачѣмъ миѣ *было* на гору веходитъ» (или: *будеть* идти, пейти)?

Опущеніемъ безличнаго «есть» удобно объясняется неопр. накл. и съ *повелит.* значеніемъ: напр. «молчать!» — «есть молчать (тебѣ, вамъ)»⁴⁰⁹. Но въ иныхъ случаяхъ это неопр. наклоненіе можетъ объясняться опущеніемъ какъ безличнаго, такъ и личнаго глагола *движенія*, при чемъ можетъ стоять не только дат., но и им. пад.; напр. «молотники, молотить! молотлиники, молотъ (т. е. идите)! *я самъ*—лежать съ женою (т. е. «пойду»). Въ другихъ же случаяхъ повелительность неопредѣленнаго накл. можетъ б. объясняема опущеніемъ иныхъ *вещественныхъ личныхъ глаголовъ* и словъ, въ родѣ „ты южени“: „ничегоже възьмѣте на пать, ни жьзла, ни вры, ни хлѣба, ни сьребра, ни двою ризоу *имѣти*“ (=или „вамъ *есть* имѣти“ или „*должны есте* имѣти“, или „*имате* имѣти“). Подобнымъ же опущеніемъ объяснять должно повелительность выраженій: „*дой*“, „*дой*“, „*вогъ*“, „*ирочъ*“!

То пр. накл. съ повелит. значеніемъ при опущеніи «есть» и глаголовъ *движенія*.

Неопр. накл. съ опущеннымъ «есть» въ условныхъ предложеніяхъ.— Это есть наиболее древній способъ условныхъ сочетаній, при чемъ условные и заключит. союзы могли вовсе опускаться: „а на шей (горѣ) *стрѣлити*—перестрѣль *есть*“ Хожд. Дан.— „*Полядѣть*—картина, а *песлушати*—животна“ посл.— „*Смотрѣть*—такъ выйдешъ изъ тергьня“ Крыл. Глаголь же „*быть*“ въ *прош.* вр. не опускается: „*копъ было* брать, такъ брать“. Поэтому въ выраженіи: „на Волгѣ жить—ворами *слать*“ нужно видѣть *два* предлож., а не подлежа. и сказ. одного и того же предложенія, какъ думаетъ Буслевъ (Гр. § 195).

Неопр. «быть» (при подразум. «есть») съ другимъ неопр.: сколько ни плакать, а *быть* (есть) *перестать*». Здѣсь «быть» употребляется не въфето: „*надобно*“, какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 196,2), а есть составное сказ.: (есть быти), въ которомъ отъѣнокъ необходимости зависить отъ опущеннаго «есть» (=предетонть, приходитея, слѣдуетъ). Срав. со стар. состав. сказ.: «творитъся *правъ си* (правъ *быти*)», «*мнѣять* и *мъртва суща* (мъртва *быти*)». Это «быть» не равносильно неопредѣленному наклон. въ выраж.: «*знати* жить тебѣ богато», гдѣ „*знати*“ потеряло уже предикатив. значеніе и стало частицею, первоначально же было также сказуемымъ: „*знати* *есть*, *жити* *есть* тебѣ богато“.

409

409

410

411

412

413

13. *Неопредѣленное наклоненіе съ миммо-страдательнымъ отглагольнымъ.*—Въ этихъ оборотахъ

а) *главное сказуемое* бываетъ опредѣленно—личное,

б) *дополненіе при неопредѣленномъ*—тождественно съ предметомъ подлежащаго при главномъ сказуемомъ,

и в) указаніе на *подлежащее* неопредѣленнаго накл. большею ч. бываетъ лично или выводится изъ дат. пад. при глав. сказуемомъ. Сюда относятся случаи:

а) неопр. при *прилагат.*, входящемъ въ сост. сказ: „вода (Иордана) *сладка пить*“ (Дан. Пал.)=полному выраженію: вода сладка *есть* пить *ее кому-нибудь*. (Ср. лат. суи. на *и*: *facilis cognita*, гдѣ суи. выводится изъ дат. п. какъ въ «*Macedonia divisi facilis*»).—„Хорошъ поглядѣть“.—(Ср. у того же Дан. Пал. „столикъ твердъ *ко взятію* (=взять его).

б) Неопр. при глаголахъ: „*есть* бо разѣлила та на камени томъ *знать*“*) и до днешняго дни“ Дан. Пал.—„Изва вся *знать* (есть) на рукѣ“ Путеш. Лукьянова.—„*Знать* де полетка соколинал“, „*знать* соколъ по полету“, „у три дни ета язда *посыла съязь*“ (=чб съязь на ней). При возврат. сказ: „*калина педалася* (кому) *ломати*“; „ты книги (им. п.) *годятся* (кому) *съжечи* (я)“; нынѣши: „*вода годится* (кому) *пить*“.

в) При страд. сказ: „*крестъ поставленъ* (кому) *цѣловать*“ Лавр.—Во всѣхъ этихъ примѣрахъ главное сказ.—личное, дополненіе при неопред. накл. тождественно съ подлежащимъ главнаго сказ., а подлежащее для неопредѣленнаго накл. выводится изъ дательнаго падежа. Къ этимъ же примѣрамъ слѣдуетъ отнести и тѣ, въ которыхъ Бусл. (Гр. § 196, пр. 3) считаетъ *им.* падежъ жен. р. поставленнымъ *вм. вин.* при неопр. *дѣйстви. з.*: „дати ему своя *грамота*“, „*молодымъ пѣти слава*“ (Сл. о. П. II.) „*такова правда узети Русину*“ (Смог. гр.). Первоначально обороты эти были также опредѣленно-личные: „Русину (есть) правда *взяти* (ее)“, „*молодымъ* (есть) *слава пѣти* (ее)“, и только *теперь* мы можемъ *чувствовать* эти выраженія, какъ *безлич.* предложенія, въ коихъ именительные падежи не могутъ уже быть подлежащими: „безъ денегъ *вода пить*“=первоначальному: *есть вода пить ее безъ денегъ* (Барс. Прич. I).

Подъ вліяніемъ перехода личныхъ оборотовъ къ безличнымъ, языкъ сталъ придавать формамъ жен. р. на *а* значеніе *вин.* падежа и тамъ, гдѣ онѣ никогда не могли имѣть значенія *именит. падежа***): „*а далъ есмь двѣмъ своимъ сыномъ кобылка гнѣда*“, а иногда рядомъ съ формою *име-*

*) Въ подобныхъ оборотахъ м. стоять еще «видать», «слыхать» которые въ безличныхъ переходятъ въ «видно», «слышно». Ср. III, 469. И. Б.

***) Подобную же непоследовательность или скачекъ въ отношеніи зависимости падежа отъ главнаго сказуемаго можно было видѣть и выше въ дат. самост. (II, 330) и въ дат. съ неопред. (II, 394). И. Б.

нительнаго п. ставился и винительный: „слобуемъ держати цѣлую правду и чиста въра“ (Грамота Дм. Ольгерд. 1388 г.*). Въ нынѣш. литер. языкѣ обороты *надо, надобно съ род.* п. безличны п, конечно, позднѣе личныхъ съ им. п. въ народ. яз: «али многа тобѣ надоть золота *казна*», или въ старш. рус.: „ненадобѣ моя дань“ (***)).

14. *Неопр. накл.* (субъектив. п объект.), *связанное съ глав. предлож. посредствомъ относит. слова.*—Случаи такого неопредѣленнаго бываютъ 2-хъ разрядовъ: А) когда при неопр. накл. стоитъ относит. *мѣст.* или *нарѣчье* и Б), когда стоитъ *союзъ одинъ* или же *вмѣстѣ* съ мѣстоименіемъ или нарѣчьемъ. Въ древ.-рус. яз. такіа неопредѣленныя аналогичны съ причастіемъ (***)).

А.а) Подобно причастію съ им. «кѣто» («есть кѣто припеса»), неопред. при одинаковомъ подлежащ. съ главнымъ употреблялось *только* въ ст. чеш. яз: *nebyl kdo uhasiti*.

А. Неопред. съ
относ. мѣст. и
нарѣчьями.

б) Подобно причастію, неопр. накл. употребляется съ *косвеннымъ* пад. относительнаго мѣстоим. или съ нарѣчьемъ: «неимать *чесо псти*» Остр. Е.— «*Како* ваю *похвалиши*, неувѣмъ, и *что* *реци* педоумѣю» Сказ. о Б. и Гл.— Таково употребленіе этого неопредѣленнаго и въ *нов. рус. яз.*, и въ другихъ слав. нарѣчьяхъ, тогда какъ въ греч. и лат. употребляются здѣсь *личные* глаголы.

в) Отлично отъ причастія, неопр. и. *можетъ* имѣть *иное* подлежащ., чѣмъ при глав. сказ., особенно когда послѣднее бываетъ безличнымъ: «есть ей, *чимъ ся пострици*» (Дух. новг. 1270 г.).— «Аже будетъ близъ торгъ, *тъ* *купити*, то недостойтъ» (служити одною просфорою). *Вопр. Кюр.*— «И не быеть имъ, *куда перепхати*» Шват.— Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствующее лицо неопредѣленнаго накл. указывается наличнымъ или подразумеваемымъ *дательнымъ* при безличномъ «есть», при чемъ въ *нов. рус. яз.* этотъ дательный, для избѣжанія двусмысленны, можетъ замѣняться род. съ предл. *у*: «*у* *меня* (=миѣ) *есть* кому *пшеать*». Другіе примѣры въ *совр. рус. яз.*: *есть* чему (пѣ-чему) удивляться, *есть* кого (пѣ-кого=не *есть* кого) удивить, *есть* гдѣ (пѣ-гдѣ) жить. Но въ *отрицательномъ* прошед. и буд. (*было, будетъ*) не говорилось уже въ *древ. рус. яз.* «*не было чего ѣсть*», а замѣнялось однимъ предложеніемъ «*ничего, нидѣ* было

*) Ср. далѣе въ III ч. стр. 456—459 и 464 подобный же переходъ изъ личныхъ оборотовъ въ безличные: сперва «музыка слышна», потомъ—«музыка слышно», «какъ переходъ къ безличному»: «музыку слышно». **И. Б.**

**) Великор. *надо* возникло изъ «надобѣ *есть*», т. е. изъ предл. *на*+мѣст. пад. *добѣ*; въ «надобѣ-тъ», «надо-тъ», какъ и въ «пѣту-тъ», *тъ* *есть* не знакъ 3 л. ед. ч., какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 200, пр. 13), а остатокъ плеонастическаго этнческаго дат. *ми* (ср. выноски къ II, 191), и, слѣд., глагольная сила этихъ выраженій заключается не въ *тъ*, а въ опущенномъ *есть*.

***) Ср. выше II, 205—218. **И. Б.**

(будеть) ѣсть»: «нѣтъ будетъ взяти. Вспр. Кюр. Тѣмъ не менѣе отрицательные обороты съ *было, будетъ* предполагаютъ два глагольныхъ связуемыхъ, а именно: выраженіе «нѣтъ нѣчего было (будеть) дѣлать» равняется «нѣтъ было (будеть): нѣчего (не есть, чего) дѣлать», т. е., «нѣтъ было (будеть) такъ: нѣчего (=не есть, чего) теперь дѣлать, и потому я пошелъ»...

г) Въ примѣрахъ, въ родѣ слѣд.: «то нѣтъ *есть* порока всякаго *не уйти* Шпат., и „уже намъ *нѣтъ*... ся *дѣти*“ Лавр., Вул. (Гр. § 196, 1. а) считаетъ неопр. накл. безличнымъ связуемымъ съ подраз. *лѣзя, нельзя, болжно*, между тѣмъ въ первомъ примѣрѣ неопред. накл. соединяется непосредственно съ глаг. «есть» (есть не уйти), а во второмъ глаг. «есть» вошло въ «нѣгамо» (=не есть, камо ся дѣти) вълѣдствіе стяженія «не есть» въ *нѣ*, при чемъ коренное *с* и оконч. *нѣ* исчезли, какъ наприм. въ угорско-русе.: «*не іе* мого мленьаго, *не іе* мого кѣту». На этомъ основаніи и обычное «нечего» слѣдуетъ писать «нѣчего», такъ и «нѣчего» образовалось изъ не есть=нѣ-+чего, хотя ошибка эта встрѣчается уже издавна: «не ли (=нѣтъ ли) кого; иже бы могли на оную страну дойти» Лавр. *)

д) Не слѣдуетъ отождествлять составъ *прямыхъ* вопросительныхъ оборотовъ: «кому (есть) ѣхать» съ *косвенными*: «есть, кому ѣхать», пот. ч. въ первыхъ «есть» опускается, а во вторыхъ нѣчего не опущено. Кромѣ того, въ косвенныхъ вопросахъ придат. предложения съ относительными словами не обозначаютъ времени, и время неопредѣленного наклоненія, въ отличіе отъ причастныхъ выраженій, узнается изъ *глав. сказуемаго*. А такъ какъ неопр. наклоненіе глагольнѣе причастія **, то, въ виду стремленія языка къ глагольности, причастные обороты стали замѣняться оборотами съ неопр. накл.: вмѣсто «не вѣстеса, чесо просаще (просивъше)» стало употребляться «не знаете, чого просить»; для выраженія же *будущаго* вр. употребляется лич. гл. „имамъ“ при неопр.: „не вѣстеса, како или что *имаме* глаголати“; мр.: «не знаю, що чинити *маю*» при «не знаю, що чинити».

Въ стар.-слав. языкѣ неопр. накл. въ этихъ случаяхъ не выражало греческой и лат. союгательности и вообще модальности и только послѣ

*) Съ этимъ *нѣ* одного происхожденія *нѣ* и въ слѣд. случаяхъ:

а) нѣтъ. *нѣкто* (=кто нибѣ), *нѣчто* (=что нибудь), *нѣмто* съ знач. развѣ, неужели въ вопросахъ въ нов. яз. и *нѣдѣ* (=гдѣ-то), *нѣкогда* (=когда то: ср. въ просторѣчій: *нѣ* въ которомъ царствѣ);

б) *нѣ* передъ числит. съ знач. „приблизительно“: „и бѣ людей *нѣ* 300“ Лавр.—«Нѣзвено *не* (-нѣ) съ 200» Лавр. Отс. «нѣсколько» =«нѣ съ коліко», т. е., «приблизительно (-нѣ) равнос (-съ) коліку», такъ что нѣтъ нужды прибѣгать къ объясненію Миклошича (Ср. IV, 172), что будто бы «нѣкто», «нѣчто» образовалось изъ «не *вѣсть* кто», «не *вѣсть* что», каковыя выраженія имѣютъ дурной отбѣнокъ: «чортъ знаетъ, кто и что», а не *нѣкто* и *нѣчто*.

*) Срав. выше II, 381. И. Б.

того, какъ получилась возможность сказать: «незнаю, что бы сдѣлать», стало казаться неопредѣленное наклон. *изъявительнымъ* въ выраженіи: «незнаю, что сдѣлать».

Б. Трудно разграничивать неопредѣленные наклоненія послѣ союза: стоятъ ли они съ подразумѣваемымъ „есть“ и являются т. обр. составнымъ сказуемымъ вмѣстѣ съ „есть“, или же употребляются безъ „есть“ и так. обр. какъ бы прямо соединены со сказуемымъ или, какъ говор. Потебня, *взаимно*. Что же касается употребленія самихъ союзовъ при неопр. накл., то

а) есть указанія, что слав. неопр. съ союзами возникло изъ болѣе древняго бессоюзнаго. Такъ, въ примѣрѣ «имѣли уши слышати. да слышати» неопред. наклон. равносильно дониндѣштивному имени дѣйствія въ дат. н. пѣли: „къ слышатию“; „посланъ яемъ *лаголами* къ тебѣ“— „*лаголами*“ стоитъ вм. достиг.: *лаголамъ*. Эти явленія чисто русскія. Даже тамъ, гдѣ по-греч. стоитъ союзъ, въ ст.-слав. употреблялось неопр.: „отъбаду намъ . . . хлѣбъ только *насытити* (ὄσσε γουράσια) народа только“ Остр. Е.

Б. Неопр. накл. съ союзомъ или съ союзомъ и относительнымъ словами.

120

Эпезегетическое финальное неопр. накл., считаемое у Миклошича (IV, 858) гречизмомъ, также возможно и по-русски: „исполнише се днье *родити* ей“ О. Е.; „раздвиге земля уста свои *прияши* кровь брата твоего“ Плат. (Ср. у Держ.: „зйаетъ время славу *стерть*“.— „Посла ѿ Володимерь... а бы кдѣ изнайти мѣсто городъ *изтавити*“ Плат. (Ср. соврем.: „не могъ найти средствъ *платити* за обученіе“).— „И вложи ему очи видѣти и уши слышати“ Нам. стар. р. лит.— „Еще дай да Воже Господи ему въ домъ жену неумную *плодити* (=чтобы плодила) дѣтей неразумныхъ“ Барс. Прич. I, 288.

Эпезегетич. финальное неопредѣл. наклоніе.

127

На мѣстѣ этихъ безглагольныхъ и бессоюзныхъ неопредѣленныхъ наклоненій могли и могутъ стоять неопред. съ союзами

б) *изъявительными*: *оже* (іеже), *аже*, *а*, позднѣе—*что*^{*)}: „азъ того хочу, *еже* за Христа пострадати“.— „Умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя, *а* Кыева подѣ Рюрикомъ не искати“ Плат.— „Симъ ли Бога умолите, *что* утокла или удавленника выгрести“ Серап.— „Крестъ къ нему иѣловаша, *что* его не выдати“ Пск. II.— „Для того я живо пьяное варю, *что* твоихъ-то побъзажъ вонть“ Шейнъ, Рус. и. в.

128

в) Неопр. накл. въ ст.-слав. и др.-рус. съ союзами *яко*, *како*, которые ближе къ союзу *что*, но могутъ б: переводимы и черезъ *чтобы*: „свѣтъ сотвориша... *яко* убити ѿ“ О. Е.— „свѣжате ѿ въ сновы, *яко* съжечи ѿ“ О. Е.— „И едумаша *яко* изгнати князя“ Повг. I.— „Король же *яко* грекъ годъ (=какъ назначилъ срокъ) *како* поити (=что или чтобы

129

130

*) на мѣстѣ обычныхъ теперь союзовъ *цѣли*, которые Потебня называетъ *заклучительными* (См. далѣе стр. 437—438). И. Б.

ити), и посла къ Изяславу“ Шват. *) Однако не все случаи неопредѣленнаго накл. съ *яко* слѣдуетъ считать безглагольными: нѣкоторые примѣры м. объяснять и подразумѣваемымъ „*есть*“, при чемъ неопр. накл. было бы сходно формально съ деитивнымъ выраженіемъ залога: „цѣловалъ есмь крестъ на томъ, *како же* (нама) *невоеванися*“ Лавр.—съ вынужденіемъ союза; „цѣловалъ есмь крестъ на томъ: *не воеванися* (есть) нама“. Объ опущенномъ „*есть*“ говорить здѣсь и дат. п. при „*есть*“, и отглаголь *буд.* вр. (что не *будемъ* воевать), чего не могло быть при *безглагольномъ* неопредѣленномъ.

г) Неопр. накл. съ *яко* въ значеніи *такъ что*, при чемъ неопред. наклоненіе болѣе самостоятельно по отнош. къ главному сказуемому и болѣею частью имѣетъ налицо дат. п. Такой дат. съ неопр. безъ глаг. „*есть*“ подобенъ греч. ὥστε при асс. с. inf: „и неотвѣща іемоу . . . *яко дивитися* игемону (ὥστε θαυμάζειν τὸν ἡγεμόνα).—„Воиють сильно, *яко възрѣмети* въсему мѣсту тому“ Дан. Пал.—„И избѣ я, *яко малу* ихъ отъ таковыя бѣды *избьнути*“ Лавр.—„Олегъ же бѣ . . . нездравствуюя велми, *яко помощи* ему ни на конь вѣсти“ Лавр.—„Бысть сѣча зла . . . и сестувашася трижды, *яко по удольемъ* (по должнамъ) *крови тещи*“ . Въ послѣднихъ примѣрахъ неопр. накл. въ соврем. яз. должно быть передаваемо *прош.* временемъ подъ вліяніемъ *прош.* врем. *главнаю* *сказуемаю* (ср. „*будетъ* сѣча зла, *яко* . . . *крови тещи*—такъ что *кровь потечетъ*“, гдѣ *буд.* вр. неопредѣленнаго „*тещи*“ зависить отъ будущаго *главнаю* *сказуемаю*).

Дат. надежъ при этого рода неопредѣленныхъ равносилень дател. самостоятельному съ тѣмъ же союзомъ или безъ него: „толикъ бѣ гладь, *яко* и конѣ (вин. мн.) *имъ* (=осажденнымъ) *хотящимъ* бѣти уже“ Шват.— *потече* небо и *бысть* чермно . . . (*яко* опущено) *мнѣти* же *всѣмъ* *человѣкомъ* (=мнящемъ), зряче: *акы* *кровь* *прольяна* по *снѣгу*“ Лавр. Но въ примѣрѣ: „и тако страшно *бѣ* зрѣти, *яко* второму *пришествію быти*“ (Шват.) *яко*—какъ *будто*, а неопредѣленное наклон. заключаетъ въ себѣ отглаголь *будущаю*, т. е., такъ страшно было, какъ *будто* *имѣло* на *ступити* второе *пришествіе* **).

*) Въ стар. рус. яз. «*яко*» есть не только нарѣчіе вопрос., но и союзъ 1) временной *когда...то...* и 2) изяснительный *что* (=яко, оже, что, нѣм. dass, причемъ, подобно мѣст. и нарѣч. относительнымъ, для болѣе явственнаго указанія на предыдущее, послѣ «*яко*» ставилось «*то*»: «наши горожане намъ повѣдали, *как-то* (=что, а не «какъ») еси товаръ отъялъ» Грам. Риж. 1300 г. [Ср. «кто-то», «гдѣ-то», «ту то»].—«Вѣнжо, слышишь самъ, *какъ-то* (=что) мы ваше братне не обидѣли, *какъ-то* (=какъ) ты, княжо, дѣвши. Ibid. (См. дополн. ко 2-й ч. стр. III—VI).

**) Едва ли это такъ, потому что 1), при такомъ толкованіи, *быти* должно заключать въ себѣ указаніе *времени*, что противорѣчитъ предыдущему взгляду. Потребни на неопр. п. (см. II, 424), и 2) перевести это мѣсто слѣдуетъ, кажется

д) Хотя греч. обороты *πρίν* или *πρὸ τοῦ* съ неопр. и передаются въ Остр. Е. личными формами, но слѣдуетъ приписать *древнему* яз. и обороты съ неопр. накл., чѣмъ объясняется присутствіе и въ *соврем.* яз. такихъ выраженій, какъ „прежде чѣмъ *найти* дорогу“, „чѣмъ на мостъ намъ ити, поишемъ лучше броду“ Кр.—Неопредѣленное послѣ *чѣмъ*, *какъ*, *прежде чѣмъ* не должно быть объясняемо ощущеніемъ „есть“. То же наблюдается и въ лит.—лотыш. яз. Въ оборотахъ же: „чѣмъ *было* наказать, ошъ помиловать“ глаг. „было“ есть *вводное* слово.

Неопр. съ бы и союзами, сложными съ бы.—Потебня отвергаетъ объясненіе Буслаява (Гр. § 194 и 196), что *бы*, *чтобы*, *дабы* при неопр. накл. есть дальнѣйшее развитіе первоначальнаго прошед. условнаго вр. (быль *быхъ*), при чемъ де причастіе „*быль*“, вмѣстѣ съ которымъ „*бы*“ составляло *описательную* форму, опускается, а неопред. наклоненіе употребляется какъ безлич. сказуемое съ *подразумываемымъ* „можно“, „льзя“, „нельзя“, „должно“; наприм. „пойти *бы*“=можно *было бы* пойти; „чтобы узнать“=„чтобы я могъ узнать“, „чтобы я узналъ“. Но, возражаетъ Потебня, это невозможно какъ потому, что подобныя ощущенія въ языкѣ безпримѣрны, такъ и потому, что смыслъ выраженій въ родѣ «узнать *бы*» и „*можно было бы* узнать“ различенъ.

Объясненія неопредѣленнаго накл. съ *бы* нужно искать въ томъ періодѣ развитія языка, когда «*бы*» перестаетъ быть глаголомъ и обращается въ союзъ (съ 14 в.), и какъ при сочетаніи „*бы*“ съ прич. на *мъ* въ это время вставлялось *наст.* вр. „есть“ для приданія предикативности причаствію („что *бы есте* прияли“: ср. выше II, 279), такъ и къ неопредѣленному накл. стало присоединяться „*бы*“ съ явственнымъ или *подразумываемымъ* «есть»: «луче *ны бы есте* пріяти я на чужей землѣ» Плат. *)

Нужно различать два случая употребленія «*бы*» при неопр. накл.:

а) «*бы*» при неопред. съ явственнымъ или *подразумываемымъ* «есть», но безъ относительныхъ словъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ,

и б) съ относительными словами, связывающими придат. предл. съ главнымъ, но безъ глаг. «есть». Последній случай наблюдается

аа) въ косвенныхъ выраженіяхъ въ соединеніи съ мѣст. и нарѣч. относительными: «скажуть вою, шдѣ-*бы* приврещи граду» Плат.—«Сотвори совѣтъ, *куда бы* воевати» Плат.;

такъ: «какъ будто *наступило* втор. прош., т. е., неопред. накл. заимствуетъ отглагольн. вр. изъ главнаго сказуемаго «*бы* страшно». И. Б.

*) Слѣдуетъ, здѣсь «*бы*» есть союзъ, выражающій *желательность* (ср. II, 280), а не составная часть описательной формы «*было бы*», какъ гов. Бусл. И. Б.

47 бб) для выраженія *или* «бы» въ соединеніи съ другимъ союзомъ: «начѣ невати мѣста подобна, а бы кдѣ поставить городъ» Ипат.

Эти обороты соответствуютъ соврем. русскимъ съ союзами *или*, которые Потебня называетъ заключительными: *дабы*, *чтобы*, *только бы*, *лишь бы* съ неопредѣленнымъ накл., при чемъ въ однихъ случаяхъ связи неопредѣл. накл. съ личнымъ глаголомъ посредствомъ союзовъ *цѣли* явственно выводится изъ союза изъяснительнаго (ср. выше II, 428) съ прибавкою къ нему „бы“ (а+бы, что+бы): „не могъ не полюбоваться“ = „не могъ что+бы не полюбоваться“; „азъ хочу за Христа пострадати“ = „хочу еже+бы за Христа пострадати“,—а въ другихъ случаяхъ—явственность такой связи не можетъ уже быть восстановлена. Такое употребленіе *абы*, *чтобы*... съ неопред. накл. *цѣли* вмѣсто личной формы объясняется отчасти и возникновеніемъ неопредѣленнаго изъ достигательнаго накл., выражающаго *цѣль*, и во всякомъ случаѣ не должно быть объясняемо иностраннымъ (нѣмецко-французскимъ) вліяніемъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ стоитъ *in f. сз предложения* *им*, *имъ* *зи*, *рогъ*, а не съ союзами. Въ некоторыхъ же случаяхъ въ соврем. рус. яз. „чтобы“ съ неопредѣленнымъ даже неустраимо, какъ наприм. послѣ «вмѣсто того», или въ зависимости отъ другаго неопредѣленнаго: «вм. того чтобы *наказать*, *опъ...*»—«Идетъ опъ въ дѣсь толкнуться у сосѣдей, *чтобъ* съ к.н. знакомство *состъ*» Крыл. *)

Въ старин. рус. яз. еще равноправны обороты: «како *быхомъ* промыслили» и «како *бы* (союзъ) *умиритися*», при чемъ «како *быхомъ*—ли» мож. б. и *условнымъ* (сослаг.), и *желательнымъ*; въ нынѣшнемъ же яз. «какъ *бы* мы *помирились*» есть только услов. (сосл.), а для отдѣлка *цѣли* съ желательностью требуется непременно сказать: «какъ *бы* намъ *примиритися*», т. е., при союзахъ *цѣли* прич.—*лъ* вытѣсняется неопредѣленнымъ, а потому представляются устарѣлыми выраженія, какъ «голоса такого не имѣю, *чтобъ* Феба я достойно *величалъ*» (=чтобъ *величать*) Кр., хотя въ мѣрус. и теперь: «и се робив не для потѣхи, а Марса *щоб* *удоволивъ*» Котл.

430 Для вида абсолютнаго неопредѣленнаго наклоненія.

15. Абсолютное неопр. наклоненіе вышнимъ признакомъ своимъ имѣеть то, что *всегда* стоитъ *передъ* глаголомъ. Въ употребленіи его различаются два случая.

а) Неопр. наклоненіе, *усиливающее* отрицаніе того глагола, предъ которымъ оно стоитъ: «я *знать*-незнаю, *вѣдать*-невѣдаю», т. е., рѣшительно незнаю. Въ латыш. оно ставится и при утвердительномъ глаг.: «дрожать *дрожить*». [Ср. рус. народное: «самъ *спать* заснулъ» Рыбн.: III, 34]. Отс.

*) Однако, при *отдѣльныхъ* подлежащихъ въ главномъ и придаточ. предложен., послѣ союза финальнаго *чтобы* ставится *личный* союзъ: «А *чтобъ* мыльный рѣдъ ему *не посредилъ*, такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ» (Крыл).—«Вмѣсто того, чтобы онъ *подалъ* мнѣ руку, я протянулъ ему свою». И. Б.

видно, что это неопр. накл. ставится какъ нарѣчіе и потому несоветѣмъ можетъ быть названо абсолютнымъ.

б) Неопр. накл. съ *уступит.* значеніемъ, при чемъ оно употребляется или съ постпозитивными частицами *хоть, то*, или и безъ нихъ: «*нашумѣть-то* нашумѣли, а дѣла не сдѣлали»; *любить хоть* целюби, да почаще взглядывай». Однако есть случаи абсолютнаго неопр. и., которые не подходятъ подъ уступит. значеніе и могутъ быть передаваемы выраженіемъ: „что касается до того, чтобы“: „онъ *псть*-не бѣтъ, а *пить*, такъ *пѣтъ*“. (Ср. выше II, 201).

Примѣч. Сходно по значенію съ абсолютнымъ неопредѣленнымъ накл. употребляются и другія формы, которыя могутъ быть передаваемы нарѣчіями для усиленія сказуемаго.

Сходство съ абсолютнымъ неопр. нѣкоторыхъ другихъ формъ въ литов. латыш. и рус. яз.

аа) Въ литов. глагольная форма на *te*, соответствующая литовскому неопредѣленному на *ti*: *plaukte plauké* (=плавомъ перелыть).

бб) Въ латыш. уменьшит. форма неопр. наклоненія въ родѣ м.р.у.с. уменьшительнаго неопредѣленнаго „спа-т-ки“;

вв) латыш. причастія и дѣепр. подобно в.р.у.с. дѣепр.частіямъ: «я *летуци* дорожку пролетѣла бы» Барс. Прич.—Въ рус., кромѣ абсолютнаго неопред. и дѣепр., приблизительно съ тѣмъ же усиленнымъ значеніемъ употребляется твор. п. существительнаго: бѣгомъ бѣжать и форма на *мя*, напоминающая творит. двойств. ч.: ливмя лѣтъ. Всѣ эти формы, усиливающія значеніе сказуемаго, *одного* и того же корня съ нимъ.

Творительный падежъ *).

1. Въ силу связи предикативнаго творительнаго съ другими творительными, необходимо разсмотрѣть и эти послѣдніе.

Разногласіе во взглядахъ на твор. пад.

Въ области изслѣдованія славяно-литовскаго яз. существуетъ большое разногласіе о творительныхъ падежахъ, за исключеніемъ развѣ твор. мѣста и времени, въ которыхъ вещественное значеніе совпадаетъ съ формальнымъ.

Бусл. (Гр. § 246) располагаетъ значеніе твор. по схемѣ членовъ предложенія: 1) подлежащаго, 2) сказуемаго, 3) опредѣленія и 4) обстоятельства, а именно:

Взглядъ Буслаева и неудовлетворительность его системы.

1) твор. *дѣйствующаго* лица при страд. залогѣ,

2) твор. признака или состоянія въ *сказуемомъ* при глаголахъ *быть, стать, сдѣлаться*,

3) твор. признака, перешедшій изъ сказуемаго въ *опредѣленіе* („пострижеса дни его *дъвою*“),

и 4) творит. *обстоятельствъ*: а) *качества* и *отношенія*: *высокъ ростомъ*;

* Творительнымъ предикативнымъ пад. заканчивается у Потебни изслѣдованіе о составномъ сказуемомъ: *И. Б.*

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

б) орудія: пишу перомъ, в) образа дѣйствія: шагомъ, высокѣмъ-высоко, г) причины и основанія, д) времени и е) мѣста

Генетическій по-
рядокъ въ изло-
женіи творитель-
наго падежа.

Но самъ Буелъ признаетъ такой порядокъ *искусствен-
нымъ*, поэтому лучше руководствоваться *генетической* связью
между видами твор. падежа.

По Даничичу тв. и первоначально означаетъ путь движенія, по ко-
торому идетъ дѣятельность отъ *исходной* точки до *завершенія*. Таково время
и орудіе. Отсюда выводятся онъ и другія значенія.

Зикмундъ изъ значенія „какимъ путемъ“ также выводитъ значеніе
не только времени и орудія (средства), но и причины, повода, общности и
качества, отношенія, мѣры, примѣриванія (согласно съ чѣмъ), сравненія.
И только „твор. сказуемаго“ выводится изъ твор. сравненія.

Миклошичъ также полагаетъ въ основу творительнаго и. *простран-
ственное* (локальное) значеніе, къ которому примыкаетъ представленіе ору-
дія и средства; отсюда выводятся представленія *сосуществованія* (*socialis*),
и дальше всего отетонтъ твор. съ *предикативнымъ* значеніемъ.

Малецкій, напротивъ, въ основу творительнаго неосновательно кла-
детъ значеніе *образа дѣйствія*.

Шлейхеръ различаетъ въ творительномъ падежѣ два основныхъ зна-
ченій: *инструментальность* и *соціативность* (= съ чѣмъ) въ отдѣльности,
такъ какъ въ творительномъ есть два совершенно различные суффикса.
Остальные значенія, въ томъ числѣ мѣста и времени, онъ выводитъ изъ
значенія орудія: „идти дорогою“ равно де „идти *посредствомъ* дороги“.

Дельбрюкъ въ изслѣдованіи «*Ablativ, localis, instrumentalis*» etc. утвер-
ждаетъ, что основное значеніе творительнаго и. есть *совокупность съ чѣмъ*;
поэтому соціативный или компитивный падежи употребляются для обо-
значенія: 1) лицъ, связанныхъ съ главнымъ лицомъ, 2) обстоятельствъ,
сопровождающихъ дѣйствіе, и 3) частей пространства и времени дѣйствія.
Изъ соціативнаго же выводится твор. п. орудія и средства.

Бопъ въ суффиксахъ творительнаго п. также видитъ значеніе соціа-
тивности, изъ котораго выводитъ и другія значенія.

Мнѣніе Потебни
о двухъ перво-
нач. творитель-
ныхъ.

Въ виду *двойственности* суффикса творительнаго п.,
и Потебня склоненъ производить всѣ твор. падежи изъ двухъ
первоначальныхъ: *мѣстнаго* и *соціативнаго* (первоначально
тоже пространственнаго).

2. *Твор. соціативный безпредложный* есть наибольшуе старѣвшій
и заслоненный: другими падежами въ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно же
творительнымъ съ предл. *съ*, который однако не равняется древнѣму соціа-
тивному безпредложному, такъ что многое, принимаемое Миклошичемъ и

Зикмундомъ за соціативный надежъ, должно быть относимо къ творительному орудію, причины, образа.

Нужно отличать два вида творительнаго соціативнаго: Два вида твор. соціативнаго.

а) въ творительномъ соціативномъ предметъ *сопровождающій, сосуществующій* бываетъ предметомъ самостоятельнымъ по отнош. къ главному; напр. въ санскр. «богъ (съ) богами», «солнце (со) звѣздами», «каша (съ) молокомъ», «равенъ (съ) нимъ»; въ слав.: «солю и квасомъ муку мѣсимъ», «приобщивши ея страстьми».

б) Въ тв. соціативномъ предметъ *сосуществующій* бываетъ не самостоятельный, а составляющій часть или условіе бытія главною предмета, что особенно явственно бываетъ при предметахъ конкретных. Напр. «бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, великыма очима» Лавр.—«Борисъ тѣломъ бяше красенъ, лицомъ кругломъ» Сказ. о Бор. и Гл.—«Мы ся донекдохомъ оружемъ одною стороною, рекше саблями» Лавр.—«городчане только душею останася» Нов. I.—«а насъ отпустили юлыми юловами за море» Аѳ. Писк. Въ обычной начальной формулѣ завѣщаній до 17 в.: «се язъ рабъ Божій, отходя сего свѣта, своимъ и чьимъ умомъ, пишу грамоту» можетъ быть тв. образа: «въ здоровомъ умѣ».

Не нужно смѣшивать: «примше побѣду славою и честью великою» (Ипат. во многихъ мѣстахъ), гдѣ предлогъ *съ* слился съ слѣд. словомъ «славою»: «(е) славою».

3. *Творит. мѣста* означаетъ *путь* движенія на неопредѣленномъ протяженіи и отличается отъ винительнаго тѣмъ, что послѣдній обозначаетъ *мѣру* движенія на *всѣмъ* протяженіи, наприм. «пройти *по*лемъ», «*предъ* полемъ; *за* полемъ, *подъ* полемъ» и т. д. безразлично, съ какими предлогами, и «пройти *поле*» (т. е. *все*).

а) Твор. мѣста ставятся *при* *многахъ* движенія и *пребыванія* на мѣстѣ, которые могутъ опускаться, при чемъ при глаголахъ *пребыванія* можетъ стоять и *мѣстный* пад., который отличается, однако, отъ творительнаго мѣста тѣмъ, что *мѣстный* означаетъ пребываніе на *одномъ* пунктѣ, а твор. на *нѣсколькихъ* и, слѣд., выражаетъ также *движеніе*. Напр. въ серб. «кад су были *по*лемъ *ширикијемъ*» = когда были *по*лемъ, т. е. шли, ѣхали не въ полѣ (на полѣ), а въ *разныхъ* мѣстахъ поля.

б) Есть еще твор. мѣста, употребляющійся въ значеніи «смотря по»: «хохлатыя куры *дворомъ* ведутся», «это бываетъ *человѣкомъ, лошадыю, юдомъ*», т. е. не *вездѣ*, а мѣстами. Такому творительному Потребля придаетъ дистрибутивное, «распределительное» значеніе, по которому одна единица пространства можетъ б. принята за типъ многихъ подобныхъ».

в) Къ твор. мѣста должны б. отнесены нарчія: *передомъ, кру-*

гѳмъ, слѣдѳмъ (а слѣдомъ—есть еще *суиц.*, равно какъ и *дорогою*), прямою; перекры (=поперекъ др.-рус. *Лавр.*, *Плат.*).

Въ русскихъ говорахъ *мѣстоименныя нарѣчія*: куды, ^{Мѣстоименныя нарѣчія на *ды*.} сюды, туды (ср. мѣр. *кудою*, *сюдою*, *тудю*), вѣроятно, есть остатки твор. п. мн. ч., какъ и въ чеш. и польск.: *kudy*, *tudy*, *sudy*; *tędy*... отвѣтомъ на которыя первоначально могъ служить *тв.* п. (полеми), а *не вин.* (въ поле): ити куды?—полеми.

4. *Твор. времени* аналогиченъ съ твор. мѣста и предполагаетъ его: время въ твор. падежѣ представляется *путемъ*, а дѣйствіе во времени—*движеніемъ въ пространство*. Вслѣдствіе этого и разница между *тв.*, *вин.* и мѣстнымъ времени такая же, какъ въ этихъ же падежахъ мѣста: *ѣхать днемъ* (т. е. *нѣкоторое* время въ теченіе дня); *ѣхать, побыть день* (т. е. *весь* день); *утромъ, вечеромъ* (тв. п.) также относится къ стар. мѣстному *утрь, вечеръ* (=совр. *вечеру*), какъ и тв. п. *полеми* къ мѣстному въ (*на*) *поль **).

Виды твор. пад. времени.

Твор. времени, какъ и мѣста, восходитъ къ до-славянскому періоду. Въ слав. нарѣчійхъ онъ употребляется

432

а) съ значеніемъ „въ теченіе такою-то вр.“: «преложи вся книги... 6-ю мѣсяцъ» *Лавр.*—«Вои не можахуть перепти *днемъ* до вечера» *Пл.*—Въ позднѣйшемъ яз. такіе твор. времени являются уже архаизмомъ: «Она въ 3 часа напроказить можетъ столько, что и *въкомъ* не пособить». *Ф. Виз.*—Теперь явственнѣе чувствуется, что творительнымъ падежемъ обозначается только *нѣкоторая часть* времени: *лѣтомъ* я написалъ то-то (т. е. на неопредѣленномъ протяженіи лѣта). Въ этомъ же смыслѣ: зимою, весною, осенью; днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ, этими днями, тѣмъ временемъ, дорогою, почною темнотою (*Держ.*), походомъ (=во время ночи, похода); а также: разомъ, махомъ, духомъ, часомъ, сею минутою; стар. единою (=разъ, разомъ вмѣстѣ) для выраженія одного момента. Для *точной* же опредѣленія времени употребляется уже *вин. п.* безъ предлога или съ предлогами: три дня, въ три дня.

433

б) Къ этому творительному времени относятся или точнѣе—тождественно съ «разомъ», «единою» употребляются и «пятью-пять» и т. д., а и. б. и темныя по происхожденію нарѣчія на *шти, жды*: тришти, трижды и проч.

в) Аналогично съ «куды» въ твор. времени относятся по происхожденію и *нарѣчія времени на *ы**: тогда, област. *колды*, чеш. *kdy*, пол. *gdę*.

г) Подобно «распределительному» мѣста бываетъ и *дистрибутивный времени*: временами, вечерами и т. д. Когда же единица времени приня-

* Но какая именно разница между *вечеромъ* и *вечеръ* (вечеру), *Потебня* не поясляетъ. *И. Б.*

мается за типъ многихъ подобныхъ, то ставится твор. ед. ч. вм. множественнаго: часомъ, порою.

д) Къ тв. „шестью мѣсяць» (=въ теченіе 6 мѣсяцевъ) примыкаетъ и другое знач.: «за 6 мѣсяцевъ до чего» для обозначенія, быть можетъ, *приблизительности*. Напр. «*тремя днями*» т. е. дня за три (до Успенія Богородицы) повелѣ: имень рушити...» Лавр.

Отсюда, кажется, ведутъ начало нарѣчія и союзы *чѣмъ* изъ первонач. «прежде чѣмъ» (а не «вмѣсто того, чтобы»): «чѣмъ на мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду» Крыл., съ перестановкою же предложеній постѣ срав. степени «чѣмъ» могло получить значеніе *нежели* (*ничѣмъ*): «ему больше годовъ, *нежели* (*ничѣмъ*) тому», при чемъ «*ничѣмъ*» предполагаетъ употребленіе отрицанія (*не*) при сравненіяхъ*).

е) Примѣры, въ родѣ: «бѣ отроче *лѣтомъ*» (=одного года) Миклош. относить къ твор. соціативному (Гр. IV, 726), а Потебня—къ творительному для обозначенія *прожитаго* времени *отъ начала до смерти* или другого событія и т. обр. ставить этотъ твор. въ связи съ предыдущимъ видомъ (д).

б. Твор. орудія и средства, по мнѣнію Дельбрюка и Шердла, вытекаетъ изъ твор. соціативнаго при глаголахъ движенія, напр. «онъ ѣдетъ *колесницею*» (=вмѣстѣ съ колесницею), но Потебня выводитъ первоначальное представленіе объ орудіи изъ значенія *пути*: «*какимъ путемъ* это сдѣлать», «*посредствомъ* чего это устроить». Отсюда,

а) твор. *орудія* ставится при глаголахъ *идти*, *пхати* *посредствомъ* чего: «куряне... *придоша коньми*» Ин.; точно также: *ѣхать каретою*, *возомъ*; перенос.: «чужимъ *уломъ* не далеко уѣдешь» (=посред. чуж. ума, а не съ...).

б) При глаголахъ *двигать* чѣмъ съ *переход.* знач. въ отличіе отъ тѣхъ же глаголовъ, но переходныхъ: *вертѣть* пальцами, (а не пальцы), *двигать* ногою, (а не ногу); *ворочать*, *ударить*, *хватить*, *хлеснуть*, *колотить*, *бить* (челомъ); *махать*, *помавать*.

в) При гл. *заложиться* чѣмъ (=заслониться, закрывься): «Давидъ же заложися *ночью* и бѣжа Смоленьску» Лавр.

г) При гл. *владѣнія*: «пощѣте княжить и *володѣти нами*» Лавр.; въ соврем.: *владѣть*, *править*, *руководить*, *распоряжаться*, *начальствовать*, *командовать чѣмъ* (=посред. чего).

д) Твор. *цѣны* при глаголахъ *купли* и *продажи*: *купить* (вѣнчитъ

*) Въ славянскихъ языкахъ простое *не*, какъ частица предпочтенія, является рѣдкою и употребляется лишь въ сложени: *неже*, *нежели*, *негли*, *нели*, а не, не какъ, ни: «Луче есть на своей землѣ костью лечи, и *нели* на чужѣ» Ипат.— «Лѣвши бы ми смерть, а *не* (ни) курское княженіе» Дан. Зат.

чимъ); *торговать, дать, взять*: «чимъ купимъ хлѣбы» Остр. Е.—„Пачана торговати пнязи“ Повг. I.—«Даютъ скорою» (=платить шкурами) Лавр.—Аналогичны съ этимъ и твор. п.: платить *нечьмъ*, жить *нечьмъ*, а также послѣ *существительныхъ*: сдача *мелочью*, взятки *щелками* (Гог.). Ср. далѣе II, 489.

459

е) Твор. *названія вещества, изъ котораго сдѣлано что-н.*, при чемъ твор. означаетъ *средство* производства работы: „церковь бияшетъ создана бѣлымъ каменемъ“ Пш.—«Стольщ каменемъ сдѣланъ» Дан. Пал.—«Тупъ его (князя); яко огонь *трепеницею* (изъ основныхъ дровъ) на-кладенъ» Дан. Заг.

460

ж) Твор. *орудія, выраженнаго лицомъ, а не предметомъ неодушевленнымъ*: при глаголахъ *держати, соблюдать* (блюсти), *поставити, отъяти, маюлати, проявляти, поскояти* (самъ собою, т. е. самъ черезъ себя), *сказати къмъ въ смыслѣ черезъ посредство кого*, и др.: «*държати Новгородъ сыномъ*» Повг. I; „всю волость Черниговскую собою держати“ Пшат.—Въ литер. яз. выраженія: «все будутъ счастливы *тобою*» Держ. *...вами* выгоды тьму по службѣ получилъ» Гриб. устарѣли и удержались только: «самъ собою» и «само собою»: «самъ собою дошелъ» Гог. Но другіе нѣкоторые твор. надежи, примыкающіе къ этому типу, скорѣе могутъ быть названы твор. *образа дѣйствія*: *перомъ, шерстью* (=въ видѣ черевъ, въ видѣ шкурокъ), *лицемъ* (лично), *головами* (поголовно все, *вовсе*). Напр. «свадебную кунцу давати *шерстью*, а не будетъ кунцы *шерстью*, по пять грошей (давати) за кунцу» Акт. З. Р.—«Иванушку и твою сожителницу почти *головую* (=вовсе) не понимаю» Ф.-Виз.—Въ совр. яз.: «вѣйти навстрѣчу *всьмъ городомъ*» (тв. образа д.); «служба-*службой*, а дружба-*дружкой*» есть также тв. *образа д.*, а не орудія, и равняется выраженію «сама по себѣ», а не «сама собою».

461

462

з) При глаг. *оженити-ся* въ стар.-слав. (а въ серб. и теперь) ставится имя жены въ твор. п. въ смыслѣ тв. *орудія*, а не въ соціативномъ значеніи (съ къмъ): «Всеволодъ оженн сына своего Святослава *Васильковною*» Лавр. Ср. мар. *окопити* чѣмъ (=снабдить конемъ); влр. *опытитъ* чѣмъ (ударомъ, словомъ), *осолитъ* солью, *огородитъ*, *обсеюзитъ*; старин. «*ополонитися* челядью (=снабдить себя челядью), *скотомъ*» Пш.; *обловитися* множествомъ звѣрей» Пш.; *обвинити* винами, *обличити* дѣлы (=посредствомъ вишь, дѣль, а не въ винахъ, дѣлахъ); *оклеветати* чимъ; м. б., сюда же относится: *кленати* чимъ; «*одарити* (и подарити) великими дары» Пш.

и) Тв. орудія *при безличныхъ оборотахъ*: дороги *стѣгомъ* занесло, замело.

і) Въ виду того, что тв. орудія равно возможны какъ при дѣйствительныхъ, такъ и среднихъ глаголахъ, къ этому же типу должны б. отнесены:

аа) твор. при гл. дышать чѣмъ (а не какъ): дышать полною грудью, гнѣвомъ:

бб) плевать, харкать, отпрыгаться, рвать (жолчью), пахнуть, воплять, смердеть, отзываться, отдаваться чѣмъ: по Маленкій считаетъ творительные отъ гл. пахнуть за твор. *вещества*, Зигмундъ—за твор. *сравнительныя*, а Миклошичъ (IV, 718) разсматриваетъ его особо:

вв) плакать горькими слезами, 461

гг) цвѣсти кистями: „лицо цвѣтеть прыщами и угрями“. Ср. кипѣть сердцемъ, болѣть душою, горѣть любовью, сохнуть тѣломъ, блистать золотомъ, кишѣть червями, обрости волосами. Зигмундъ считаетъ эти падежи твор. причины и оснований, а Микл. относитъ ихъ къ твор. при страдательныхъ, возвратныхъ и среднихъ глаголахъ (Гр. IV, 706—7).

к) Тв. *орудія въ психологическихъ явленіяхъ* обозначаетъ не только ближайшее къ субъекту орудіе, какъ наприм. *глаголати, чѣсти* «четыреми языки»: «мыслию» *смыслили; слышана* «своимъ языкомъ», но и дальнѣйшее орудіе, что въ новомъ рус. яз. выражается болѣею частію предлогами *о* съ мѣстнымъ и *на* съ вѣн. п. Такъ, *промышлять* чѣмъ (=заботиться о чемъ): «аще моя глава ляжетъ, то промышлите *собою*» Лавр.; *играти, игравати*: «игнѣвай *собою*» Кир. Тур.; *впривати, радѣти* (въ значеніи *радѣ буду*): «опѣ нами радѣлъ, а мы *имъ* радѣли» Пут. Лукьян. Въ нов. яз.: *бредить* чѣмъ, *скучать* чѣмъ; м. б. *торопиться* замужествомъ (Ср. далѣе при глаголахъ возвратныхъ II, 468—471). 465

л) Параллельно съ этимъ творительнымъ, творительный орудія ставился и при другихъ многихъ глаголахъ, означающихъ психолог. явленія: шутку, обманъ, презрѣніе, отвращеніе и т. п.: *шрати* чимъ, кѣмъ вж. *ныгѣти; наозъ* чѣмъ, вочто: *блзмити, глумитися, лѣстити, лгати, измяти* (помѣнать), *лукати* (desipere), *ругатися* кѣмъ, *прящется* (оправдывался), *препирати* (оспаривать посред. чего), *объщатися*. Въ нов. яз. *шутить, презирать, пренебрегать, дорожить; хвастать* (м. б. и возвр. хвалиться, *величатся*), *клясться, божиться, присягать, кланяться* кому чѣмъ (подаркомъ), *бить* (челомъ). 46

б. Твор. *энергическій* или *условленный страдательнымъ сказуемымъ*, который у Бусл. неточно называется творительнымъ дѣйствующаго лица. Этотъ твор. весьма близокъ къ творительному орудія, но отличается отъ сего послѣдняго тѣмъ, что отражаетъ на себѣ особенность страдательнаго залога и, встрѣчаясь рядомъ съ другими творительными при страд. з., не смѣшивается съ ними: письмо *мною* (тв. энергич.) написано перомъ (..тв. орудія); въ примѣрѣ «ови вяжеми и *пятами* пхаеми» (Лавр.) — «пятами» твор. орудія, при которомъ подраз. другой твор. лица, (кѣмъ-ниб.), обусловленный страдательнымъ залогомъ, но въ выраж.: «печальни, *зимною* 107

оцѣпляеми» (Лавр.)—«зимою» есть твор. дѣйствующаго предмета, пот. ч. при обращеніи въ дѣйствит. оборотъ *будеть*: «зима (холодъ) оцѣпняла».

468

Смѣшеніе энергич. творительнаго у Зикмунда и Миклоши съ твор. причины при глаголахъ непереходныхъ.

Различіе дѣлаемое Потебней между этими падежами.

Зикмундъ относитъ твор. при страд. сказ. къ творительнымъ причины и основанія наравнѣ съ творительнымъ при непереходныхъ гл.: «Богомъ стоитъ весь свѣтъ». Миклошичъ (Гр. IV, 704—6) также отождествляетъ творительные при страд. з. съ творительнымъ при непереходныхъ глаг. *быти, мръти, гибнути, ѣсти, помонутти, изнемоштити, сохнѣти, штезнѣти, таяти, горѣти, полѣти* (горѣтъ?), *помръзнѣти, исцѣлѣти* и пр., а равно и упомянутые выше: *китѣти, болѣти* чѣмъ. Но Потебня всѣ творит. при непереходныхъ *безъ ся* относитъ глаг. образомъ къ творительнымъ или орудія, или причины и не отождествляетъ ихъ съ творительнымъ при страд. з., такъ какъ твор. при страд. з. обязательно долженъ имѣть и имѣеть «противнемъ» своимъ им. и. при соответствующемъ дѣйствительномъ: «письмо *писано мною*» = «я *писалъ* письмо», творительный же при непереходныхъ глаголахъ *такую* противня неимѣетъ: для выраженія «женою *воздрасе* зълою» не м. б. противнемъ дѣйствительный оборотъ «жена *вздрасе* зълою». какъ думаетъ Микл., ибо тутъ противопоставлены *не страдательный дѣйствительному*, а *средній дѣйствительному-причинному*, при чемъ въ первомъ примѣрѣ «женою» *будеть причиною*, а во второмъ—«жена» *дѣйствующимъ предметомъ*, тогда какъ въ выраженіяхъ: «письмо *писано мною*» и «я *писалъ* письмо» *мною* и *я* равно будутъ дѣйствующимъ предметомъ.

Тв. энергическій и орудія при среднихъ глаголахъ на *си*.

469

Что же касается среднихъ глаголовъ *съ ся*, то Потебня признаетъ возможнымъ при нихъ и твор. энергическій, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда медіальное значеніе глаголовъ *съ ся* возникло не изъ возвратнаго, при коемъ *ся* чувствуется какъ вин. и., а чрезъ посредство страдательнаго. Напр. пылѣшій средній гл. *печься* (заботиться) возникъ изъ возвратнаго: «*печь себя* посред. чего»; но онъ могъ получить и страд. значеніе: «быть *пекому* (озабочиваему) чѣмъ», и слѣдов. тотъ же сред. гл. «*печься*» могъ соединяться и съ творительнымъ энергическимъ. Так. обр. выраж.: «*печетесь* душою вашею, что бете» можетъ приближаться или къ страдательному обороту съ творительнымъ энергическимъ: «не *будете* *озабочиваемы* душою вашею», или къ возвратному: «не *заботьтесь* о душѣ вашей». т. е. не *озабочивайте* себя душою вашею (тв. орудія).—«*Оженшыйся* *печеться* женою, како угодити женѣ» Кир. Тур., т. е., или *бываетъ* *озабочиваемъ* женою» (твор. энергич.), или «озабочиваетъ себя женою» (тв. причины). Микл. (Гр. IV, 817—818) такіе твор. падежи цомѣщаетъ между твор. *основанія* и творительнымъ при глаг. «пахнуть»^с.—Къ такимъ же среднимъ гл. съ *ся* слѣдуетъ отнести: *стыдиться* и *стыдиться, глумиться, печаловатися*, а также глаголы съ возвр. *си*: *сжалитиси* Плат.,

стужатиси (Кир. Тур.), если только эти глаголы безъ дат. *си* вм. *ся* имѣли переход. значеніе: «досады стужаютъ ми»; *ятися* (=яту быти), *повестися* (поведену быти), *сложитися* (=быть соединену), *кончатися* (быть кончену), *хвалятися*, *хулитися*, *растаятися* (=быть растоплену), *распальтиса* (=б. распалену). Напр. «Мстиславъ же... петинною любовью обуюмся (=бывъ объять) съ братьею хожаше» Шват.—Въ пов. литер. рус. яз. слѣды страдательности можно видѣть при глаг. на *ся*: *радоваться*, *веселиться*, *тужаться*, *мяться* (Держ.), *волноваться*, *тревожиться*, *мучиться*, *славиться*, *хвалиться*, *величаться*, *гордиться*, *чваниться*, *попыхаться*, *казниться*, *пониматься* (водою), *заниматься* (огнемъ).

7. **Твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ.** Въ отличіе отъ творительныхъ орудія, условленныхъ глаголомъ, творительный при имени получаетъ другой отбѣнокъ уже въ силу того одного, что глаголь означаетъ признакъ *возникающій*, а имя—признакъ *данный, готовый*. Сюда относятся:

А) **Твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ** Тв. при срав. степенн.
сравни. ст., означающій мѣру того, чѣмъ одинъ предметъ превосходитъ другой. Напр. «*аршиномъ* длиннѣе», «*юловою* выше», «*малымъ* вѣзмъ дороже», «бѣ бо ему възвѣщено прежде *днемъ* едншымъ» Лавр.; въ союзахъ сравнительныхъ: «*тѣмъ* болѣе, что», «*чѣмъ* дальше, *тѣмъ* больше». Въ эти творительные не имѣютъ отношенія ни къ мѣсту, ни къ времени и отличны какъ отъ творительныхъ, стоящихъ при глаголахъ сравненія (превосходить, равняться, удлинить, уменьшить и т. п.), такъ и при прилагательныхъ полож. степени, хотя Зикмундъ, Миклош., Востоковъ, Шлейхеръ и Даничичъ не разграничиваютъ ихъ другъ отъ друга.

Б) **Твор. при прилагательныхъ не сравнительной степенн.** и не означающій мѣры; онъ ближе подходитъ къ тв. орудія и дѣйствующаго предмета, но грамматически не мож. б. отождествленъ съ ними, такъ какъ твор. орудія стоитъ при глаголахъ и причастіяхъ, а твор. дѣйствующаго предмета—при страдательномъ залогѣ, разсматриваемый же твор. ставится при прилагательныхъ: *долженъ*, *виненъ*, *повиненъ*, *веселъ*, *печаленъ*, *отличенъ*, *безсмертенъ*, *трудоенъ*, *страстенъ*, *красенъ*, *раздѣленъ* и др., а также: *беременная*, *брюхата*, *тяжела* (сыномъ), *щенна*, *супоросна*, *стельна* и под.

Миклош. (IV, 705) тв. при большей части этихъ прилагательныхъ относитъ къ одному разряду съ твор. при страд. сказуемомъ. Но 1) эти прилагат. съ суфф. *енъ* не суть причастія страд. прош. врем. (Ср. *долженъ* и *одоженъ*, *печаленъ* и *опечаленъ*); 2) даже при причастіи, напр., «*обязанъ* чѣмъ», твор. находитесь въ связи съ творительнымъ орудія, а не дѣйствующаго предмета, но творител. остается и при дѣйств. залогѣ: *обязать* кого *почтеніемъ*.

Несогласіе Потебни съ мнѣніемъ Миклош. и Бусл. относительно этого твор. и.

475 *Буслаевъ* считаетъ *по́лонъ, наполненный, исполненный* прилагательными, если послѣ нихъ стоитъ родит. п., и страд. причастіями, если слѣдуетъ пад. твор., которымъ по общему правилу управляютъ страд. глаголы; но въ выраж.: «стаканъ, наполненный мною *виномъ*» отъ страдательнаго залога зависить только «мною», а „виномъ“ останется и послѣ дѣйств. з.: „наполнить *виномъ*“, какъ и въ „полонъ *виномъ*“, гдѣ тв. п. и Миклошичъ признаеть творительнымъ *орудія*. На основаніи всего этого Потебня склоненъ думать, что разсматриваемый твор. п. занимаетъ средину между тв. орудія и творительнымъ дѣйствующаго предмета, или еще лучше — просто твор. орудія, при чемъ расширяется эта категория и на случаи, гдѣ нѣтъ глагола. Такіе твор. встрѣчаются и въ древ.-рус. яз., и въ ст.-слав., и въ новомъ рус.: „новинныи будутъ... *епитимью*“ Лавр., „единъ должнъ бѣ *пашнѣ святъ динари*“ О. Е. — „...которымъ (гусямъ) нѣкогда былъ долженъ Римъ *снасеньемъ*“ Кр. — «*Грабительствомъ* богаты» Грѣб.

В) *Твор. отношенія* (= по отнош. къ ч.) ставится:

476 *а)* При *прилагательныхъ*: „*малыя върстою* (малыхъ по возрасту) *любзвнво* приими“ Изб. 1073. — „Църкви несказаны *льпотою*“ Нов. I. — „...*пространствомъ* безконечный, *теченьемъ* времени превѣчный“ Держ. — „*высокъ ростомъ*“, „*весель нравомъ*“, „*скорбень главою*“ и т. д.

477 *б)* При *сущ. конкретныхъ и абстрактныхъ*: великанъ, дубина, молодецъ, красавецъ (собою), аранъ (рожей), герой, богатырь, казакъ и т. д. Въ стар. яз.: „*моуринъ тѣломъ*“ (αἰθίοψ τὸ σῶμα), XIII сл. Гр. В.; — „*сотопшны печадя дѣломъ и нравомъ*“ Пп., *именемъ*, *вровищемъ*, *родомъ*: „*Скотинны въ родомъ*“, „*именемъ* Лазарь“ — „*И бысть убытокъ* крестьяномъ *хльбомъ*“ Пск. I.

в) При *болше сложныхъ названійхъ величины*: „*двадесать тысячъ числомъ*“ Пп. — „*Вышнюю съ двухъ-этажннй домъ*“.

478 *г)* При *глаголахъ одного и даже неодного происхожденія съ прилагательными, сочетающимися съ тв. п. отношенія*: похорошѣть *лицомъ*, (ср. „*хорошъ лицомъ*“); при глаголахъ *простить, шлѣть* (ср. прил. *простъ, цѣль*): „*Никита простилъ очною бользню*“ Нов. II. — Въ связи съ гл. „*цѣлти*“ твор. при *сущ.*: „*получи исцѣленіе* своею очною *бользню*“ Нов. II. — „*Есмья приобнжени отъ поганыхъ пѣмцевъ и водою, и землею, и юловами*“ Пск. I. — „*И тутъ греки съ цимъ уговорились пошлиною*“ Пут. Лукьян.

479 *Характерныя особенности творительнаго отношенія.* Въ то время какъ другіе ученые (Малецкій, Зикмундъ, Гаттала и Миклошичъ) смѣшиваютъ твор. отношенія съ творит. причины и орудія и не обособляютъ его, Потебня, на основаніи разсмотрѣнныхъ примѣровъ, выдѣляетъ этотъ твор. пзъ другихъ и характеризуетъ его двумя особенностями: а) тѣмъ, что онъ, подобно твор. при

прилагательныхъ сравнительной (А) и несравнительной (Б) степ., первоначально ставился лишь при именахъ, а затѣмъ и при глаголахъ, сперва образованныхъ отъ этихъ имей, а потомъ — и не происходящихъ отъ нихъ, и б) тѣмъ, что этотъ творительный первоначально есть творительный *дополнения*, или, какъ выражается Потебня, „въ основѣ его лежитъ творительный, *объективно* означающій вышшій предметъ“.

8. *Творительный причины* бываетъ двухъ видовъ: Два вида твор. причины, 480

А) *Творительный, тяготящій только къ сказуемому*, которымъ бываетъ *средній* глаголъ безъ „ся“, *не предполагающій страдательности*. Сюда относятся многіе изъ тѣхъ *непереходныхъ глаголовъ*, твор. падежъ при которыхъ Миклошъ разсматриваетъ какъ твор. при страд. залогѣ (Ср. выше II, 468): „*глагомъ мръбахъ*“, „*женою Самсоога погыбе*“, „*жаждою сохнути*“, и какъ твор. при страд. з. дѣлается *именительнымъ* въ *дѣйствительномъ оборотѣ*, такъ точно и твор. причины становится *именительнымъ*, если на мѣстѣ *среднихъ глаголовъ* поставить *соотвѣтствующіе дѣйствительные обороты или глаголы*, которые Потебня называетъ *причинными*: „*женою Сам. погыбе*“ и „*жена Самсоона поцубила*“. На этомъ основаніи Потебня исключаетъ изъ этой категоріи „*болѣть чѣмъ*“, такъ какъ не находитъ глаголу *болѣть* соотвѣтствующаго противня въ *дѣйствительномъ оборотѣ*, но находитъ „*сходными*“ съ тв. причины а) творительные при глаголахъ съ значеніемъ „*воинять чѣмъ*“ и б) твор. въ значеніи „*черезъ кого*“, „*черезъ чье посредство*“, „*при чьей помощи*“, „*здѣсь воиняетъ дѣтелъ*“ (ср. „*здѣсь воиняетъ дѣють*“); „*тобою* *проидохомъ сквозь огонь и воду*“ (Иват. ср. „*ты провелъ насъ сквозь огонь и воду*“).

Б) *Твор. причины, независимый отъ качества глагола*. Эти творительные относятся не къ одному какому-либо члену, а въ совокупности ко всемъ членамъ предложенія. Таковы, между прочимъ, образованнѣея изъ этого творительнаго союза: *имъже, тѣмъ, тѣмъ же*: «у Киева бяше перевозъ тогда... *тѣмъ* глаголаху «на перевозъ на Киевъ Лавр. Между тѣмъ, твор. *мѣста, орудія, образа д. и дѣйствующаго предмета* тяготяють только къ своему глаголу. Напр. «и разыде (разъединила) ны съ ними рѣка, и нельзѣ бѣ ны съ ними *тою рѣкою* (твор. прич.) битися полкомъ» (тв. образа=въ строю) Иват.—«Льетво убьень быеть... *Святополкомъ Одовичемъ* (тв. дѣйств. предм.) *совѣтомъ* (тв. прич.) бояръ невѣрныхъ» Иват.—«Пойде Володимеръ въ Новгородъ *своими орудыи* (=во своимъ дѣламъ) Нов. I.—«И ту *тльвы* (=въ сердцахъ) повелѣ воевати много Ип.—«А сына отцовою *виною* неказнити» Ак. З. Р.

*) Эти два вида твор. падежа могутъ быть и твор. *орудія*: Срав. II. 463 и 459.—И. Б.

Въ нов. литер. яз. этотъ тв. рѣдокъ и замѣняется описательно: «по причинѣ», «въслѣдствіе», *отъ* страху, *съ* голоду, *по* лѣности, *за*, *изъ-за*, *черезъ*.

Близость твор.
образа къ нарѣ-
чіймъ.

9. *Твор. образа дѣйствія*. Къ этимъ творительнымъ, за исключеніемъ твор. отношенія «именемъ Лазарь» (Ср. II, 477), Потебня относитъ тѣ же случаи, что и Буславевъ (Гр. § 246, 4, в), а именно: 1) тв. *образа дѣйствія* (въ общирномъ смыслѣ), на вопр. *какъ?* (идти *шагомъ*), 2) тв. *усиленія*: «*высокимъ*—высоко», «*вода водой*» и 3) тв. *уподобленія*: *летѣть стрѣлой* (=какъ стрѣла). Хотя на вопросъ «какъ» отвѣчаютъ и другіе творительные: соціативный, мѣста, времени, орудія, но твор. образа отличается отъ сихъ послѣднихъ тѣмъ, что онъ, отвѣчая на вопросъ «какъ», теряетъ реальность *объекта* и, приближаясь къ адвербіальному значенію, становится затѣмъ нарѣчіймъ, такъ что твор. образа «есть моментъ, предшествующій переходу дополненія въ нарѣчіе», по отношенію же къ «разносоставности» его можно сказать, что въ него втекаютъ различныя творительныя при легкомъ измѣненіи своего значенія по направленію къ потерѣ субстанціальности». Такъ, первоначальный тв. соціативный въ выраж.: «только *душою* останася» можетъ перейти и въ твор. образа; творительныя пад.: «*головою* повалоу за Новгородъ», «*костью* вадоша», «упалъ *лицомъ* на землю» могутъ быть и тв. орудія, и твор. образа, смотря по тому, насколько ясна субстанціальность этихъ творительныхъ: въ выраж.: «удариться обо что *оловою*»—будетъ тв. *орудія* пот. ч. субстанціальность въ словѣ «*головою*» ясно чувствуется, но въ выраж.: «того самого *оловой* (=лично) возьметъ» субстанціальность затмѣняется и потому «*головою*» будетъ твор. образа. Поэтому Миклошичъ безъ всякой нужды (Гр. IV, 714) вводитъ особую категорію творительнаго, означающаго «то, *согласно* съ чѣмъ нѣчто совершается», напр. «бѣ *чрьдойъ* (=по очереди) служебшица», «судити *правомъ* (=согласно съ правомъ) Майтборскимъ»: въ подобныхъ примѣрахъ творительныя и суть твор. *образы*, пот. ч. въ нихъ видна только «подкладка творительнаго орудія, но нѣтъ уже его субстанціальности».

Подобно тому, какъ латин. твор. *mente*, независимо отъ вещественнаго своего значенія, прямо переходитъ въ окончаніе *нарѣчій* въ романскихъ языкахъ (итал. *pienamente*, фр. *pleinement*), такъ и въ славянскихъ языкахъ многія выраженія, соответствующія латинскому *mente*, формально переходятъ въ тв. образа *независимо отъ своего вещественнаго значенія*. Напр. «такъ обр.», «нѣкоторыми дѣль» (=ни по какимъ дѣламъ=никакъ=вообще), «тайнымъ обычаемъ» (=тайно), «звѣришскимъ образомъ» (=по-звѣриному), «никомъ же образомъ», «явился звѣзда...копѣйнымъ обр.», «бысть морь великъ во Псковѣ и знаменіе *жельзою*» Нов. I. (Въ нов. литер.: «не нужно *оставаться олодомъ* =впроголодь»). Для выраженія способа движенія и пре-

быванія: „ходити *лжею* (лживо) предъ Богомъ“ Повг. I. „иде Всеволодъ *ратью*“ Повг. I, какъ нынѣ: „войною“ (а не *съ* войною).

Однородно съ „ити *войною*“: „пойти *изъездомъ*“ Шат., „разбоемъ“ 457
 „грабежемъ“—„опоромъ“ (=стремительно) Пск. I. „торонемъ“ *ibid.* „посольствомъ послана“ Повг. I. „сторджа масть чергою быти (=д. отбываться по очереди) Акт. З. Р. I.—Миклошичъ эти и под. твор. относятъ безъ нужды къ особому разряду творительныхъ, означающихъ *намыреніе* и *послѣствие* (IV, 722); но „одра (ободра) *мьхомъ козелъ*“—не *для мьха* (тв. цѣли), какъ думаетъ Микл. (IV, 734), а тв. образа, аналогично съ выраж.: 458
 „драть кожу *ремнями*“, „снять кору *дудкою*, а не *полосою*“.

Однородно же съ „ити *войною*“ употребл. „*вечеромъ* сташа“, „*пѣлкомъ*“ (въ видѣ строя), „*шатры*“ (какъ нынѣ: „стоять *обозомъ*); „*Теодосій... лежащъ мощьми*“ Лавр. (по Микл. это твор. соціатив: IV, 723—4).

Къ твор. образа, *вещественно* означающему мѣру и число (Микл. IV, 711), какъ напр. летать, ходить, лежать, ставить... *десятками, сотнями, литъ ведрами, бочками*, примыкаютъ многочисленныя выраженія (Микл. IV, 708—11): *всѣать каракулями, молотить сыромолотомъ, птицы летаютъ стадами, люди спуютъ толпами, кровь льетъ ручьемъ* и т. д.

Зигмундъ и Микл. (IV, 635) въ выраж.: „даромъ дати“ считаютъ 480
 „даромъ“ твор. предикативнымъ и, слѣд., соответствующимъ второму внешнему, какъ въ оборотѣ „зятя имѣти *князю*“ (=княземъ), Потѣбня же признаетъ „даромъ“ твор. *образа*, происшедшимъ отъ твор. орудія: „надѣлнть кого подаркомъ“. Ср.: „отецъ и мати чадо свое въсажаше въ ладью *даромъ* гостемъ“ Повг. I; отс. наше нарѣчіе „даромъ“.

Подобно тому какъ твор. п. можетъ стать дополненіемъ *одного* существительнаго (безъ глагола), напр. „*знаменія птицами*“ Лавр., такъ точно и твор. образа можетъ соединяться съ *однимъ* существительнымъ: „пришла Гюрги *дары* многы *наволокою* и *скорою*“ Пн.; „дары *златомъ* и *сребромъ*“; въ нов. яз.: „взятка *щенками*“, „рубль *сребромъ*“, „подати *напурую*“ (Ср. выше II, 458, д; 459, ж).

Нерѣдко трудно бываетъ провести границы между творительнымъ существительнаго и нарѣчіемъ, а, слѣд., между дополненіемъ и обстоятельствомъ образа. Критеріемъ для этого до нѣкоторой степени м. служить, во-первыхъ, то, что существ. въ твор. образа употребляется еще во всѣхъ падежахъ, напр. „говорить *шопотомъ*“, а нарѣчіе—не употребляется: „пѣшкомъ“, «босикомъ», и вторыхъ—для отличенія существительнаго отъ нарѣчія русской яз. пользуется иногда удареніемъ, напр. *верхомъ*, *бѣгомъ* (нарѣч.) и *вѣрхомъ*, *бѣгомъ* (сущ.); но все зависитъ тутъ отъ *сознанія говорящаго*; напр. „рысью“, „шнходью“ 490

Средства къ различію нарѣчій отъ существительныхъ въ тв. п. образа.

м. б. въ извѣстныхъ случаяхъ и существительнымъ, и нарѣчіемъ. Изъ другихъ средствъ различенія нарѣчій отъ существительныхъ можно указать

а) на рѣдкій случай приставки *несогласуемаю* слова къ твор. образу для указанія нарѣчности надежѣ, напр. въ мѣр. яз.: „*наномъ-дѣло* (?) жпв.“;

б) на существительныя изъ имени прилагательнаго, которыя употребляются въ твор. пад. только въ смыслѣ нарѣчій: „Андрееви же главною ратныи *маломъ* не до полковъ ихъ.“ Ип.

в) Нарѣчности содѣйствуетъ*) плеонастичное употребленіе существъ и прилаг-хъ въ творител. *усиленія*, который, согласно съ Миклош., подраздѣляется на слѣд. разряды: аа) твор. существительнаго *съ* прилагательнымъ, которое составляетъ здѣсь «самое главное»: „вздѣрмавъ *се сномъ тежкомъ*“ т. е. тяжело (Микл. IV, 713, § 8, IV), бб) тв. существительнаго *безъ* прилагательнаго, при чемъ существительное бываетъ одного происхожденія съ *маломомъ* (Микл. IV, 713, § 10, I, II), при которомъ онъ является въ качествѣ обстоятельства: *вжделаніемъ* зѣло *вждѣлахъ*“, *слыхомъ* не слышать, *ходенемъ* ходить, и вв) твор. существительнаго и прилагательнаго, которые являются *повтореніемъ* корня того слова, которое усиливается: «*полнымъ* полно, *однимъ* одинъ, *никымъ* никого, *болванъ* *болваномъ*».

г) Множ. число благоприятствуетъ образованію нарѣчій изъ творительнаго образа. Напр. „единъ же изъ нихъ, *тихи* шедъ, послушааше“ (Ип. Θεод.—; *Мали* бо насъ невзяша Печевъзи“ (Лавр.—; *Матерны* лаяти кому“ (Акт. Пет. XVI в.— Сюда же: *опаки* (назадъ), *наки* съ разными значеніями***) *аки* (=как. обр. и какъ срав. союзъ), *таки* (=„же“; „все-таки“ и „таки“ для усиленія: *такъ-таки*, *притомъ-таки*). Сюда же нужно отнести нарѣчій отъ относительныхъ прилагательныхъ на *ьск*: русьскы, поганьскы, вотьскы (по-итичьи), пьельскы.—Въ литер. яз. эти нарѣчія обыкновенно только въ соединеніи съ прилаг.: „онъ дѣтеки добръ“, а *безъ* прилагательнаго къ нарѣчию прибавляется *по*: напр. „подѣтеки“ вм. „подѣтеку“ („подѣтекому“), какъ въ польск. и чеш.: *poruski*; въ словен.: *romaly*, *potichy*.

10. Твор. на мѣсть вторыхъ (согласуемыхъ) падежей.

Взглядъ разныхъ ученыхъ на это явление славянскихъ и литовскихъ языковъ Потебня признаетъ позднѣйшимъ (вытѣсняющимъ) и аше-древнѣйшимъ (вытѣсняемымъ); какъ думаютъ

*) По не превращаетъ въ нарѣчіе? И. Б.

**) а) назадъ, обратпо, б) вторично, опять, в) обратно, въ свою очередь, взаимно, г) «наки ли» съ условно-противит. значеніемъ «иначе», «въ противномъ случаѣ», «если не»: «Любо дай Изяславу, чего ти хочеть, *наки* ли (=если нѣтъ, =если не дашь=иначе...), и (=то) поиди полкъ своими ко мнѣ» Ип. д) *Лакъ* союзъ постпозитивный для выраженія легкой противоположности (=а, же). Ср. выраз. «въ другую сторону»=«иначе», «въ против. случаѣ», «а не то»: «подай-ка мнѣ супротивника: *въ другую сторону* я твою силу побью» Сказки Ав. VI, 315-

Шлейхеръ, Миклошичъ, Гаттала и Вуслаевъ. „Болѣ всего развитъ этотъ оборотъ (твор. предик.) въ польскомъ, гов. Микл., между тѣмъ какъ другіе слав. яз. *совсѣмъ оставили его, первоначально же онъ былъ всѣмъ свойственнъ*... Такъ по-русски говорится: я видѣлъ его *здоровато* въ *здоровымъ*“ (Гр. IV, 727)

2. При недостаточномъ отдѣленіи грамматики отъ логики, о синтаксическомъ значеніи этого творительнаго, по сравненію его со вторымъ (согласуемымъ) падежами, выводились заключенія, напоминающія взглядъ Аристотеля на разные роды сказуемаго. Такъ, Миклошичъ (Гр. IV, 740) согласно съ Гатталю и Смитомъ говоритъ: падежомъ сказуемаго бываетъ у насъ не только именительный, но часто и творительный съ тѣмъ различіемъ, что именительный опредѣляетъ, *что такое подлежащее само по себѣ*, а творительный лишь *ничто приписываетъ* подлежащему. Согласно съ этимъ содержаніе сказуемаго, выраженаго именительнымъ и, *вполнѣ* равно содержанію подлежащаго, какъ $2+2=4$, сказуемое же, выраженное творительнымъ и, такого соответствія не имѣетъ. Однако *языкъ* не всегда слѣдуетъ такому *логическому* взгляду на сказуемое. Напр. въ предложеніяхъ „человѣкъ есть *разумное животное*“ и „человѣкъ есть *животное*“ сказуемое выражено въ обонхъ случаяхъ именительнымъ падежомъ, между т. о равенствѣ сказуемаго съ подлежащимъ во второмъ предложеніи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ этомъ сказуемомъ заключается лишь одинъ признакъ подлежащаго — „животность“.

Предложенія, въ которыхъ сказуемое опредѣляетъ, *что такое подлежащее* по существу своему, Вилмундъ называетъ предложеніями *сущности*, а тѣ предложенія, въ которыхъ сказуемое приписываетъ подлежащему лишь *ничто*, отличающее его отъ другихъ предметовъ, называетъ предложеніями *случайности*. Въ предложеніяхъ сущности, по словамъ Вуслаева и Гатталы, сказуемое-имя ставится въ *им. п.* (Ломоносовъ былъ *великій человекъ*), а въ предложеніяхъ случайности — въ творительномъ (Ломоносовъ *бы рыбакомъ*), при чемъ въ „быть“ въ послѣднемъ случаѣ можно поставить *сдѣлаться, стать, казаться*. Неправильность такого взгляда очевидна. Мы говоримъ: „я былъ *боленъ*“, хотя *им. п.* „боленъ“ есть признакъ несущественный; говоримъ также: „люди остаются *людьми*“, хотя тутъ творительнымъ и. сказуемаго выражается признакъ весьма существенный.

Уже Востоковы нагѣли въ рѣшительный путь къ опредѣленію различія между *им. п.* твор. сказуемаго, хотя и держался категорично, и тв. сказуемаго. 499

Взглядъ Востокова на *им. п.* и тв. сказуемаго.

„прирожденности“ и „случайности“, именно: когда гл. „быть“ составляетъ *связку*, тогда сущ. ставится въ *им.* падежѣ, какъ предикативный атрибутъ, согласующійся съ подлежащимъ; когда же „быть“

обращается въ *сказуемое*, тогда существительное служитъ *дополненіемъ* къ нему и полагается въ надежѣ творительномъ (Рус. Гр. § 121).

Держась намѣченнаго Востоковымъ взгляда, Потебня выводитъ разницу между именительнымъ въ сказуемомъ и такъ наз. твор. предикативнымъ

а) изъ *измѣненія функции глагола* въ то время, когда согласуемый падежъ (онъ былъ *рыбакъ*) переходитъ въ несогласуемый (онъ б. *рыбакомъ*),

б) изъ *различія согласуемости и несогласуемости* падежей,

и в) изъ *разницы* между такъ наз. *творительнымъ предикативнымъ* и *тѣмъ творительнымъ* (образа), *изъ котораго твор. предикативный выводится**.

3. Такъ наз. *твор. предикативный*, названіе котораго удерживается Потебней только для краткости, долженъ быть точнѣе названъ *творительнымъ, замѣняющимъ вторые согласуемые надежи*, по пронехожденію же своему имѣетъ онъ отношеніе *только* къ творительному образу и съ нимъ только можетъ быть смѣшиваемъ.

500

Первая ступень творительнаго предикативнаго. Грамматическая субстанція (I, 93) творительнаго образа и остальныхъ творительныхъ надежей по отношенію къ субстанціи подлежащаго и объекта то бываетъ совершенно отдѣльна, то совпадаетъ или сливается вмѣстѣ съ ними. Такъ, напр., въ твор. *орудія*: „*клинъ клиномъ* выгоняется“ вещь, означенная творительнымъ, совсѣмъ не та, которая означена именительнымъ, хотя обѣ и названы однимъ именемъ „*клинъ*“; точно также въ твор. *образа* (усиленія) „*клинъ-клиномъ*“, свинья-свиньей (=настоящій клинъ, настоящая свинья) субстанціи обоихъ надежей также различны: въ именительномъ субстанція реальная, а въ творительномъ *фигуривная*, напр. „и изъ гостей домой (Хавронья) пришла свинья-свиньей“; или въ выраженіи: „*Иде войною*“ субстанціи именительнаго и творительнаго образа (вообще) совершенно раздѣльны. Но въ нѣкоторыхъ творительныхъ образа, напр: „*игумень иде съломъ*“, (оборотень) „*рыщетъ лютымъ звѣремъ*“ замѣчается „частное *слияніе***) субстанцій“ именительнаго и творительнаго падежей, пот. ч. какъ именительнымъ, такъ и творительнымъ пад. означаетъ одинъ и тотъ же предметъ: посоль и есть игумень, лютый звѣрь и есть оборотень. Въ *подобныхъ творительныхъ образа* „можно видѣть уже первую ступень творительнаго предикативнаго“, въ которомъ *всегда* бываетъ *совпаденіе* субстанцій съ субстанціей именительнаго.

Но къ творительному образу, какъ сказано выше (II, 483), кромѣ образа вообще и усиленія, относится еще твор. *уподобленія*, подъ которымъ разумѣется съ одной стороны простое *сравненіе* (летѣть *стрѣлою* = какъ стрѣла,

*) Эти три основныя мысли и примѣняются далѣе Потебней при объясненіи твор. предикативнаго. *И. Б.*

**) т. е. не полное совпаденіе всѣхъ признаковъ, а лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. *И. Б.*

подобно стрѣль, но не будучи стрѣлою), а съ другой—и превращеніе (у дороги осталась бѣлымъ камнемъ Марья Царевна). Между этими творительнымъ простого сравненія и превращенія есть разница, но разница не грамматическая (формальная), а вещественная, которая можетъ быть опредѣлена въ каждомъ случаѣ только на основаніи извѣстнаго круга знаній; напр. въ выраз.: «Всеславъ скочи вълкомъ до Немигы» *вълкомъ* мы можемъ признать творительнымъ превращенія (а не простого сравненія) потому только, что знаемъ, что современники и авторъ Сл. о И. Н. смотрѣли на Всеслава, какъ на чародѣя, грамматическими же средствами отличить ихъ не можемъ. Равнымъ образомъ, въ грамматическомъ отношеніи все равно, что „идти въ походъ воеводю“ (=въ качествѣ воеводы), что „ходить воеводю“ (=подобно воеводѣ), «ходить *голюемъ*»; или: „клохтать *насъкою*“ (=въ качествѣ *насъдки*) и „лѣтъ *соловьемъ*“ (=подобно *соловью*); но въ отношеніи вещественнаго значенія эти творительные не одно и то же. Вълѣдствіе этого, а также и потому, что субстанція творительнаго предикативнаго всегда совпадаетъ съ субстанціей именительнаго, можно думать, что изъ творительнаго *собственно-сравненія*, субстанція котораго не совпадаетъ съ субстанціей именительнаго, не выводится случаи творительнаго предикативнаго и «только вообще изъ творительнаго образа и то въ случаяхъ совпаденія субстанцій» именительнаго и творительнаго «выводятся другіе случаи творительнаго предикативнаго»^{*)}. Миклошичъ (IV, 732 и сл.) справедливо относитъ къ твор. предикативнымъ слѣд. примѣры: «Бавкица *липой* стала», «бѣлымъ *камнемъ* осталась Марья царевна», хотя Бусл. первый примѣръ относитъ къ твор. предикативному, а второй—къ твор. образа (уподобленія) (Гр. § 246, прим. 1 и 10).

Глаголы, входящіе въ *составное* сказ., какъ извѣстно изъ предыдущаго (II, 174 и сл.), бываютъ двухъ разрядовъ: 1) глаголы *возникновенія* (стать, бывать, дѣлаться, казаться, оставаться, называться и др.) и 2) глаголы *вещественнаго движенія* и *пробытія* (иду, лежу, стою, спячу; жить, расти, умереть и др.). При глаголахъ перваго разряда *второй (предикативный) именительный* какъ прилагательныхъ, такъ и существительныхъ былъ обыченъ въ старин. яз., а отчасти есть и теперь; при глаголахъ же втораго разряда *второй именительный* прилагательныхъ также обыченъ, а *существительныхъ* былъ рѣдокъ и замѣнялся творительнымъ; поэтому выраженіе «стала (1 разр.) *липой*» есть оборотъ *позднѣйшій*, который можетъ быть возстановленъ древнѣйшимъ оборотомъ съ *именительнымъ* пад.: стала *липа*, выраженіе же «лежала (2 разр.)

Глаголы, входящіе въ составное сказ. и твор. предикат. при яхъ.

*) Ср. «Князь *насъкою* не клохчуть» Держ. *И. Б.*

**) Изъ предыдущаго ясно однако, что твор. предикативные могутъ выводиться и изъ творит. *превращенія* въ случаяхъ совпаденія субстанцій, о чемъ дальше и говоритъ Потебня. *И. Б.*

камнемъ» есть оборотъ древній, который на основаніи памятниковъ древ.-рус. письма съ трудомъ могъ бы быть замѣненъ оборотомъ съ именительнымъ падежемъ. [Ср. выше II, 180].

Причина ранней замѣны именительнаго творительнымъ предикативнымъ при глаголахъ движенія и пребыванія лежить, съ од. стороны, въ *различной степени энергичности* глаголовъ того и др. разряда, а съ другой—въ *неравномерной служебности* ихъ при образованіи составнаго сказуемаго (Ср. II, 177—9). Глаголы первого разряда наиболѣе служебны, т. е., проявляютъ наибольшую энергію въ образованіи составнаго сказуемаго, вслѣдствіе чего и связь (согласованіе) предикативнаго атрибута съ подлежащимъ тѣснѣе и крѣпче; напротивъ, глаголы второго разряда наименѣе служебны, т. е., принимаютъ меньшее участіе въ образованіи состав. сказуемаго и могутъ даже обходиться вовсе безъ предикатив. атрибута, вслѣдствіе чего и связь (согласованіе) сего послѣдняго съ подлежащимъ естественно бываетъ менѣе крѣпка и легко разрушается. При этомъ дѣятельность подлежащаго при глаголахъ первого разряда *предшествоуетъ* появленію признака въ предикативномъ атрибутѣ, который вслѣдствіе этого является уже *результатомъ* дѣятельности подлежащаго: N былъ (явля, нарѣчеса...) воевода», т. е., N сперва не былъ воеводой и сталъ имъ уже *послѣ*, вслѣдствіе энергіи подлежащаго, проявляющейся въ глаголѣ, тогда какъ при глаголахъ второго разряда признакъ предикативнаго атрибута представляется возникающимъ не *послѣ*, а *слѣдов. и не вслѣдствіе* энергіи подлежащаго, а *одновременно* съ дѣятельностію его: «N иде пѣшь», т. е. онъ былъ пѣшь *въ то самое время*, какъ шелъ. Так. образ., при глаголахъ меньшей энергіи признакъ предикат. атрибута, вслѣдствіе *одновременнаго* возникновенія его съ дѣятельностію подлежащаго, представляется какъ бы даннымъ, готовымъ и потому можетъ смѣшиваться съ простымъ атрибутомъ (Ср. I, 99—102). Такое смѣшеніе предикативнаго атрибута съ простымъ опредѣленіемъ становится еще легче, когда на мѣстѣ прилагательнаго является существительное, пот. ч. трудно представлять *возникновеніе множества признаковъ* предикативнаго существительнаго *одновременно* съ дѣятельностію подлежащаго и легче мыслить ихъ данными, готовыми, какъ это бываетъ въ простомъ атрибуѣ. По этой причинѣ предикативн. существительное, *согласованное* съ подлежащимъ, какъ напр. «княгыня сѣде вдова лѣтъ 40», тѣмъ легче можетъ быть понято за простой атрибуѣ: „княгыня вдова сѣде лѣтъ 40“. Изыкъ, чувствуя это, долженъ быть, *для избѣжанія смѣшенія простого атрибута съ предикативнымъ*, разорвать связь *согласованія* въ падежѣ между подлежащимъ и предикативнымъ существительнымъ и перенести послѣднее въ *несогласуемую* область *дополненія*: «преставися княгыня Глѣбовая..., сѣдвши по князи своемъ вдовою лѣтъ 40». Ипат.—Итакъ,

древнѣйшій предикативный твор. существительнаго, подобно творительному образу: «пгумень иде съломъ», означаетъ *одновременность* представленія какъ признака предикативнаго атрибута, такъ и дѣятельности подлежащаго, (княгиня снѣдла, *будучи въ то же вр. вдовою*), тогда какъ *позднѣйшій* предикатив. творительный при глаголахъ большей энергій (1 разр.): «липою стала», «оборотилась кукушкою» означаетъ нѣчто, *слѣдующее за* дѣятельностью подлежащаго (въ то время какъ она становилась, оборачивалась, *не была еще* липою, кукушкою). И чѣмъ слабѣе энергія глагола, тѣмъ слабѣе и связь согласованія между предикатив. атрибутомъ и подлежащимъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что при глаголахъ меньшей энергій (2 разр.) прежде всего порвалась связь согласованія съ подлежащимъ, и воцарился твор. предикативный *см. именительнаго*.

4. По аналогіи съ тв. предикативнымъ, сюда же долженъ быть отнесенъ и творительный *простой аппозиции*, не замѣняющій и не предполагающій второго согласуемаго именительнаго, какъ это бываетъ въ творит. предикативномъ; напр. «*ребенкомъ* лишилась она матери». Этотъ твор., повидимому, еще древнѣе, чѣмъ творительный предикативный существительнаго при глаголахъ меньшей энергій, и *отъ энергій глагола вовсе не зависитъ**), по отношенію же ко времени онъ не означаетъ ни послѣдующаго за дѣйствіемъ, какъ это бываетъ при глаголахъ 1-го разряда, ни строго одновременнаго съ дѣйствіемъ, какъ при глаголахъ 2-го разряда, а выражаетъ скорѣе состояніе, *совпадающее съ* временемъ дѣйствія.

Твор. аппозитивный замѣняетъ собою приложеніе и ставится

а) *при именительномъ*: «мати, *непознавши мужьска ложа, дѣвицею* пороуди» Кир. Тур., «пострижеса *дщи его дѣвою*» Лавр. Эти твор. равняются въ соврем. яз. выраженіямъ: «еще въ дѣвицахъ», «въ дѣвахъ», «будучи еще дѣвою», тогда какъ въ творительномъ *предикативномъ* послѣ глагола 1-го разр. «пострижеса дѣвою» означало бы результатъ дѣйствія: «постригалась *въ дѣвы*». Ср. въ нов. яз. твор. аппозитив: «сколько слезъ *ребенкомъ* пролилъ я» Батюш., «ты *дитей съ нимъ* часто танцовала» Грѣб.^{**}).

*) а составляетъ простое приложеніе къ своему опредѣляемому имени. **И. Б.**

***) Нужно отличать отъ этихъ аппозитивныхъ творительныхъ творительные *сравненія*, которые Потебня называетъ здѣсь почему-то *предикативными*, хотя передъ этимъ и говорить (II, 502), что изъ творительнаго сравненія предикативные творительные не выводятся. Такъ напр., «она плететъ косы въ трос, *дѣвкою*» (=какъ дѣвка, тв. сравн.), по—, «женщина *дѣвкою*» (=въ дѣвкахъ, тв. аппозитив.) иначе плететъ косы, чѣмъ *женикою* (=будучи замужнею). Нельзя также смѣшивать съ аппозитивными и тѣ твор. предикативные, которые Миклош. и Даничичъ причисляютъ тоже къ аппозитивнымъ, какъ напр., «служи *пшоднякономъ*», «сѣлъ *господаремъ*» и под., гдѣ творительные *входятъ въ составное сказ.* и не служатъ приложеніемъ къ подлежащему. **И. Б.**

б) Тв. аннотативный при *вин.* (или *род.*): «слышу же се, яко се-
стру имата *дъвоюю*» (въ дѣвцахъ) Лавр., «*дитей* (еще во время дѣтства)
возилъ (меня) на поклонъ» Гриб. И эти твор. аннотативные нужно отли-
чать отъ творительныхъ предикативныхъ: «*дъвоюю* (какъ дѣву) сохранила»,
597 «остави него *сиротою* (въ качествѣ сироты, а не въ то время, когда онъ
былъ сиротою).

в) Твор. аннотит. при *дат.*: «еще *юнкеромъ* случилось мнѣ быть по
казенной надобности»... Лерм.

При им. и *вин.* творительный аннотит., можетъ быть, въ отличіе отъ тв.
предикат., не согласуется въ *числь* съ определяемымъ именемъ: «бѣаху
дъвоюю (=въ дѣвахъ) дщери четири прорицающе», тогда какъ въ твор.
предикативномъ было бы: „дѣвами“, согласно съ греч.: „*εἴρων τετροκοσίας*
υεαμιδας παρθένοους“.

5 Твор. предикат. на мѣсть второго косвеннаго падежа
существительныхъ.--Микл. (IV, 727, 8) прежде всего относитъ сюда тѣ
твор. предикат., которые соответствуютъ 2-му *вин.* (и *род.*) при глаголахъ
съ знач.: *называть*, *считать*, *дѣлать* кого чѣмъ. Возникновеніе ихъ, какъ
сказано выше, Потебня считаетъ болѣе позднимъ. По крайней мѣрѣ, въ
Остр. Ев. и Савв. книгѣ (за исключеніемъ Супр. рук., языкъ которой позд-
нѣе, чѣмъ Остр. Ев.) на мѣсть этого твор. ставится *второй винит.*, а въ
старыхъ *русскихъ* памятникѣхъ равно употребляются и 2-й *вин.*, и твор.
именъ существительныхъ (но не прилагательныхъ): «поставиша Ѳектиста
епископа Чернигову» Новг. I; „нарекъ ю *дщерью* собѣ“ Лавр.—И 2-й *дат.*,
599 должно б., началъ замѣняться творительнымъ гораздо раньше XV в.: „писатся
господару нашему... во всякихъ грамотахъ *братомъ* молодшимъ“ А. З. Р.
1448 г.—Въ нов. литер. яз. твор. существительнаго вмѣсто 2-го *вин.* и
2-го *дат.* сталъ уже необходимымъ. Даже въ 18-мъ в. не встрѣчаются уже
подоб. выраж.: „называю васъ *друзей*“ (вм. друзьями), „человѣку нельзя
быть *анелу*“ (вм. ангеломъ).

6. Тв. существительнаго на мѣсть предикативнаго име-
нительнаго при глаголахъ большей энергичности. Въ Остр. Ев.
этотъ твор. предикативный также отсутствуетъ, какъ и тв. *вм.* вторыхъ
596 косвенныхъ п.; въ Супр. р., Шестод. Иоан. Экз. употребителенъ, а въ стар.
русскихъ памятникѣхъ равноправенъ съ предик. именительнымъ: «у Иродова
жена *грекини* бѣ и бѣше была *черницею*» Лавр.—«Съгна отця съ престола
и самъ *царемъ* ста» Нов. I.—«Поставленъ бысть Никола Гречинъ *еписко-
помъ*» Плат.—Гораздо раньше появился предикат. твор. при *страд. при-
частіи* аннотативномъ въ косв. падежѣ («о отроцѣ сиротою оставленѣмъ»
598 Микл. IV, 732) и при *именахъ отпричастныхъ* («хочетъ ми помочи на
поставленіе *митрополитомъ*» А. З. Р. I, 1395 г.).

Въ нов. рус. яз. этотъ твор. появляется постепенно при различныхъ глаголахъ большей энергичности, а при нѣкоторыхъ и до сихъ поръ остается предикат. *именительный*, при чемъ постановка творительнаго зависить и отъ различія *глагольныхъ формъ*. Такъ,

а) при глаголахъ большей энергичности *стать, сдѣлаться, казаться* и под., стоящихъ въ личной формѣ, рядомъ съ твор. до позднѣйшаго времени упорно сохраняется и им. п. (Ф.-Виз., Крыл., Пушкин., Гриб., Гог.): «теперь большой онъ баринъ сталъ», «сдѣлалась моя Матрена ни пава, ни ворона».

б) При остальныхъ *v. finita* этого разряда (за исключеніемъ *быть*) теперь им. п. долженъ считаться уже совсѣмъ устарѣлымъ. Таковы глаголы: *изываться* (прозывать, именоваться), *слыть, считаться, остаться, стать* (въ знач. оборотиться во что); но до сихъ поръ въ письмахъ: «остаюся вашъ покорн. слуга».

в) *Причастія* и *двуприч.* отъ этихъ глаголовъ, какъ предикативныя, такъ и аннозитивныя, равно и *неопр. и.* еще менѣе способны теперь сочетаться съ им. п.: «ставшій (ставши) *человѣкомъ*»; «захотѣлъ *сынокъ барономъ* сдѣлаться» Хемп.—Это же наблюдается и въ мр. яз.

г) Въ формахъ отъ существительнаго глагола *быть* слѣдуетъ отличать не только причастныя формы отъ остальныхъ, но и личныя настоящаго времени отъ другихъ временъ. Такъ,

а) *будучи, бывши* сочетаются только съ твор.: «будучи честнымъ *человѣкомъ*», а форма *быть* при обычномъ творительномъ удерживаетъ и им. п. *прилагательныхъ качественныхъ, причастій* и даже *существительныхъ*, если «быть» слѣдуетъ послѣ «можетъ», «долженъ», составляющихъ вмѣстѣ съ «быть» какъ бы *одну* модальную форму личнаго глагола; напр.: «Царь долженъ *быть* судья, министръ и воинъ» Крыл.

б) При *быль; буду, будь* им. п. тв. надежи теперь *равноправны*, хотя и съ тонкими отбѣнками: «мужикъ *работникъ* *быль* прямой» Кр. — И *быль* самъ нѣкогда *юнкеромъ*» Лерм.—Востоковъ не правъ, утверждая, что *оуду* и *будь*, употребленныя предположительно, сочетаются съ им. п., а употребленныя положительно—съ творительнымъ (Гр. § 121); и въ томъ и въ другомъ смыслѣ правильно могутъ употребляться оба падежа: «я *буду* *солкъ* и *волкомъ*» (предполагается въ игрѣ), «онъ *будетъ* *богачемъ* и *богачъ*», «*будь* *царемъ* и *царицей* (положительно). Въ мр. яз. скорѣе замѣтна архаичность въ употребленіи им. п., а въ польскомъ употребляется болѣе твор.

в) При наст. вр. *есмы—суть* Буслевъ считаетъ тв. п. въ рус. лит. языкѣ *полонизмомъ* (Гр. § 246, пр. 2), но это не точно: не только у новыхъ писателей, но и въ стар. рус. яз. и въ народ. произведеніяхъ твор. п. употребителенъ; напр. «мно *ся* моя грамота не *грамотою*, а дѣло не *дѣломъ*» А. З. Р. 1448 г.—«И кто жъ у насъ *всеводю*?... Васильевичъ

512

513

514

515

Предикат. принадлежи существительныхъ при различныхъ формахъ гл. *быти*.

воеводу» Рус. п. Шейнъ.—Изъ наблюденія надъ примѣрами видно, что им. и твор. употребляются при этомъ въ определенныхъ случаяхъ, а именно:

516

1) при *наличномъ* «есть—суть» твор. п. *невозможенъ*, въ отличіе отъ польскаго, поэтому слѣдуетъ считать полонизмомъ у Дмитр.: „и смѣлый, дерзкій шагъ *есть* *подвигомъ* геройства“;

2) при *опущенныхъ* же „есть—суть“ ставятся и им., и твор.: им. и тогда, когда «есть» бываетъ *формальною связкою*, и твор. тогда, когда «есть» заключаетъ въ себѣ *вещественное* значеніе, сходное съ глаголами *служить, являться, оказываться, оставаться**). Напр. „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“ Держ.—«Признайтесь, вы этому *одни виною*» Лерм.—„А тетушка? все *двушкой*, *Минервой*? все *фрейлиной* Екатерины первой?“ Гриб.

7. *Им. и твор. прилагательныхъ на мѣсть вторыхъ винительныхъ, родительныхъ, дательныхъ и именительныхъ.* Твор. предикативный прилагательныхъ въ ст.-слав. яз. не встрѣчается, а въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ очень рѣдокъ: «ти бо мимоходичи прославятъ челоуѣка *любо добрымъ, любо злымъ*» (Лавр.), въ *новомъ* же *рус. литературномъ* языкѣ

517

а) замѣтна рѣшительная наклонность ставить твор. прилагательныхъ какъ на мѣстѣ *именительнаго аппозитивнаго* („живымъ погребшіися въ могилѣ“), такъ и на мѣстѣ *винительнаго* (и *род.*) *предикативнаго* („и видѣлъ онъ себя богатымъ лишь во епѣ“ Крыл.), хотя вторые винит. и род. прилагательныхъ употребляются еще у писателей 18 и даже 19 в., чего нельзя сказать про вторые вин. и род. *существительныхъ*, а обороты изъ вторыхъ винительныхъ и родительныхъ *съ неопр.* «быть» нынѣ рѣшительно невозможны, какъ напр. „я считалъ себя *быть благополучнаго*“.

518

б) Что касается *2-ю дательнаго* прилагательныхъ и причастій при *неопр.* накл., то 1) „одному“ и „самому“ донныѣ не могутъ б. замѣнены творительнымъ: скучно *быть* (оставаться, жить, ходить, толкаться и проч.) *одному, самому*, 2) въ другихъ же прилагательныхъ этотъ дат. удерживается донныѣ при гл. „быть“ послѣ *можно, должно, слѣдуетъ, нельзя* и под. („за чѣмъ же *быть*... такъ *невоздержну* на языкѣ“ Гриб.), 3) вообще же замѣна дательнаго творительнымъ при неопред. и началась не позднѣе 15 в., въ 18 вѣкѣ твор. сталъ равноправенъ съ дат., а теперь тв. вм. дательнаго сдѣлался правиломъ: *быть, лежать убитымъ; стать, сдѣлаться, очутиться, казаться, притворяться... богатымъ.* Въ мдр. твор. п. составляетъ правило.

в) При употребленіи *именительнаго* и *творительнаго* прилагательныхъ на мѣстѣ *именительнаго предикативнаго* нужно различать слѣд. случаи:

*) Въ Серб. яз. глаголь *существительный* ставится *съ твор.* даже тогда, когда «сам» (есть) стоитъ налицо.

а) при *неопр. накл.* (за исключен. „быть“) въ им. н. ставится только *одинъ*, а остальные прилагательныя—въ твор.: „не хотѣла жить *одна*“, „не хотѣла жить *одинокою*“; что же касается прилагательныхъ при глаголѣ „быть“, то 1) *одинъ* (*solus*) ставится въ им. пад., а числит. *одинъ* (*unus*)—и въ им., и въ тв. н., напр. „они боятся быть *одни*“, „ты можешь быть *однимъ* (или *одинъ*) изъ первыхъ“; 2) при оборотахъ: „могу *быть*“ и „долженъ *быть*“, близкихъ къ *одной* модальной формѣ, именит. пад. прилагательныхъ употребительнѣе, чѣмъ твор., при другихъ же глаголахъ съ „быть“ издавна употребляется уже твор. прилагательныхъ, хотя не устарѣлъ еще и им. н., напр. „эгоизмъ можетъ б. *отвратительнымъ*“ Пушкин.; „работа не могла быть *окончена*“, всякій *хорошъ* будетъ“, „ты хочешь быть *богатымъ* (и *богатъ*)“; 3) причастія страд. съ „быть“, также составляющія какъ бы одну форму, болѣе сложны къ удержанію им. пад.: „здѣсь я имѣлъ честь быть *представленъ* гр. Паскевичу“ Пушкин.

б) Прич. „бывшій“, равно какъ и дѣйств. причастія другихъ глаголовъ, употребляющіяся только въ местоименной формѣ, сочетаются съ твор. какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ: „N, бывшій въ то время *богатымъ* (богачемъ)“, дѣйств. же *будущи* и *бывши*, какъ болѣе формальныя, требуютъ творительнаго *лишь существительныхъ*, а не прилагательныхъ и причастій: „будущи вамъ вовсе *незнакомъ*“ Лерм., по: „будущи *героемъ*“.

в) При *личныхъ формахъ* (со включеніемъ страд. связуемаго составнаго) глаголы *называться, слыть, считаться, остаться* требуютъ творительнаго прилагательныхъ, какъ и существительныхъ. (Ср. выше II, 512, б): «прикинулся *влюбленнымъ*» Гриб.

г) При глаг: *стать, сдѣлаться, казаться* и подобныхъ ставятся и тв., и им. н. какъ прилагательныхъ, такъ и существительныхъ (Ср. выше II, 511, а); напр. «когда ночь оказалась намъ *коротка*, то утро за-то показалось очень *долгимъ*» Пушкин.; стоялъ *первымъ, послѣднимъ*.

д) При *быль, буду, будь* твор. существительныхъ обычнѣе, чѣмъ твор. прилагательныхъ: «будь *добръ*», «будь *братомъ*».

е) При наст. *есмы* прилагательное въ твор. н. не ставится *никогда* ни въ рус., ни въ мдр.-восточ. литератур. языкѣ.

Что касается существенности и случайности признаковъ въ предикативномъ именит. и творительномъ, то отъѣнки эти «взаимно условлены»*), и различіе между им. и тв. состоитъ въ слѣдующемъ.

Все грамматич. содержаніе предложенія съ предикативнымъ твор. мыслится въ *три одинаковые* приема, какъ музыкальный тактъ изъ *трехъ чет-*

Отличіе значенія твор. предикативнаго отъ именительнаго.

*) т. е., и въ томъ и въ др. падежѣ могутъ быть существенные и случайные признаки. И. Б.

вертей; напр. въ предлож: «онъ былъ офицеромъ» *былъ* есть не связка, а самое. сказуемое, *офицеромъ* же является *дополненіемъ* къ нему (Ср. II, 499) и, слѣдов., мыслится не въ подлежащемъ *онъ*, а *особо* отъ него, хотя и есть между ними *частное совпаденіе* признаковъ на ряду съ другими подобными объектами, возможными при томъ же подлежащемъ и сказуемомъ: онъ былъ офицеромъ, стало быть, былъ и чѣмъ-то другимъ. Такъ обр., твор. предикативный согласно съ происхожденіемъ его отъ творительнаго образа (Ср. II, 500—502), выражаетъ *одинъ* изъ *соподчиненныхъ* признаковъ, приписываемыхъ данному подлежащему, но *еще не вошедшихъ въ содержаніе его*. Предложеніе же съ предикативнымъ именительнымъ не мыслится въ три *одинаковые* приема, такъ какъ здѣсь подлежащему противопоставляется лишь *одинъ сложный членъ*—составное сказуемое: „онъ *былъ офицеромъ*“; поэтому мысль *не останавливается на связкѣ* „былъ“, и между подлежащимъ и предикативнымъ именительнымъ вѣдомъ устанавливается такая тѣсная связь, что въ моментъ рѣчи не является побужденія приписывать къ подлежащему другой какой-либо признакъ, кромѣ даннаго въ именительномъ предикативномъ, хотя бы признакъ предикативнаго именительнаго и былъ несущественнымъ. Конечно, въ данномъ примѣрѣ „онъ“ не только былъ офицеромъ, но и многими другимъ болѣе существеннымъ, напр. человекомъ, но мысль говорящаго въ моментъ произношенія предложенія: „онъ былъ офицеръ“ не останавливается на другихъ соподчиненныхъ признакахъ, могущихъ совмѣщаться въ субстанціи даннаго подлежащаго *).

*) Весьмъ этимъ Потебня, безъ сомнѣнія, хочеть сказать, что предикат. именительный не тѣмъ отличается отъ предикат. творительнаго, что въ именительномъ будто бы заключается признакъ *существенный*, или что содержаніе его *равно содержанію подлежащаго*, какъ думаютъ Миклошичъ, Гаттала и др. (II, 495 и сл.), а тѣмъ, что самый *грамматическій составъ* предложенія съ им. и творительнымъ предикативнымъ неодинаковъ, а потому и содержаніе ихъ *мыслится* неодинаково: въ предложеніи съ предикативнымъ именительнымъ этотъ послѣдній, входя въ *составное сказ.*, тѣснѣе сближается съ подлежащимъ, и потому говорящій, такъ сказать, *не успѣваетъ* припоминать другихъ признаковъ, исчерпывающихъ содержаніе подлежащаго, вслѣдствіе чего и *кажется*, что сказуемое *исчерпываетъ* все содержаніе подлежащаго (Ср. дал. III, 74) или, по крайней мѣрѣ, указываетъ на *существенный* признакъ его; въ предложеніи же съ *творительнымъ* предикативнымъ этотъ послѣдній связывается съ подлежащимъ при помощи самостоятельнаго сказуемаго и потому мыслится какъ *дополненіе*, лежащее *вне* подлежащаго и только *частію* совпадающее съ нимъ, подобно твор. образа; поэтому и *становится очевиднымъ* для говорящаго, что сказуемое съ предикативнымъ творительнымъ лишь *частію* исчерпываетъ содержаніе подлежащаго, именно—обозначаетъ *одинъ только* какой-либо признакъ изъ всѣхъ, какіе могутъ входить въ субстанцію подлежащаго, хотя то же самое можетъ б. и въ предикативномъ именительномъ, но только здѣсь это прикрывается *иллюзіей* въ виду тѣснѣйшей связи между подлежащимъ и предикативнымъ именительнымъ, входящимъ въ состав. сказуемое. **И. Б.**

8. *Ходъ развитія творит. предикативнаго въ польскомъ* яз. тотъ же, что и въ русскомъ, по послѣдніе результаты значительно разнятся.

а) На мѣстѣ 2-го *вин.* тв. ставится съ 14—15 в., а при нѣкоторыхъ глаголахъ замѣняется предлогами *za, na* какъ съ существительнымъ, такъ и съ прилагательнымъ, между тѣмъ какъ въ рус. яз. лишь существительное возможно съ „за“.

б) На мѣстѣ 2-го *дател.* по правилу ставится *твор.* какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ, за исключеніемъ *samemu* (самому).

в) На мѣстѣ 2-го *именительнаго*

α) *твор. п. существительнаго* также издавна составляетъ правило;

β) *прилагательное* при *составн. сказуемомъ* изъ причастія *страдательнаго* теперь можетъ стоять только въ *твор.*, а въ старинномъ иногда встрѣчается и *им.* надежь:

γ) при *простыхъ* сказуемыхъ (кроме *тес*) прилаг. ставится до сихъ поръ и въ *им.*, и въ *тв.*, по различію между глаголами большей и меньшей энергій не связывается:

δ) при *тес, бы*, по мнѣнію Малецкаго, предикативныя *существительныя* ставятся въ *им.* и *твор.*, прилагательныя же *только въ им.*, а въ творительномъ *по исключенію*, именно—когда они замѣняютъ суц. или когда при нихъ можетъ подразумѣвать существительное *опущенное*, напр. *pisarz może być narodowym* (т. е. *pisarzem*). По Потебни не соглашается съ этимъ и подтверждаетъ примѣрами изъ лучшихъ польскихъ писателей, гдѣ никакихъ существительныхъ при прилагательныхъ подразумѣвать иногда нельзя или не слѣдуетъ, употребленіе же прилагательнаго въ *несогласуемомъ* творительномъ, по его словамъ, не должно быть отождествляемо съ субстанціонированіемъ прилагательнаго, такъ какъ употребленіе существительнаго въ *тв. п.* на мѣстѣ надежа *именительнаго совершенно разрушаетъ* его грамматическую согласуемость, между тѣмъ какъ прилагательное въ *твор. предикативномъ* теряетъ согласованіе *только въ надежь, а въ родъ и число согласуется*.

ε) При неопредѣл. *нак. być* *дат. п.* какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ обязательно замѣняется творительнымъ, кроме *zawieszci*, но и теперь еще обыченъ *именительный*, какъ и въ рус. яз., при выраж.: *можетъ* быть, *долженъ* быть (Ср. выше II, 518, 519).

ζ) При *будучи* (*będąc*) суц. ставится въ *твор.*, а прил.—въ *им. п.*

η) О *значеніи* творительнаго существительныхъ при глаголъ *быть* Малецкій гов., что этотъ надежь, въ отличіе отъ *именительнаго*, высказываетъ не то, *что* кто есть, а то, *какъ* кто есть, и, слѣдов., этотъ *тв.*, по Малецкому, есть *твор. сравненія, выражающій недѣйствительность, мнимость*. Однако Потебня представляетъ множество примѣровъ, гдѣ въ творительныхъ при *jest, był* не видно никакого слѣда сравненія; напр. *żół-*

niez był młodym chłopcem, т. е. (солдатъ) быть не какъ бы хлопцемъ, а действительно таковымъ. Болѣе удовлетворительно мнѣніе Миклошича, по которому тв. предикативный означаетъ то, чѣмъ подлежащее становится и, слѣдов., служить выраженіемъ движенія, а именительный обозначаетъ то, что подлежащее есть и, слѣдов., служить выраженіемъ покоя; но такъ какъ бытіе, существованіе представляется слѣдствіемъ, результатомъ движенія, то творительный часто стоитъ и при глаголь *быть* съ значеніемъ *оказываться, являться*: „nie każdy człowiek jest (=оказывается, является) *Sezarem*“.

528

Но Потебня не можетъ согласиться и съ Миклошичемъ, такъ какъ въ примѣрахъ, въ родѣ *żołnierz był młodym chłopcem*, глаголь *былъ* есть не глаголь движенія, а скорѣе вещественный глаголь пребыванія въ покоѣ (=находился въ состояніи), а потому творительный при немъ надежь должно объяснять такъ же, какъ и въ рус. яз., т. е., что онъ означаетъ признакъ, *находящійся въ сочетаніи съ другими* соподчиненными, между т. какъ именительный означаетъ признакъ *безъ отношенія къ другимъ* (Ср. выше II, 521, 522), съ тою только разницею, что въ польск. языкѣ больше случаевъ сочетанія существительнаго глагола съ твор. и., и что *есть, былъ, будетъ, будь* чаще понимаются *вещественно* и употребляются въ смыслъ *сказуемаго*, не обращая вниманія на время глагола и на существительное или прилаг., между которыми въ польск. яз. разница менѣе выдерживается, чѣмъ въ рус. яз.

530

В) Въ предложеніяхъ съ подлежащимъ *to*, по словамъ Малецкаго и Миклош., сказуемое всегда ставится въ именительномъ, напр. *była to święta prawda* (IV, 737—8), но по объясненію Потебни въ предложеніяхъ этого рода им. и. существительнаго есть *подлежащее*, а *то*—сказуемое, поэтому существительное и стоитъ въ им. п., какъ и въ рус. яз., напр. „первый предметъ, поразившій меня, *была береза*“, „это *была береза*“, „это *были березы*“, гдѣ уже одно *согласованіе* (*была береза, были березы*) указываетъ, что береза, березы есть подлежащее.—Сюда же должны б. отнесены личные обороты съ неопред. накл.: „знать—это заслуга“, гдѣ существительное является также подлежащимъ, а *это (to)*—сказуемымъ: „заслуга есть вотъ это: „знать“; или: „*poznać ludzi—najpierwsza nauka*“ *).

532

Г) Прилаг., мѣстоим. и причастія, какъ части рѣчи болѣе предикативныя, чѣмъ сущ., и способныя къ болѣе тѣсной связи съ глаголомъ, ставятся въ именительномъ, но прокрадывается аналогія и съ существительными, вслѣдствіе чего встрѣчается и твор. и.; напр. „*Franciszek Puławski był *ranim**“

* Нужно различать при этомъ тѣ указат. мѣстоименія, которыя служатъ замѣною неопредѣленныхъ наклоненій, выдвигающихся на мѣсто *подлежащихъ*, и потому являются *подлежащими*, а не *сказуемыми*; напр. „жить и ненавидѣть—это несчастье“. Чаще всего такія замѣны бывають въ безличныхъ оборотахъ (Ср. II, 350) и при дат. съ неопред. (II, 395—6). И. Б.

(= „*naходился раненымъ*“, а не „*быть раненъ*“), «*matka byla z kazdym rokiem spokojniejsza*».

9) *Твор. предикатив. въ литов. языкѣ.* Въ то время какъ въ серб. яз. предикативный твор. ограниченъ, а въ латышскомъ весьма рѣдокъ, въ литовскомъ, напротивъ, твор. предикативный изъ существительныхъ и прилагательныхъ употребляется, какъ и въ русскомъ, на мѣстѣ

а) второго *винительнаго*: „мы Авраама имѣли *отцомъ*“.

б) на мѣстѣ второго *дательнаго*: «дать имъ силу стать *дѣтьми* Божиими»;

в) на мѣстѣ *второго именительнаго* при личныхъ формахъ и неопред. пагд., при страд. свазуемомъ ставится творительный, а при *есмь* (*esmi*), согласно съ рус., обыкновенно именит. н., хотя встрѣчается и твор., быть можетъ, въ силу польскаго вліянія.

Общій выводъ изъ всего изслѣдованія слѣдующій:

Общій выводъ
изъ предыду-
щаго изслѣдованія.

1. Въ живыхъ языкахъ „разрушеніе стараго есть вмѣстѣ созданіе новаго“.

2. Въ рус. яз. чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше „увеличивается противоположность имени и глагола“; такъ, причастіе, составляющее *промежуточную форму между именемъ и глаголомъ*, въ древ. языкѣ могло имѣть такую степень самостоятельности и предикативности, какая возможна теперь лишь въ *личномъ* глаголѣ и отчасти въ неопр. пагд. Слѣдов., близость и общность между именемъ и глаголомъ въ древ. языкѣ была большая, чѣмъ въ языкѣ позднѣйшемъ.

3) *Согласуемость (аттрибутивность) древняго языка съ теченіемъ времени ограничивается и замѣняется*

а) разложеніемъ составнаго сказуемаго на два предложенія, связываемыя союзомъ,

б) образованіемъ дѣеипрачастій,

в) употребленіемъ нарѣчій вмѣсто согласуемыхъ прилагательныхъ,

г) употребленіемъ неопредѣленнаго вм. причастій

и д) употребленіемъ несогласуемыхъ надежей вмѣсто вторыхъ согласуемыхъ, а именно:

аа) на мѣстѣ двухъ *одинаковыхъ* косвенныхъ надежей становятся *вин. съ твор.*, *род. съ твор.*, *дат. съ творительнымъ*;

бб) на мѣстѣ *предикативнаго* аттрибута, *согласуемаго съ подлежащимъ*, во многихъ случаяхъ ставится твор., при чемъ *оставшіеся еще два* именит. (подлеж. и предикативный аттриб.) *получаютъ новый смыслъ* (Ср. II, 521, 522, 528), въ чемъ должно видѣть усложненіе духовной жизни и усовершенствованіе языка: внесеніе въ предложеніе этого творительнаго *расширяетъ*

область *несогласуемыхъ* падежей (объекта) на счетъ согласуемыхъ (атрибута), т. е. вносится *новая* категория дополненій, и чрезъ это дѣлается *болѣе опредѣленною* категория атрибута, суживаясь до *простой* атрибутивности, тогда какъ въ древнемъ языкѣ атрибутивность была *и предикативная*.

4) При этомъ при замѣнѣ согласуемаго предикативнаго существительнаго несогласуемымъ творительнымъ возникаютъ новыя разграниченія существительнаго, какъ слова по преимуществу самостоятельнаго и несогласуемаго, и прилагательнаго, какъ слова атрибутивнаго и согласуемаго, отчего понятіе о существительномъ еще болѣе обособилось отъ понятія о прилагательномъ.

5) Наконецъ, происходили измѣненія отношеній предиката и предикативной связки. Въ началѣ связокъ было много, но потомъ значительная часть глаголовъ вовсе лишается способности быть связками и дѣлается *сказуемыми*; нѣкоторые сохраняютъ эту способность быть связками лишь при помощи атрибутивности прилагательныхъ, и только глаголь существительный, особенно въ наст. вр., остается *формальной* предикативной связкой (за исключеніемъ одного случая *вещественности* содержанія), что еще раньше достигнуто было въ сочетаніи глагола «есть» съ чисто предикативнымъ причаст. *лз*. Въ этомъ стремленіи бывшихъ связокъ быть самостоятельными сказуемыми видна склонность языка *сосредоточить предикативность исключительно въ глаголь*, какъ это же видно и въ замѣнѣ *причастнаго* сказуемаго придаточныхъ предл. (нѣсть кто *милоуиъ*) глагольнымъ (См. II, 206 и сл.), а до этого—въ превращеніи донинфинитивнаго слова въ глагольную форму.

Часть III. *)

Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго.

*Введеніе**).*

Велѣдствіе расширенія области *несогласуемыхъ* падежей (объекта) и уменьшенія *согласуемости* (аттриб.), произошло увеличеніе разницы между

*) Эта часть *Записокъ* (посмертное изданіе) является непосредственнымъ продолженіемъ части предыдущей: велѣдъ за составнымъ сказуемымъ, которому посвящена вся вторая часть, слѣдуетъ другой членъ предложенія—опредѣленіе. А такъ какъ опредѣленіемъ бываютъ *именныя* части рѣчи, то первая глава третьей части *Записокъ* и посвящена изслѣдованію природы именъ существительныхъ и прилагательныхъ и употребленію ихъ въ качествѣ опредѣлительныхъ словъ. *И. Б.*

***) Издатели неправильно въ оглавленіи III го тома ставятъ *введеніе* въ скобкахъ послѣ общаго заглавія этого тома, какъ будто содержаніе введенія и составляетъ трактатъ «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго».—*И. Б.*

существительными и прилагательными (II, 534—5). По этой причинѣ не могло не произойти измѣненія и въ кругъ дѣятельности существительнаго, что въ свою очередь повліяло на *усиленіе* глагола и *обособленіе* прилагательнаго и нарѣчія.

Мысль и языкъ находятся въ тѣснѣйшемъ отношеніи между собою, поэтому необходимо коснуться наименованія грамматическихъ терминовъ и съ точки зрѣнія философіи.

Существительное есть грамматическое названіе *вещи*, (Ср. I, 92, 93), которая кромѣ того называется *субстанціей*, *субъектомъ*, *объектомъ*. **Вещью** наз. связка явленій (качествъ, силъ), разсматриваемая *отдѣльно* отъ другихъ связокъ. **Субстанція** есть *носитель*, *средоточіе* и въ то же время *источникъ* и *причина* явленій; въ которыхъ вещь проявляется и познается нами. Такъ, познавать *Бога*, какъ Субстанцію, значить познавать Его творенія или обнаруженія. **Субъектомъ** называемъ вещь *познающую*, *дѣйствующую*, а **объектомъ** (предметомъ)—вещь *познаваемую*.

Тѣсное отношеніе между языкомъ и мыслью.

Опредѣленіе вещи, субстанціи, субъекта и объекта.

Прилагательнымъ, какъ опредѣленіемъ существительнаго (атрибутомъ), называемъ категорію *качества* и *свойства* вещи, т. е. силу въ *спокойномъ* состояніи.

Опредѣленіе прилагательнаго и качества.

Глаголомъ или грамматич. *сказуемымъ* называемъ свойство вещи или силу, не въ спокойномъ состояніи пребывающую, а *отражающуюся на другихъ вещахъ* (объектахъ), на взаимной связи между вещами, причемъ сила эта въ грамматикѣ называется или *дѣйствіемъ* (со стороны субъекта), или *страданіемъ* (со стороны объекта), или *состояніемъ*, когда дѣйствіе и страданіе разсматривается *независимо* отъ отраженія на другихъ вещахъ.

Опредѣленіе глагола, дѣйствія, страданія и состоянія.

Понятія *дѣйствія* и *причины* не отдѣльны другъ отъ друга; отсюда выраженіе: *cum hoc* (или *post hoc*), *ergo propter hoc*. По этой же причинѣ какъ грамматич. разряды: подлежащее и сказ., опредѣляемое и опредѣленіе и проч., такъ и соответственные философскіе разряды бываютъ *парны*. А судя потому, что дѣйствіе субъекта *вообще* мы можемъ выразить только *человѣкообразно* («*дождь* идетъ», какъ *человѣкъ* идетъ),—можно думать, что и вообще понятія дѣйствія и причины возникли черезъ перенесеніе *нашихъ* дѣйствій на дѣйствія *другихъ* предметовъ. Отсюда ведетъ начало свое мифологія языка и исканіе въ немъ рѣшенія психологическихъ задачъ, и если о мысли нашей узнаемъ мы *по слову*, то для насъ самихъ *рождается и измѣняется она въ мыслѣ съ словеснымъ выраженіемъ*.

Поэтому М. Мюллеръ и говоритъ, что «*петинная исторія* *человѣческаго духа* должна б. изучаема въ документахъ *языка*» (Das Denken im Lichte der Sprache, 1888 г., стр. 477).

Языкъ есть исторія человѣка. духа.

Языка вообще нѣтъ, а есть только языки и ихъ разновидности до

языка *лично* включительно; но этимъ не исключается возможность *обобщенія* категорій мысли разныхъ временъ и народовъ до *общечеловѣчности*, только «для правильнаго сужденія объ общечеловѣческой категоріи субстанцій, качества и проч. нужно знать, въ какомъ она видѣ дана въ языкахъ».

Надо думать, что способность къ *отвлеченному* мышленію, т. е. къ мышленію категорій *отдѣльно отъ вещей*, приобрѣтается народами *постепенно* и, стало быть, нѣкогда отсутствовала.

М. Мюллеръ утверждаетъ, однако, что «языкознаніе неопровержимо доказало, что человѣч. мышленіе, т. е., человѣч. языкъ направляется *не* отъ конкретнаго къ отвлеченному», что «корни, изъ коихъ строится всякій языкъ, отнюдь не конкретны, а отвлечены», и что «единственный путь къ наименованію вещи есть ея *познаніе*, а что же можетъ значить *познаніе*, какъ не подведеніе чего-либо подъ *общее понятіе?*» На этомъ основаніи М. Мюллеръ настаиваетъ на отвлеченности и первоначальныхъ словъ: корни суть не *знаки предметовъ*, а воплощеніе *понятія* о повторявшейся *дѣятельности*. «Производя многократно дѣйствіе, напр. битья, мы доходимъ до сознанія этого дѣйствія, гов. ошъ, и, сопровождая удары *звуками*, получаемъ въ этихъ звукахъ естественное *воплощеніе* этого сознанія», т. е. первоначальное слово съ *общимъ* и, слѣдов., отвлеченнымъ значеніемъ корня.

Но этому мнѣнію противопоставляется другое, именно, что содержаніемъ *первообразнаго* слова, предшествующаго образованію отвлеченныхъ грамматическихъ и философскихъ категорій, могъ быть *только образъ*. А именно: когда имя въ первый разъ было применено къ *одному* предмету, то оно имѣло *только единичное, конкретное* значеніе, ибо другихъ предметовъ того же рода въ это время еще не было для *говорящаго*, а слѣдов., и слово не могло еще для него быть *родовымъ* понятіемъ. Такъ, я говорю ребенку: «это—рыба», не сообщая ему да и самъ не зная этимологіи этого слова; при *слышающемъ* же наименованіи «и это—рыба» въ ребенкѣ совершается уже обобщеніе, котораго у него при *первомъ* взглядѣ на рыбу и при ея *наименованіи* еще не было. —

Взглядъ на отвлеченность первоначальныхъ корней, съ од. стор., противорѣчить, какъ видѣли (I, 23-24), конкретности первобытнаго языка, а съ другой—вытекаетъ изъ ошибочнаго приема доказательства. Исследователи языка, приписывающіе первоначальнымъ корнямъ *отвлеченное* значеніе, высказываютъ только свой *личный* взглядъ безъ достаточныхъ на то данныхъ. Во первыхъ, *значенія* корня не дано ни въ какомъ *памятникѣ*, и объ абстрактности или конкретности его судятъ по словамъ *производнымъ*, а промежутокъ между *формальными* словами индоевропейскаго языка и *предполагаемыми* словами безъ *флексій* или, что то же, первичными корнями

измѣряется цѣлыми тысячелѣтїями. Такой скачекъ, конечно, «есть свачекъ смертельный для всякой достовѣрности», какъ выражается Потебня. Во вторыхъ, приписывая извѣстное значеніе донесторическому корню, мы или повторяемъ значеніе корня производнаго, или вносимъ то, которое возникло въ періодъ производства слова и до того времени не существовало, т. е., идемъ *ὁστέρω*. Наконецъ, положеніе, что всѣ имена предполагаютъ *понятія* или *общія* значенія корней (такъ какъ де всякое познаніе или наименованіе есть подведеніе чего-либо подъ *общее* *понятіе*)—въ сущности должно быть признано не доказательствомъ, а простымъ тождествомъ или *повтореніемъ утвержденія*, что *общій* признакъ въ мысли *первобытенъ*, между тѣмъ какъ именно и нужно было *доказать* эту первобытность. Приведенное же выше доказательство *общности* значенія корня, когда мы обозначаемъ *однимъ и тѣмъ же* словомъ *повторяющееся* дѣйствіе, есть не доказательство, а тоже *ὁστέρω*—*πρόσθερον*: когда корень слова «бить», при *повтореніи* дѣйствія, нашелъ для себя *новое* примѣненіе, то значеніе его дѣйствительно *обобщилось*, но до примѣненія оно могло не быть *общимъ*.

14

15

I.

Первообразна ли отвлеченность въ существительномъ *качества*?

16

Качество, какъ нечто отвлеченное отъ того, въ чемъ оно находится, въ *историческое* время индоевропейскихъ языковъ выражалось существительнымъ *производнымъ* и прежде всего *существительными жен. и сред. рода на гство, тво, остъ*.

Выраженіе качества существительными производными.

Такъ, начиная съ древнѣйшихъ намятниковъ, и въ слав. языкѣ имена на эти суффиксы означаютъ только качество: сладство, сладость (I. Эз. Болг.), тогда какъ существительныя, совпадающія съ *сред. родомъ прилагательныхъ*, обозначаютъ не только качество, но и то, въ чемъ качество заключается (ср. дал. III, 59 и слѣд.), при чемъ такое существительное, какъ *тепло*, въ свою очередь отвлеченіе самого прилагательнаго, когда это послѣднее мыслится вмѣстѣ съ своимъ опредѣляемымъ и, слѣдов., прикрѣпляется къ *опредѣленной субстанціи*: «свѣтлое и тресвѣтлое сълице! всѣмъ тепло и красно еси» (Сл. о П. Пг.).

17

Но мыслители прежнихъ вѣковъ и нынѣшнее простонародье за такими абстрактными явленіями, какъ *тепло* и *горьніе*, *свѣтъ* и *электричество*, усматривали особыя *субстанціи*: флогистонъ, теплородъ, электрическую жидкость. Поэтому и нынѣ для огромнаго большинства качество или свойство извѣстной вещи принимается тоже за вещь *не въ смыслѣ метафоры*. Напр. въ Лечебн. 18 в. говорится: если сокъ хрѣну «пущать въ ухо, то онъ всю *глухоту* (какъ вещь) *вылоняетъ*»; «укусъ съ медомъ прикладывать до большихъ очей,

Взглявъ древнихъ мыслителей и простонародья на качество, какъ на реальныя субстанціи.

18

то выйдетъ очная болѣзнь» (ibid.). Въ такомъ же *неметафорическомъ* смыслѣ смотрѣли на качества вещей и древніе ученые. У Платона губы виваютъ въ себя воду и *близину* луннаго свѣта и шеи (*caudorem bibant*). У Апулея *качества* въ атмосферѣ (*serenitas, rigor, crassitudo, raritas*) борются между собою, уничтожаютъ др. друга, чреватѣютъ и рождаютъ, какъ лица. При такомъ возрѣніи на качество, *вещь* и *качество* ея являются *парою особей* и какъ бы *уравниваются*, въ силу чего «латин. писатели и ставятъ перѣдко существительное *качества* вмѣсто имени *носителя* этого качества, которое можетъ при этомъ быть выражено прилагательнымъ или родительнымъ принадлежності», напр. *vilitas ossea* (простая кость); *senectas ovium* (старья овцы).*) Отцы церкви, унаследовавъ возрѣнія древнихъ на стихіи, въ томъ числѣ и на огонь, объясняютъ (Шест. Іоан. экз.), что *свѣтъ*, созданный въ первый день, свѣтилъ въ первые три дня *самостоятельно*, и лишь въ четвертый день вложено было въ свѣтла «свѣтешее соущие прѣвобыщааго свѣта». Объективная раздѣльность субстанціи и ея качества еще болѣе видна въ слѣдующихъ словахъ Шестоднева: «*ино* іестествомъ и родомъ *блгоствъ*, *ино же* поблженое *тѣло*... «ино іестъ свѣтовное свѣтлѣство, *ино же* подлежае свѣтоу *тѣло*...»; въ загробной же жизни «огненное іестество» будетъ раздѣлено: «*тъгда* *тъже* свѣтъ на освѣщеніе будетъ праведникомъ, а жеженія болѣзнь (т. е. свойство причиняя болѣ) *моушимымъ* отлоучена боудеть». Свѣтъ по отношенію къ свѣтлому тѣлу нѣсколько разъ въ Шестодневѣ уподобляется душѣ, оживотворяющей тѣло. тагъ что *качество* является душою *вещи*, при чемъ Богъ сотворилъ сперва «видъ и образъ прѣждесоущенъ», т. е. качества, свойства, «потомъ же вечная соущия на бытіе прѣведе».

Выводъ отсюда:
непервообраз-
ности отвлечен-
ности къ оуще-
ствительныхъ
качества и дѣй-
ствія.

Т. обр., Потебня возвращается къ тому же, что высказано имъ и во *введеніи*, именно, что древній яз. *конкретенъ*, а потому и отвлеченность существительныхъ качества непервообразна: сначала существительныя качества представлялись *реальными* субстанціями и потомъ уже—абстрактными или отвлечеными**).

Сказанное о пониманіи качества, какъ субстанціи и вещества, примѣняется и къ дѣйствию, напр. «въ лоуноу *хондѣнне* (ущербъ) вложено іестъ» (Шестодн.). Ошибочно было бы думать, что въ подобныхъ случаяхъ имя дѣйствія *сначала* вполне отвлеченно, напр., по отношенію къ *мыслу* совершенія, а *потомъ* уже къ этой отвлеченности пристають обстоятельства мѣста. дѣлающія отвлеченность конкретною.

*) Ср. Поуч. Серап. XIII в. «наведе на ны языкъ... не щадящъ *краси* уны, немощи старецъ, *младости* дѣтей». И. Б.

**) Срав. далѣ III, 634, 635. И. Б.

II.

Предполагаютъ ли сущ. имена качества значеніе *собирательности*?

Съ именами существительными качества перѣдко соединяется и значеніе *собирательности*. М. Мюллеръ на собирательное значеніе въ такихъ именахъ смотритъ слѣд. образомъ. Отвлеченныя существительныя качества, бывъ образованы при помощи извѣстнаго суффикса, получали сначала значеніе *собирательности*; таковы напр. имена съ суф. *tus* (= *της, τηςτος*): *juventas* (= *juvenes*), *posteritas* (= *posterii*), *civitas* (= *cives*); потомъ собирательное значеніе исподволь переходитъ въ *отвлеченное*: *gaudia*, *tempus juvenutis*, и наконецъ является единичное, существо въ семьѣ боговъ: *Juventas* (*Das Denken... 234*).

Того же взгляда М. Мюллеръ и на другія существительныя качества, которыя, по его мнѣнію, происходятъ отъ качественныхъ прилагательныхъ; напр. сущ. *Schönheit* отъ прилаг. *schön* первоначально обозначало *совокупность* прекраснаго, а потомъ—отвлеченное понятіе красоты; съ теченіемъ же времени существительныя качества могли уже производиться отъ прилагательныхъ и безъ мысли о посредствующей ступени собирательности (*Das Denken... 425—6*).

Не такъ смотритъ Потебня на происхожденіе собирательности въ именахъ, заключающихъ въ себѣ значеніе и качественное, и собирательное. Онъ прежде всего думаетъ, что о происхожденіи собирательности въ подобныхъ именахъ слѣдуетъ судить по тѣмъ случаямъ, когда собирательность *не связана* бываетъ съ тѣмъ или другимъ *суффиксомъ*. Такъ, въ славянскихъ и другихъ яз. есть не только отвлеченныя, но и *конкретныя* существительныя, которыя въ *един. ч.* могутъ относиться и къ отдѣльной особи, и вмѣстѣ съ тѣмъ «являются образомъ сплошнаго множества», напр. «привалила *птица* къ круту берегу», «повелѣно брить *имъ бороду*» (Пушк.). Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ (муха, рыба, листъ и др.) конкретныя имена явственно еще отличаются отъ собирательныхъ, какъ напр. «много *жида* (конкретно) на ярмаркѣ» и «много *жидовъ*» (Акк.); «нападало *листу* и *листья*». Въ выраженіяхъ «*листь сухой валится*», «*листья валятся*» и «*листья валятся*» разница между «*листь*», «*листья*» и «*листья*» заключается въ образъ: въ первомъ случаѣ (*листь*) *единица* служитъ *символомъ* множества, во второмъ (*листья*) представляется *раздѣльное* множество и въ третьемъ (*листья*)—*сплошное* множество. Когда же конкретныя имена переходятъ въ собирательныя, тогда они и сочетаются со *множ. ч.*, напр. «Черный Клобукъ, весь *совокупившися*, *пхана*» (Ипат.), хотя употребляется и *един. число*: «се вои отъ насъ *расшился*... а Черный Клобукъ нами *лестить*» (Ипат.). Съ такимъ собирательнымъ зна-

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

Взглядъ М. Мюллера на происхожденіе собирательности въ именахъ существительныхъ качественныхъ.

Несогласіе Потебни съ этимъ взглядомъ.

26

27

28

29

10

ченіемъ въ старинныхъ русскихъ памятникахъ употребляются многія сущ. имена ед. ч. безъ суффикса собирательнаго: *юсть, иноземь, ловець, Исковичь, мужь, смердъ, куница, осетръникъ, медоваръ, конникъ, скоть,* 20 *птичь* (птица), *конь, человекъ, комонникъ, трунъ, Москаль* (Ср. въ нов. яз. *непріятель, Турокъ* и др. «ходить подъ *Турку*»); а также: *кость, потомокъ, камень, животъ* (=скоть), *дровно, беревно, жердь, боръ* и др. Напр. «У сего козанта зобралося... *человька* (=людей) *сѣмдесять*» Лѣт. Самов. «Князю великому дасть сто *рубля*». (Грам. Юанна Данил. 1338—40 г.).— «*Бойца* *человѣкъ* съ 100⁴⁴ (Л. Моск. Г.).—, «*Стага зобраться* *усяка* *птиця* и *вьяки* *звѣри*» (Зап. о Ю.Р.).—, «*Звоював* *Государь* *Шведа* (Полит. пам. 18-19 в.).

22 Происхожденіе собирательности отъ единичности и качественности именъ существительныхъ. На основаніи многочисленныхъ случаевъ употребленія съ собирательнымъ значеніемъ существительныхъ ед. ч. безъ собирательнаго суффикса Потебня предполагаетъ, что и существительныя съ суффиксами собирательности первоначально означали также единичность, а потомъ *синекдохически* стало употребляться единственное ч. въ смыслѣ множественнаго. Сюда относить онъ качественно-собират. существительныя съ суффиксами *ина* (изна), *ьство, іе* (ье), *ія, ота, ѡя, ѡба, ежь, ядь, ость, ѡ*.

Съ суф. *ина* (рѣже *изна*): *зернина* (зерно), *тынина* (тытъ); издревле собират. *дружина* предполагаетъ первоначально единичное значеніе, какъ въ мѣр. «*чоловиче* *міи*, *дружино* (=другъ) *моя*».—*Мужьчина, женьщина* первоначально—свойство того, кто мужьскъ, женьскъ (ср. стар.-рус. сущ. *дѣтьскъ*), 24 а потомъ уже могли стать существительными собирательными, слѣдовъ какового значенія въ рус. яз. не осталось.—*Барщина*—сперва барская работа, а потомъ собират. «собрать всю *барщину*».—*Бѣлизна* въ рус. яз. только свойство бѣлости; а въ польск.—собират. *бѣлье*. Вообще, въ русскихъ именахъ на *ина*, соответствующихъ польск. *izna*, господствующее значеніе есть *качество*, и лишь въ немногихъ словахъ появляется собират. значеніе.— 25 *Лозина*—первоначально въ значеніи единичномъ (*хворостина*), а отсюда—собират. «бѣ бо городъ обиншла вода и сильная *лозина* и *вербье*» Ппат.—Отъ собирательнаго значенія можетъ вновь произойти единичное; такъ, соврем. *осина* (единичное) могло нѣкогда имѣть собират. значеніе (Ср. мѣр. *осичина*), а передъ этимъ—также единичное.

Съ именами на *ина* (*izna*) сходны имена на *ьство*, которыя во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сперва означаютъ *качество*; напр. *божьство*—свойство Бога, а потомъ—единичное съ значеніемъ «Богъ»; когда же нѣкоторыя изъ такихъ именъ примѣняются ко многимъ *особямъ*, тогда они получаютъ и собир. значеніе: «король подымалъ *бесерменство* на *христьянство*» Ак. Зап. Р.—*Комоньство* въ стар.-рус. яз. значитъ *доблесть коня*, и лишь въ стар.-чешскомъ—*конная дружина*.

Имена на *ше* (рус. *ше*) изъ качественныхъ переходятъ въ собирательныя также только тогда, когда качество или свойство примѣняется ко многимъ однороднымъ особямъ, безъ этого же остаются при значеніи качественности. Таковы сущ. на *ше, ъе*,

а) образованныя отъ прилагательныхъ качественныхъ: *обилѣе, здорове, веселье* (качественныя), но *старѣе, сырьѣ, шильѣ, бѣлье*—суть сущ. собирательныя.

б) Имена дѣйствій, образованныя отъ прич. страдательныхъ на *н, т*, лишь въ немногихъ случаяхъ становятся собирательными; напр. *рожденіе* (цсл.) и *роженіе* (стар.-рус.) въ смыслѣ *συγγενεῖς* (родственники).

в) Существительныя, образованныя отъ косвенныхъ надеждъ въ зависимости отъ предлоговъ, собирательными не дѣлаются, а получаютъ значеніе α) *лица*: подружье, β) *мѣста*: приморье, γ) *времени*: повечерье.

г) Имена, образованныя отъ прямыхъ надеждъ, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ донынѣ бывають собирательными: *зелше, вѣбше, смоковше*, которыя въ в. рус. яз. въ 18 и 19 вв. вошли въ склоненіе на *ѣ*, какъ собират. множ. ч, напр. *зубья, бабѣе, дурачье* и подоб. въ соврем. яз. только собирательныя, но они могли нѣкогда означать и принадлежность, отождествляясь съ сред. р. прилагательныхъ: *бѣбье* (то, что принадлежитъ бабѣ), какъ въ греч. яз. *ἰππιχόβυ* конница отъ прилаг. *ἰππιχός*.

Существительнымъ на *ѣе* соответствуютъ имена жен. р. на *ия*: цсл. *братрѣа*, рус. *братья* (зятя, шурья), ставшія потомъ *множ. ч.* съ значеніемъ собирательности при сущ. *братъ, зять*...

Черезъ суф. *ота* образуются отъ существительныхъ и прилагательныхъ существительныя качественныя: *красота*, и лишь немногія переходятъ въ собирательныя, напр. *тѣхота*—нѣшее войско, *гомота* (млр.)—голь, *бѣдноста, темнота* (бѣдные, темные люди).

Къ именамъ дѣйствія на *ья, ѣбя* (стрявья, служба) примыкають только немногія собират. *служня*=прислуга (Догов. Дм. Пв. 1388 г.), *родня, гридьба* (отъ гридь), *тальба, холостьба, голытьба*.

Имена жен. р. на *ень* и *ядь* даютъ также нѣкоторыя собирательныя: *молодежь, холостежь, челядь, ружлядь*.

Имена на *ость* суть качественныя, какъ сказано было выше (III, 16), но *святость*—собират. (собрание иконъ) А. Ю. 1546 г.

Имена жен. р. на *ь*, означающія дѣйствіе (дрожь, боль) и качество (чернь), бывають собирательными только въ отдѣльныхъ случаяхъ: *залежь, заваль, шваль, приарь, дрянь, молодь, чернь* (простой народъ); *погань, очнь, голь, знать* прежде всего качественны, и даже старинныя собират. *ядь, дѣть, Русь, Чюдь, Вось* и проч. предполагають качественность.

Въ собирательныхъ именахъ *Сьвера* (Шпат.) (и *Сьверь* Лавр. л.);

Черемиса, Маргдва, Мурома, Печора, Ура, Зимыола, Лытьгола (Лавр. л.) собирательность могла возникнуть, какъ въ словѣ *господа*: сперва *господа* жен. рода = господство (значеніе предполагаемое); отсюда а) въ примѣненіи къ *лицу* — владѣніе, домъ (въ серб. яз.) и б) въ примѣненіи къ *лицу*: чеш. *hospoda* (господинъ), серб. собират. *господа* (*domini*) съ атрибутомъ въ ед. ч. жен. р. и со сказуемыми сперва въ единственномъ а потомъ — во множ. ч. Отсюда тождественное по ударенію съ сербскимъ влрусское *господѣ* стало собирательнымъ множ. ч. къ сущ. *господинъ*.

Неизвѣстно, такъ ли возникло собирательное значеніе въ словахъ: Волхва, Ляхва, Татарва, дѣтва, жидова, листва. Во всякомъ случаѣ надо думать, что *собирательность именъ происходитъ отъ качественности, а не наоборотъ*, какъ думаетъ М. Мюллеръ, при чемъ въ разныхъ языкахъ переходъ этотъ происходитъ въ разное время и въ разной мѣрѣ. Такъ, теперешнее нѣмецкое *Menschheit* есть только собир. сущ. (человѣчество), а у Гердера и Гёте употреблялось и какъ качественное: человѣчность; французскому качественно-собирательному *jeunesse*, нѣм. *Jugend* въ русскомъ соотвѣтствуютъ качественное *юность*, *молодость* и собирательное *юношество*, *молодежь*. Самый же переходъ отъ качественности къ собирательности совершается (тогда, когда качество, понимаемое какъ особь, *лицо*, служитъ символомъ *многихъ* особей, обладающихъ этимъ качествомъ. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина:

«Вздохнеть о славѣ *младость*

«И рѣзвая задумается *радость*»

лицетвореніе молодыхъ людей въ существительныхъ *младость* и рѣзвая *радость* находится, т. сказать, на перевалѣ къ собирательности этихъ именъ.

III.

Происхожденіе имени прилагательнаго.

Близость существительныхъ качественныхъ къ прилагательнымъ и признакъ этой близости

Въ тѣсной связи съ качественностью именъ существительныхъ находится вопросъ о происхожденіи именъ прилагательныхъ. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ *разница* между сущ. и прилагательнымъ *уменьшается*, атрибутивность же существительнаго *увеличивается*.

Близость существительныхъ, означающихъ качество, къ прилагательнымъ качественнымъ же доказывается тѣмъ, что и отъ существительныхъ были степени сравн: *бережье* (ближе къ берегу), *звѣрьше*, *скотше*. На большую же качественность старинныхъ существительныхъ съ одн. стор. указываетъ образованіе отъ существительныхъ такихъ глаголовъ, какъ *звѣрьше*, *пшьте*, *чершше*, изъ которыхъ видно, что *вовремя производства подобныхъ глаголовъ* существительное означало не только опредѣленную субстанцію, но

и *свойственное ей состояніе*, а съ другой—на большую качественность старинныхъ существительныхъ указываютъ мѣстоименныя окончанія ихъ при окончаніи именномъ: *дѣва* и *дѣвая*, *бездѣна* и *бездѣная* (Псал. XI в.), *Ирр-довая* (Изб. 1073), «великое войское челомъ бѣеть» А. М. Г. 1633; въ соврем. мѣр: «молода понівшая».

Кромѣ того, въ ту пору, когда въ прилагательныхъ еще не было членнаго окончанія (*добра-ieno*); тогда существительныя отличались отъ прилагательныхъ только по синтаксическому употребленію. Такъ напр., *спѣсьдѣ* значило и *сосѣдѣ*, и *сосѣдній*: «къ земли *соусндѣ*» (прилаг.) Шест.; *ладѣ*—согласіе и ровный (ладный); *другѣ*—amicus и прилаг. другой; *прокъ*—суц. (ср. соврем. въ-*прокъ*) и прил. остальной; *покорѣ*, *попора*—покорность и покорный (Кир. Тур.); *сладѣ*—солодъ и прил. *сладѣ (слазды); *лѣкъ*—agens, *лѣка* залнѣ и кривой.

То же замѣчается въ именахъ и съ другими окончаніями:

Ѣ муж. и на жен. р. Напр. *лѣжѣ*—живый человѣкъ, *лѣжа*—обманъ и прил. «*лѣжѣ* свѣдѣтель»—*живый* свидѣтель.—Суффиксъ этотъ образуетъ отъ именъ существительныхъ многочисленныя прилагательныя притяжат. образца *дѣвичѣ*, *нашѣ*, *вашѣ*; *въждѣ* (peritus), *дрѣвль*, *чюжь*, *итуждѣ* (alienus), соврем. рус. *пропацій*, *солоцій* и др. Съ этимъ же суффиксомъ, есть много и существительныхъ, при конхъ, какъ при *межа* (цел. *межда*) и въ соответствующихъ прилагательныхъ, но значеніе относительности, свойственное прилагательнымъ, можно предполагать при нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы имена: *прыщѣ*, *хрущѣ*, *сверчѣ* (сверчекъ), *хвоцѣ* (конскій хвостъ), *бѣрищѣ*, *прѣждѣ* (передняя часть: «съ *прѣжда* іен (главъ) лежить теме» Шест.). *свищѣ* (относящейся къ свѣту)—сквозная дыра, *госпожа* (собств. притяж. отъ *господѣ*, какъ *теща* отъ *тестѣ*), *греча* (соб. греческая: ср. мѣр. гречка), *кожа* (при *коза*), *душа* (принадлежащая духу), *вечеря* (относящаяся къ вечеру), *суша*, *стужа*, *щца*, *чаща*, *щуца*, *роща* и др.

Суф. *снѣ*, *унѣ* (жен. *унья*), *ьнѣ* образуютъ какъ прилагат., такъ и существительныя; напр. *тянѣ* (пи-танъ), *ръянѣ* (сердитъ, золь и потому ретивъ), *истуканѣ*, *стоянѣ*; прозвища: *Мазанѣ*, *Скиданѣ*; *брехунѣ*, *го-срунѣ*, *тѣвунѣ*, топоръ *колунѣ*; *сочень*, *тручень*, мѣр. *мѣдень* (прилаг.): «въ покрывкѣю *мѣденыю*».

Въ образованіи существительныхъ отъ прилагательныхъ безъ присоединенія новаго окончанія, какъ кажется, нужно различать два случая.

А. Первый случай, когда опредѣляемое существительное, какъ легко подразумѣваемое, опускается, и т. обр. опредѣлительное прилагат. принимаетъ на себя значеніе опущеннаго существительнаго; напр. сперва «*портной швецѣ*» (А. до Ю.Б.) или *порт-*

Суффиксы общія для существительныхъ и прилагательныхъ: а, о; и, а; ант, рю; (ува) ит.

45

46

47

48

49

Два случая образованія существительныхъ изъ прилагательныхъ.

А. Первое отношеніе опредѣляемаго существительнаго.

50 ной мастеръ» (ibid), а потомъ одно слово *портной*. По образцу «портной» до XVIII в. включ. въ рус. и польск. яз. были существительными: *русскій*, (человѣкъ), *Московскій*, *Литовскій* (в. кн.), *крымскій* (ханъ), *турецкій* (царь). Этими же путемъ стали существительными фамилии на *скій* и болѣе древнія имена городовъ и странъ изъ именныхъ формъ прилагательныхъ: *Боровскъ*, *Курскъ* и притяжательныхъ на *ѣвъ*, *овъ*, *инъ*: *Ярославъ*, *Боголюбовъ*, *Люботинъ*, а равно отъ качественныхъ съ опущеніемъ существительныхъ муж., жен. и ср. р. (городъ; весь, деревня, рѣка; село): *Великая* (рѣка), *Красное* (село). Также множество существительныхъ нарицательныхъ: *становой* (приставъ), *мастеровой* (человѣкъ), *заутреня*, *обидня*, *вечерня*, *всенощная* (служба), *Страстная*, *вербная*, *масляная* (педѣля), *сѣпная* (площадь), *косой* (заяцъ), *борзая* (собака); по *праву*, по *льву* (руку) *Шнат.*, *поступная*, *купчая* (крѣпость) и др. Въ областныхъ влр. нарѣчіяхъ равно какъ и въ мѣр. яз. такихъ случаевъ множество, при чемъ нужно замѣ-
52 3 тить, что чѣмъ отвлеченнѣе опускаемое опредѣляемое существительное (рѣчь,
54 вина, потреба), тѣмъ труднѣе бываетъ возстановлять его.

Б.—безъ подра-
зумываемаго су-
ществительнаго.
55 Б. Но есть множество случаевъ, гдѣ опущенія опредѣляемаго слова не было, а между тѣмъ прилагательное стоитъ въ качествѣ существительнаго. Напр. загадка: «*Криво-лукаво! куда побѣжало?*» «*Стрижено-брито! **» тебѣ дѣла нѣту» (рѣка съ излуками и пойма).

а) Прежде всего въ качествѣ существ-хъ являются тѣ прилагательныя, которыя прилагаются преимущественно къ людямъ, не нуждаясь при этомъ въ опредѣляемыхъ словахъ и ихъ опущеніи; напр. «*многимъ* (=многамъ) и тымъчиныкомъ милостыню даяти» (Избор. 1073 г.); *родной-ая*; *понятной*, *молодые* (только что повѣчавшіеся), *верховой*, *пшій*. Особенно часто—въ пословицахъ: «*босъ* лантей не износить», *холоств* много мыслить, а *женатой* болѣ.»—Всякое прилагат. и причастіе, становясь собственнымъ, вмѣстѣ становится и существительнымъ: «Земной судейка *Постыль* Васильевъ... съ *Постыломъ* Десятовымъ» (163 г. А. до Ю. Б.). Ср. чешскія фамиліи на *l*.—Въ древ. рус. и ц.-сл. случаяхъ употребленія именъ прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ очень много. Напр. *Хоробръ* (храбръ) въ значеніи *удалецъ*, *богатырь*; «папы блаженный приде въ манастирь свой, яко *храбръ* сильнъ (=сильный богатырь), побѣдивъ злыя духы» (Жит. Феод.).—«*Ни хитру*, ни *юразду*... суда Б. не минути» (Сл. II. II) = ни *хитрецу*, ни *мудрецу*... Потебня думаетъ даже, что сущ. на *ицъ*, *ицъ* произведены не отъ прилагательныхъ, а прямо отъ существительныхъ же (Ср. далѣ III, 126—7), какъ напр. «бѣлъ молодецъ» отъ «бѣлъ молодецъ», гдѣ «молодь» есть не прилагательное, а существительное, къ которому присоединенъ суф. *ецъ* для того только, чтобы не смѣшивать суще-
57

*) По другому варианту: «*зслено-кудряво! тебя стеречи*». И. Б.

ствительныхъ съ прилагательными, обособившимися *потомъ* въ отдѣльную категорию *). [Ср. другія существительныя такого же образованія: *мѣзиньнѣ, правница, десница, шуйца*]. Поэтому Потебня отказывается отъ прежде высказаннаго мнѣнія, что будто бы въ примѣрахъ, какъ «*битый небитаю везеть*», подлежащее и дополненіе не становятся здѣсь существительными (I, 98, 99), а остаются де прилагательными.

б) Не предполагаютъ опущенія опредѣляемаго и существительныя изъ прилагательныхъ *сред. р. ед. ч.*, гдѣ средний родъ служить средствомъ обозначенія качества субстанціи. (Ср. выше III, 16). А такъ какъ субстанція есть или *лицо* (лицо), или *вещь* (вещь), то и существительныя изъ прилагательныхъ *сред. р.* означаютъ

или а) *лицо*: «*сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ*»; «не ровень *чортъ* навернется либо *старо* (суц.) одушливое, либо *младо* (суц.) педужливое»,

или б) *вещь* какъ чувственную, такъ и отвлеченную (дѣло, произведеніе, дѣйствіе). Напр. *озимое, яровое* (посѣвъ); *ѣсть мясное, рыбное,, молочное, постное*; зло, лихо. — «Сыскивать надъ нами всякаго *дурна*, буде что который насъ какое *дурно* учинить (1690 г. А. Ю); говорили про *жилое*, про *былое; постоялое; взятое, даное, приданое*. — Производныя существительныя отъ притяжательныхъ и относительныхъ прилагательныхъ: *мое, твое, свое, чужое, Божье* и нарѣчныя выраженія отъ нихъ: *по-моему, по-Божьему*, а также род. п. существительныхъ послѣ сравнит. ст.: «ѣль больше *нашего*» (=чѣмъ *мы*), «въ Едринополь поселянскаго народу больше *царьвядскова*» (Путеш. Лукъян.) — Сюда же относятся суц. ср. р. отъ прилагательныхъ относительныхъ на *вскъ, ѣв, овъ, ѣн* и отъ прич. прош. вр. страд. з. для обозначенія *должности, платы, подати, взысканія*: тысяцкое, подьянное, вѣзжее и пр

г) Такъ какъ субстанція съ значеніемъ *ничто* обозначаетъ еще *мысто, время* и *состояніе*, то употребляются и такія существительныя изъ прилагательныхъ *сред. рода* безъ подразумѣваемаго опредѣляемаго слова, какъ *жило, пусто*: «дано мнѣ на прожитокъ въ деревняхъ и въ пустошахъ, въ *жилѣ* и *пустѣ* 25 четвертей» (1680 г. А. до Ю. Б); *черно, бѣло* (на *черно, на бѣло*), до *суха*, «унивахуться до великаго *пьяна*», «умереть со *стуроена*» (1542 г. А. Пет.), *яро* (т. е. ярая вода, весна), *ведро, мокро* (мокрая вода). — Въ новомъ яз. нарѣчныя выраж: до—*сыта*, съ—*дуру*, с—*полна*, с—*перва*, в—*скорь*, до—*сею*, по—*долу*, по—*часту*. — Всѣ слав. нарѣчія на *о, е* (како, тако, мною, тихо) образовались изъ существительныхъ

*) Нужно помнитъ при этомъ, что, по Потебнѣ, образовались *прилагательныя* изъ существительныхъ, а не наоборотъ, и что превращеніе существительныхъ въ прилагательныя вызвано стремленіемъ языка устранить *двойственность* теченія мыслей въ сужденіи (Ср. далѣе III, 72, 73, 78—80; 130—131). И. Б.

сред. р. *вин.* п., представляя собою слѣды *объекта* (чего прежде Потебня не хотѣлъ признавать: ср. I, 121); въ примѣрахъ же, какъ «умъ—*хорошо*», (I, 108—110), «пьяный мужъ—*дурно*», нарѣчія образовались отъ надежа именительнаго.³⁵⁾

Числит. ср. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ.

65

б) Числительныя сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительнаго, переходящаго въ нарѣчіе, ставятся тогда, когда или считаемыя существительныя различного рода, или когда воля безразлична. Напр. «въѣхаша безъ вѣсти въ поганья, взяша 6 селъ, а *самое* городъ» Ипат.

Мѣст. *кое, которое, оное, иное* въ качествѣ союзныхъ и нарѣчій въ выраженіи

Сюда же слѣдуетъ отнести и употребленіе мѣстоименій *кое, которое, оное, иное* въ смыслѣ производныхъ частицъ нарѣчій и союзовъ.

66

Мѣст. *кое* въ сред. р. получаетъ разнообразныя значенія:

а) раздѣлительное *кое-кое* = то... то, одно... другое; напр. «*кое* (=то, одно) на колачи, *кое* (=то, другое) на хлѣбъ 25 рублевъ на одинъ день» Иск. I.—«И приближи тое силу великую, *кое* сами, *кое* кони топчуть».

б) При глаголахъ покоя (есть, находится) *кое* близко къ нарѣчію *мѣста* (*идѣ* и *куда*) и даже переходитъ въ нарѣчіе. Напр. «разбери, *кое* отроки и *кое* дѣвщици» (Палея 1494 г.).—«*Кое* (=гдѣ) ваши златыя шеломы» (Сл. о П. Иг.).

в) Къ пространственному значенію примыкаетъ *временное*: «когда», «пока», и удвоенное «кое-кое» съ значеніемъ «когда же наконецъ» или «изрѣдка», «кое-когда»: «Князь великой... уже стоялъ (подъ Новгородомъ) недѣли 3 и 4, а ждя отъ нихъ, *кое* ему челомъ добыють, а Новгородцы также дожидали, *кое-кое* отъ нихъ самъ прочь поидеть» Иск. I.—«*Кое* (пока) всталъ, *кое* умылся., анъ и развѣло».

г) Отъ временнаго «когда» *кое* переходитъ въ *условно-причинный* союзъ „если“, „такъ какъ“, „якъ“ (въ м.р. и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галаціи), а въ в.р.—къ значенію *изъянительн.* союза „что“: Маруся *як* (=если бы) нестояла в церкві, то ѿ небачила“ Квит.—„У тебя на твою землю крѣпость есть ли, *кое* (=что) онъ вашу землю нашеть“ А. Ю.—«Вилъ ли челомъ N и сказывалъ, *кое* купилъ у N полдеревни“ А. Ю.

д) Изъянительное „что“ предполагается значеніемъ „почему“: „*чмо* не ходишь“? „*кое* тебя долго не было?“ (кур. губ.).

е) Какъ соврем. в.р. *тъ-что* (нѣшто), такъ и старин. рус. *кое* въ значеніи „развѣ“? напр. „на немъ же цѣловалъ хрестъ и что к тобѣ реклъ, *кое* (развѣ) управилъ?“ Ипат.

³⁵⁾ Т. обр., Потебня, вопреки взглядамъ Буслаева и Миклошича (Ср. выше I, 109, 110), сказуемая «хорошо», «дурно» считаетъ еще нарѣчіями, но дальше (III, 456) признаетъ ихъ уже прилагательными и притомъ *субстантивированными*. И. Б.

ж) Наконецъ, для выраженія неопредѣленности въ современныхъ влрусскихъ говорахъ и литературномъ языкѣ „кое“ (кой) примыкаетъ къ нарѣчьямъ мѣста, времени и къ мѣстоим. „кто“, „что“: *кое-куда, кое-гдѣ, кое-когда, кое-кто, кое-что*; въ мдр. же яз. такіа сочетанія не обычны.

Которое могло употребляться въ смыслѣ раздѣлительномъ: одно... другое, то... то вмѣсто *кое-кое*; но кромѣ этого случая „которое“ ставилось и въ смыслѣ изъянительнаго союза, просоединяясь къ союзу *что*: „а *что* *которое* пѣмци пріяли (=захватили) послѣ Псковскаго... или *что* понимали нашихъ въ Колипиомѣ... а то все отпустиша во Псковъ“ Псков. I.

Ово: «*ово* ихъ измѣроша, а друзни разидошася» Новг. I. Отсюда союзъ раздѣлит. *ово—ово* (=кое—кое, то—то): «и тако же възгарахуся голубьшицы, *ово* влѣти, *ово* вѣжѣ, *ово* ли одрины» Лавр.

Иное: а) «бѣяше Новгородцевѣ мало... а меньшее они разидошася, а *иное* померло голодомъ» Новг. I.

б) *иное, ино* въ значеніи «шой разъ», «шю мѣсто» (о времени), «шю пору»: «а зимою соспу ѣли, а *иное* кобылятны Богъ дастъ» Новг. I

в) *иное... иное* = то... то: «*иное* въ церкви почую, *иное* къ воеводѣ уйду» Жит. прот. Авв.

Близость существительныхъ къ прилагательнымъ и указные выше случаи употребленія прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ даютъ поводъ думать, что существительныя происходятъ отъ прилагательныхъ. Однако *условія образования* существительныхъ отъ прилагательныхъ заставляютъ предполагать, что въ древнюю пору образовались не существительныя отъ прилагательныхъ, а наоборотъ—прилагательныя отъ существительныхъ. И дѣйствительно, когда мы употребляемъ, напр., прилагательное *бѣль* и хотимъ сообщить это знаніе другому, не понимающему русскаго яз., то мы указываемъ *лишь на вещь*, въ которой находитея качество бѣлости, и говоримъ «*бѣль!*». При этомъ иностранецъ въ первый мигъ приметъ это слово за названіе *и вещи, и ея качества вмѣстѣ*, а потомъ уже, когда даны будутъ ему сочетанія: *бумага бѣла, стѣна бѣла* и пр., онъ своимъ умомъ выдѣлитъ *прилаг. бѣль*, какъ названіе *только качества*. Такъ и въ исторіи языковъ, различающихъ названіе вещи и признака, прилагательное (какъ болѣе отвлеченное, чѣмъ существительное) *позднѣ* существительнаго и образовалось изъ него; или иначе говоря: существительное, какъ первоначальное *названіе известнаго признака вмѣстѣ съ субстанціей*, заключающей въ себѣ и *другіе признаки*, ближе къ чувственному образу и потому *первообразнѣе*, чѣмъ прилагательное, которое обозначаетъ признакъ *безъ определенной субстанціи*.

Важнѣе потреб-
ни на происхо-
жденіе прилагательныхъ отъ
существительныхъ въ болѣе
среднюю пору

70

71

72

73

Выдѣленіе извѣстнаго признака изъ существительнаго и происхожденіе прилагательныхъ.

74

Сопоставленіе суждений аналитическихъ и синтетическихъ съ предложеніями у Штейнтала.

Въ выраженіяхъ: «зеленая трава», «трава зелена» признакъ «зелень» мыслится нами въ словѣ «трава». Спрашивается, какъ же выдѣлился признакъ зелени въ атрибутъ и предикатъ, т. е., какъ произошло прилагательное?

Согласно съ сочиненіемъ своимъ «Мысль и языкъ» (Ж. М. П. Пр. 1862 г. и 2-ое изд. стр. 155-9), Потебня рѣшаетъ этотъ вопросъ черезъ сопоставленіе суждений и предложеній. Сужденія дѣлятся а) на *аналитическія*, въ которыхъ признакъ предиката мыслится и явственно повторяется *уже въ субъектѣ*, напр. «тѣло протяженно», «золото желто», и б) на *синтетическія*, въ коихъ предикатъ есть *нѣчто новое*, непосредственно немислимое въ субъектѣ, напр. «тѣла имѣютъ вѣсъ». Но и въ синтетическихъ сужденіяхъ признакъ предиката *тѣсно связанъ* съ субъектомъ и долженъ вытекать изъ содержанія субстанціи его, т. е. долженъ указывать на необходимость, въ силу которой предикатъ соединяется съ тѣмъ, а не другимъ субъектомъ.

На этомъ основаніи Штейнталь утверждаетъ, что сужденія, а рядомъ съ ними и *предложенія* не бываютъ сложены изъ *двухъ* понятій или представленій, отдѣльных для субъекта и предиката, а представляютъ, съ одной стороны, *одинъ чувственный образъ*, и это есть предложеніе, а съ другой—*разложеніе* этого образа, или *выдѣленіе изъ него одного извѣстнаго признака*, и это есть *сужденіе*. Выдѣленный признакъ мыслится въ качествѣ предиката, и субъектъ *въ моментъ сужденія* мыслится лишь какъ этотъ признакъ, такъ что изъ множества признаковъ субъекта вводится въ сознаніе *только одинъ*, вълѣдствіе чего субъектъ и предикатъ и представляются въ моментъ сужденія тождественными или равными другъ другу: «собака бѣжитъ» = «эта собака (субъектъ) есть *блуждающая* собака» (предикатъ).

75

Перенесеніе Потебней вопроса о выдѣленіи признака на почву логики.

Однако разсужденія эти не отвѣчаютъ еще на вопросъ: «какъ происходитъ выдѣленіе признака?» Но дѣло измѣняется, если вопросъ этотъ изъ области *логики* перенесемъ на почву *языка*, который показываетъ, что сочетаніе подлежащаго и сказуемаго, опредѣляемаго и опредѣленія *не тождественны*, какъ это бываетъ въ логическомъ сужденіи. Такъ, народныя поэтическія выраженія: «лицо бѣлый *снѣгъ*», «*ремень* человекъ», «дѣвчина *горлица*», «уроды, Боже, *серebro* стебло» и др. суть сужденія, вовсе не подходящія подъ формулу аналитич. сужденія «*a=a*» (субъектъ=предик.); выраженія эти не подходятъ и подъ формулу синтетическаго сужденія, которое изъ множества признаковъ субъекта выбираетъ только одинъ для предиката: «*A* (равное *a+b+v+r*) есть *a*», т. е., одинъ изъ всѣхъ признаковъ, составляющихъ содержаніе субъекта. „Если имя поставлено какъ предикатъ или опредѣленіе,

76

гов. Пауль, то оно уже не можетъ быть именемъ *вещи* и съ этой точки зрѣнія предикативное и атрибутивное имя становится *прилагательнымъ*. Ипнѣшняя разница между существительнымъ и прилагательнымъ могла возникнуть лишь такъ, что одна часть именъ стала употребляться преимущественно для означенія вещей, а другая для обозначенія качествъ. Когда же къ этому прибавилось *формальное различеніе* (существительныхъ и прилагательныхъ), тогда различеніе существительнаго и прилагательнаго совершилось⁷⁵. Такого же мнѣнія и М. Мюллеръ: по его словамъ, стоитъ только употребить существительное адъективно, и существительное можетъ быть замѣнено прилагательнымъ; вмѣсто homo м. б. поставлено humanus. Так. обр., путь отъ существительнаго къ прилагательному, по мнѣнію Пауля и Мюллера, есть атрибутивное употребленіе существительнаго: достаточно употребить существительное атрибутивно, и мы отвлекаемся отъ всѣхъ признаковъ обозначаемой имъ вещи, кромѣ одного, обозначаемаго атрибутомъ; но *откуда самое стремленіе* превратить существительное въ прилагательное—этотъ вопросъ все-таки не разрѣшается мнѣніями Пауля и Мюллера.

Взглядъ Пауля и М. Мюллера на происхожденіе прилагательныхъ, какъ атрибутовъ.

Съ точки зрѣнія *языка*, въ сужденіи «трава зелена» или «зеленая трава» можно усматривать разложеніе единства слова «трава» лишь подъ тѣмъ условіемъ, что качество «зелена» дано намъ *готовымъ*, а не выдѣлено изъ существительнаго „трава“, и, слѣдов., словесное выраженіе указываетъ собственно *не на выдѣленіе* признака изъ чувственнаго образа, а на *слияніе* въ сужденіи *двухъ* единствъ, двухъ чувственныхъ образовъ: „трава“ и „зеленость“, какъ это бываетъ въ предложеніяхъ, выраженныхъ посредствомъ *сравненія*: „кремень-человѣкъ“, „лицо-бѣлый снѣгъ“, ибо въ первоначальномъ языкѣ всякое прозаическое безобразное выраженіе, какъ „трава зелена“, и *со стороны своего атрибута* бываетъ поэтическимъ, образнымъ (Ср. „Мысль и яз.“ Ж. М. Н. Пр. 1862 г., стр. 133; 2-ое изд. стр. 158).

Появленіе Потебней этого взгляда на основаніи языка различнаго.

Сліяніе въ сужденіяхъ *двухъ* единствъ и влѣкающая отсюда *обобщеніе* мысли.

Для всякаго сравненія двухъ понятій или образовъ долженъ быть *общій признакъ* или основаніе; такой же общій признакъ долженъ быть и между подлежащимъ А и сказуемымъ или атрибутомъ Б. Первоначально различіе образовъ подлежащаго и сказуемаго сознается *явственно*, а общій ихъ признакъ мыслится безотчѣтно; отсюда—отсутствіе сосредоточенности мысли въ предложеніи. Но если образъ Б часто приписывается другому образу *на основаніи одного и то же общаго признака*, то признакъ этотъ *выдвигается* въ образѣ Б между другими его признаками и дѣлаетъ образъ Б *качественнымъ*, хотя и не превращаетъ его еще въ прилагательное.

80 Устраненъ в слов-
двойственности
превращеніемъ
существительна-
го въ прилага-
тельное.

Для превращенія же такого качественного образа Б изъ существительнаго въ прилагательное нужно *стремленіе къ устраненію двойственности субстанціи въ сужденіи*, или, говоря другими словами, *стремленіе языка превратить существительное въ прилагательное* вызывается *стремленіемъ устранить двойственность течения мыслей въ сужденіи*.

Отсюда, наоборотъ, возвести первообразное прилагательное къ первообразному существительному значить указать *весь кругъ признаковъ*, изъ которыхъ первоначально взять одинъ только признакъ, оставшіяся въ прилагательномъ, какъ основаніе сравненія при сочетаніи въ предложеніи двухъ самостоятельно сложившихся чувственныхъ образовъ—подлежащаго и предиката атрибута. Такъ, прилагательныя, служація названіемъ цвѣтовъ, и теперь еще явственно указываютъ на чувственные образы, изъ которыхъ выдѣлешь былъ первоначально признакъ, вошедшій въ прилагательное: *ю-любой* есть цвѣтъ *юлюбя* (т. е. первоначально *сизый*); *зеленъ* есть цвѣтъ растенія, *зелья*; греч. *χλωερός, χλωρός* зеленый отъ сущ. *χλωή, χλωος* зелень; *малиновый* (отъ малина), *брусничный, вишневый, багряный—пурпуровый* (*πορφύρεος* отъ *πορφύρα* улитка багрянца). И пока атрибутъ въ видѣ *существительнаго* мыслится, какъ *совокупность признаковъ*, до тѣхъ поръ и основаніи для присоединенія его къ опредѣляемому можетъ быть столько же, сколько въ немъ мыслится признаковъ; напр. «вода-малина» можетъ значить вода, какъ малина по *цвѣту*, по *вкусу* ягоды, по *близости* къ водѣ малиника (Ср. у Тургенева «Малиновая вода»), и т. д. По этой же причинѣ многозначность можетъ быть и въ атрибутахъ, выраженныхъ *прилагательнымъ*, образованнымъ отъ первообразнаго существительнаго, указывая тѣмъ самымъ на ту эпоху, когда еще первообразное *существительное* присоединялось къ опредѣляемому для показанія множества признаковъ, составляющихъ содержаніе опредѣляемаго существительнаго. Напр., какъ «*кремень* человѣкъ», такъ и прилагательное серб. «*кричавъ* (човѣкъ)» могутъ означать човѣка и *стойкаго* по характеру, и *жестокаго*, и *скупого*.

IV.

Согласованіе прилагательныхъ.

81 Наибольшій со-
мнѣнъ между при-
лагательныхъ по
сравненію съ су-
ществительными
и глаголами.

Прилагательное въ славянскихъ языкахъ есть часть рѣчи наиболѣе согласуемая, и въ то вр. какъ личный глаголь согласуется со своимъ подлежащимъ въ лицѣ и числѣ, а существительное атрибутивное—почти исключительно въ падежѣ со своимъ опредѣляемымъ,—прилагательное же и причастіе согласуются съ существительнымъ и въ падежѣ, и въ родѣ, и въ числѣ. Изъ всѣхъ трехъ видовъ согласованія прилагательныхъ особенно нуждается въ объясненіи

согласованіе въ родѣ, такъ какъ «грамматическій родъ, пошедшій отъ пола^{*)}, переносится на имена вещей, а не ихъ свойствъ», обозначаемыхъ прилагательными.

Какъ же понимать въ славянскихъ языкахъ согласованіе прилагательнаго въ родѣ?—Поттъ думаетъ, что посредствомъ однородныхъ окончаній атрибута и субстантива языкъ стремится «решовать и мысли, изобразить *единство* прилагательнаго и существительнаго, при ихъ поляриной противоположности въ другихъ отношеніяхъ», а по мнѣнію Штейнталя, мѣстоименіе указательное, служившее сначала для различенія рода, «было употреблено затѣмъ для обозначенія *атрибутивности* и присоединено къ имени какъ существительному, такъ и прилагательному» (Микл. IV, 20). Почему же, однако, обозначеніе рода мѣстоименіемъ указательнымъ стало прилагаться *одинаково* какъ къ существительному, такъ и къ прилагательному?

Различіе между существительнымъ и прилагательнымъ, какъ извѣстно, не исконно. Мы уже видѣли, что прилагательныя возникли изъ существительныхъ (Ср. III, 72 и слѣд.), и было время, когда *свойство* мыслилось только конкретно, какъ вещь (Ср. выше III, 17 и слѣд.). Въ это-то время, т. е., когда прилагательнаго еще не было, и явилось въ индо-европейскихъ языкахъ обозначеніе грамматическаго рода. А такъ какъ прилагательныя долгое время и послѣ возникновенія «сохраняли слѣды своего происхожденія^{**)}», то родъ ихъ, естественно, обозначался такъ же, какъ и въ существительныхъ. Къ этому же давнему времени относится возникновеніе согласованія прилагательныхъ съ определяемыми существительными и въ числѣ и падежѣ. Т. обр., вопросъ о согласованіи прилагательныхъ съ существительными въ родѣ сводится къ вопросу о согласованіи атрибутивно-предикативныхъ существительныхъ съ другими существительными, а не прилагательными. Такое согласованіе въ родѣ вполне очевидно: въ рус. яз. «сынъ *одинецъ*», «дочка *одиница*»; случай же несогласованія въ родѣ, какъ «пиръ-радость», «бѣлаходокъ», суть явленія *непервообразныя*, какъ и несогласованіе прилагательнаго съ первоначальнымъ родомъ существительнаго: «нашъ воевода» изъ «наша воевода».

Кромѣ согласованія въ родѣ, замѣтно согласованіе существительныхъ и прилагательныхъ и въ *представленіи*, куда, согласно съ Бул. (Гр. § 63), относятся, между прочимъ, имена уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя и уничижительныя.

Согласованіе въ степени уменьшительности и рѣже увеличительности нѣсколько походитъ на согласованіе въ родѣ, но такое согласованіе не обязательно, такъ что уменьшительность, ласкательность не-

^{*)} Срав. далѣе III, 588 и слѣд. И. Б.

^{**)} т. е. признакъ въ нихъ мыслился конкретно, какъ вещь. И. Б.

Объясненіе согласованія прилагательныхъ въ родѣ.

рѣдко выражается *только въ опредѣляемомъ существительномъ*, а въ прилагательномъ *нѣтъ*; напр. родной *батюшка*, милая *подруженьки*; млр. рідный *батенько*, білое *деревице*, бістра *рѣченка*. Но рядомъ съ этимъ употребляются и «*рѣченка бистренька*», «*ко соикъ кашоуенькой*.»—[Въ литов. и латыш. языкахъ развиты ласкательныя формы *существительныхъ*, а ласкательныя прилагательныя крайне ограничены]. Есть уменьшительныя формы прилагательныхъ и сравн. ст. въ в.р. и млр. яз: старшенькій, меньшенькій.— Стремленіе къ такому согласованію уменьшительности и ласкательности существительныхъ и прилагательныхъ можетъ, впрочемъ, задерживаться размѣромъ стиха народной рѣчи, не выходящаго болѣе длиннаго уменьшительнаго прилагательнаго.—Въ русскихъ престоуародныхъ говорахъ ласкательныя формы распространяются даже на слова *инфинитивнаго* значенія (Ср. «Значенія мпоз. ч.» стр. 71—2) и *междометія* (Бул. § 63, пр. 7): спатеньки, асинька, ахти мнѣченки и др.

Итакъ, согласованіе въ *представленіи* состоитъ въ томъ, что настропіе лица, выражающееся въ ласкательной формѣ *имени вещи*, распространяется въ известной мѣрѣ и на ея *качества* или *дѣйствія*, а также и другія вещи, находящіяся съ нею въ связи. На этомъ основаніи, если обращаются, напр., къ высшему лицу, уменьшая свое имя, то уменьшается и все, принадлежащее низшему: „Бють челомъ дворяне и дѣти боярскіе Вотикіе въ X и N погостѣхъ... Били, государи, челомъ вамъ государемъ... Василей Левинъ на наши *погостишка*... и Петръ *крестьянишекъ* напихъ не избѣхалъ... и онъ сказалъ, будтося наши *крестьянишка* не послушали...“ А. Ю. 1611 г. Но въ наибольшей мѣрѣ такое согласованіе сказывается въ отношеніи *аттрибутивномъ*, при чемъ какъ прилагательныя аттрибутивныя, какъ видѣли, не всегда слѣдуютъ «согласованію въ представленіи», такъ точно то же бываетъ и съ *существительными аттрибутивными*; напр. «*батеньку цвисте*», но «*дівчино серденько*», «*синоньку Ивашечку*», «*Марусеньку спроточка*», «*вишеньки—черешеньки*» и т. п.—[То же замѣчается и въ Литов.—латыш. яз].

Подобно тому какъ ласкательность переходитъ на слова *инфинитивнаго* характера, такъ точно сказывается она и въ уменьшительныхъ нарѣчіяхъ: „*прилетіла та тетеречка*, *прилетіла та теперичка сіла-пала на виконечку*, *иптается на здоровьячко*.—Части тѣла, платье и проч. изображаются соответственно *возврѣнію* на лицо: «*Як ийдемю у долину да вирвемо лопушину да пошимъ жууанину*»;—„*Ногаечка дротяенька*, а и *молоденька*»;—„*пшов дідице та на базарице*“; „*поіхав дідочок рано на торжочокъ*“; „*волчице—сѣрое хвостиче*“; „*ай же старчицо да перегримицо*“; „*какъ бывала тутъ коровица обжорица*“ и проч.

Распространеніе уменьшительности на слова *инфинитивнаго* характера, на нарѣчія, также на части тѣла, платье и проч. соответственно *возврѣнію* на лицо.

Общій выводъ изъ рассмотрѣнннхъ согласованнхъ существительныхъ и прилагательныхъ можетъ быть слѣдующнй *):

1) родъ въ прилагательномъ сохранился отъ того времени, когда прилагательное было еще существительнымъ:

2) въ зависимости отъ этого въ славянскихъ языкахъ прилагательное не отличается отъ существительныхъ согласованнхъ *въ родъ*, ибо въ немъ согласуются очень часто и существительныя между собою: „свѣць жеребень:“ „жеребнца свнща,“ „дѣвка шншкарка, дѣвка-шншкарча“;

3) съ согласованнхъ въ родъ сходно „согласованнхъ въ представленнхъ,“ и такое согласованнхъ прилагательнаго съ существительнымъ идетъ отъ согласованнхъ *существительнаго съ существительнымъ же*, какъ и уменьшительныя суффиксы прилагательныхъ первоначально принадлежали существительнымъ:

4) что касается согласованнхъ атрибута *въ числь* и *падежь*, то оно также должно быть отнесено къ тому еще времени, которое предшествовало образованнхъ прилагательнаго отъ существительнаго:

5) наконецъ, изъ согласованнхъ „по представленнхъ“ можно видѣть, что согласованнхъ вообще не есть *только внѣшнее средство* для того, чтобы относить опредѣлительное слово къ опредѣляемому; напротивъ, удобовольствнхъ опредѣлительнаго опредѣляемому вызывается *внутреннимъ подобнхъ* ихъ между собою. На почвѣ мнѣнческаго мышленнхъ опредѣлительное и опредѣляемое это—душа и одушевляемое ею тѣло.

V.

Происхожденнхъ разрядовъ существительнаго.

Если *verba finita* служатъ исключительно для выраженнхъ предикативности, то существительныя должны бы быть только подлежащимъ и дополненнхъ; на дѣлѣ, однако, они сохраняютъ, какъ видѣли, большую или меньшую атрибутивность и извѣстную степень приближеннхъ къ предикативности (Ср. III, 351 и слѣд). Уже во 2-й ч. (стр. 88) высказано было, что первобытное имя ближе всего подходило къ причастнхъ съ именнымъ и глагольнымъ признакомъ, а теперь можно прибавить, что оно подходило къ причастнхъ *не прилагательному* (позднѣйшему), а къ причастнхъ *существительному* (первообразному), съ опредѣленною субстанцнхъ и признакомъ, *производимымъ* этой субстанцнхъ, словомъ—первобытное имя, предшествовавшее выдѣленнхъ или обособленнхъ прилагательнаго, было *именемъ дѣйствующаго лица*, *потен agentis*, а прочнхъ разряды существительнаго: имена *оруднхъ* (*instr.*), *дѣйствнхъ* (*actionis*), *произведеннхъ* (*acti*),

101

Nomina agentis, какъ первобытныя существительныя.

102

*) Распределеннхъ этого вывода по пунктамъ принадлежитъ мнѣ. И. Б.

мѣста и времени (п. loci) нужно считать производными. Доказательства этому слѣдующія:

163 а) прилаг. качественное, совпадающее по формѣ своей съ существительнымъ (III, 45), ближе по значенію къ ном. agentis, чѣмъ къ другимъ: напр. *ста-ръ* (кор. *sta*)—стоячій, вѣроятно, сначала въ примѣненіи къ стоячему дереву, т. е. высокому, крѣпкому, многолѣтнему. Цсл. *тыскъ*—тѣсный, собств. *тысящій*. И *старъ*, и *тыскъ* значать первоначально: „производящій въ себѣ такое-то качество“, „носитель, обладатель качества“.

б) „Въ существительномъ изъ значенія ном. agentis удобно выводятся прочіе разряды, но не наоборотъ“, а именно.

Имена *орудія*; напр. *косарь*—тотъ, кто косить, и родъ большого ножа (instr.); въ древ. же времена у славянскихъ и многихъ другихъ народовъ смотрѣли на нѣкоторыя орудія (мечи, сабли), какъ на существа вполне чело-
101 вѣкообразныя и способныя носить собственыя личныя имена.

Имена *дѣйствія* (п. actionis) и качества „первоначально вполнѣ субстанціальны, т. е., предполагаютъ *дѣйствительную* субстанцію. Поэтому разница между ними и именами дѣйствителя должна по направленію къ прошедшему сводиться на нѣтъ“^{*)}.

Имена *произведенія* (п. acti) также „могутъ непосредственно примыкать къ ном. agentis. Такъ, если, по повѣрьямъ, *кладъ* самъ выходитъ и уходитъ“, то въ первоначальномъ образованіи „кладъ“ могло значить: *самъ себя положилъ*, т. е., могло быть ном. agentis. Особенно же номіна acti сближаются съ ном. agentis чрезъ посредство именъ дѣйствія: *кладъ* сперва кладеніе (ном. actionis), а потомъ—то, что кладется.

165 Имена *мѣста* или связываются съ ном. agentis тоже чрезъ ном. actionis, напр. *владѣніе*, *имѣніе*, *уездъ* и др., или же прямо мѣсту, какъ дѣйствующему лицу, приписывается дѣйствіе, которое въ немъ совершается; напр. *прихожая* (комната) (Ср. II, 236).

106 Другіе примѣры на то, что многія имена сущ. съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ имѣютъ нѣсколько значеній: *крѣпость* (ном. acti и actionis: закрѣпленіе, кунчая крѣпость); *скотскій выпускъ* (п. actionis и loci), *писаніе* (п. actionis и acti), *дача*, *строеніе* (п. actionis и acti), *покушка*—дѣйствіе и вещь, *посылка*—дѣйствіе и вещь, *грабежь*—дѣйствіе и результатъ: награбленное („Татарове еша на костѣхъ, полонъ весь и *грабежь* (=награбленное) ту оставиша“), *татѣба*—дѣйствіе и результатъ („гдѣ есте ту *татѣбу* дѣла?—Ту есмь *татѣбу* потеряли“ А. Юр.), и проч.

107 Хотя грамматич. родъ и влияетъ на разграниченіе этихъ разрядовъ су-

*) т. е. имена дѣйствія и качества въ древѣйшую эпоху представлялись не только дѣйствительно субстанціальными, но и дѣйствующими лицами. (Срав. выше III, 19). И. Б.

существительнаго, но и помимо вліянія рода можно видѣть образованіе этихъ разрядовъ съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, имѣющимъ многія значенія. Разсмотримъ, напр., существительныя съ суф. *ъ* (тема *a*), *ь* (тема *ja*).

Простыя имена съ этими суфф. по преимуществу суть номіна *actionis*; напр. *грай* (птичій говоръ), *строй* (устройство), *вѣдъ* (вѣдѣніе), *видъ* (зрѣніе), *слухъ* (слушаніе), *иноусъ* (отвращеніе), *мѣлзъ* (волненіе), *рѣмъ* (поруганіе), *май*, *варъ* (жаръ), *иной* (гниеніе и навозъ), *ломъ* (копійный), *водъ* (воженіе), *родъ* (рожденіе, происхожденіе), *ловъ*, *моръ*, *боръ* (собираніе), *бредъ*, *бытъ*, *громъ* (гремяніе), *звонъ*, *пискъ*, *свистъ*, *гамъ*, *скрипъ*, *крикъ*, *зыкъ*, *фыкъ*, *толкъ* и др. Но отъ глубокой древности и донынѣ есть имена на *ъ*, которыя означаютъ *лицъ дѣйствующихъ*, переходящихъ въ значеніе *орудій*, какъ *дѣйствователей*, при чемъ нерѣдко совмѣщается и значеніе *дѣйствія* и *произведенія*. Напр. *Богъ* съ др. лиц. — распредѣлитель, податель. *Сокъ* — слѣдящій (за звѣремъ), юрид. обвинитель; другое *сокъ* — клей, вытекающій изъ дерева при глаг. *сякнути*. *Бай* (красно-бай) — рассказчикъ. *Родъ*: а) собств. родящій, *ближайшій родственникъ*: „вы пѣста князя, ин рода (им. дв.) князя“ Лавр; *привидѣніе*, *духъ родственника*: „дѣти бѣгаютъ *рода*“ Дап. Зат.; м. б., мнѣстечскій *Родъ*, какъ родоначальникъ; *родъ* какъ *fatum* (Шест. 142); б) собир. *gens*: „вѣста родъ на родъ“ Лавр. в) *родъ* — рожденіе: ном. *actionis*. *Рой* соб. летящій (ср. птица рѣзетъ) и *conventus*: ном. *actionis*. *Вой* — *bellator*, какъ ном. *agentis* — гонящій (погоня) отъ *ви* — гнать: Микл. *Бой*: а) ном. *instrum.*: цел. *бичъ*, влр: то, чѣмъ бьютъ, уменьш. *бойкъ* (битокъ въ бабкахъ); рыло свинное. б) ном. *actionis*: бѣненіе, битва; бой часовъ. в) ном. *acti* изъ ном. *actionis* съ переходомъ въ страд. значеніе: ломъ (чугунный). г) *loci*: бойница; лавка на бою — на бойкомъ мѣстѣ. *Ный* (ковать): н. *instr.*: молотъ (кующій, бьющій) Избор. 1073; *кй* — биллиардный. *Ломъ* а) *instr.*: желѣз. рычагъ, б) н. *actionis*: ломъ въ костяхъ. в) н. *acti*: буреломъ, поломан. вещи. *Ковъ*, а) н. *actionis*: *insidiae*, б) н. *acti*: металлъ, который куется. *Ровъ* — н. *acti*, а ном. *ag.* и *actionis* отсутствуетъ. *Ръвъ* — н. *acti* стар. рус. видъ процентовъ (ср. сущ. наставъ, присонъ, накладъ, ростъ, насътъ) отъ гл. рѣзать: то, что прирѣзано (ср. *рубъ* отъ гл. рубить, *кусъ* отъ кусать). *Звъ*: а) н. *ag.* отсутствуетъ, б) н. *instr.*: часть, какъ зіяющая, в) н. *actionis*: зіяніе. *Свъ* цел. *instr.* сосокъ; н. *actionis* только въ сложн.: „въ засосѣ“. *Сконъ* а) н. *agentis*: скаковой конь (Ип. 289). б) *instr.*: въ польск. ноги (охотника); в) *actionis* — скачекъ, прыжекъ, г) *loci* въ серб. *salus aquae*: Скакавац, Скоковац — соб. имя водопадовъ. *Твъ* а) н. *ag.* — переводчикъ, б) н. *actionis* — толкованіе. *Ствъ* н. *ag.*: „сама *стида* полюбила“. *Гнусъ* а) н. *ag.* (*гнусъ* — гадкое насѣкомое), б) н. *actionis*: „до *гнуса*“ — до отвращенія (Шест.). *Плутъ* н. *ag.*: плутующій. *Трвъ* а) н. *ag.*: робкій человекъ, б) н.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

action. трясение. *Блѣдъ* а) п. actionis отъ п. acti: блудодеяніе; пол. ошибка; б) п. loci: цел. Ipanar. *Ходъ* а) п. ag. въ собственныхъ именахъ: Ходь, Ходько, Ходкевичь, б) п. actionis: хождение, в) п. loci: ходъ (лѣстница) въ подполье. *Громъ*—п. ag. Царь Громъ (мнѣч.) и п. actionis. *Звонъ*—п. instr. колоколь (мр.), п. actionis и п. temporis: «въ самый звонъ церковный». *Гѣдъ* п. ag.—музыкантъ, п. instr.—гудокъ. *Пискъ* а) п. ag.—трубачь (цел.), б) п. instr.—цел. труба (tibia). *Свистъ* п. ag. отсѣтываетъ; отъ instr.—вар. свистокъ*).—Личныя прозвища дѣтей по крику и шуму и происшедшія отсюда соб. имена должны быть производимы отъ nom. agentis, а не actionis: *Гамовъ* сынъ *Тыртовъ*, *Скрыповъ*, *Рюма*, *Рыковъ* (уменьш. *Рычко*, отс. *Рычковъ*) и др. *Перепелъ*, вм. переперь, отъ гл. «прати» съ значеніемъ не «летать (volare)», какъ думаетъ Миклош., а «бить»: брякъ перепеловъ называется охотниками *бой*.

Отношеніе значеній въ именахъ на *ъ* сложныя съ предлогами. *Разбой*: а) п. ag. разбойникъ: «ихъ разбой разбили». Это значеніе суц-го *разбой* предполагать и въ простомъ *бой* (стр. 110) п. ag., безъ котораго не возникло бы въ *бой* значеніе instr.; изъ единичнаго ag. *разбой*—собират. *разбойники*. б) п. action. «на *разбой* ити». в) п. acti: «сталь онъ... отъ Кучюмова *побой* въ дву дщицахъ» А. Ист. г) loci—серб. мѣсто, гдѣ происходила *разбой*. *Пропой* а) п. ag: пропоець; пѣшца, б) п. action: актъ свадьбы прошивать невѣсту. в) temporis—время, когда бываетъ пропой. *Перескнокъ* а) п. ag. др. рус: перебѣжчикъ; б) теперь только п. action. и acti. Ср. дрб. *ускок*, цел. *убыгъ* *φουγας*, цел. *ушидъ*, *ушидъ* fugax.—Рус: *супругъ*, приставъ, *неслухъ*, *послухъ*, *неукъ*, *пророкъ*, *поваръ*, *спасъ*; *поводъ* п. agentis—польск. истецъ, п. action—побужденіе, п. instr.—конскій поводъ: *ухватъ* п. ag.—ухорь, п. instr.—рочагъ.

Цел. и др. рус. имена actionis на *ъ* вм. позднѣвшихъ на *іе*, *іи*. Въ *цслав.* сложныя съ предл. п. actionis на *ъ* отчасти замѣнившіяся позднѣ именами на *іе* (tie): *пръзоръ* гордость, *прълогъ* переложеніе, *пръстѣпъ* преступленіе, *сѣкоупъ* совокупленіе; *пѣхотъ* похотѣніе, *вѣскоуръ* испареніе, *вѣсходъ*, *вѣзводъ*, *расходъ*, *сѣлогъ* (сложеніе), *постигъ* (—женіе), *наоукъ* (наученіе), *вѣзвратъ*, *превратъ*, *застоупъ* (—пленіе), *оуіасъ* (—шеніе), *вѣспаръ* (—еніе), *вѣскоуръ*, *окоусъ* (—искушеніе), *отпадъ*, *сѣмьсѣ*, *видъ*—зрѣніе, *обѣухъ* (—аніе), *слоухъ*, *прикосъ* (прикосновеніе), *вѣкоусъ*, *проповѣдъ*, *проуставъ* (проуставленіе); *постьхъ*, *почьтѣ*, *подрагъ* (подраженіе), *вѣздразъ* (τρῶπιον) и др. (См. у I. Эвз. Болг.).—Когда эти имена имѣютъ значеніе и agentis, и actionis, тогда они въ качествѣ атрибута при конкретномъ существительномъ могутъ производить двѣмысленность: «Богъ *спасъ* нашъ» и Спаситель. и спасеніе.

*) п. actionis—свистѣніе у Потебни почему-то опущено. И. Б.

Въ др.-рус. яз. имена actionis на *ъ* часто вм. *іе*: *подземъ* (подыманіе), *сыскъ*, *опытъ* (испытаніе), *указъ*, *отпускъ*, *подмогъ*, *подносъ* (подношеніе), *поворотъ* (возвращеніе), *излюбъ* (избраніе, приговоръ), *изволъ* (—леніе), *розрубъ*, *розрубникъ* (запись о распредѣленіи податей). 118

Имена на **ннѣ**, **тнѣ** суть только имена дѣйствія, по преимуществу длительного, и очень рѣдко переходятъ въ имена лицъ и конкретныхъ вещей, а потому заключаютъ въ себѣ субстанціи чисто фививныя, напр. *зрѣннѣ*, *обоняннѣ* и проч. тогда какъ имена на *ъ* означаютъ сносности, какъ *дѣятелей* или *орудія*: *видъ* (чувство зрѣнія), *обоухъ* (чувство обонянія).—Точно также: *засовъ*, *совокъ*, *насосъ*, *запоръ* и т. п. суть конкретныя вещи, орудія; *выонъ*, *подгыздъ*, *нарывъ*, *напывъ*, и проч. суть мѣста и вещи, а *сованье*, *засовыванье*, *сосаніе*, *запираніе*—только дѣйствіе; *убой*, *цловъ*, *недородъ*, *посъвъ*, *нажинъ* суть *результаты дѣйствія*. Согласно съ Бусл. (Гр. § 59, пр. 1), Потебня заключаетъ, что имена на *ъ* въ др.-рус. языкѣ и въ просторѣчій, кромѣ конкретности, обозначаютъ еще *однократность*, имена же на *нѣ*, *тнѣ* отличаются большею отвлеченностью и *длительностью* дѣйствія: услышать *крикъ* и *кричаніе*, *выстрѣлъ* и *стрѣляніе*. 119

Имена на **омъ** (ьтъ), **емъ** (ьтъ) большею частію происходятъ отъ корней, означающихъ *звукъ*, и по преимуществу суть ном. actionis: *ропотъ*, *топотъ*, *хохотъ*, *лещеть*, *скрежетъ*; однако есть между ними и п. agentis, не всегда, впрочемъ, происходящія отъ корней, означающихъ звуки; напр. *живомъ*, какъ п. ag.—*скотъ*, животное и *желудокъ*, какъ живущее или то, чѣмъ живутъ; по общеслав. *живомъ*—vita есть п. actionis.—*Возъ*—ном. agentis и actionis, *крячетъ*, *чечетъ* (чечетра), *кокотъ* (*кочетъ*) суть п. agentis; *трепетъ* (крыльевъ), *стрепетъ* (шумъ при полетѣ)—ном. actionis; *хоботъ*—хвостъ, какъ качающійся, всяпцій; *грозотъ*—п. actionis и agentis (большое рѣшето). 120

Имена съ суф. **ота** ж. р. а) отъ глаголовъ: *икота*, *рвота*, *ломота*, *клевета*, б) отъ существительнаго: *красота*, *срамота*, в) отъ прилаг. *доброта*, *пелота*.—Лица: *спрота*, *юнота*. Въ млр. *собирательное*—дѣвота, бѣдота, въ варус: *пѣхота*, *голата*. 121

Имена муж. р. на **ежь**: *грабежь*, *дѣлежь*—въ ц.-слав. и влр. суть п. actionis, но въ серб. и хорутан. есть и п. agentis.—Рус. *собирает*. на *ежь жжен. р.*, по въ областныхъ говорахъ (по искаженію?); употребляются и въ муж. р: «молодежь—не хорошъ». 122

Сравнивая имена на *ъ* простыя (ловъ) и предложныя (у-ловъ) со сложными изъ двухъ *словъ* (звѣро-ловъ), можно замѣтить, что первыя изъ нихъ (простыя и предложныя) большею частью бывають именами actionis, т. е. съ мнимой субстанціей, а вторыя—съ 123

Образцы сложныхъ именъ agentis.

субстанціей дѣятельности, т. е. именами *agentis* и рѣже *instr.* Имена сложныя изъ двухъ словъ бывають нѣсколькихъ образцовъ:

1. Одни изъ нихъ таковы, что первый членъ соответствуетъ винительному и род. падежу при глаголь или причастіи: *звѣроловъ*, *звѣробой*, *сѣноной* (дождь, іюнящій сѣно), *листоной* (ли. октябрь), *ледоколъ*, *мукомолъ*, *вѣтрогонъ*, *медоваръ*, *шаповаль*, *коноваль*, *конокрадъ*, *волкодавъ*, *мухоморъ*, *живодеръ*, *рукотеръ* (ручникъ), *жиломутъ* (соб. тянущій жилы, мучитель скотныи; названіе моста въ 1 Новг. л.) и проч. Рѣже такія имена означаютъ дѣйствіе, время и иногда мѣсто: *мясоудъ*, *сѣнокосъ*, *сѣновзѣръ* (Даль), *сѣноваль*.

2. Ко 2-му образцу относятся такія имена, въ которыхъ первый членъ соответствуетъ или опредѣлительному прилагательному при существительномъ, или нарѣчію при глаголь и причастіи. Напр. *Скороходъ* (или скорый ходъ, или скоро ходящій), *краснобай*, *пустограй*, *пустомолъ*, *пустомядъ*, *лиходый*, *дармоудъ*, *кривосудъ* и др.

3. Ко 3-му образцу относятся имена сложныя съ *самъ* (сѣдши), при разложеніи которыхъ первый членъ или является подлежащимъ, если второй членъ принимать за глаголь (самодуръ), или — предикативнымъ атрибутомъ, если второй членъ разсматривать какъ причастіе или прилагательное (самосѣвъ — самъ сѣющійся). Эти имена большею частью суть ном. *agentis*: *самоборъ* (бѣцъ), *единоборъ* (бѣцъ), *самобызъ* — *ходъ* — *варъ* — *стрѣль*, *самоудъ*, *самодуръ*, *самокатъ*, *самородъ* (окъ), — *хвалъ*, — *текъ*, *самоукъ*, и рѣже н. *actionis*: *самоионъ*, *самоплавъ*, *самосудъ*. Сюда же къ ном. *agentis* отнести Потебня и слова *самодержецъ*, *самовидецъ*, серб. *самородица*, которыя Миклошичъ причисляетъ къ предыдущему разряду.

4. Ко 4-му разряду образцовъ Потебня относитъ тѣ сложныя имена, при разложеніи которыхъ первый членъ (не мѣст. *самъ*) соответствуетъ тоже подлежащему, а не дополненію или опредѣленію, какъ въ 1-мъ и 2-мъ видѣ образцовъ. Имена эти суть ном. *actionis*, а отсюда — *loci* и *temporis*: *листопадъ*, *воронограй*, *солнопекъ*, *водопадъ* (*actionis* и *loci*), *окомизъ* (Микл.), *ледоплавъ*, *рѣкоставъ* — время замерзанія рѣкъ, по «рѣкоставъ» — сѣв. вѣтеръ, останавливающій рѣки, есть н. *agentis*. Такимъ же обр. различаются и простыя: а) *ставъ*, *станъ* съ переход. значеніемъ: «стоящій, ставимый» и б) *ставъ*, какъ ставящій, останавливающій: *ставъ мельничный*, заграда, насыпь, а также исл. и др. -рус. *ставъ* — *суставъ* (связывающій).

Подтвержденіемъ первообразности значенія существительныхъ *agentis* въ именахъ на *ъ* можетъ служить значеніе же *agentis* производныхъ отъ нихъ именъ съ суф. *ыць*, *ынь*, *ынь*, *онъ*, *онъ* (=греч. *ζός*, лат. *icus*), *ынь*: сѣльць отъ сѣльбъ, черноризць отъ черноризъ, переступень изъ прѣстѣльнь и др. Имена: *борецъ* отъ предполо-

Производныя
имена *agentis*
въ *ыць*, *ынь*, *ынь*,
онъ.

гаемаго ном. *agentis* «боръ», *боицъ*, *ловицъ*, *юнецъ*, *тѣвецъ*, *рывецъ* (п. *instr.*), *писецъ*, *купецъ*, *иудей* (стар. рус.) и имъ подобныя предполагають первообразныя ном. *agentis* на *z*, хотя бы эти первообразныя на *z* и не сохранились. Такъ, *глумецъ* (*histrion*) происходитъ не отъ «глумъ» сцена, а отъ предполагаемаго «глумъ»—п. *agentis*; *швецъ* отъ предполагаемаго швьъ (п. *agentis*)—шьющій, хотя въ Шестоди. (212, 4) *швѣзъ* употреблено въ смыслѣ п. *acti*: *шовъзъ*; *жънецъ*, *посецъ* (пропоецъ): «Ой *посецъ*, *пропоецъ* Авдотынь батюшка: прошилъ свою дочку за вишнюю бочку» Шейгъ Р. нар. п.

128

VI.

Аттрибутивность существительнаго.

129

Въ славянскихъ нарѣчійхъ, по словамъ Миклошича (Гр. IV, 3—4), атрибутивное прилагательное нередко замѣняется существительнымъ (человѣкъ *иръшникъ* вм. *человѣкъ иръшныъ*), какъ въ латин. и греческомъ: *victor exercitus*, *ἄδρας στρατιῶται*. По Потебня, согласно съ предыдущимъ изложеніемъ, не видить въ старин. языкѣ замѣны прилагательнаго существительнымъ, а съ точки зрѣнія *позднѣйшаго* языка не видить и тождества между выраженіями: «человѣкъ *иръшникъ*» и «человѣкъ *иръшный*», такъ какъ въ первомъ выраженіи атрибутъ *вещественъ* и имѣеть свою субстанцію, а во второмъ—*лишенъ вещественности* и отнесенъ къ другой вещи (ср. выше II, 87). Что въ старин. яз. не происходитъ тутъ замѣны, это видно изъ того, что выраженія «человѣкъ *иръшныъ*», «вълкъ *хъщныъ*» должны быть сопоставлены съ выраженіемъ «смѣжъ *борецъ*», гдѣ сущ. «борецъ», какъ сказано выше, происходитъ отъ предполагаемаго *существительнаго* же (а не прилагательнаго) *боръзъ* (ном. *agentis*), такъ что «*иръшныъ*» и «*хъщныъ*» до образованія существительныхъ «*иръшникъ*» и «*хъщникъ*» были также ном. *substantiva agentis*, какъ напр. до образованія сущ. «*супротивникъ*» было ном. *agentis* «*супротивыъ*»: «Изломн Андрей копне свое въ *супротивыъ* своемъ» Плат. Что же касается *побужденія* къ образованію сущ—аго на *икъ*, то это объясняется стремленіемъ языка избѣжать *двузначности*, которая могла явиться, напр., въ «*хъщныъ*»; такъ в. въ «*хъщныъ*» соединяются значенія и сущ—аго, и прилаг—аго. Въ позднѣйшемъ яз. «*хъщныъ*» стало исключительно прилагат—мъ, хотя и съ первоначальнымъ суффиксомъ *ныъ*.

130

Если примѣнять къ сужденіямъ (Ср. выше III, 74—80), то предложеніе «вълкъ *хъщныъ*» есть сужденіе синтетическое, въ которомъ соединены *два* субстанціи, а «вълкъ *хъщныъ*» (прилаг.) есть сужденіе аналитическое, въ которомъ разложена одна субстанція, т. е. выдѣленъ изъ субъекта «вълкъ» одинъ признакъ «*хъщныъ*». Таб. обр., атрибутивность сущ—аго въ предложеніи

Аттрибутивное сущ. не ест. замѣна атрибутивнаго прилагательнаго.

Различіе между атрибутивнымъ и прилагательнымъ и причина позднѣйшей замѣны перваго вторымъ

131

вносить въ сужденіе двойственность и находится въ тѣснѣйшей связи съ фигурою *ѣвѣ дѣвѣ*: «вѣлкѣ хыщникѣ» какъ бы = «вѣлкѣ и хыщникѣ», серб. «црвеника вино» (красное вино) какъ бы = «црвеника и вино» (Микл. IV, 5, 2; ср. *Записки* III, 280 и дал.).

Если атрибутивное *прилагательное* есть явленіе въ языкѣ позднѣйшее, то естественно, что чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ атрибутивность существительнаго должна увеличиваться.

Существительныя атрибутивныя А) могутъ согласоваться и Б) не согласоваться съ опредѣляемымъ и ставятся то препозитивно, то постпозитивно. Съ этихъ точекъ зрѣнія и должно разсматривать атрибутив. сущ.—ын. А. *Сущ. опредѣлительное, согласованное въ родъ и число*) съ опредѣляемымъ.*

Здесь относятся:

1. *Сущ. собств. и нариц. муж. р.* съ суф. *ьць*: мужъ новгородецъ (по образцу «мужъ борець»), люди Черниговцы, «съ мужи Новгородци», «бояромъ Брянскимъ и вѣмъ мужомъ Брянцомъ» (значить, прилаг. — *ьць* уравнивалось съ сущ. — *ьць*), «мужи старожильцы» и пр.—Тоже и въ мдр. яз.—Прозвища по мѣсторожденію: Микита *Переяславецъ* и др., а также: *уроженецъ, шогородецъ, чужеземець*; мдр. *родимецъ*, татарове *сыродьць*. крестьяне *старожильцы*; *первоженецъ, двоженецъ* и безъ опредѣляемаго слова; въюношь *двѣнадцатильтець, сынъ—первенець, сынъ близнець, дукъ сыянець, саженець, мизинець* съ опущеніемъ опредѣляемаго падежъ, *синець* съ опущеніемъ сущ. ледъ, и др. Тоже въ мдр., бѣлор., серб. яз.—Мужескому *ьць* должно соответствовать сред. *ьце* и жен. *ица* (мдр. *зка*).

2. *Сущ. съ суф. ичь, инь* (яинь):

а) *ичь*, въ значеніи принадлежности къ мѣстности: «подѣ Берендичи и Кзланы» Плат., «съ мужи Псковичи». — Отечественныя имена на *ичь* въ рус. и серб. атрибутивны донынѣ и теперь постпозитивны, отчего и вытѣняются въ обращеніяхъ за-просто опредѣляемое: «Меркулычь», но въ стар. рус. и нынѣш. мдр. *patronimicum* ставится и спереди: «за Святославича за Олга», «за Володимирича Ярославъ» Плат.

б) — *инь* (яинь): Русинъ, цел. мѣжь *Июдьянинъ*; мужи *Вильнянъ, Мецияне* (позднѣе: *Миценьскіе*) дворяне, *Орлянъ* дѣтей боярскихъ. Сюда же относятся имена на *инъ, итинъ*: дѣльщикъ (кредиторъ), *Псковитинъ* и т. под.—Нарицат: *горожанинъ, чужанинъ, полчанинъ, слобожанинъ*. — Тоже въ мдр., серб.—Мужескому роду на *инъ, янинъ* соответствуетъ женскій въ стар. яз. на *ыни*: жена *Самаряныни*, въ новомъ—*зна, янка*.

3. Суф. *инъ*. Цел. мѣжь *иръшникъ, вѣлкѣ хщникъ*. Собств. (одно у

*) О согласованіи въ *падежъ* не упоминается у Потебни, конечно, потому, что согласованіе этого рода подразумѣвается здѣсь само собою. И. Б.

Потебни): мужъ *Литовникъ*. Парнц: *безчинникъ, вѣчникъ, благовѣстникъ, пустынный, прикащикъ, доводицкъ, вѣтеръ сѣверикъ*.— Сюда же относятся образованныя отъ суф. *ьн*: *ранникъ, польникъ* (жен. *полянница*) *тль-никъ, ельникъ*, и др. Тоже въ мдр. и серб.

135

Суф. — *анъ*, — *янъ*: борь *соснякъ, заяць блякъ, первакъ, другакъ*. Тоже въ серб. языкѣ.

139

Суф. *ачь*: голубь *трубачъ, воль рогаць*.

Суф. *ягъ*: борь *соснягъ, липнягъ, олинягъ*.

Суф. *тай*: свать *сходатай*.

Суф. *тарь*: лѣсъ *кустарь*.

Суф. *унъ*: морозъ *трескунъ, медвѣдь тьстунъ, комарь пискунъ*.

Суф. *ънъ* отъ темъ, имѣющихъ нынѣ значеніе прилагательнаго: день *пятокъ* (Ипат.) *четвертокъ, сынъ однолѣтокъ* (Ср. суф. *ъко*: конь *Бу-рочко, воронко*), банмакъ *отопокъ* и др.

140

Суф. *ъ*: мечь *самосѣкъ, сапоги скороходы, мѣсяць перекрой, сонъ уюмонъ*. Тоже въ мдр. виноград *рукосад*.

141

2. Суф. *опредѣлительный жен. рода* съ суф. *ъна* (неуменьшительнымъ), который соотвѣтствуетъ муж. *ъ, ъ* (ь, ѣ), или *инъ*, или *ьнъ*: *пустолайка* (пустолай), *кѣянка* (кѣяникъ), *уроженка* (уроженецъ), *шапка Мурманка, дѣвка чернявка, бѣлка зырянка, (плеть) нагайка*.— *Ласточка косатка, бочка сороковка, баба проставолоска*, и др.—Тоже въ мдр: дѣва *Московка, баба украинка, дочка безталанничка, дѣвѣ дубѣвка* и др. Тоже въ серб.

142

143

Суф. *ица*, соотвѣтствующій муж. *ьцъ, икъ*: (недѣля) *вѣрбзница, на улицу Рогащину, сосна межница, дѣвка страдница*. Безъ опредѣляемаго: *свѣтлица, юрница, теплица, безприданница; болѣзни: трясавица, желавица; десница, шуйца, мѣдяница (змѣя), синица, юлублица*.—Тоже въ блр., малор., серб., болгар.

144

145

146

Суф. *уха*, соотвѣтствующій муж. *ухъ*, а въ современ. языкѣ—*унъ* (п. agent.); которому болѣе соотвѣтствуетъ *унья*: птичка *твунья*; муха *юрюха, вонь поползуха, лихорадка трясуха, нетуха* и пр. Тоже въ мдр., серб.

Суф. *иха* въ связи не съ суф. *ихъ*, потерявшимъ образовательную силу (жен. *ихъ*), а съ —*ъ, —ь*: муха *шумиха, ткачиха* (ткачь), *Посль-лиха* (мужъ Поельль), *Кабаниха* и др., а также мдр. *аха*: дочка *нетшаха*.

147

3. *Средній родъ существительныхъ въ качествѣ атрибута* употребляется очень рѣдко.

Суф. *ят*—въ мдрус. (дѣвча *шинкарча*), а въ велр. ему соотвѣтствуетъ, можетъ быть, —*я*: моя теля *хвостомеля*.

Суф. *ице* съ соотвѣтствующимъ жен. р. *ица*: старчище *урюмище, бабища дурища*.

148

Суф. *ишно*: еришно—кропачишно.

Согласованіе по
смыслу, какъ пе-
реходъ къ несо-
гласованію.

На серединѣ согласованія и несогласованія атрибута въ родѣ стоятъ тѣ существительныя, когда къ опредѣляемому муж. р. присоединяется атрибутъ жен. или сред. р., который, «сживаясь съ опредѣляемымъ, переходитъ въ его родъ», и такъ обр. получается согласованіе по смыслу: пошъ Тереньице, мужикъ невяжа.

В. Существительное опредѣлительное, несогласованное съ опредѣляемымъ*).

Здѣсь нужно различать слѣд. случаи:

1) *Атрибутъ согласуется въ число, но не согласуется въ родъ.* Это бываетъ тогда, когда опредѣляемое замѣняется своимъ синонимомъ другого рода: «къ дорогѣ—тельжнику» (первоначально: пути—тельжникъ); образъ Спасѣ пядница (первонач.: икона—пядница). Впрочемъ, во многихъ случаяхъ неясно, какъ произошло несогласованіе въ родѣ при согласованіи въ числѣ: «яблоко Путьва» вм. яблоки?—сукино русакъ, бѣлка ходокъ.

2. *Когда опредѣляемое или опредѣлительное бываетъ собирательнымъ или отвлеченнымъ* (т. е., именемъ качества или дѣйствія), тогда согласованіе между опредѣляемымъ и опредѣлительнымъ въ родѣ или числѣ можетъ быть только случайное. Сюда относятся слѣд. 5 случаевъ:

а) При собирательномъ конкретномъ атрибутѣ ед. числа опредѣляемое конкретное во множ. числѣ: люди охочей человекъ, Псковичи охочей человекъ; «ноча воевати Волу люди (вин. п.) Всеволожѣ» (Лавр.); т. е., людей Волжскихъ.

б) При собирательномъ ствлеченномъ опредѣляемомъ ед. числа конкретный атрибутъ множ. числа или наоборотъ: «дружишѣ Кіаномъ и Смольняномъ» Ппат.—«Мало дружины—охочихъ людей» Пск. П.—«Мужи Псковичи отчина вл. князя» Пск. I; «гроши насѣмъ», «собирать казну деньги»; «встрѣча государевы люди», «столица богатые люди», «всѣ казаки—Пальевщина... все юлудьба безпорочная» Пут. Лук., «поѣхаша съ передними съ дружиною» Ппат.

в) Встрѣчаются и средніе случаи между а) и б), т. е., сочетаніе ед. числа собирательнаго конкретнаго съ ед. числомъ собирательнаго отвлеченнаго: «маючи комонника компаньи немало». т. е. конныхъ компанейцевъ (Лѣт. Самов.).

г) *Опредѣляемое конкретное не согласуется въ родѣ съ опредѣли-*

тельнымъ) Подъ несогласованными атрибутивными существительными Потебня разумѣетъ не только тѣ, которыя не согласуются съ опредѣляемымъ ни въ родѣ, ни въ числѣ, но и тѣ, которыя имѣютъ случайное согласованіе то въ родѣ, то въ числѣ. **И. Б.**

тельнымъ отвлеченнымъ или согласуется *случайно*, при чемъ определятельное какъ препозитивное, такъ и постпозитивное бываетъ въ ед. ч.: «земли *отчина*», «люди *дрянь*», «помѣстья *жалованье*», «дрова *сырье*», и лишь при определяемомъ множ. ч., понимаемомъ *раздѣльно* (а не собирательно), определятельное можетъ ставиться и во множ. ч.: «*оани*—пошлины» и *дани*—пошлина». Если же препозитивный отвлеченный атрибутъ сливается въ одно слово съ определяемымъ, то определятельное ставится *только въ ед. ч.*: «бой-баба», «дрянь-человѣкъ», «дрянь-люди» (а не *дряни-люди*).

Къ такимъ атрибутамъ, случайно согласуемымъ въ родѣ и числѣ, относятся:

Сущ. съ суф. *ина*: «телка—*лоньщина*», (мясо) *ветчина* (т. е. ветчина, мясо старое: ср. «шиги ветчаны»); (мясо) *сзъжина* (привтвовол. ветчинѣ); имѣние *отчина*, дань *пошлина*, лѣсокъ *рябина* *), мужичишю—*деревенщина*, тишина—говоръ, пшеница *ярина*, дерево *дубовина*, рыба *осетрина* и др.

Сущ. съ суф. *ь* жен. р. и отчасти муж.: корова *нетель*, бѣль серебро, мѣдь камень, земля (лѣсъ) *недаль*, лѣсъ *дичь*, камень *дичь*, деревня *пустошь*, подводы *усталь* (усталыя), бѣлка *подпаль* **). Такъ и въ соврем. яз.: *дрянь* человѣкъ, товаръ *заваль*, лошадь *неималь*, трава *некосъ*, вляченка *неличь* (негазнетая), народъ *чернядь*.—Тоже и въ мр. яз.—Суф. *ь* муж. р.: люди (въ Кромахъ) *шерейъ* нагольной» (бѣднота).

Суф. *ость*: «пиръ-радость великая».

Суф. *ть*: «не стало у него духу-пропасти».

Суф. *а, я*: купил село, вотчина-*выслуа*, съча лѣсъ, дани-*невыплати*. «ледомъ *ночьмержею*» (намерзшими за ночь) Повг. I, *наджда* государь. *краса* дѣвства, народъ *сила*, *сила*-армія.

Суф. *ыня*: *пустыня* деревня.

Суф. *ье*: дрова *сырье*, *несчастье* замужество.

Суф. *нье*: руга *жалованье*, вотчина *жалованье*, нарское слово *жалованье*, казна—*собрание*, церковь *строение*, псковская вотчина великихъ князей *страдание*.—Тоже и въ мр.

Суф. *ство*: «имѣнья ихъ вельми обраны отъ *поганства* отъ татаръ».

Суф. *никъ, някъ*: дерево *молодыкъ*, *дубнякъ*.

*) Сущ. „рябина“ Потебня принимаетъ здѣсь, значить, за имя *собирательное* какъ качественное, а не конкретное. Срав. выше III, 34 и 41, а также ниже III, 179.—И. Б.

***) Здѣсь приведенъ, между прочимъ, у Потебни невѣрный примѣръ: „велѣлъ подставить корыта... чтобъ отъ дождевой воды *рожь* и *доставъ* не погнила“ А. М. Госуд. 1,257 (1629 г.). Конечно, тутъ „доставъ“ не атрибутивное сущ., а нарѣчіе съ значеніемъ *вовсе, совсѣмъ* (=до остатка). Срав. Слов. Срезнев.—И. Б.

Устраненіе двойственности субстанцій при сочетаніи родового и частнаго имени.

163

г) Несогласованіе въ родѣ бываетъ, когда и *опредѣляемое*; и *опредѣлительное конкретны*, при чемъ первое — *родовое* а второе *частное* (паричат. или собственное). Чувствуемая двойственность субстанцій при этомъ сочетаніи устраняется превращеніемъ *опредѣлительнаго* въ *прилагательное*. Напр. рѣка Дунай, птица орель. «кипарисъ-древо» и «на деревѣ на *кипарисовѣ*»; «океашъ море» и «посреди моря *океанскаго*»; «до рѣки *Тердановы*» (Дан. Пал.); «Терданъ подобенъ рѣцѣ *сновстній*» (Ів.), «во городъ во *Кіевскій*», Буянь островъ и «ко *Буянову* острову». — Двойственность субстанцій устраняется еще или опущеніемъ родового имени (просто: *Дунай*), или же образованіемъ изъ обонхъ словъ *одного*, при чемъ родовое ставится позади, а *препозитивное частное* уже не склоняется: «Тагиль-рѣка», «Тагиль-рѣкой», какъ «Новгородъ, *Новгорода*» (Ср. выше I, 99-100).

164

Переходомъ отъ *постпозитивнаго* частнаго *склоняемаго* (рѣки Дунай) къ *препозитивному* частному *несклоняемому* (Дунай-рѣкѣ) служатъ тѣ случаи, когда и *препозитивное частное* еще *склонялось*; такъ, въ „Книгѣ Большаго Чортееву“ (Кн. Б. Ч.) 1627 г. постоянно встрѣчаются такіе примѣры: „А ниже Навлова города до усть рѣки Оки 50 вереть, а отъ *Оки* рѣки пала въ Волгу“. Такъ же ставятся (хотя и рѣже) *колодезь, юра, озеро, юродг*: „на правомъ берегу Волги городъ Ярославль, а подъ *Ярославлемъ* подъ *юродомъ* пала рѣка Которосль“. Обыкновенно *препозитивное* *склоняемое* частное, какъ видимъ, употребляется не при первомъ, а при *второмъ упоминаніи*, хотя встрѣчаются и *исключенія*: „Серпуховъ стоитъ на рѣкѣ на Парѣ, а отъ *Оки* рѣки (*неупомянутой выше*) съ верету“. Замѣчательно, что такая *постпозитивная* постановка *уменьшительнаго* *рѣчка* встрѣчается въ кн. Б. Ч., кажется, только одинъ разъ (стр. 176), и въ этомъ нельзя не видѣть, повидимому, сохраненія самостоятельной субстанціальности въ словѣ *рѣчка*, не поддающемся слиянію съ *собств. именемъ*, какъ „Ока-рѣка“; поэтому, для *устраненія* субстанціальности *уменьшительнаго*, оно вовсе *упускается* при *второмъ упоминаніи*: „отъ рѣки Рогозенца до рѣчки до Олешинки вереть 5, а *Олешинка* („рѣчка“ опущено) пала въ Уды“. *)

165

167

Древность пре-
позитивной по-
ставки *сло-*

168

постпозитивность родового имени встрѣчается уже въ старѣйшихъ *памятникахъ* рус. письменности, при чемъ *частное* *пре-*

*) Было бы натяжкой допускать такое объясненіе: какъ въ предыдущихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ, родовое имя опускалось и опускается потому, что оно легко подразумевается изъ *предыдущаго* упоминанія, и мысль вовсе не нуждается въ повтореніи того, что ясно само по себѣ. Доказательствомъ этого служить уже то одно, что при *первомъ* упоминаніи родовое *не опускается*, какъ скоро частное можетъ быть смѣшано съ другимъ частнымъ, напр. Олешинка село и Олешинка рѣчка. И. Б.

позитивное иногда склоняется: «отъ Царя-города», «по Оцѣ-рѣкѣ» Лавр. л.; также у Дан. Палом. Изъ устныхъ памятниковъ въ Голубиной книгѣ—почти постоянно, также—въ стихѣ о Георгии, въ былинахъ: осетра-рыбу, Сафатъ-рѣка; въ Повг. I лѣт: «угь-вѣтръ», «сѣверь-вѣгеръ». Впрочемъ, въ устной словесности безразличная постановка родового и частнаго имени („въ Кіевъ градъ» и „въ стольномъ городѣ во Кіевѣ», «Владиміръ князь» и «князю Владиміру»), можетъ быть, зависить отъ раз-
мѣра стиха, но, повидимому, *князь* чаще употребляется постпозитивно, чѣмъ
препозитивно.—Родовое *свѣтъ* ставится и препозитивно, и постпозитивно,
при чемъ, сливаясь съ опредѣляемыми, можетъ лишиться склоняемости:
„свѣтъ-Иванъ“, „Ивана-свѣтъ“ „Ивану-свѣтъ“.—*Дунай-рѣка* въ млр.
встрѣчается рѣже, чѣмъ въ в.р., но обычны въ пѣсняхъ: *клен-дерево, сон-*
трава, щука-рыба.

По обычному правилу сказуемое и опредѣлительныя слова
согласуются съ *родовымъ* (рѣка, городъ), а не съ *частнымъ*,
но *при равной субстанціальности* родового и видового мо-
жетъ быть согласованіе и съ тѣмъ и съ другимъ: „А рѣка Вореколь *пала*
выше г. Ельца“ (кн. Б. Ч.); „а выше Азова *вытекъ* изъ Дону протока
(жен. р.) Мертвой Донець (ів.).— „Городъ *Юнія* стоитъ *убоіяя*“ (Пут. Лук.).—
„Ниже Нежеголи *пала* въ Донець рѣка *Волчи воды, а вытекли* изъ-подъ
Псюмегія дороги“ Кн. Б. Ч.

д) Наконецъ, несогласованіе или случайное согласованіе въ родѣ и числѣ бываетъ, когда и *опредѣляемое, и опредѣлительное* состоитъ изъ *конкретную видовую или частную имени*, напр. *дубъ-столь**). Здѣсь, въ силу большого различія сочетаемыхъ членовъ, атрибутивная субстанція (дубъ) не можетъ подразумеваться при опредѣляемой субстанціи (столь), какъ это

*) Так. обр., всѣ 5 случаевъ несогласованія или случайнаго согласова-
нія опредѣлительнаго существительнаго съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ
сводятся Потребною къ выясненію *атрибутивной сочетаемости* собирательныхъ,
отвлеченныхъ и конкретныхъ существительныхъ между собою, при чемъ ока-
зывается, что только въ 3-мъ случаѣ (в) *при опредѣляемомъ конкретномъ* атри-
бутъ можетъ быть отвлеченнымъ именемъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ
онъ конкретенъ, и, слѣдов., *сочетанія отвлеченнаго опредѣляемаго съ отвлеченнымъ*
же атрибутомъ не бываетъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ проводимыхъ По-
ребною образцовъ типа в) едва ли возможно признать иные опредѣляемыя
имена конкретными, каковы *говоръ тишина, пиръ-радость великая, походъ-набѣтъ*
и др. Поэтому слѣдовало бы допустить еще и 6-й случай—сочетаніе *отвле-*
ченнаго атрибутивнаго существительнаго съ отвлеченнымъ же опредѣляемымъ. А если
принять въ соображеніе, что Потребя выводитъ атрибутивность существитель-
ныхъ изъ фигуры *hendiadys* (Ср. далѣ III, 280), то необходимость признанія
этого 6-го случая является еще болѣе настоятельною, такъ какъ сочетаніе от-
влеченныхъ существительныхъ посредствомъ *hendiadys* бываетъ очень частое
Ср. далѣ III, 294 и слѣд.)—И. Б.

бывасть при сочетаніи родового и видового имени, а потому для устранения двойственности въ представленіи сочетаемыхъ субстанцій, атрибутивное существительное не опускается, какъ это возможно въ сочетаніи „Душии рѣка“, а *замѣняется прилагательнымъ*: „дубовый столъ“, такъ что оборотъ рѣчи „дубовый столъ“ нужно считать произведеннымъ изъ первоначальнаго «дубъ-столъ», а не наоборотъ („дубъ-столъ“ изъ «дубовый столъ»), какъ думаетъ, повидному, Вуславъ (Гр. § 240, прим. 5). Поэтому и такія выраженія, какъ „купецъ-жена“, „купецъ-дочь“, заключаютъ въ себѣ суш. па—*ейъ* (ср. „мужъ Новгородецъ“), а не сокращеніе изъ прилагательнаго па—*искъ*, какъ думалъ сперва Потебня (II, 100).—Такимъ же способомъ обозначается *мѣсто принадлежности и время*: *семга Двина, семга Печера, семга пороги* (т. е. семга, которая ловится въ порожиистой части р. Онеги), *вътеръ свѣръ, вътеръ западъ; ковры Персія* (Гог.); *Сурдал монастырь* (Салтык.); *семга межень, осень семга, бѣлка петровки* (лѣтняя, убитая въ Петровки).

Частные случаи
атрибутивного
сочетанія суще-
ствительныхъ.

Въ частности къ тѣмъ или другимъ атрибутивнымъ сочетаніямъ существительныхъ Потебня относитъ еще слѣд. случаи. *Свѣтъ-Русь*. Здѣсь *собственное* „Русь“ должно было рядомъ значеній приспособиться къ сочетанію съ нарцательнымъ „свѣтъ“ (mundus). „Русь“ — первоначально понятіе частное, Русь Южная, а съ XIII в. — уже *вся русская земля*. Затѣмъ, послѣ нашествія татарскаго, т. е., со второй половины XIII в., Русь является *вообще* противоположеніемъ татарскимъ кочевьямъ: „Русь-родина, страна красоты, радости, благочестія“ съ точки зрѣнія татарскаго полоняника; отсюда „выйти на Русь“ значитъ не только спастись изъ татарской неволи, но и *вообще* „спастись“: „я не думала... что быть де мнѣ на святой Руси, что ходить по сырой земль“, говор. спасаемая дѣвушка во время бури на Онежскомъ озерѣ (Барс. Прич. I). Отъ противоположенія Руси „поганымъ татарамъ“ Русь стала обозначать *мръ человѣчій* въ противоположность міру нездѣшному, тогосвѣтному, страшному. Такъ, въ сказкахъ Змѣй, Яга-баба, заставши у себя скрытаго богатыря, говорятъ: „фу, Русь-кость нахлеть“, на что домашніе отвѣчаютъ: „ты по Руси (т. е. по *человѣч. свѣту*) леталъ, такъ русскаго духу напахался“. Отсюда въ сказкахъ „выйти на Русь“ получаетъ частное значеніе: „спастись изъ нездѣшняго міра“. И какъ въ древ. языкѣ отъ частнаго значенія „міръ—народъ“ образовалось общее значеніе „весь міръ“ и просто „міръ“ въ значеніи *κόσμος*, а въ мдр. Украина получаетъ общее значеніе страны, „весь свѣтъ“, такъ и эпитетъ *свѣтъ* въ выраженіи „свѣтъ-Русь“ лишь закрѣпляетъ въ опредѣляемомъ значеніе „свѣта—міра“ и представляетъ тавтологичнымъ съ опредѣляемымъ „Русь“; *свѣтъ-Русь=свѣтъ-міръ*, весь міръ. Но прошедшее отсюда прилаг. „свѣторусскій“ возвращается

опять отъ общаго къ частному значенію *Руси*: „восходитъ луча (ж. р.) солина краснаго освѣтитъ всю землю *святоторусскую*“ (т. е. не весь міръ, а одну только Русь), въ стихахъ же исторической пѣсни: „А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ, оберегатель *міру крещеному*, и всей нашей земли *святоторусскія*“, можно видѣть не только сочетаніе общаго (міръ крещеный) и частнаго (паша Русь земля), но и *ѣв дѣа дѣоѣ* (міръ крещеный и русская земля), такъ какъ по возрѣнію московскихъ людей до начала 18 в. только Русь Московская есть истово крещеный міръ. Отсюда эпитетъ *свѣто* могъ замѣниться эпитетомъ *свѣто*: *святоторусскій*, *святоторусь*: „*святоторусь-земля* всѣмъ землямъ мати“ (Кал. перек.).

Так. обр., *свѣтъ*—*Русь* въ замѣнѣ *свѣто-Русь* получаетъ новый оттѣнокъ—*качественный*. Съ такимъ качественнымъ оттѣнкомъ употребляются и другія атрибутивные существительныя въ сочетаніяхъ: *Дунай-море* (для выраженія широты, простора), *поле-раздолье*, *вода-крыница* (бѣлор.: ключевая), *травя-мурава*, *лѣсъ-рябина*, *дѣбрь-суходолъ*, *долина-суходолъ*, *боръ-суходолъ*, *мохъ-болото*, *лѣсъ-болото*, *гора-кремень*, *мостъ-камень*, *человѣкъ-камень* (статуя), *садъ-виноградъ*, *садъ-яблони*, *дубъ-столъ*, *тынъ-дубъ*, *число-время* (при гл. *числоватая*), мр. *вода-погода* (вода здоровая по обьяен. Кулиша), *мѣдъ-патока*, *туча-громъ*, *душа-дѣвица*, *душа-человѣкъ*. *Свѣтъ* въ значеніи не *mundus*, какъ въ *свѣтъ-Русь*, а *lux*, для выраженія сочувствія, любви къ лицу: «Плья Муромецъ, *свѣтъ-атаманъ сынъ Ивановичъ*», «*свѣтъ-надежа* князь стольно-кѣвскій». — «А *свѣты* вы наши высокіе хоромы», *свѣтъ-батюшка*, *свѣтъ-матушка*, *Господь свѣтъ* милостивъ, *Богородица-свѣтъ*. И пренепозитивное, и постнепозитивное «свѣтъ» можетъ сливаться въ этихъ случаяхъ съ опредѣляемымъ и терять свою склоняемость. Тоже также сливаются: *переплетъ-затылокъ* (т. е. переплетъ только въ коренихъ); *дворъ-частокъ*, *юлюбъ-глинка* (о цвѣтѣ, отс. фамилія Глинка), *серьи-яхонты*, *серьи-лапки*, *снѣгъ-пороша*, *приметъ-дрова*, *приметъ-солома*, *клюши-посохи*, *кипарисъ-дерево*, *камка-луданъ* (соврем. псков. луданъ—шелковая вещь, старш. луда—платъ, верх. одежда: Слов. Срезн.), *свицецъ-доска*, *жемчугъ-намисто* (мр.), *сребръ-стебло* (мр.), *сафьянъ-черевики* (мр.), *шовкъ-платочекъ* (бѣлор.).

Къ такимъ существительнымъ опредѣлительнымъ, сливающимся въ одно слово съ опредѣляемымъ, прибавляются иногда и свои опредѣленія или дополненія: „сапоги-зелень сафьянъ“, „пѣвень—*косо до земли*“; сложныя опредѣленія эти сперва согласуются съ опредѣляемыми въ падежѣ, а потомъ, повидимому, вълѣдствіе преобладанія именительнаго, неизмѣнно ставятся въ именительномъ: „обертываюся *туромъ—золотые рога*“. Встрѣчаются, хотя и рѣдко, сложныя опредѣленія и съ сопозитивнымъ

Атрибутивнымъ существительнымъ съ качественнымъ оттѣнкомъ.

172

183

184

185

186

Паразитичность и гнозическая рѣчи.

187

характеромъ: „плыветь сіра утка *утята маленьки* (вм. съ утками). Такія сочетанія сложныхъ опредѣленій съ опредѣляемымъ называются *паратактическими* *). Но рядомъ съ паратактическими построениями существуютъ въ старинномъ языкѣ и построенія *ипотактическія*, подчиняющіяся общему вышнему управленію словъ: ядро *ривенка* и ядро въ *ривенку*, меринъ *десять лѣтъ* и меринъ *десяти лѣтъ*, сѣдло *отъ злата* жьжена (позолота сквозь огонь), кожуюхъ *оловира***), грѣцкаго Ппат; коверъ—разные цвѣты съ золотомъ и серебромъ, сукно красно-малшово съ круживомъ. Впрочемъ, до XVIII в. въ письменныхъ памятникахъ преобладаетъ построеніе паратактическое, равно какъ и въ устной словесности: сапоги *зеленъ сафьянъ*, А клюшья у калѣкъ *рыбья кость*, бесѣда (=скамья) *дорогъ рыбой зубъ*, по той по росѣ *по бѣлу снѣгу*.—«Отыскивалъ *прѣсныхъ водъ*—колодезей (прѣсноводныхъ)» Ки. Б. Ч.—У Гнѣдича: «сто на эгидѣ бахромъ развѣвалось *чистое злато* (Иліада III, 448).

При гипотактическихъ построенияхъ существительное—*аттрибутъ* въ древ. инд. и латин. ставилось въ аблятивѣ (*ablative puppes*), а въ славянскихъ, литовскихъ нарѣчіяхъ и греч. яз. этому аблятиву соответствуетъ *род*. Такіе родительные, *не имѣющіе при себѣ своего опредѣлительнаго*, съ незапамятныхъ временъ вытѣсняются уже прилагательнымъ, образуемымъ изъ этого существительнаго: *сельская* церковь вм. *церковь села*, и только род. п. вещества сохраняется иногда: «мошти въ гробѣ *мрамора* положише»; но род. падежъ, *сопровождаемый своимъ опредѣленіемъ*, и до сихъ поръ встрѣчается еще часто, особенно въ народ. поэзіи: пряжка *красна золота*, выпала пороха *снѣгу бѣлаю*, потолокъ *черныхъ соболей*. То же и въ серб. языкѣ, и въ мдр., въ литовскомъ же и латыш. для обозначенія происхожденія изъ вещества почти исключительно ставится род. п., хотя бы приемъ и не было своего опредѣленія.

Образцы *паратактическаго* построенія: туръ—*золотис рога*, «чръленъ стягъ *бѣла хорююви* (=съ б. хоруг.), чрълена чолка *серебрено стружје* (=на серебр. стр.)» Сл. о П. П.; «П *трапезу* чюдную одраша *драгий камень* и *велий женьчугъ*» Новг. I.—«Пелена бар-

*) Слѣдов., паратактическимъ называется такой строй рѣчи, который относится къ области *сочиненія* или *соподчиненія* (Ср. II, 399—400) *вм. современнаго подчиненія* (сапоги—зеленъ саф. вм. сап. изъ зел. саф.) и который, въ случаѣ надежнаго несогласованія опредѣляемаго съ опредѣлительнымъ, вноситъ въ рѣчь *безсвязность* (туромъ—золотые рога). Этимъ же свойствомъ характеризуются и паратактическія придаточ. предложенія, которыя, относясь къ главному, не соединяются съ нимъ никакими относительными словами (Ср. далѣе III, 318—325 и слѣд.). И. Б.

**) шелковая, затканая золотомъ ткань (Слов. Срезн.). И. Б.

хатъ рьятой» А. до Ю. Б; «опашень багреновой пудовишы серебряные» в; Меринъ каръ грива на льво, звезда во лбу» Р. Пет. Библ. — Въ былинахъ: шатерь полы бѣлыя, вѣшникъ золотая ручка, старичекъ кривой колпачекъ, змѣй лютой золотая голова, птица желѣзны косы, булатны когти. (Тоже въ блрус. и мдр. нарѣчійхъ и серб. языкѣ). Паратактическому же сочетанію *существительныхъ* соответствуетъ и постановка *прилагательнаго съ причастіемъ* въ одномъ падежѣ съ определяемымъ, тогда какъ въ болѣе новомъ из. вмѣсто прилагательнаго обыкновенно употребляется при этомъ существительное съ предлогомъ: «стоитъ Христосъ *серебрянъ едѣланъ*» Дан. Пал. (=едѣланъ *изъ серебра*); «А везеть ошъ палину тяжелую а и *мѣдну* (=изъ мѣди) *лину* въ 300 пудъ» Кир. (Дополн. къ III т. *Записокъ* стр. 645).

Постановка составныхъ частей сложнаго опредѣленія не безразлична: «Туръ *золотые рога*» и «Туръ *рога золоты*» такъ же относятся другъ къ другу, какъ «Ивань-городъ» къ «городъ Иванъ (Ивановъ)»: Въ такомъ же отношеніи находится обычная до 18 вѣка постановка *родительныхъ принадлежности* передъ дополняемымъ по сравненію съ постановкою *посль* дополняемаго: «*Россійскаго государства люди* порою сѣбѣсны» (Котом.) и «люди государства Россійскаго», или постановка родительнаго принадлежности *между* предлогомъ и дополняемымъ существительнымъ и *посль* него: «у *Святого Духа* съшествія» (Новг. I) и «у *Сомествія Святого Духа*. Смысль *препозитивной* постановки обнаруживается изъ древне-греческой постановки родительнаго и другихъ падежей между членомъ и его существительнымъ: это «*сестъ во-мощеніе дополненія въ дополняемое, болѣе тѣсное ихъ единство*», между тѣмъ какъ *постпозитивность* «соответствуетъ *раздѣльному* мышленію стихій этихъ словъ». Препозитивность опредѣлительныхъ словъ и послужила еще въ глубочайшей древности къ образованію *сложныхъ* словъ: *золоторогъ, суходолъ, чернокленъ* и др.

Однако не все сложныя имена имѣютъ одинаковое значеніе по отношенію къ другимъ словамъ, къ которымъ они относятся. Такъ, сложныя имена образца „*золоторогъ*“ не отождествляются съ своимъ определяемымъ, а означаютъ лишь часть его и принадлежность и потому допускаютъ *соціативность* отношенія: „*туръ золоторогъ*“ = туръ *съ* золотыми рогами; между тѣмъ другія сложныя, становясь опредѣлительными, по значенію своему *совпадаютъ* со своимъ определяемымъ, исключая всякую мысль о соціативности: „*боръ-суходолъ*“ значитъ *боръ*, который вмѣстѣ съ тѣмъ и *суходолъ*, а не боръ съ суходоломъ.

Имена первого образца (золоторогъ) называютъ *сложными притяжательными* (composita possessiva), а имена второго образца (суходолъ) — *сложными опредѣлительными*

Различіе значеній, зависящее отъ предпозитивной и постпозитивной постановки сложныхъ опредѣленій.

Препозитивность какъ поводъ къ образованію сложныхъ словъ.

Composita possessiva et determinativa.

194

195

196-199

200

201

202

203

(*composita determinativa*). Образцы, какъ мнр.: *Рябоконь, Сивоконь, Гурбоконь, Рябокобыла, Лихобоба, Стародубъ* и др., становясь атрибутами, могутъ быть двусмысленны: они или могутъ совпадать съ опредѣляемымъ, какъ „*дубъ стародубъ*“, и тогда становятся *composita determinativa*, или же не совпадать, а составлять лишь принадлежность опредѣляемаго, подобно „*туръ золоторогъ*“, и тогда становятся *composita possessiva*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слова *Рябокобыла, Бьлошанка, Кривошанка* суть только *прозвища* къ опредѣляемому слову, обозначающія извѣстный *признакъ*, существующій *совмѣстно* съ опредѣляемымъ словомъ: *Рябокобыла*, т. е. вѣдущій на рябой кобылѣ, *Кривошанка*, т. е. носящій кривую шапку. Отсюда вполнѣдствіи фамилинъ съ суф. *инъ*: *Рябокобыл-инъ, Кривошанк-инъ*.

204 Миклопичъ сложные *прилагательныя* склоненіи причисляетъ прямо къ прилагательнымъ съ *адъективирующимъ* суффиксомъ *ъ* второго изъ составныхъ членовъ: *благосердъ* изъ * *сръдо*. Но Потебня не видитъ „*нужды* предпологать повальное превращеніе“ такихъ *composita possessiva* въ прилагательныя, такъ какъ, съ од. стор., атрибутивность *существительнаго* доходить донынѣ и увеличивается къ древности, а съ другой—не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо *адъективирующемъ* суффиксѣ въ этихъ сложныхъ именахъ, ибо въ ц.-слав., рус. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ есть множество сложныхъ *существительныхъ* съ окончаніями *ъ, а* и даже *о*, на которыя оканчиваются въ то же время и *простыя* имена, составляющія *второй* членъ сложнаго слова, напр., *Святополкъ* (полкъ); *острохвость, острошеть, стонога* и т. и. Правда, во многихъ другихъ случаяхъ при образованіи сложныхъ именъ окончаніе второго члена измѣняется, какъ напр., *маловѣръ* (изъ—*вѣра*), *молодоженъ* (—*жена*), *острокрыль* (—*крыло*); но такое измѣненіе окончанія „*могло* быть только средствомъ“ согласованія сложнаго *существительнаго* съ опредѣляемымъ и „*шагомъ* къ превращенію его въ прилагательное, но не самымъ превращеніемъ“ въ прилагательное, что въ слав. яз. наступило лишь съ присоединеніемъ *членнаго* окончанія.

206 Различіе паратактическихъ сочетаній съ отглагольнымъ аблative и принадлежности. Отъ паратактическихъ атрибутивныхъ сочетаній образа „*саногъ зеленъ сафьянъ*“ (II, 191) нужно отличать паратактическія же сочетанія образца *церковь Спась, люди мужескъ полъ*. Главное отличіе сочетаній того и другого образа состоитъ въ томъ, что при замѣнѣ ихъ гипотактическимъ сочетаніемъ съ *родительнымъ* падежомъ, родительный падежъ первыхъ заключаетъ въ себѣ *отглагольственный* (*саногъ зеленого сафьяна* = *саногъ изъ зеленого сафьяна*, какъ лат. *abiete puppes*), родительный же сочетаній второго образа есть родительный *принадлежности* и *части*: *церковь Спаса* = и. *Спасская*, стадо *овечь* = стадо *овечь*.

Образцы паратактическаго сочетанія.

Паратактическіе атрибутивные обороты съ значеніемъ принадлежности восходятъ къ глубокой древности, и такое сочетаніе атрибутивного сущ—го съ своимъ опредѣляемымъ бываетъ въ разныхъ падежахъ. Такъ, въ древнемъ индійскомъ яз. употребляются двойные твор. и даже дательные падежи: „вы закрыли солнце на небѣ *облакомъ дождемъ*“ (т. е. дождемъ облака или „изъ облака“); „нѣкоторые убиты *ногами слонами*“ (т. е. ногами слона); „очищайте сому *Индру питью*“. Въ последнемъ примѣрѣ двойной дательный, изъ коихъ одинъ (питью) есть имя *дѣйствія*, важный въ томъ отношеніи, что онъ можетъ служить объясненіемъ латинско-славянскаго *дательнаго при неопред.* наклоненія.

Образецъ церков. Слать.

Миклюничъ (IV, 450) падежъ атрибутивного существительнаго объясняетъ аттракціей къ падежу опредѣляемаго слова: дѣтншт *женьскыи полъ*, вм. *женьска полоу*; но Потебня, согласно съ прежде высказаннымъ взглядомъ (II, 398—9), не видитъ тутъ никакой аттракціи: въ оборотѣ «око *зрѣнню солнцу*» оба дательные падежа *одинаково* относятся къ довольняемому «око» и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ болѣе раннимъ, уподобившимъ себѣ имя, стоявшее въ другомъ падежѣ. Въ аттракціяхъ смыслъ уподобляемой формы для говорящаго не существенъ, и въ началѣ для понимающаго она является даже искаженіемъ смысла; напр. «заложена бысть церковь . . . камена на сѣтогорскихъ *черницехъ дворѣ*» (Сек I), гдѣ мѣст. над. *черницехъ* вм. черищовъ поставленъ подъ вліяніемъ звуковой формы: сѣтогорскихъ и *мѣстнаю* падежа «на дворѣ»; или: «о боярехъ и иныхъ *чинныхъ людяхъ*» Котом. Советъ другое замѣчается въ примѣрахъ разсматриваемаго паратактическаго сочетанія. Выраженія: „раздавлены *ногами слонами*“ вм. *ногами слоновъ* не бессмысленно: здѣсь однимъ и тѣмъ же падежомъ обозначены двѣ дѣйствующія субстанціи—„ногами“ и „слонами“, изъ коихъ вторая является *принадлежностью* первой, а потому второе имя и можетъ быть замѣняемо родительнымъ *принадлежности* (ногами *слоновъ*) или прилагательнымъ *притяжательнымъ* (слоновыми ногами). Отсюда вытекаетъ и то, что паратактическое сочетаніе атрибутивного существительнаго съ опредѣляемымъ слѣдуетъ считать болѣе первообразнымъ, чѣмъ гипотактическое посредствомъ род. падежа, хотя и сочетаніе съ род. падежомъ часто встрѣчается въ старѣйшихъ русскихъ лѣтонисяхъ, въ противоположность прилагательнымъ, которыя до XVII в. встрѣчаются гораздо рѣже. — Примѣры: „На той могилѣ поставилъ церковь святого *Николу*“ Лавр. — „Заложена бысть церква святая *Богородица*“ Ипат. — „Заложи церковь *Благовѣщеніе Мъстиславъ князь*“ Новг. I; по: «священа бысть церковь св. *Михаила*» Нов. I.

207

Взглядъ Микл. и Потебни на эти образцы.

208

209

210

211

212 Столь же часты случаи, когда собственнымъ опредѣлительнымъ вы-
тѣняется нарицат. опредѣляемое: „А Дирова могила за св. *Ориною*“ Лавр.—
„Отелуша обѣдно у святомъ *Михаилѣ* и поиде изъ церкви“ Плат.—Тако
и дѣшнѣ; „у *Спаса*“, „за *Спасомъ*“, „противъ *Спаса*“, однако едва-ли
можно говорить „въ *Спасѣ*“ и „въ *Спасѣ*“. Но опущенное нарицательное
повторяется иногда далѣе въ придаточ. предложеніи съ *относит. мѣсто-*
именіемъ: „положиша и въ (=у) святоѣ Богородици, *юже* церковь учинилъ
отецъ его Андрѣй“ Плат., а иногда употребляется только одно мѣстоиме-
213 ніе: „положиша тѣло его въ св. Богородици, *юже* бѣ самъ созда въ Во-
лодимири“ Плат.; въ иныхъ же случаяхъ согласованіе происходитъ не съ
нарицательнымъ, стоящимъ налицо, а съ собственнымъ: „да и церковь св. Егор-
ей *весь сюръль*“ Повг. II (Ср. выше III, 173: „градъ *Гонія* стоитъ *убоая*“).

При паратаклическомъ сочетаніи „церковь Богородица“ сочетаемыя су-
ществительныя представляются равносильными и потому могутъ они смѣни-
214 ваться и замѣняться одно другимъ: «въ дѣто 1172 чудо сотвори *Богъ* и св.
Богородица церковь *Десятинная* въ Киевѣ» Плат.—«Новгородъ же заступи
Богъ и святая... *церкы святая Софія*» Повг. I.

215 Вліяніе смѣшенія и взаимодѣйствія сопоставляемыхъ членовъ оказы-
вается и на употребленіи предлоговъ; напр. „преставися игумень Моисей у
святыя Богородица Антоновъ монастыри“ Повг. I.—„Вбѣже въ Киевѣ *къ*
святой Орини въ монастырь“ Плат., т. е., когда бывають налицо и соб-
ственное, и нарицательное, тогда нарицательное съ пространственнымъ зна-
ченіемъ ставится или въ мѣст. надежѣ, или съ предлогомъ *въ*, а при соб-
ственномъ имени, *какъ при мнѣ*, ставятся предлоги *у* и *къ*; если же на-
рицательное имя опускается, тогда при имени святого ставится предлогъ *въ*
съ значеніемъ *мѣста*: „приведоша *въ* св. Софію“, и только съ перевѣсомъ
значенія *отношенія къ лицу* употребляется предл. *у*: „поставиша Дипонсея
игуменомъ *у* святого Георгія“ Повг. I.

Сказанное объ образцѣ „церковь Спасъ“ относится и къ образцу „*Ико-*
на Никола“.

216 Образецъ: *икона*
Никола. а) Наричательное сочетается съ собственнымъ, напр. „и
пршесе (Андрей) *икону святыю Богородицу*“ Лавр. „образъ *чу-*
дотворецъ Димитрій, образъ *Спасъ* нерукотворенный Пядница“, „двад-
цать два образа Празники Владычии да *Пророки* и др.

б) Наричательное опускается, но потомъ повторяется при относит.
мѣст.: „Помолився... *Спасу Избавнику*, яже есть *икона* въ городѣ Мѣль-
ницѣ“ Плат.

217 в) Наричательное вовсе опускается. Особенно много такихъ примѣ-
ровъ въ памятникахъ XVI и XVII вв.: „у *Никола* чудотворца пелена бар-
хатъ цвѣтной“.

г) Значеніе съ лица переносится на вещь, какъ и до нынѣ; напр. „А святую Богородицу... одраша“ Новг. I.—„Межа идетъ, куды Богородица ходила“, т. е. съ иконою Богородицы ходили. А до Ю. Б.—Совр. съв. рус. „Бога снить“, т. е. поклѣется передъ иконою. „Заутра плакала св. Богородица у св. Якова“ (т. е. икона Б-цы источала слезы).

218

Собственное имя въ одномъ надежѣ съ нариц. *праздникъ*: „это было подъ Снасъ *праздникъ*“, „о *праздникъ* Рождество Пресв. Б-цы.“—Съ опущеніемъ нарицательныхъ *праздникъ*, день, память: „на Кирика и Улигу“, „на Пророка Плью“, но при предлогѣ *на* могъ стоять и род. п. собственного имени: „на (день) святыхъ Татьяны. Выраз.: „на Семенъ день“ безъ сомнѣнія вм. „на Семень день“.

219

Паратактически сопоставляются обыкновенно лицо и вещь, принадлежащая ему: дворъ, домъ, шатеръ, городъ, страна, тогда какъ *при подчиненіи* имя лица ставится въ род. п. или превращается въ прилагательное: „къ матери ко двору“ (=ко двору матери), „пріѣхалъ къ шатру къ Кушуру царю“, „ко царю Константину къ палагамъ бѣлокаменнымъ“.

220

Лицо или вещь и ихъ состояніе и дѣйствіе паратактически сопоставляются, какъ равно самостоятельныя субстанціи:

о немъ, о здоровьи“ (=о его здоровьи), „молятъ Бога о здоровьи, о мнѣ великомъ князѣ“, „поѣхаша по дорожь по нихъ (=по ихъ направленію) Плат.—„И купцы намъ зѣло обрадовалися нашему пришествію“ Пут.

221

Лукьян.—„Не язг не хотѣние мое, но злое ны сотворилъ посоль“ Плат.— [Тоже въ мѣр. и бѣлор. нар. и серб. яз.]. Множество другихъ примѣровъ выбрано изъ Пам. дпсл. сполн., Ак. Моск. Г.; Ак. до Юр. Б., Ак. Пет., Рус. Пет. Библи., Путеш. Лукьян.: „отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей отъ ихъ плыненія“, „къ государю къ рукѣ“, „о такихъ судьяхъ о наказаніи“, „о гошѣхъ о принимаіи“, „въ татѣбѣ въ лошадахъ“, „о помѣстѣ о передѣлѣ“, „о тѣхъ пустошахъ обѣ отъемѣ“, „усленіе святая Богородица“, „мы въ негу въ сѣнѣ и въ пожнѣ помпрились“, „дано отъ кожъ отъ дѣла (=за выдѣлку кожъ) 4 гривны“, „отъ суконѣ отъ шанья“, „отъ крашенны отъ краски“, „отъ кафтановъ отъ шитья“, „дано отъ сибирскаго запасу отъ письма (=за написаніе) отъ отписокъ подъячому рубль“ А до Ю. Б. (т. е. за написаніе росписокъ (,отписокъ“) (въ пріемѣ) спб. запасу).—«Берутъ пошлину съ записки съ лошади, съ лѣтъ и съ шерети» (=съ записки лѣтъ и шерети лошади) Котом.

222-5

226

При обращеніи приведенныхъ паратактическихъ сочетаній въ гипотактическое, въ род. надежѣ ставится имя вещи или лица; но есть цѣлый рядъ примѣровъ такого паратактическаго сочетанія, при обращеніи которыхъ въ подчиненіе въ родительномъ надежѣ ста-

Образецъ новаго письма.

вится не имя вещи или лица, а имя *дѣйствія* или соответствующее ему конкретное. Напр. *книга новое письмо* = книга новаго письма; «оброкъ по книгамъ по новому письму», «и мы *по сѣю расходу по межѣ* всякіе признаки ставили» (т. е. по межѣ, по которой онѣ «розшѣлъ» спорныя земли) А. до Ю. Б. — «Книга «Псалтырь» *печать мелкая* (= мелкой печати), — «грамота своя рука» (= грамота своей руки = своего рукописанія) и др.

Паратактически сочетаются также *лицо* и *его душа, тѣло* (или части тѣла), *цѣлая вещь* и *части ея*, при чемъ въ рус. языкѣ при постпозитивной постановкѣ части иногда употребляется лич. мѣстоименіе въ род. или дат. вад., указывающее на цѣлое. Напр. «и не буди *ему* (цѣлое) отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ *души* (дат. п.) *ею*» Поуч. Моном. — «Изяславъ же... съ своею дружиною въѣха въ *нѣ* (= въ нѣхъ, въ Берендичей) въ *бокѣ имѣ*» Плат. — «Богъ пошлетъ *по душу* (часть) князю *Марью*» Акѣ. до гражд. распр. — «Сенка сидитъ *на немъ на ірудяхъ*» и проч. Тоже въ млр., бѣлор. и серб. яз. — «Удари громъ въ *маковицю* св. Феодора *церковь* и зажже» Лавр. — «Тѣмъ пономь... *верхъ* (= на верхушкѣ головы) *власы* свои растити» Пек. I. — «Ѣхати дорогою къ *верху рѣчкамъ* Ливнамъ» Бн. Б. Ч., а также несклоняемая: *к верхъ рѣчкѣ, къ усть Айдару*, при чемъ, по замѣчанію Бусл. (Гр. § 249, пр. 5), при подобныхъ паратактическихъ сочетаніяхъ нѣсколько словъ могутъ сливаться какъ бы въ одно сложное: «межа *съ Бьялю Болотни съ середки* на осиповой пень» А. Ю. — «Яко же бы(сть) Володимеръ *на томъ мѣстѣ на степені* (лѣстницѣ)... и рече» Плат. — «Игумень стоять *въ олтари во вратѣхъ, царскихъ, а на правѣ* церковныхъ западныхъ *вратѣхъ* стоять *діагонѣ*» Путеш. Лук. — Тоже въ млр., бѣлор. и серб. яз. — Другіе примѣры изъ Бн. Б. Ч., А. до Ю. Б., Пут. Лукьян., А. Зап. Р., Нам. др. письм., Нам. стар. Рус. Лит.: «*на Волиѣ на берси*», «*на рѣкѣ на Москвѣ на львомъ берси*», «*по правой сторонѣ по тому стоку*» (истоку, ручью), «*межа... до рѣки Унжи стрежи*» (= среднее теченіе), «*въ Черное море проливу (заливъ) морскую въ Ильменѣ*» = въ Ильменевій заливъ Чернаго моря, *на край морѣ*, «*краемъ Дунаемъ*» и др.

Въ примѣненіи *ко времени*, часть и цѣлое также соединяются паратактически: *къ концу къ обиднѣ*; *къ Семену дню... ко ступи осмдесятъ девятому году*; «*дѣяки не ходятъ къ началу къ церкви*» Нов. II.

Паратактически сочетаются не только части и цѣлое, но и *самостоят. вещи*, при чемъ, при обращеніи этихъ оборотовъ въ подчиненіе, подчиняемое имя можетъ стоять *не въ род.* падежѣ, а въ другомъ съ соответствующимъ предложомъ. Напр., *береть за руки за перестни* (= за руки съ перестнями); *привязалъ коня къ дубовому столбу къ*

Образецъ на
письмъ на тру-
дяхъ: на Дунаѣ
на берси.

229-232

233

236

Образецъ: бе-
реть за руки.
за перестни.

тому кольцу булатному (=къ кольцу въ дубовомъ столбѣ); *межа до мху до зыби* (=до мху на зыби, до моховой трясины), *до ямы до ольхова пня* (237-9
 (=до ямы у пня); *людемъ дорогою* (=дорогою по лугу, луговою), спорили *о межахъ о льсу* (=о межахъ въ лѣсу, лѣсныхъ).—,Святославъ пригна на перевозу къ Деснѣ“ (=на Деснѣ) Пнат.—Володимеръ сrete я (Печенѣгы) на Трубежь на бродѣ“ Лавр.—,Къ тебѣ Государю къ Москвѣ“ (=въ Москвѣ, Московскому); ,о такихъ дѣльхъ и указъ“ (=объ указѣ относительно такихъ дѣль) Котоших.—Тоже въ мдр., серб., польск. яз. (240-1
 [Сюда же слѣдуетъ отнести обращеніе къ нѣсколькимъ предметамъ при *asymleton* (безсоюзіе): «Острый мецо! борзый коно! Многая Руси!» Пнат.— Ой ты садъ ты мой садъ, садъ зелененькій! Ой ты цвѣтъ ты мой цвѣтъ, цвѣтъ червоненькій!»] (242

Къ паратактическимъ же сочетаніямъ можно отнести сопоставленіе разныхъ падежей или съ разными предлогами, но образецъ на бр-
 равномѣрно относящихся къ дополняемому слову: «придоша на берегъ надъ рѣку надъ Ушу» Пнат.—«На мнѣ на плеча (=на мои плечи) пакинутъ кафтаншко» Жит. Аввар.—«Намъ помогали о путномъ хожденіи» (=нашему путному хожденію) Путеш. Лукъян.

Паратактически сопоставляются лицо или вещь и разрядъ, образецъ друзь-
 къ косму лицу или вещь относятся: «о людехъ о мужскомъ мужескъ полъ, (243
 и женскомъ полъ» Котош.—«Турецкіе люди мужескъ полъ зѣло крупны» Пут. Лук.—«Первой статьѣ дворяномъ (=дворянамъ первой статьи) по 50 рублевъ» Котош.—«Рыба зимняя и лѣтняя ловля», «шуба осинової цвѣтъ», «во Ольовичехъ племени» (=въ племени Ольовичей), «па кустъ ракичь» Пнат. и др. (244

Содержимое (измѣряемое вещество) и содержащее, какъ образецъ на боч-
 мѣра, единица, также сочетаются паратактически: «поймали мы... мордвина съ пудомъ мѣдомъ» А. до Ю. Б. 1677 г.—«На рожь на бочку 3 бочки соли давали» Иск. I.—«Возьмите у меня триста литръ злато», «облить ведромъ водою». Тоже въ мдр., блрус. и серб. яз. (246-7

Если въ Лавр. и Пнат. лѣт. такихъ оборотовъ, повидимому, не встрѣчается, зато обычны здѣсь такіе же обороты образецъ мно-
 съ существительнымъ „множество“ вм. определенной мѣры: „они же видѣвше множество злато и сребро“ Лавр.—„И пришесть дружина вся мноисе множество“ ів.—„И Половици... придоша... мноисе множество“ Пнат.—Такъ и позднѣе въ Повг. и лѣт., Путеш. Лукъян, Жит. Авв., а у Котоших. и въ болѣе позднихъ памятникахъ такое же сочетаніе употребляется съ сущ. число: (248
 «волки не малое число» Котош.—«Лучшіе люди довольное число».

Вмѣсто «множество» и «число» употребляется еще «сила». образецъ войско-
 въ паратактическихъ сочетаніяхъ: «Трошціе войска сили ве- (249

ликіе»; но если при «сила» стоитъ прилагательное, образованное отъ *опредѣляемую существительную*, то выраженіе „множества“ вполнѣ независимо отъ опредѣляемаго: „поскочиша же и ти *Половци силы половецкии*“
 249 Ипат.—Другіе образцы паратактическаго сочетанія при выраженіи „множества“: *стадо овиы*, при чемъ подъ „стадомъ“ разумѣется вообще множество: „все *стадо чернеиы*“ (т. е. вся монашествующихъ *братія*), „со *стадушкою со дѣтиною*“, „ко *стаду* ко сѣрымъ *цусямъ*“, „отъ *толпы* отъ красныхъ *дѣвушекъ*“, „они поятъ *скотъ, козы, овиы* великія *стада*“ Путеш. Лукьян.
 250 Образецъ *денни* Образецъ *денни часть* (половина, треть и проч., а также: *части*. *повытье*, какъ часть посяѣ раздѣла, *жеребей*, какъ часть надѣла, *полоса*, какъ часть земли, *остатокъ*): „заплатитъ *денни* свое *повытье*“, „заложитъ *пожию* свой *жеребей*“, „землею *половою* владѣть“, „*Новгородци* же *останкъ* (=тъ) живыхъ послаша по князя“ Новг. I., „*полки останокъ*“, „а другое *быдло часть* пѣякую... позабрали“, „оттуда взяти суть *святїи младенцы* *половина* ихъ“ Дан. Палом., „а *дѣтемъ боярскимъ* его *половинъ*“, „за *медъ* за ихъ *половину*“, „съ тое *соли съ* *половинъ*“, „заложитъ *стѣну* свои *дѣв* *части*“, „въ *пашнѣ* въ *полуторѣ* *четвертакъ* *жити*“, „къ тому *половинѣ* *селу* къ *Покровскому*“ („тому“ относится къ „селу“, а не къ „половинѣ“ и равняется „къ тому селу къ *половинѣ* его), „пожаловалъ его *тѣмъ* *половиною* *селемъ* *Глядячимъ*“, „составлю ми *половину* *годину*“, „*половиною* *ратными* *людьми*“, „пожаловалъ есми *деревнею* *полубожею*... *деревнею* *третью* *обожею*... съ *четвертью* *десятиною*“ и др.

Образецъ *денни* Сюда же относятся образцы счета: „*денни* *пять* *рублей*“, „*о* *денняхъ* *о* *пяти* *рубляхъ*“, при чемъ считаемое (деньги, лѣсъ, сила (войско) и т. п.) можетъ стоять и препозитивно, и постпозитивно. **Препозитивно**: „и *пологъ* отъяна 4-ста *чады*“
 254—7 Ипат.—„Скопншася вся *сила* (войско) *10* *тысяць*“ Неков. II, «*льсъ* *девятъ* *знаменъ*», «*люди* *6* *человѣкъ*», «*козакомъ* *8-ми* *человѣкомъ*», «въ торгу есмь *велѣлъ* *кликати* *изъ* *заповѣди* *изъ* *двухъ* *рублевъ* (=изъ *двухъ* *рублей* *заповѣди* (род. п.), т. е. *подъ* *страхомъ* *пени* въ 2 руб.), «*вилу* берутъ *дѣв* *доли* (=2 *доли* *вины*), «*подъ* *виною* *копою* *грошей*», «емлютъ съ тое *соли съ* *тысячи* *пудовъ* всякіе *пошлины*», «въ *иску* въ *девеность* *рублехъ*», «въ *серыхъ* *цѣною* *въ* *трехъ* *рублехъ* (въ завѣщности отъ «цѣною» слѣдовало бы ожидать «въ три рубля»), «посылается *соболѣми* *сороками* и *парами* (=сороками и парами *соболей*), «*большой* *боранъ* (цѣна *иска*) *сорокъ* *алтынъ*», «а кто поведеть (или подыметъ, т. е. *судей*) на *исправу* на *боранъ*, и ему (прикащику) имати (брать) *полевой* *боранъ* по *два* *алтына*». — **Постпозитивно**: «заложитъ есми свою *отчину* въ *полутреть* *стѣ* *рублехъ*», *въ* *заемныхъ* *дѣлахъ*», «билъ *челомъ* въ *пятнадцатъ*

ти лошадейхъ въ грабежѣ», «съ пятью возы съ продажною солью» и др.—
 Все эти примѣры паратактическаго сочетанія, по сравненію съ соврем. языкомъ, замѣчательны въ томъ отношеніи, что теперь паратактич. сочетаніе бываетъ тогда, когда считаемое равно числу: я отдалъ (всѣ) деньги пять рублей, но: я отдалъ денегъ пять рублей, въ старинномъ же языкѣ при паратактическомъ сочетаніи это не различалось, какъ можно было видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ.

Отъ паратактическаго сочетанія, обозначающаго счетъ, Образецъ имѣю меду пять пудовъ. нужно отличать выраженія *мѣры*, *вѣса* и проч., въ которыхъ, при гипотактическомъ построеніи, *мѣра* и *вѣсъ* ставятся въ *род.* *мѣры* или позднѣе предлогъ *въ* съ винительнымъ: «кадѣ меду пять пудовъ» (вм. въ пять п.), «ковшѣ золотой двѣ гривенки злата», «Богъ простилъ отрока четыре юда» Новг. л.; «меринъ саврасъ девять лѣтъ», «неводъ осемьдесятъ сажень», «сабля два рубля, при чемъ обозначеніе мѣры и вѣса ставится какъ препозитивно, такъ и постпозитивно, а слова: *вѣсъ*, *цѣна* въ именит. п.: «шуба камка цѣна 66 рублей», хотя встрѣчается и не въ именительномъ: «ковшѣ серебрянѣ вѣсу гривенка» А. М. Г.

По аналогіи съ образцами «множество *злато*», «стадо *овцы*» можно бы ожидать и при числительныхъ паратактическаго съ ними сочетанія именъ *считаемыхъ*, какъ это наблюдается въ санскритѣ, въ латин. и греч. яз. (*πέντε ἄνθρωποι*, *quinque homines*); однако въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ и древнерусскихъ числительныя *количественныя*, начиная съ *пяти**, подобно собирательнымъ существительнымъ сочетаются *только* гипотактически, именно съ *род. множ.* ч: *пѣтъ десѣтъ*, *пѣтъи хлѣбъ*, «предложи вся книги шестью *мѣсяцъ*» Лавр., «на семи *соборовъ*» Кир. Тур., «приходиша восвать въ осьми *сонъ*» Новг. I, такъ что чрезвычайно *рѣдкія* паратактическія сочетанія *суть не первообразы*, а принадлежность *позднѣйшихъ списковъ*, какъ напр: «двѣ тысячѣ *гривнѣ*» Лавр., «и въ сѣтъ *дружинѣ*» Поуч. Моном.**). Вироч., весьма рано, а въ рус. яз. не позднѣе

*) А два, три и четыре, сочетаются съ им. и вин. изъ двойств. именительнаго и винит., *двои* же и *трои*—съ им. *множ.* (см. далѣ III, 272.) И. Б.

**) Какъ смотрѣть на эти, хотя и рѣдкіе, случаи паратактическаго сочетанія числительныхъ количественныхъ? т. е., существовали ли въ *живомъ* рус. языкѣ до XIV в. паратактич. сочетанія *пѣтъ хлѣби*, *пѣтии хлѣбы* рядомъ съ обычнымъ гипотактич. сочетаніемъ: *пѣтъ хлѣбъ*, *пѣтии хлѣбъ*? и если существовали, то не сочетались ли сперва количественныя паратактически, а потомъ *обычнымъ путемъ* изъ паратактическихъ перешли въ сочетанія гипотактическія? На эти вопросы Потебня опредѣленнаго отвѣта не дастъ и говорить только, что сочетаніе «пѣтъ хлѣбъ» можно считать *правиломъ*, но что бываютъ *отеченія* языка (живого?), которыя въ письменность не проникаютъ. Слѣд., можно, по

XIV в. числительныя количественныя, кромѣ *тысяча*, разсматриваются уже какъ *прилагательныя* и во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ им. п. вил., согласуются въ падежъ съ именемъ считаемымъ: «во *стѣ* рублехъ», «на *стѣ* возѣхъ», «въ *сорокъ* алтынехъ» и проч., но «сто» съ *опредѣлительнымъ* принимается за существительное и имѣетъ послѣ себя род. п.: „въ *третьемъ* стѣ *льнѣ*“.

VII.

Несогласованіе приложенія въ падежѣ.

Аттрибутивныя существительныя, сочетающіяся паратактически со своими опредѣляемыми, являются *приложеніемъ* къ слову послѣднимъ. При этомъ, какъ видѣли, въ однихъ случаяхъ атрибутивныя существительныя согласуются въ падежъ со своимъ опредѣляемымъ, а въ другихъ—не согласуются. Несогласованіе приложенія въ падежѣ съ опредѣляемымъ выражается въ томъ, что приложеніе остается въ *имен.* падежѣ и тогда, когда опредѣляемое переходитъ въ *косвенный* пад.: «а зовутъ его *Власкомъ*, *Ивановъ сынъ*».

Образецъ несогласованія приложенія: зовутъ его *Власкомъ* *Ивановъ сынъ*.

Въ этомъ образцѣ крестное, личное имя (опредѣляемое) стоитъ въ *твор.* пад., а приложеніе къ нему—въ *именительномъ*. Но неизмѣненнымъ можетъ оставаться им. падежъ и личного имени, а падежъ отчества и фамиліи измѣняется: «*Александръ* *Ивановича* *Бобрѣва*». Так. обр., неизмѣняемость имени въ падежѣ бываетъ или препозитивною, или постпозитивною. Въ препозитивной постановкѣ неизмѣннымъ является собств. имя, и такое выраженіе сблизается съ выше приведенными образцами: «*Дунай-рыки*», «*князь* *Василья*», гдѣ согласованія собственно и быть не можетъ, такъ какъ первое слово—безъ флексіи и соединяется со вторымъ въ *одно сложное* слово; поэтому и при усиленіи въ языкѣ начала *подчиненія* первое имя, какъ *неизмѣнный* членъ сложнаго слова, не переходитъ въ падежъ дополненія; при постпозитивной же постановкѣ атрибутивъ является относительно самостоятельнымъ, можетъ *отдѣляться* отъ опредѣляемаго слова (*Юдкаго* зовутъ *Григорьевъ*), и поэтому чувствуется, что онъ явно не согласуется съ опредѣляемымъ. Тутъ происходитъ въ языкѣ какъ бы сдѣлка между двумя агентами мысли: пока, при преобладаніи въ языкѣ *согласованія*, атрибутивъ и опредѣляемое стоятъ въ им. падежѣ,—оба слова *совидимому*, думать, что и «*пять* *хлѣби*», «*пятицѣ* *хлѣби*» существовали въ старинномъ языкѣ (до XIV в), какъ паратактическія сочетанія двухъ *существительныхъ*, но что въ письменность они не проникли (Ср. далѣе III, 327) за исключеніемъ выше приведенныхъ двухъ примѣровъ, отмѣченныхъ Потемнею: «*двѣ* *тысячѣ* *грибнѣ*» и «*дѣ* въ *стѣ* *дружинѣ*», которые, впрочемъ, считаются оны отклоненіями отъ правила. **И. Б.**

масы между собою: «зовуть меня Михайло Казарянинъ», но когда, съ усиленіемъ въ языкѣ подчиненія и объединенія мысли, опредѣляемое имя стало ставиться въ другомъ надежѣ,—тогда опредѣленіе на первыхъ порахъ не подчиняется еще этому требованію и по прежнему остается въ им. п.: «зовуть меня Михайлою Казарянинъ». И только при преобладаніи подчиненія устраняется такая непоследовательность. Другіе примѣры несогласованія приложения: «далъ есмь женѣ своей жену Марья» А. Ю.— «Есипомъ зовуть Любянская Сабля», «Аленкою зовуть Перфильева дочь» А. Ю. «Благословляемъ мы сестру свою божьимъ милосердіемъ, образомъ Воскресеніе Христово» Ibid.—«Образъ Спасовъ Вседержитель (им. п.) серебромъ обложенъ» А. Ю. Первая ступень плн, по Потебнѣ, «задняя, (предыдущая) мысль» послѣдняго примѣра должна бы быть: «образъ Спасъ Вседержитель»; но, подъ вліяніемъ подчиненія, «Спасъ» замѣнено здѣсь прилагательнымъ «Спасовъ» (вм. Спаса), поэтому при полномъ подчиненіи и «Вседержитель» должно бы быть поставлено въ род. п.: «образъ Спаса (=Спасовъ) Вседержителя».*

264

Слова: «имя», «прозвище» въ качествѣ вторыхъ субстанцій могутъ оставаться со слѣдующимъ собств. именемъ въ именн. п., хотя бы опредѣляемое стояло въ другомъ надежѣ: «родился у Рюрика сынъ и парегоша ѿ (1-й вщ. п.) дѣдне имя (им. п.) Михайло (вм. «именемъ»: 2-я субст). Пнат.—, Анна... съ Иванкомъ... прозвище Истома» А. до Ю. Б., при чемъ *собств. имя* прозвища, въ силу стремленія къ объединенію предложенія, можетъ согласоваться съ опредѣляемымъ, но слова: «имя» и «прозвище» остаются въ им. п.: «поручился есмь по братья своимъ... прозвище Шуль» А. Ю.— «Продать есмь Нефедью... прозвище Бейдану» А. до Ю. Б.— Но бывають и обратныя явленія: ставится «именемъ» (какъ *родомъ*: Срав. II, 477), «по имени», «по прозванію», «во шноцѣхъ», а *собств. имя* остается въ им. пад: напр. «ловъ дѣюще Свѣнельдицю именемъ Лютъ» Лавр.— «Поставиши епископа именемъ Акимъ» Пнат.

Постановка словъ: имя и прозвище при приложеніи къ собств. имени.

265

Но изслѣд. П. Лавровскаго, древній яз., пользуется тѣмъ, что вщ. п. имѣлъ двойную форму, сходную съ им. п. и род.,—допускалъ нерѣдко *разнообразіе* въ одномъ и томъ же предложеніи: «понимте у меня мой шюринъ Михаила», т. е., соб. имя дополненія ставилось въ вщ. надежѣ, равномъ родительному, а нарицательное имя приложения—въ вщительномъ, равномъ именительному, и наоборотъ. Примѣровъ такихъ множество: «И посла къ нимъ сынъ свой Святослава» Пнат.— «Изволиши себѣ епископъ (2-й вщ.) поставити мужъ Богомъ избранъ Аркадія» Повг. I.— «Посла Володимерь сынъ свой Рома-

Взгляд П. Лавровскаго на постановку приложения то въ им., то въ им. пад.

266

267-9

*) Таково колебаніе и, такъ сказать, борьба между *сочиненіемъ* и *подчиненіемъ* въ языкѣ! И. Б.

на“ Лавр.—„Послаша Псковичи свой посолъ Никифора“ Нек. I.—„Кня-
жо дажь приставъ своего челоуѣка Прокопію“ (впк. п.) Грам. Рпж.—„По-
слаша по князь“ Ипат., „по сынъ“; по рядомъ съ этимъ есть и такіе
примѣры: „о Гди спаси князя нашего Феодора“ Писпѣсл. къ Метисл. Ев.—
„Рюрикъ предасть имъ сына своего Андрея“, „поя за сына своего Рома-
на“. „посла сынъ свои Мстиславъ“; „лапотъ знай лаптя“ (Даль), „ве-
дела Мстислава въ греки за царь (Ср. замужь), „изобрѣте... художника...
именемъ Милошъ, Петръ же по крещенію“ Ипат.—„Положи въ монастырь
Ивана Васильевича Нельова, въ иноцехъ Иосафъ“ А. до Ю. Б.

Неизмѣнность
им. падеж. за-
висающаго отъ
послѣдствіи
эти приложенія.

Отсюда видно, что при *постпозитивной* постановкѣ оста-
ются въ именит. п. и собств. имена, и, слѣдовательно, неиз-
мѣнность именительнаго зависить здѣсь *не отъ качества* имени
(собственного или нарицательнаго), а отъ *постпозитивности*
и *аппозитивности* его, какъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ, въ которыхъ
остаются неизмѣнными въ им. п. даже имена прилагат.: „Билъ челоуѣкъ Илья
прозвище Меженя съ своею женою съ Матреною, ростомъ *средняя* и воло-
сомъ *руса*“; „увель Климиъ *мерина*, шерстью *рыжь*“ и др. Поэтому, если
приложеніе или аппозицію *постпозитивную* составляютъ имена прилагат.
или причастія, то и они могутъ оставаться неизмѣнными въ именит. п.,
хотя бы при нихъ и не стояло посредствующихъ словъ: имя, прозвище,
по имени, по прозванію и т. п. Напр. „образъ Пречистые Богородицы
междувратная“; „блюдечко по гривнѣ *Новгородская*“, „пять пуговиць
мѣдяны“ (а не мѣдяныхъ), „межа... отъ того пня на *иву* вверху *суко-
вата*... *нокляна* на *всходъ*“ А. Ю., «противу святому Спасу, *зовемый Вер-
етисъ*» Новг. I. «овъ тутъ засталъ одну *панью*; отъ Татаръ *выкуплена*»
А. З. Р.—«Послать *шубу кунью*, атласомъ *крыта*», «благословляемъ...
образомъ Преев. Богородицы Одегитрія *обложень серебромъ* и *вызолочень*»
А. до Ю. Б.—«Благословляютъ *образами* окладными, *обложены* золотомъ»
Котом.—Вироч., ближайшее прилагательное, какъ видно изъ этихъ примѣ-
ровъ, остается въ падежъ своего существительнаго: «*шубу кунью*», «обра-
зами *окладными*» *). Подобнымъ же обр. послѣ числительныхъ *два* (двѣ),
270
271
272
Постановка и
значительныхъ
послѣ числите-
льныхъ 1, 2, 3 и 4
съ существи-
тельными.
три, четыре съ существительнымъ въ именит. или вин. пад.
изъ тѣхъ же падежей *двойств.* числа, а также послѣ *двои,*
трои съ существительнымъ въ именит. (или вин.) *множ.*
числа, ближайшія прилагательныя, начиная съ XVI в., могли
ставиться въ род. п. (какъ послѣ *пяти* и проч: ср. выше III, 260), даль-
нѣйшія же—въ именительномъ: «три *одпорядка* (им. п. изъ *двойств.* ч.)
луискихъ черлены», «четыре *панкадила* (им. изъ *двойств.* ч.) *мѣдныхъ*

*) Но это простыя опредѣленія, а не приложенія! И. Б.

мале»; «взяли трои серьги *серебряныхъ одницы*» (сущ.), «восемь лапокъ *лисовыхъ красные*». — Тоже въ нынѣш. област. влр., въ малор. и серб. яз.

Если опредѣляемое существительное, стоящее съ атрибутомъ изъ существительнаго же, переходитъ изъ именительнаго въ косвенный падежъ, то существительное — атрибутъ, становясь приложеніемъ, можетъ *оставаться* по прежнему *въ именит. над.* и такимъ образомъ не согласоваться съ опредѣляемымъ. Такъ, примѣняется къ паратактическимъ образцамъ, приведеннымъ въ предыдущей главѣ, изъ образца «*шуба тафта желтая*» является оборотъ: «*шубу тафта желтая*», «*около чебота зеленъ сафьянъ*», «взяли... казаки *кобылку гнѣду трива направо*». Можетъ не согласоваться съ опредѣляемымъ и *прилагательное* атрибутивное: «увель... *мерина шерстью рыжъ*». — Изъ образца: «*грамота своя рука*» является оборотъ: «*грамоту своя рука*», «прислалъ *перепись...* дыка *рука письмо*». А. Ю. — Изъ образцовъ: «друзья мужескъ полъ» являются обороты: «взявъ денегъ *шесть рублей* Московское число (им. п.); или для выраж. *длины*: «сдѣлать два *погребъ* длина въ двѣ сажени, *вышина* противъ того жъ» А. до Ю. Б. — Изъ образца: «*на бочку на рожъ*» является: «запить *виномъ стаканчикъ*» Лъчѣб. — Изъ образца: «*праздникъ Спасъ*» — «послѣ Иванава дни *Уськновеніе* главы». — Изъ образца: «*деньги половина*» — «давать *хлѣба* половина ржаного, *друія* ярового» А. до Ю. Б. — Изъ образца: «*ковизъ двѣ гривенки*» являются: «*подать чепъ* золоту пять (им.) гривенокъ да *ковизъ* (вин. п.) *гривенка*». — Всѣ эти примѣры и др. подобныя суть остатки первоначальнаго *паратактическаго* сочетанія съ *опредѣляемымъ, стоящимъ въ им. же падежѣ*. Поэтому опредѣленіе *времени въ им. п.*, стоящее безъ предшествующаго существительнаго и отвѣчающее на вопросы *когда? какъ долго? какъ часто?* есть именит. не паратактическаго происхожденія, а *самостоятельный* *): «пріѣхалъ (когда?) *канунъ* (им. сам.) *Вербницы*»; по „въ *субботу канунъ* *Вербницы*“ образовалось паратактически изъ „*суббота канунъ* *Вербницы*“. Точно также паратактическаго происхожденія и такіе примѣры: „*поѣха во вторникъ* 3-я *недѣля* поста“ Пск. I., „*июня* 23 *канунъ* *Ивана* дни“, „*мѣся* 7014 *декабрь* 4 *день* преставился архіепископъ“ Новг. I; по въ выраженіи: „въ *Цареградѣ* (когда?) *лѣтнее время* *ночь* 8 часовъ, а *день* 16 часовъ“ (Путеш. Лук.) — именит. п. не паратактической. Точно также въ старш. рус. яз. *вечеръ, утро, день съ, осень съ* могли стоять не только въ винит., но и именит. над. самостоятельно, что особенно видно изъ именъ жен. р. на *а*, напр. на вопр. *какъ долго*: „мы бились *половина* дня“; на вопр. *какъ часто съ союз. что*: (млр.) „*що* *день, що* *юдина*“, (влр.)

*) См. „Синтакс. II. В. Зв. п.“ Попова, стр. 57—58.

Именит. падежъ приложеній при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени.

273

274

275

276

277

„что ночь (=каждую ночь), то домовою пугать его ходилъ“ (Изъ изслѣд. Попова. 57 *).

VIII.

Союзъ между словами, соединенными атрибутивно, hendiadys.

275 Византъ Микло-
шичъ и Попова. ныхъ, вносящую двойственность въ сужденіе, стоитъ фигура
εν διὰ δύοῖν (ср. выше III, 131). Поэтому Миклош. (Гр. IV, 5) велѣтъ
за примѣрами атрибутивности существительныхъ говорить, что „иногда
прилагательныя (т. е. опредѣлительныя слова) своеобразно замѣняются
существительными (атрибутивными), которыя присоединяются къ опредѣ-
ляемому посредствомъ союза и“, что и составляетъ фигуру hendiadys. По-
повъ въ своемъ изслѣдованіи („Синтакс. II. В. Зв. п.“, стр. 69), выво-
дитъ этотъ оборотъ рѣчи изъ *комитативнаго* независимаго именительнаго,
276 обозначающаго тотъ *второстепенный* предметъ, который находится при дру-
гомъ главномъ: „сапоги зеленъ сафьянъ“. Съ теченіемъ времени оба эти
понятія, по мнѣнію Попова, начинаютъ разсматриваться какъ *равносильныя*
и выражаются *однимъ и тѣмъ же* падежомъ: „къ чану зелену вину“,
при чемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ вставляются между ними союзы, и такимъ
образомъ получается явленіе въ языкахъ: εν διὰ δύοῖν, какъ выраженіе
одного понятія черезъ *два* (Поп. 76). Итакъ, по этому господствующему
279 взгляду, сначала было *одно*, цѣлостное для мысли, а потомъ, *вмѣсто* это-
го, стало *два* раздѣльныя единицы, сливающіяся въ единство.

Византъ Потеб-
ня на εν δι. д. конкретное выраженіе мысли древнѣе абстрактнаго, и что син-
280 тетическія сужденія, состоящія *въ сочетаніи двухъ самостоя-*
тельныхъ субстанцій, предшествуютъ аналитическимъ, со-
стоящимъ въ раздѣленіи мыслимаго на вещь и ея качества и дѣйствія,—
отвергаетъ господствующій взглядъ; выраженный Миклошичемъ и Поповымъ,
и утверждаетъ, что въ основѣ εν διὰ δύοῖν лежитъ древнѣйшее атрибу-
тивное паратактическое сочетаніе существительныхъ, служащее выраженіемъ
двойственности соединяемыхъ субстанцій. Что же касается значенія со-
юза, соединяющаго паратактически сопоставляемыя существительныя, то
онъ означаетъ то же, что и при отдѣленіи причастія отъ личнаго глагола
(II. 187 и слѣд.): ставь и рече, или при отдѣленіи подлежащаго отъ ска-

*) Въ примѣрѣ у Потебни: „что городъ, то норовъ“, взятомъ изъ из-
слѣдованія Попова, есть им. *мѣста* (гдѣ?), а не времени. И. Б.

земаго (II, 194), а именно: «онъ служить явственнымъ выраженіемъ *медленности*, съ которою въ говорящемъ одинъ актъ мысли слѣдуетъ за другимъ»^{*)}.

Степень потребности въ этихъ плеонастическихъ теперь частицахъ, заполняющихъ собою пробѣлы мысли, различна. Въ немѣрной рѣчи онѣ рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ мѣрной; въ началѣ стиха или волустинія (послѣ цезуры) эти эксплетивныя частицы менѣе замѣтны, чѣмъ внутри волустиній. Такъ, въ нѣкоторыхъ сѣв. великорусскихъ былинахъ употребляется часто эксплетивная частица *и*:

«И только не ходи за Олену за Поновича

«И за бабьяго да пересѣшника». Гильф.

«Отетянуль то онъ и тугой лукъ разрывчатой». Гильф.

Въ старш. рус. яз., кромѣ *и*, такими эксплетивными частицами служили:

1) *а*, имѣющее разные значенія: а) *соединительное*, куда примыкаетъ и *а* между личнымъ глаголомъ и причаст. (II, 190-3), б) *а* *противительное* (=же), в) *а* *условное* = *аще*: «*и* (=аще) есте послушали Цоловьчъ *а* (=и) послы нана есте избили *а* (=и) идете противу насъ, ть (=то) вы поидите; *а* мы (=мы же) васъ не заяли» Повг. I.—«*А* пошлешь (=если пошлешь) куды слушку... *а* (=если) съ слугою къ кому бѣству или питье..., да воротивъ спроси его» Домостр.; г) *а* (какъ *и*) *заключительное* (=то) послѣ предложеній съ начальнымъ *кто*, *что* и въ сочетаніяхъ условныхъ послѣ *аще*, *аже*, *аже*, *да*, *же*: „кто ли не имѣеть конь, *а* (дослѣвайте) въ ладѣ“ Ппат.—„Аще забываете всего, *а* часто прочитайте“ Поуч. Влад. Мон.; д) *а*, *а* *что*=*анъ*, *ажъ* въ болѣе новомъ языкѣ: въ тѣ поры молодець озирается, *а* *что* (=анъ) сняты съ него дорогие порты, „Горь Злоч.—е) Плеонастическое соединительное *а* въ началѣ предложеній и стиховъ въ варусскихъ былинахъ.

2) *А* *и* въ стар. рус. яз. и въ былинахъ съ разными значеніями: а) *когда-то*: „*а* *и* бы при вечерѣ,—пришедъ конюшій, повѣда князю, яко ждеть его Лаворъ“ Ппат.—„*А* *и* будутъ на дворѣ княженецкинъ, скочили они съ добрыхъ коней“.—б) *а* *и* = *анъ*, *ажъ*: „Заглянуль скороходъ на широкій дворъ, *а* *и* некуда Чурилъ вѣхати“.—в) *а* *и* плеонастическое, которое нужно отличать отъ *ай* (=гой если =ахъ ты) при зват. пад.: „въ славномъ великомъ Новѣгородѣ *а* *и* жилъ Буелай да 90 лѣтъ“.

3) *Да*: а) *плеонастич.*, которое по преимуществу раздѣляетъ атри-

*) Изъ дальнѣйшаго перечисленія значеній эксплетивныхъ частицъ видно однако, что во *всѣхъ* случаяхъ онѣ являются не плеонастическими, а вполне необходимыми какъ для связи одного предложенія съ другимъ, такъ и для приданія извѣстныхъ отѣтковыхъ мысли. **И. Б.**

Различная степень потребности въ плеонастическихъ частицахъ мѣрной и немѣрной рѣчи.

282

Эксплетивныя частицы въ др. рус. яз.: *и*, *а*, *о* *и*, *да*, *та*, *той* (той), *таже* (тоже), *можно*, *же*, *еще*.

283

284

285

286-8
 быть и опредѣляемое: „Какъ поѣхалъ Илья да слышъ Ивановичъ“; въ началѣ же второго полустипня *да* ставится и между другими членами предложенья. Въ малор. этому *да* соответствуетъ *та*, которое плеонастически употребляется и въ лѣтисписяхъ Лавр. и Платской, при чемъ вм. простого *та* употребляется еще *таи* или *той*: «тоже зимы *той* посласта Берестню.., *той* ту блюдохъ городъ тѣхъ, *та* цдохъ Переяславлю» Лавр.—б) *Да* и *та* употреблялись и какъ союзы *соединит.*: «а вы раздравше (=разговоривши) *та* прочь» Повг. I.—«Поѣхаша князи на Городецъ *да* въ Новгородъ» Лавр.—в) *таже* и *тоже*, *тожно*—потомъ: «начаша съча преже князи, *таже* бояри» Повг. I.—«Ты пожди брата, *тоже* поидеши» Ibid.

4) *же* употреблялось съ разными знач.: а) *же* понудительно-соединительное; какъ и *да*, *та*: «ну *же*»=млр.: «*та* ну»; «сиди *же*»=„*да* (*та*) иди“.—б) *же* соединит., которое ставилось *между соединительными* словами, а не постпозитивно: „бѣшеть у Болеслава сыновець 5—Сомовитовичи 2: Кондрать *же* (=и) Болеславъ, а Казмиричи три“ Плат.—«Дали ему скорлата портъ *же* (=и) чаторъ» Грам. Риж. къ Витеб. кн.—в) *же* препозитивное=противит. а: „наведя его къ тобѣ княжо, *же* (=а) къ собѣ въ пестоубку... и ту... за шню оковаль“ Ibid.—г) *же* постпозитивное=*потомъ*, *также*: „села взяна... и придоша *же* (потомъ) къ городу“ Плат.—«Вамъ повѣдалъ, а я повѣдалъ *же* (=тоже) Плат.—д) *же* плеонастич. въ былинахъ: «Засвисталъ-то онъ во весь *же* свистъ».

5) *Еще* нарѣч. на ряду съ союзами *и*, *а*, *да*, *та* также употребляется въ былинахъ плеонастически: «оставалосѣ *да* чадо милое *еще* молодой Василій *да* Бусласвиць». — «Ахъ ты гость, ты купецъ *да* *еще* Митрище».

291
 Другія эксклетивныя частицы въ былинахъ: *нунь*, *тутъ*, *здѣсь*, *было*, *былъ*, *бы*, *е*, *ли*, *туда-на*, *себѣ-на*, *ужъ канъ*, *канъ*, *онъ* (постпозит.) имѣютъ болѣе отдаленное отношеніе къ hendiadys. Сюда нужно отнести и повторенія, заполняющія иногда дѣйные стихи].

292-5
 Hendiadys въ Большаго вниманія по отношенію къ hendiadys заслуживаетъ раздѣленіе атрибутивныхъ сочетаній союзами въ непереносныхъ образцахъ мѣрной рѣчи и внутри полустипней. Такъ, при образцахъ «*путь дорога*», «*клецъ дерево*» являются: «поѣдешь ты путемъ *и* дорогою»; «стуть стояли же воры *и* разбойнички»; «есть у меня коготь *и* лихая болѣсть». Тоже въ блрус., малор., серб. и отчасти въ польск. яз.—При образцѣ «*миръ радость*»: «Володимеръ же прослави Бога о такомъ чудеси Божіи *и* о помощи его» Плат. (=о чудесной помощи Божіей).—«Сталасѣ намъ такая пригода (случай) *и* жалость» А. З. Р. (=печальный случай).—«Князь... приготавилъ пированіе *и* честь велику» Повг. I. (=почетное пированіе); «дани *и* пошланы», «дани *и* невылаты»; «то старина *то* *и* дѣянье» (=старинное дѣяніе), а такъ-какъ потомъ „старина“ стало означать „пѣсню“,

то союзомъ *и* стали раздѣляться и такія синонимическія сочетанія: „и тутъ тебѣ старинушку и славу поютъ“ Гильф.

Отмѣтимъ другія подобныя же сочетанія: „вѣрой и правдой“ (т. е. „по праведной присягѣ“, такъ какъ „вѣра“ въ старину означала и присягу или клятву; отс. „право“, какъ выраженіе божбы); „ратъ и сила“ (= сильная рать: синонимы); „сила и многое множество“ (= множество силы); „видѣвъ же окрестнія села бѣгающая въ градъ много же (=и) множество“

Отдѣльные образцы hendiadys въ соединеніи съ именами *правда, сила, душа, голова, доля, счастье, тѣло* и *Богъ*.

Ипат.—Въ мдр: „щастія и доля“ (= щастива доля), „огни та терни“ (= горшіе терны), „цвѣтъ та калина (= цвѣт-калина). Тоже въ серб: „сила и сватови“ (= множество поѣзжанъ), „сила и дајира“ (= множество дьяволовъ), „коло и дјевојке“ (= коло дјевојачко). Но серб. *сила* въ значеніи *vis* отъ опредѣляемаго союзомъ не отдѣляется и означаетъ не только свойство, но замѣняетъ и самое лицо: „сила Петре“, т. е. не только сила Петра, но и самъ Петръ.—Этому паратактическому сочетанію (сила Петре) въ Гомеров.

языкѣ соответствуетъ гипотактическое $\mu\acute{\epsilon}\nu\sigma\varsigma$ ($\beta\acute{\iota}\eta, \sigma\acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}\nu\sigma\varsigma$) съ род. п: $\beta\acute{\iota}\eta$ ‘*Πρακλήτορ*, или съ прилагат. притяж: $\beta\acute{\iota}\eta$ ‘*Πρακλείη* въ значеніи „самъ Гераклесъ“.—Въ старинномъ рус. яз. въ такомъ же значеніи употреблялось гипотактич. выраж. «сила креста» или «сила крестная», т. е. самый крестъ:

„И тако похваляче Бога и силу животворящаго креста пондоша“ Ипат.

(Ср. «Богъ заступилъ мя и крестъ честный» Лавр.). Но раздѣльную мысленія обѣихъ субстанцій въ формѣ: «сила и крестъ» (какъ и въ серб: «сила и Петре) не встрѣчается, и только сопоставленіе *силы* и *части цѣлаго*

употребительно, какъ напр. въ греч: $\beta\acute{\iota}\eta$ καὶ $\chi\rho\sigma\acute{\iota}$. Тѣмъ не менѣе „сила“ представляется здѣсь субстанціей и замѣняетъ самую вещь, являясь *двойникомъ* ея.—Въ такомъ же смыслѣ употребляется и «душа», какъ *двойникъ* чловѣка: «душа не принимаетъ», т. е. я не могу пить, ѣсть; но *душа* употребляется въ серб. и въ hendiadys: «блага нъему и шеговој души» (Серб. нар. п.).

Такое воззрѣніе на душу по отнош. къ чловѣку примѣняется у I. Экз. Б. къ объясненію *единства* и *субстанціальности* лицъ Св. Троицы: какъ *чловѣкъ* и его *душа*, такъ *Богъ* и *Св. Духъ*; какъ *чловѣкъ* и его

слово, такъ *Богъ* и *Сынъ* (= Слово); какъ *слово* и его *часть духовная* (подъ которою у I. Экз. разумѣется воздухъ), такъ *Слово* (Сынъ Б.) и *Духъ Святой*. Отсюда гипотактическія выраженія съ притяжат. мѣстоим: «*моя душа*» = «я» или собственно hendiadys «я и душа», «самъ и душа»;

точно также «*моя голова*» = «я» или hendiadys «я и голова» (какъ часть тѣла); поэтому выраженіе: «душа и тѣло» = „я самъ“; „мой братъ прибрелъ изъ полону *душею да тѣломъ* (т. е. самъ), а помѣстѣнца за нимъ пѣтъ“ А. М. Г.—«Пропадай *моя голова*» (т. е. я самъ). Въ значеніи *двой-*

296—9

300

301

302

303

304

ника человѣка, кромѣ «душа» и «голова», употребляются еще *доля*, *счастье*, *бѣда* и подоб., а потому вмѣсто „я“, „самъ“ говорится: „моя доля“, „мое счастье“. И какъ у всякаго есть свое счастье, своя доля, такъ есть у каждаго и свой богъ, геній; поэтому говорится: „счастливъ *твой богъ*“ (т. е. счастливъ ты самъ).

На основаніи тѣсной связи между лицомъ и его геніемъ, по мифію Потебни, можетъ относиться сюда и старин. рус. сочетаніе „Богъ и ты“: „братія идоша къ Антонію и рекоша: постави намъ игумена“. Онъ же рече имъ: „кого хотите?“ Они же рѣша: „кого хочетъ *Богъ и ты*“ Лавр., т. е. „ты съ *Богомъ*“.—Выраженіе «*съ Богомъ*», сближенное съ польскимъ и чешскимъ *z Bogiem*—счастливый, можетъ означать удачу, счастье (Ср. *счастливъ*, т. е. съ частію). Отсюда выраженіе: «ступай себѣ *съ Богомъ*», т. е. счастливо, благополучно. Помимо этого, «Богъ и ты» могло имѣть смыслъ «почетнаго обращенія къ лицу»*), какъ, въ противоположность этому, въ значеніи униженія ругательства, употребляются притяжательныя прилагательныя: *чортовъ*, *бьсовъ*, *вражій*, хотя и не говорится: „врагъ и ты“. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ «ты и Богъ» означаетъ, повидимому, *ты одинъ* («Богъ и ты» = „твой Богъ“ = „ты самъ съ собою“ = „ты одинъ“): «земля *Божія и твоя*» Плат., т. е. „ты одинъ въ ней воленъ“**). Что же касается вышеприведеннаго выраженія: „счастливъ *твой Богъ*“, то оно сперва равняется: „ты самъ и твой Богъ, съ которымъ счастье“. Въ виду же связи между субстанціями *ты* и *Богъ*, атрибутъ („счастье“) второй субстанціи („Богъ“), становится атрибутомъ и первой (ты): „счастливъ ты“ = „счастье твое“. Сюда же должны быть отнесены *возвеличительные* и *уничижительные* обороты: „твое здоровье“, „твоя милость“, въ которыхъ притяжательное мѣстоименіе „твой“ съ качественнымъ именемъ „здоровье“, „милость“ соответствуютъ *личному* мѣстоименію „ты“: „твое здоровье“ = „ты и твоё здоровье“ = „ты“. Павр. „придоша къ Святославу послѣ цѣ По-

*) Ср. соврем. „обожаемый государь“, лат. *divinus Augustus И. Б.*

) Слишкомъ смѣло предположеніе Потебни проводить здѣсь параллель между выраженіями „ты и твой геній“, „ты и твой Богъ“ съ одной стороны и лѣтописнымъ „Богъ и ты“ съ другой. Въ отвѣтъ братіи къ Антонію подъ *Богомъ* разумѣется, конечно, не *личный* геній или „двойникъ“ Антонія (какъ въ выраженіи „счастливъ *твой Богъ*“, т. е. ты самъ), а Богъ вообще всѣхъ христіанъ, какъ самостоятельная Субстанція; поэтому въ словахъ братіи „кого хочетъ Богъ и ты“ субстанціи могутъ быть понимаемы *только раздельно*, и никакого отждествленія съ *личнымъ* геніемъ тутъ не можетъ быть. Потому-то и самъ Потебня оборотъ „Богъ и ты“ приравниваетъ къ обороту „ты съ *Богомъ*“, а не „ты самъ“. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать, по моему, и другое лѣтописное выраженіе: „земля *Божія и твоя*“, т. е. сперва Божія, а потомъ твоя, но не твоя исключительно, какъ желалъ бы Потебня. **И. Б.

ловець... тако рекуче: „прошаемъ *здоровія твоєго*“ (=спрашиваемъ *тебя*)
 Плат.—„Пріѣхали есмь къ тобѣ... надѣючись на Бога и на *твое здоровье*“
 (=на тебя) Від. 313

Итакъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *дѣйствія* и *качества* лица при известномъ состояніи сознанія представляются самостоятельными субстанціями, замѣняющими самое лицо и являющимися двойникомъ его. Такія имена дѣйствія и качества, какъ видѣли вѣжде (III, 220), сочетаются паратактически съ именами лицъ: „о немъ о *здоровьи*“, „ему его *здоровью*“. Эти же паратактически соединяемая имена и раздѣляются союзомъ въ *hendiadys*: „опъ и его *здоровье*“, „огъ и его *приходъ*“, при чемъ значеніе дѣйствія лица можетъ, во связи, получить и имя *вещи*. Вотъ примѣры: „избавитъ ты отъ *непріяни* (=дьявола) и *стытей его*“ Лавр., „се влянуся *Боюмъ* и *его пришестьемъ*“ Лавр., „пришелъ есмь съмо *васъ дѣля* и *вашихъ дѣля обидъ*“ Плат., „сѣде Кондрать... *сыномъ королевымъ* и *его помочью*“ Плат., „и азъ *Якова* и *его службу* скажу Государю“ А. Ист. I.—„Видѣтъ *свѣтъ* и *его по возвращеніи*“ Гог. Мерт. Д.—Тоже въ мдр. и серб. яз. 314 315-317

IX.

Переходъ приложеній въ предложенія *).

Если приложеніе не согласовано въ падежѣ со своимъ опредѣляемымъ, напр. „межа на *иву*, вверху *суковата*“ (III, 270), то такое приложеніе съ точки зрѣнія *нынѣшняю книжною* языка, требующаго единства въ предложеніи, можетъ получать видъ отдѣльнаго предложенія, особенно когда въ приложеніи стоитъ *безличное* прилагательное или причастіе. По мнѣнію Попова, такіе обороты дѣлаются самостоятельными предложеніями въ томъ случаѣ, если въ нихъ на главный предметъ указывается *посредствомъ местоименія*: „стоитъ конь, *у него* голова наклонена“ (Пой. II. Зв. В. над., 70), Потебня же прибавляетъ къ этому и другой признакъ отличенія предложенія отъ приложенія, а именно—появленіе въ предложеніи *особаго подлежащаго*, состоящаго въ *повтореніи* опредѣляемаго слова: „и руки его назадъ свяжутъ *веревкою*, *обинта* та *веревка* войлокомъ“. Котош. 318 319 320

Приложенія, *переходящія* въ предложеніе („туръ *золотые рога*“— „туръ, на *немъ* *золотые рога*“); стоятъ въ ближайшей связи съ при- 321

*). Въ этой главѣ говорится вообще о переходѣ паратактическихъ предложеній въ гипотактическія, т. е. не объ однихъ опредѣлительныхъ, образовавшихся изъ приложеній, но и о дополнительныхъ. И. Б.

- 324 даточными глагольными предложениями, которыя не соединены ничѣмъ съ предложениемъ главнымъ: „прислалъ челоуѣка, *Иваномъ зовутъ*“, по связь эта объясняется не пропускомъ относительныхъ словъ, соединяющихъ придаточное предложение съ главнымъ, какъ думаетъ Буслаевъ (Гр. § 240, пр. 4: на четыре березы, (которыя) стоятъ на ядшиѣ), а сходствомъ по строю, такъ какъ и приложения, и предложения эти первоначально паратактичны, а не гипотактичны; т. е., не связаны относительными мѣстоименіями или союзами. Сходство между ними доходитъ иногда до тождества, благодаря тому, что вспомог. глаг. „*есть*“ можетъ опускаться при причастіяхъ: «образъ пречистые, серебромъ *обложенъ*» (здесь «обложенъ» можетъ равняться и «обложенный», и «обложенъ есть», такъ что можетъ быть и приложение, и предложение). Близостью же приложения къ паратактическому или не связанному съ главнымъ предложению объясняется и такое явленіе въ языкѣ, что они стоятъ рядомъ и какъ бы замѣняютъ другъ друга: «посадивъ пѣвня *косы до земли* (прилож.), *а голосъ на увесь свѣтъ идзе* (вм. приложения: «голосъ на увесь свѣтъ»); и *цуси самыгранны, сами играющъ*“ Ром. Бѣлор. сб. Въ силу такого сходства между безглагольнымъ приложениемъ и паратактическимъ глагольнымъ предложениемъ, они и замѣняются *равномѣрно* гипотактическими (связными) придат. предложениями при усиленіи гипотактичности и по мѣрѣ развитія относительныхъ словъ въ языкѣ: и «*туръ золотые рога*», и «прислалъ челоуѣка, *Иваномъ зовутъ*» равно могутъ перейти въ гипотактич. предложения: «*туръ, у котораго золотые рога*», «прислалъ челоуѣка, *котораго зовутъ Иваномъ*».

Примѣры паратактическихъ придат. предложений.

- Другіе примѣры паратактическихъ придаточныхъ предложений безъ относительныхъ словъ: «увидѣлъ Бова *старца, щены ребетъ*», «и узрѣ *траву, обвилась около дрѣва*». — «Сказали, *пріѣхалъ (никто)...* Федькою *зовутъ* сказалея» А. Ю. — «Сказалъ: «корешинко де именуется девятины, *отъ сердечныя скорби держатъ*». — А. Ю. — Въ нынѣш. яз.: «въ степи *просторъ, краю нѣтъ*» Лѣск. Тоже и въ марус. яз.

- 326 Взглядъ Корша на паратактическія и несогласіе съ нимъ Потебни
- По мнѣнію Корша («Способы относительнаго подчиненія» 49—50), такіе паратактич. обороты у славянъ составляютъ исключенія и объясняются небрежностью со стороны писателей; но не такъ смотритъ Потебня: онъ думаетъ, что при благоприятныхъ условіяхъ паратактич. придат. предложения безъ относительнаго мѣстоименія и союза могли бы укрѣпиться въ литературномъ языкѣ, если бы «исконное теченіе нижнихъ слоевъ языка» (т. е. живая народная рѣчь) внесено было въ славянорусскіе переводы и подражательные памятники.

1) Образцы паратактич. предложений съ повто-

Другіе образцы перехода приложений въ предложения: 1) въ придаточномъ предложеніи повторяется существи-

тельное главнаго предложенія и ставится въ томъ надежѣ, который требуется глаголомъ придаточнаго, при чемъ при существительномъ ставится обыкновенно *указат.* мѣстоименія и союзы *и, а, же*. Напр. «есть пещера, *изъ той пещеры* исходитъ источникъ» Дан. Пал.—«Славѣни прозвашася Ляхове, *а отъ тѣхъ Ляховъ* прозвашася Поляне» Лавр.—«Ту суть двери велики, *и къ тѣмъ дверемъ* припаде Марія» Дан. Пал.—«И есть... купель, *въ той купели* купался Христосъ» Дан. Пал.—У Данила Пал. особенно много такихъ примѣровъ, такъ какъ языкъ его отличается простотою и близокъ къ народному. Впрочемъ, есть у него нѣсколько примѣровъ и гипотактического сочетанія, т. е. съ *относит.* мѣстоим.: «въ ночь, *въ нюже* предавъ бысть отъ Иуды». Въ мдр. яз.—тоже.

2) Въ придаточномъ предложеніи существительное главнаго замѣняется лишь *однимъ личнымъ мѣстоименіемъ* (и, онъ): «И ту есть пупъ земной, создала же *надъ нимъ* комара» Дан. П.—«Коробка, *въ нее* уловныя деньги кладутъ» А. до Ю. В. Тоже въ мдр. и у Гомера (Od. IV, 354).—Примѣры этого рода образцовъ уже ближе подходятъ къ придаточнымъ предложеніямъ съ *относит.* мѣстоименіемъ: *а изъ нея — изъ неяже = изъ которой*, и потому образцы перваго рода (съ повтореніемъ существительнаго) должны считаться древнѣйшими. Ближе также подходятъ къ относительнымъ придаточ. предложеніямъ паратактическаго предложенія и съ указательными нарѣчіями *ту, тамо* вм. относительныхъ *иде же, кдѣ, когдѣ* и пр.: «Оттуда до Хіа острова 100 верстъ, *и ту* лежитъ св. мучен. Сидоръ» Дан. Пал.—Примѣры съ *иде же*, какъ и съ *нюже* у Дан. Пал. встрѣчаются рѣже; «и ту есть баня, *идеже* работашъ Юанъ».

Но отношенію къ возникновенію предложеній съ *относительнымъ* мѣстоименіемъ важны тѣ случаи, въ коихъ *соединит.* союзъ *а* стоялъ не при косвенномъ, а при *именит.* падежѣ указательнаго мѣстоименія: «*а онъ*», «*а они*»: «Славяне... разгонина Зарѣчанъ, *а они* безъ досѣха были» Повг. I.—«Да, на березу да на ель, *а онъ* стоять вмѣстѣ среди болота». А. Ю. Въ рус. яз. это теченіе прекратилось, а въ чеш. оно дало *относит.* мѣст.: *an* = который (изъ «а онъ» чрезъ стяженіе), *ani*; въ польск. *ano* (что): *znalezł je, ani spi* (нашелъ ихъ, *которые* спятъ = *а они* спятъ).

3) Придаточное паратактическое предлож. можетъ относиться не къ имени главнаго, а *къ сказуемому*, и потому служить переходомъ къ *дополнительному* гипотактическому предложенію съ союзомъ, при чемъ подлежащее въ придаточномъ должно быть *палнцо*: «и *увидѣлъ* Н, старецъ *щепы* гробетъ».—«И будетъ у которыхъ государей *отыдала*, *дочери* есть, ...и ты бы-о томъ мнѣ отъказала» А. З. Р.—Тоже и въ мдр., въ сербскомъ же яз. вмѣсто опускае-

реніемъ существительнаго главнаго предложенія.

2) Образцы съ личнымъ мѣстоимен. вм. существительн. глав. предложенія.

Большая близость этихъ образцовъ къ гипотактич. придат. предлож.

329

330

331

332

333

334

335-6 мыхъ *относительныхъ* словъ (союзомъ и мѣст.), которыя должны бы связывать дополнительное предложене съ главнымъ, употребляется *соединительный* союзъ *па, те* (=рус. *и*, новогреч. *каі*;) «Ој снашце... Шта је тебѣ; *па* (=что) ти не говориш?» Рајнов, Срб. нар. п.—Эти союзы замѣняютъ собою а) *что*, б) *такъ что* и в) мѣст. *который*. Въ чешскомъ этимъ союзамъ соответствуетъ *а*.

X.

337 **Мѣсто придаточ. предложеній съ относительнымъ словомъ по отношенію къ главнымъ.**

Отличіе современнаго яз. отъ стариннаго въ постановкѣ относительныхъ словъ. Изыбшій литературный яз., стремясь къ *объединенію* главнаго и придаточнаго опредѣлит. предложенія, обыкновенно ставитъ относительныя мѣст. непосредственно *послѣ* опредѣляемаго имени, которое уже не повторяется въ придаточномъ, такъ какъ относит. мѣстоименіе вполне *замѣняетъ* его; напр.: «человѣкъ, *который* (что) приходилъ вчера, сказывалъ»... Не то замѣчается въ языкѣ старинномъ, когда придат. предложене создалось болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ теперь, и когда связь и объединеніе его съ главнымъ были еще слабы: относит. мѣстоименія въ то время могли ставиться въ постпозитивныхъ придаточныхъ предложеніяхъ и не непосредственно послѣ опредѣляемаго имени, которое при этомъ даже повторялось въ виду неопредѣленности значенія относительнаго мѣстоименія, которое не могло замѣнять собою имени.—Вотъ примѣры *постпозитивныхъ* придат. предложеній.

338 *Постпозитивная постановка придаточ. предложеній и образцы ихъ.* Съ мѣст. *иже*: «Днѣпръ втечетъ въ Понетьское море жереломъ, *еже* море слово русское» Лавр.*).

339 Съ мѣст. *который*: «послаша Пековичи ...просити князя во Иеговъ на Пековской старшиѣ, *который* князь Пекову любѣ» Пеков. I.—«Я могу теперь своей *саблей* владѣть, *которая* сабля во сорокъ пудъ» Гильф.

340 Съ мѣст. *накоже*: «по сдѣланной *записи*, *какову* записъ мнѣ дали...

Съ мѣст. *ной*: «Спустилъ онъ туды *злаченъ перстень* а въ эту-то чашу княженецкую, *коимъ перстнемъ* они обручались» Гильф.

Большая самостоятельность старинныхъ опредѣл. предож. На большую же самостоятельность придаточныхъ опредѣлительныхъ предл. стариннаго языка и меньшую связь ихъ съ главнымъ указываютъ еще и слѣд. особенности.

1) Относит. мѣстоименіе и безъ повторенія опредѣляемаго существительнаго можетъ далеко стоять отъ него: «*Всславъ*, сынъ Брячелава, сѣде на столѣ его, *ею же* (т. е. Всселава) роди мати отъ волхвованія» Лавр.

*) И теперь можно сказать: «*накоже* море называется. И. Б.

2) Относит. мѣст. можетъ не согласоваться въ *числѣ* съ опредѣляемымъ именемъ: «И ту улыбаху *жесты* себѣ, *съ нею* же кѣто совѣщашеся»^{*)}.

3) Опредѣляемое имя а) опускается въ главномъ (но въ придаточномъ можетъ оно повторяться при относит. мѣстоименіи): «ноложница и у св. *Спаса*, юже (т. е. церковь) самъ заложилъ» Лавр.—«Приказалъ казнити вѣшати (мужиковъ), *которые мужики* были главные въ Угличѣ» Др. Р. Стих.

б) Или же опредѣляемое имя «не опускается, а указывается лишь общимъ смысломъ»^{**}): «Словѣни (и)же събяху по Душаевн... Морова, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, *яже нынѣ* зовомая *Русь*. Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, *яже* прозвася *фрамота* словѣнская, *яже* *фрамота* есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскѣхъ» Лавр. 25.—«Самъ же боляне велми, *въ ней же болести* и скончася» Лавр.—«И ненавидя его пошлютъ на шую царскую службу, *котораю* ему дѣла исправити немочно» Котош.

в) Относит. мѣстоименіе могло относиться къ предполагаемому существительному, образовавшему отъ им. *прилагательнаго*, находящагося въ глав. предложеніи: «Славяне Бога и *крестную* сплуду, *его же* (т. е. крестъ) переступили бяху Ростовци» Лавр. (Ср. III, 300). Но это существительное, образованное отъ прилагательнаго, могло стоять и налицо въ *придаточн.* предложеніи: «дается на *церковное* строеніе, *которыя* церкви бывають разорены» Котош.—Точно такъ же употреблялось въ прид. предл. относит. мѣстоименіе *что* въ разныхъ надежахъ, при отсутствіи въ главномъ соотвѣтственнаго указательнаго мѣст. *то*: «посылается хѣбное жалованье (тѣмъ), *чѣмъ* мочно сытымъ быть» Котош.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда относит. мѣстоименіе не заимствуетъ существительнаго, а стоитъ вмѣстѣ съ нимъ и *впереди* его,—придаточ. предложеніе можетъ ставиться *препозитивно* по отношенію къ главному. Напр. «*котораю* князя хотите, и язъ вамъ того дамъ» Нск. I.—Препозитивность эта объясняется тѣмъ, что здѣсь въ придаточномъ предложеніи изображаются такія воспріятія, которыя *предшествуютъ* содержанію главнаго предложенія, а потому подобный строй рѣчи долженъ считаться вполне естественнымъ и болѣе первообразнымъ, чѣмъ постпозитивныя придат. предложенія. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ то, что препозитивность придаточныхъ предложеній была широко распространена въ разныхъ языкахъ болѣе древняго строя, напр. въ древ. индійскомъ, древнемъ латинскомъ («*quos* *pueros*

*) Это же и въ соврем. языкѣ: „съ *которою* кто сговорился“. И. Б.

***) По приводимымъ ниже примѣрамъ слѣдовало бы ожидать приблизительно такой редакціи: „опредѣляемое имя въ глав. предложеніи указывается лишь общимъ смысломъ и тѣмъ существительнымъ, которое находится въ придат. предл., при чемъ относит. мѣстоименіе согласуется съ именемъ *придаточнаго* предложенія“. И. Б.

311

312

313

Постпозитивная постановка придаточныхъ предложеній и смыслъ ихъ.

344 miseram, epistolam mihi attulerunt» Cic.), причѣмъ ошибочно мнѣніе, будто бы здѣсь существительное переносится изъ главнаго предложенія и естъ такъ наз. *πρόκλησις* (Ср. II, 322). Вотъ примѣры изъ стар. рус. языка на *препозитивныя* прид. предложенія.

Образцы *препозитивныхъ* прид. предложеній.

Съ мѣст. *ине*: «ихъ же пмяху *полонянны*, овѣхъ постѣбаху, другія же мучаху» Плат. При этомъ существительное могло обращаться въ именит. *самост.* (II, 200), и тогда опредѣлит. придат. предл. дѣлалось *постнозитивнымъ*: «конь, его же любилши... отъ того ти умрети» Лавр. (вм. *его же коня любилши*).

Съ мѣст. *кто, что*: «А *кто* въ бѣтвѣ и въ питин... не чисто стрипаеть, и во всякомъ мастерствѣ *што* украдетъ или прилжетъ..., и *ты* вѣдѣла не угодны Богу» Домостр.—«И они бѣ послы, *о чѣмъ* они посланы, *дѣла* свои бодромъ объявили» Котош.

345 Съ мѣст. *который*: «*которые* люди кабальныя..., и они бы шли въ государевую службу» Новг. 1572 г.—«Въ горѣды, *которою* ѣхать *дорогою*, посылають грамоты» (т. е. тою *дорогою*). Котош.—Въ мѣр.—тоже самое, 346 и притомъ *который* сохраняетъ часто значеніе стар. русское и ц.-слав.: «*который* изъ *двухъ* или изъ *многихъ*».

347 Съ мѣст. *накой, наковъ*: „А *какову* есмь грамоту писать, и язъ съ тоѣ грамоты послать къ тебѣ списокъ» А. З. Р.

Съ мѣст. *кой*: «А *кою* стороною по улицѣ Христовѣ ведень, и *та дорога* вымощена камнемъ» Пут. Лукьян.

Препозитивныя прид. предложенія употребляются не только съ мѣстоименіями, но и съ *частицами относительными: что, сколько, куда, гдѣ* *).

348 *Что* съ им. и впи. имени соотвѣтствуетъ препозитивнымъ самостоятельнымъ именительному и винительному (Ср. II, 201) съ частицею *а*, съ которою встрѣчается даже рядомъ: «*а что* село Павловское... то даю княгынн своей» Собр. Г. Гр.

349 *Что* съ род. въ значеніи *сколько*: „*а что* есмь придобылъ золота..., а то есмь далъ княгынн своей“ Пв. При этомъ иногда союзъ *что* тяготѣеть не къ имени, а къ глаголу: «*что* прислали рада литовская... грамоту, и язъ противъ тоѣ грамоты... наисалъ» Ак. З. Р.

Съ част. *сколько*: «*а сколько* ихъ *пословъ* будетъ... и на тѣхъ *пословъ* готовятъ платье» Котош.

350 Съ част. *куда* и *гдѣ*: „А *куда* пошло... ѣздити по волости, ѣхати... по Петровѣ дни“.—«А *идѣ* бывають послы... на *посольскихъ* дворехъ, и на тѣхъ *дворехъ*... поставлена бываеть вахта» Котош.

*) По недосмотру, конечно, Потебня называетъ мѣстоим. *сколько* «частицею» наряду съ *куда* и *идѣ*, а рав. обр. и *что*, которое въ большинствѣ приводимыхъ примѣровъ является мѣстоименіемъ и лишь въ сочетаніи съ глаголомъ оказывается союзомъ. И. Б.

XI.

Предикативность существительнаго.

351

Подъ предикативностью существительнаго Потебня раз-
умѣетъ въ старинномъ языкѣ (а также и въ новомъ, какъ
арханизмъ) употребленіе существительнаго съ глаголами обща-
го значенія (быть, стать, жить и пр.) *вмѣсто простого гла-*
гольного сказуемаго, при чемъ *nom. agentis* входитъ въ составное *сказуемое*:
«сюда я больше *не ѣздохъ* (вм. не ѣзжу), а *nom. actionis* и сущ. *качества*
дѣлаются *подлежащимъ* такого «сказуемаго, которое по общности своего
значенія является *недостаточнымъ* для выраженія сказываемаго»: *жалоба*
моя (есть) вм. «я жалуюсь»^{*}).

Употребленіе
существитель-
ныхъ съ глаг.
быть, стать вм.
простого глагола
и древность та-
кого употребле-
нія.

Въ противоположность Бусласву (Гр. § 260, 261), который признаетъ ³⁵²⁻³⁵³
сокращеніе предложеній или переходъ прилагательнаго и глагола прида-
точною предложенія въ существительное («виновникъ» вм. «тотъ, кто
виноватъ», «моя неволя» вм. «я не воленъ»),—Потебня утверждаетъ со-
гласно съ прежде сказаннымъ (II, 117, 118), что теорія сокращенія пред-
ложеній ошибочна и что не глаголь и прилаг., *какъ болѣе отвлеченныя*,
могутъ переходить въ существительное, а наоборотъ существительное—въ
глаголь и прилагательное. Поэтому и обороты: «я не ѣздохъ», «жалоба
моя», «моя неволя» (старин. «неволя ми») должно считать болѣе древними,
чѣмъ соответствующія имъ выраженія: «неѣзжу», «жалуюсь», «я неволенъ».
Трудно даже понять, гов. Потебня, въ чемъ состоитъ *сокращеніе*: «моя не-
воля» изъ «я неволенъ», такъ какъ количество членовъ остается *одно и то же*.

354

Переходъ глаголовъ въ имена въ *древнѣйшій* будто бы періодъ Бусласвъ
основываетъ на *первообразности* и *конкретности* глагола по срав-
ненію съ именемъ: глаголь, по ученію о первообразности глагола, нагляд-
нѣе де чѣмъ имя, слѣд. именное сказуемое отвлеченнѣе и должно относиться
къ позднѣйшей формации. Потебня же, согласно съ прежде сказаннымъ (III,
14—25), признаетъ глаголь и прилагательное отвлеченнѣе существительнаго,
ибо послѣднее можетъ означать *весь чувственный образъ*, а не одно дѣй-

^{*} Однако изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что и *nom. agentis*, и *nom. actionis* употребляются не только въ качествѣ сказуемаго и подлежащаго, но и дополненія съ сохраненіемъ глагольнаго или, какъ выражается Потебня, *предикативнаго* своего значенія. Въ виду этого я позволилъ себѣ далѣе (III, 358 и слѣд.), не измѣняя порядка изложенія Потебни, видоизмѣнить нѣсколько рубрики его, а именно—вмѣсто трехъ подраздѣленій: а) *nom. agentis* въ качествѣ *сказуемаго*, б) *nom. ag.* въ качествѣ *подлежащаго* и в) *nom. actionis* я допустилъ только два: а) *nom. agentis* и б) *nom. actionis*, при чемъ и тѣ и др. существительныя разсматриваю по ихъ употребленію въ качествѣ сказуемаго, подлежащаго и дополненія (въ косвенныхъ падежахъ). И. Б.

ствіе или качество субстанціи. И такъ какъ *языкъ идетъ отъ наглядности къ отвлеченности*, а не наоборотъ, то и предикативность существительнаго должна увеличиваться по направленію къ древности.

353 Того же взгляда, какъ на предикативное существительное, держится Буслевъ и на выраженія *описательныя*, напр. *держатъ рѣчь* вм. простого глагола *говорить*, представляющаго собою *разложеніе* дѣйствія на глаголъ и имя (Гр. § 257). Но если бы «описание» было разложеніемъ глагола (т. е. переходомъ его въ имя), то въ позднѣйшемъ языкѣ такихъ разложеній встрѣчалось бы больше, чѣмъ въ древнемъ, на дѣль же приводимые Буслевымъ примѣры изъ былины, какъ остатки старины, чужды нынѣшнему литератур. языку: *опочивъ (отвѣтъ, путь) держатъ, жалобу творить, повѣдку чинить* и т. п., между т. примѣры, какъ «*метахл. дѣйствія*» (Остр. Е.), восходятъ къ глубокой древности и болѣе наглядны, чѣмъ «*жеребевать*», или «*крестъ класть*», чѣмъ «*креститься*».

354 357 Наконецъ, архаичность предикативности существительнаго, по словамъ Потебни, сказывается въ его *миѣчности*, проявляющейся въ томъ, что имя *дѣйствія* представляется именемъ *дѣйствозателя*, что чувствуется нерѣдко и донныи: «*грѣхъ мой ко мнѣ пришелъ*» вм. «я согрѣшилъ», «*на тебя эту ночь сна нѣтъ*» (Аблес.) вм. «тебѣ не спится» и т. п.

Случаи употребленія существительныхъ съ глаг. бытъ, стати и др. вм. прост. означаемыхъ.

Nom. agentis съ глагольнымъ значеніемъ.

Существительныя съ глаголами общаго значенія вмѣсто простого глагола въ старинномъ языкѣ, а также и въ новомъ, какъ архаизмъ, употребляются:

а) *nom. agentis*, какъ *предикативный атрибутивъ* въ *составномъ сказуемомъ*, при чемъ въ болѣе древнемъ яз. такое сказуемое обозначаетъ не только постоянный признакъ дѣйствозателя, но и *возникновеніе* признака, какъ въ простомъ глаголѣ. Напр. «аще придуть на тя Русскыи князи, то мы ти *будемъ помощники*» Лавр. — «А впредь де онъ о подмосковномъ помѣстьѣ *не челобитчикъ* (=не будетъ просить). А. до Ю. Б. — Съ такимъ же значеніемъ употребляются *отместникъ, самовидецъ, начальникъ, досадникъ, посульникъ, злоиматель, оберегатель, несильникъ* (=кто не насилуетъ); въ былинахъ: *ходоки, знатки, трудница, работница, бральница, ломальница, портомойница, уюдница*; «*ночлежникъ-одолженникъ*» (=кому даютъ ночлегъ, того одолажаютъ); въ литер. яз.: «*не пздокъ*», «*не чтецъ*» (Гриб.). Тоже въ серб. и польск. яз. — Съ такимъ же глагольнымъ значеніемъ употребляются подобныя существительныя и въ *косвенныхъ* падежахъ: «искать *думщииковъ* да *совѣтчииковъ*», т. е. такихъ, которые бы подумали да посовѣтовали, при чемъ *nomina agentis* принимаетъ послѣ себя дополненіе въ тѣхъ же падежахъ, что и послѣ *verba finita*: *оберегатель отъ чего, ходокъ по земль*, за исключеніемъ винительнаго, вм. котораго ставится послѣ *nom. agentis* дат. или ред.:

а обратница *людомъ* или *людѣ*. Въ др.-индійскомъ же и санскр., а изъ по-
 выхъ въ латыш., употребляется и винительный п. — Nomina agentis съ гла-
 голнымъ значеніемъ употребляются и какъ подлежащія: блр. «лугамъ зе-
 ленымъ *косцы будучь*, хоромамъ новымъ *жилыцы будучь*»; влр. «отворийся
 дверь дубовая... идутъ банныя *истопнички* подружки да *водопошнички* (т. е.
 идутъ подруги *топить* баню и *носить* воду). — То же и въ литов.-лотыш. языкѣ.

б) Nomina actionis и качества съ глагольнымъ значе-
 ніемъ употребляются такъ же какъ и nom. agentis, то въ
 качествѣ подлежащаго и нѣрѣдка сказуемаго, то въ качествѣ дополненія
 (въ косвенныхъ падежахъ), при чемъ дѣйствующее лицо (nom. ag.) при та-
 кихъ именахъ съ мнимою субстанціей выражается или притяжательнымъ
 мѣст. и прилагательнымъ, или дательнымъ commodi: «воли моя (есть)»,
 «воли ми (есть)», а если имя дѣйствія стоитъ въ качествѣ сказуемаго, то
 оно получаетъ значеніе имени дѣйствителя*): «дочь дворянская... твоимъ
 плечкамъ не *подмоушка*, бѣлымъ рученькамъ не *замънушка*» Шейнъ,
 Рус. нар. п. — Въ болѣе позднемъ яз. nomina actionis въ оборотахъ этихъ
 вытѣняются прилагательными и нарѣчiami («я *воленъ* есмь», «*страшно*
 смотреть») изъ «страхъ (есть) смотреть»).

Примѣры такого употребленія именъ дѣйствія и качества встрѣчаются
 и въ древ., и въ новомъ языкѣ.

Имена на *ъ* (ь) муж. р.: «и *слухъ бысть* (ἰχθὸς ὄθη) (Остр. Ев.). —
 «Володимеръ же нача вопрошати..., куда *выходъ его* изъ Ляховъ» (=куда
 онъ пошелъ) Ипат. — «Бываетъ *имъ отпускъ* (= отпускаютъ ихъ) Котомш. —
 «Не *обычай тому* есть» Ibid. — «Я знаю, какой гдѣ *птицы болѣе водъ*» Кр. —
 Сюда же относятся обычные дошныя выраж.: *страмъ*, *стыдъ*, *страхъ* при-
 знаться=стыжусь...; *ирьхъ* сказать и т. п. — Съ тѣмъ же значеніемъ п. ac-
 tionis употребляются и въ косвенныхъ падежахъ: «а великаго *язду нынутъ*»
 Ипат. (= *пхатъ* не далеко), «*ходу* три мѣсяца (=идти 3 мѣсяца), «того
 опсгать не *въ память* (=не припомню) Котомш. — «Слышавъ *приходъ князя*»
 (=что пришелъ князь); никому *пѣтъ спуску*, *удержу*, *послѣ просроку*,
дѣтъ промахъ, *отъ роду*, *съ роду*, *въ счетъ*, *не въ счетъ*, *не въ догадъ*,
не въ домакъ, *не въ мочь*, *не въ терпежь*, *не въ примѣръ*, въ *истому*,
въ стыдъ, *не въ силу* и т. п.

Имена на *ов* и др. сред. р.: «*ту ваю ятье будетъ*» (=будете схва-
 чены) Ипат. — «Како есть *княженіе* свата моего» (какъ онъ княжить) Ів.;
 съ такимъ же глагольнымъ значеніемъ употребляются: *стенаніе*, *спднннѣ*,
помраченіе въ солнцы, *сбытіе* (исполненіе), *хотнннѣ мое*, *непогодье*, *Божие*
непособіе, *хоженіе*, *шествіе*, *престаніе*, *наказаніе*, *умноженіе*, *пробужде-*

*) Этотъ случай употребленія nominis actionis взятъ мною изъ 351 стр.,
 гдѣ издатели помѣстили его въ скобкахъ. И. Б.

377 *ніе, приведеніе мое* (=то обстоятельство, что я привелъ), *веселье, прокорм-*
леніе, дѣло и др.—Въ косвенныхъ падежахъ: «Въ тѣхъ дни... мертвымъ

378 *погребенія не бываетъ»* Котош.—«Не живетъ (бываетъ) *вставаньца* послѣ

379 *твоего живаньца, бываньца»* Рыбн. (Ср. „по моемъ живонѣ“ Пнат. „по-

380 *слѣ его вѣку долгаго»* Кириш. Дап.).—«И бысть *судьяня* его Кневѣ» Пнат.,
житія его во Псковѣ 12 лѣтъ Пск. I.—Съ такимъ же значеніемъ употре-

бляются *ставленье, медленье, приятье, послушанье, убійство, сожженіе:*
 въ народ. цѣл.: *сиротаньце, покликаньце* и др.

Имена жен. р. на *а, я, ъ, ѡна*: *подоба* есть, на потребу намъ (=трѣ-
 бѣ); *намъ неволя, неволя ми, вина* ея, *твоя обида* будетъ (=ты будешь

381 *обиженъ), «побѣданы* есть на Угры» Лавр.—«Бысть *раюза* Новгородцемъ

ея Псковичи» Пск. I, «бысть *радость»* Пв.—«*велика сила*» (=на сколько

382 *я силенъ).—Употребляются еще: поруха, истора, волокита, жалоба* моя

383 *на кого, честь* (=чествованіе), *помощь, непомощь, печаль, скорбь, вѣсти*

(извѣщеніе), *ваша мысль* (вы мыслите), *охота* (=хочется), *вѣра* (=вѣ-

рита), *похвальба, срамота* моя (=срамно мнѣ); тоже въ бѣлор., малор.:
нема красы, неволя твоя—*разлука* моя, *недоля* моя, *досада, оорада,*

384-385 *зуба, шкода.* Въ влр. на *ка*: *посылка, ссылка, зацѣпка, присылка, за-*

писка (записываше), *ставка, пытка, прибавка, поыздка.*—Въ пол. и серб.
 помѣна *actionis* съ глаг. *быть, стать* также употребляются въ этомъ смыслѣ,

386-387 а въ влр. къ глаголамъ *общаю* значенія прибавляются еще *стоитъ, ле-*

388-389 *житъ, живетъ*: «цѣна *стоитъ*», «цѣна *лежитъ*»; «я *пришедь* да сняеъ

платице... упрятать, гдѣ то живетъ»—Домостр. Въ литов. *) изъ имена
дѣйствія, особенно уменьшительныя, столь же употребительны съ глаголь-

391 *нѣмъ значеніемъ слѣдуетъ относить*
 п такіе образцы, въ которыхъ глагольное имя *поясняется*
 нѣлымъ придаточнымъ предл.; напр. «Псковское *взятіе, како*
предложеніеъ. взятъ ѡ (т. е. Псковъ) Ки. Вел. Вас. Пв-чѣ». *Эпекзегетич-*
ность (ἐπεξεγερσις) такихъ придаточныхъ предложеній, являющихся съ позд-

392 *нѣйшей точки зрѣнія плеоназмомъ, Потебня сопоставляетъ съ оборотами*
post v. sentiendi: «его многіе узнали, что онъ не прямой царевичъ Дмитрій»
 Котош. (Ср. II, 322-4), и объясняетъ слѣд. обр. Сначала мысль вполне
 удовлетворялась предикативностью имени: «пославъ испытай когощо ихъ
службу Богу». Затѣмъ, вѣдѣтвіе ослабѣвавшей предикативности имени
 (*служба*) должно было появиться *латольное* его толкованіе сначала. б. м.
 паратакнчное, а потомъ гипотакнчное съ *относительными* словами: «ис-

*) О литов. яз. Потебня ничего здѣсь не говоритъ. И. Б.

гипотак. сочет.). Наконецъ, глагольное имя въ глав. предлож. *замѣнилось* указательнымъ мѣст., которое могло вовсе опускаться передъ относительнымъ словомъ: «пославъ испытай (то), како вѣждо ихъ служить Богу», и так. обр. все лексическое содержаніе *именнаго* оборота (служба) перешло въ *глагольное* придат. предложение. Всѣ эти три ступени встрѣчаются уже въ первыхъ памятникахъ рус. письменности, но чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ менѣе обычны первый и второй обороты, какъ древнѣйшіе. На второй ступени могли возникнуть *hendiadys*, какъ напр. и есть въ Лавр. лѣт.: «пославъ испытай кождо ихъ службу и како служить Богу».

393

Эпекзегетическія придат. предложения относятся:

а) *къ имени дѣйствителя* (въ рус. яз. мало такихъ примѣровъ): «сытенный дворъ... а въ немъ чиновные люди... *винокурсы, пивовары...* которые вино курятъ и пиво варятъ». Котош.

б) Придаточныя предл. служатъ поясненіемъ *атрибута* при имени глав. предл.: «того же числа *приводной* крестьянинъ, *что приведенъ* въ отбоѣ...», *распраниванъ*» А. Ю.

в) Прид. предл. *при имени мѣста дѣйствія*: серб. «кад су билн горе у планине на појило, *идје се поји* стадо» *).

394

г) Придат. предл. *при nom. actionis* и *acti*: «повѣдаю *трудъ* свой, *оже* (=что) *ся* есмь *тружалъ*» Влад. Моном.—«А помнилъ бы еси, отче, *своей обѣтъ, какъ* *ся* еси *обѣщаль*». Другія выраженія: «о *начати* Галича, откуда *ся* *почаль*», «до *живота*, доколѣ еси *живъ*», «пача *цекати* *пошлми*, какъ *пошло*», «*приода*, которая *се* намъ *приодила*», «на *присъли...* яко *вы* *присягнули*», «о *судъ*, како *судити*», «нужа, что ихъ *нудятъ*», «*жалованье*, что *меня* *жалуешь*», «*писанья*, что *писалъ*», «*наказъ*, какъ *тебѣ* *наказовалъ*», «*купля*, что *купилъ*», «*владѣнья*, чѣмъ *владѣли*», «*промыслъ*, чѣмъ *стану* *промышляти*», «*кочеванья*, гдѣ *кочевалъ*», «*выходъ*, какъ *вышли* со кресты» и т. п. Такіе же образцы есть въ мар. и серб. яз.

395—с

Эпекзегетическія придат. предл. могутъ относиться и къ такому имени дѣйствія, котораго *нѣтъ* *налицо* въ *главн. предложеній*. Напр.: «о дружкѣ, *како* *ходитъ* царя спрашивать о *здоровьѣ*» Котош. Здѣсь придаточное предл. служитъ поясненіемъ не имени дѣйствителя (дружка), а его дѣйствія — *хожденія* къ царю, и потому, при *именномъ* строѣ, этотъ образецъ былъ бы выраженъ такъ: «о дружкѣ о *хожденіи*» или поздне: «о дружковѣ *хожденіи*» (Ср. III, 220) — «о *хожденіи* дружка къ царю со *спросомъ* о *здоровьи*», а при *нынѣшнемъ* глагольномъ строѣ: «о томъ, какъ *дружка* *ходитъ*...» Такихъ примѣровъ у Котош. очень много: «о *попѣхъ* и о *чернецѣхъ*, какъ ихъ *кормятъ*», «о *посланинцѣхъ*, какъ ихъ *принимаютъ*»,

397

398—б

*) Почему-то русскихъ образцовъ здѣсь у Потебни не приведено. И. Б.

о ворѣхъ, что ихъ для свадьбы вынуждаютъ» и т. п. А рядомъ съ такими образами встрѣчаются и прямо придат. предложения безъ п. *agentis* въ *главномъ*: «какъ къ посламъ посылается стольникъ», или же «одни отно- сительные субъекты безъ придаточныхъ предл.»: «о свадьбѣ, и о вѣчаніи».

Предикативныя имена, особенно въ оборотахъ болѣе поздняго типа, стали терять свою субстанціальность, отчасти замѣняясь образуемыми отъ нихъ именами прилагательными, отчасти же переходя изъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектные, какъ напр. «страхъ *было* смотрѣть» изъ «страхъ *былъ* смотрѣть», при чемъ въ безсубъектныхъ оборотахъ прилагательныя стали переходить въ нарѣчія: «*страшно* было смотрѣть, *страшно* видѣть, что»... Такимъ образомъ, въ литератур. языкѣ, съ одной сто- роны, образуется множество прилагательныхъ отъ именъ дѣй- ствія, а съ другой возникаютъ безсубъектные обороты.

Прилагательныя образуются а) отъ *nom. agentis* на *тель*: «*N мучителенъ*» изъ «*N есть мучитель*», принудителенъ, обременителенъ, разителенъ, разрушителенъ, доброжелателенъ, расточите- ленъ и др., которыя въ простонарод. рус. яз. необычны съ суф. *теленъ*.

б) Отъ *nom. actionis*: «*N обиденъ*» изъ «обида (есть) *N-у*», „я *оу- денъ*“ изъ „диво (сущ.) мнѣ есть“, при чемъ прилагательныя эти полу- чаютъ двойное значеніе, судя, потому, образованы-ли они изъ имени дѣй- ствія α) какъ подлежащаго, или β) какъ сказуемаго или объекта въ кос- венномъ падежѣ: α) изъ „диво (подл.) мнѣ есть“ является прилаг. *ди- венъ* (съ значеніемъ *удивляюсь*), β) изъ „я (есмъ) диво“ является „я дивень“, т. е. удивляю; изъ „я при страхѣ“ пропеходитъ прилагательное „двистрашнъ“, т. е. внушаю страхъ.—Въ новомъ литератур. яз. прилаг. эти преимущественно употребляются со вторымъ значеніемъ, въ старинномъ же употребляются и съ первымъ. Напр. съ первымъ значеніемъ: „А *обид- ному* (=обиженному) на рубежи судъ“ Повг. Гр. 1318 г.—... „Чтобы ли- товскіе люди отъ государевыхъ людей были *страшны* (=устрашены)“, „начали быть *ужасны* (=стали приходять въ ужась)“, *убыточенъ* (=въ убыткѣ), *честенъ* (пользуется уваженіемъ), *ратенъ* (у кого рать съ дру- гимъ), *мирень* (у кого миръ съ др.), *воленъ*=у кого воля (Ср. II, 378—9; 414—8), *винень* (повишень), *тгчнь* (цсл.)=равень (=кому есть тгчъ), *прѣльстнь*=прельщенный (Избор. 1075), *доходный* не только прибыльный, но и *доходящій*: „моя молитва къ Богу *доходна*“.

Съ такимъ значеніемъ прилагательныя отъ именъ глагольныхъ упо- требительны въ мгр., серб. и польск. яз.

Кромѣ перехода предикативныхъ существительныхъ въ прилагатель- ныя, потеря субстанціальности именами выразилась еще въ *устраненіи* подлежащаго.

XII.

Устраненіе подлежащаго.

„Подлежащее“ и „сказуемое“ взаимно предполагаютъ другъ друга и въ этомъ смыслѣ суть понятія *относительныя*; „безсубъектность“, т. е. отсутствіе опредѣленнаго подлежащаго, и „безличность“, т. е. неопредѣленность 1-го, 2-го и 3-го лица, выраженная глаголомъ 3-го лица *единств.* *) и, суть понятія *отрицательныя* и *непервообразныя* **). Средній родъ (*ne-utrum*) есть тоже понятіе относительное и отрицательное: положительные признаки его, напр. значеніе „овъчья“, какъ *малость* животного, могутъ относиться и къ муж., и къ жен. роду и, слѣдов., предполагаютъ отрицаніе принадлежности къ полу. На этомъ основаніи неопредѣленность лица выражается также и среднимъ родомъ: въ однихъ языкахъ, какъ напр. нѣмецкомъ, неопредѣленность эта обозначается среднимъ родомъ указательнаго мѣстоименія *es*, а въ другихъ, какъ напр. въ славянскихъ и нарѣчійхъ, выражается окончаніемъ средняго рода именной части сказуемаго.

Способы выраженія неопредѣленности лица.

403

Хотя по мнѣнію Штейнталя въ данныхъ случаяхъ нѣмецкое „*es* есть нуль“, а по мнѣнію Гримма служитъ лишь слабымъ указаніемъ, намекомъ на существованіе *причины* явленія, т. е. подлежащаго, тѣмъ не менѣе Потебня придаетъ этому „*es*“ *знаменательное* значеніе: средній родъ, какъ *отрицаніе* принадлежности къ полу, не примыкая *непосредственно къ роду опредѣленнаго дѣйствозателя*, знаменуетъ собою новый шагъ мысли и есть *новообразование* въ развитіи языка. И какъ въ нѣмецкомъ употребляется указат. мѣст. *es*, такъ въ нлр. и влрус. употребляется для выраженія неопредѣленности лица средній родъ *личнаго* мѣст. *воно, оно*: „*воно* такъ и е“; „*оно* конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому *похвально*...“, только знаете, въ такомъ мѣстѣ *оно* (а не *это*) неприлично“ Ревиз. Гог:— „*Оно* хоть пѣть публичности, да и заботности меньше“ Ibid.

Знаменательное значеніе сред. рода, какъ *новообразование* въ развитіи языка.

404

405

Безсубъектное сказуемое можетъ выражать какъ *личныя состоянія* (ощущенія и воспріятія внутренняго міра), такъ и *внѣшнія явленія*. Исходною точкою для объясненія такихъ

Объясненіе происхожденія безсубъектныхъ сказуемыхъ съ

*) Слѣдов., нельзя называть безличными формы 3-го лица *множ.* Ч.: *dicunt, λέγουσι*, говорятъ, „гдѣ подлежащее хотя не названо, но известно“ Гов. Потебня.

**) Непервообразными Потебня называетъ эти понятія потому, что безсубъектные обороты производить онъ изъ субъектныхъ, о чемъ и говорится далѣе (см. III, 406—418 и слѣд.). И. Б.

406. мионической точ-
ки зрѣнія на
языкъ. безсубъектныхъ выраженій служить воззрѣнiе, что въ каждомъ
существо и въ каждомъ явленiи заключена двойственность и
множественность *субстанцій*, дѣйствiями коихъ и объясняются такія явле-
нiя, какъ ;не большой привередливъ, а *боль*“; ;*сама бользна*
207. Субстанціаль-
ность миониче-
скихъ субъек-
товъ. скажетъ, чего хочетъ“ Далъ. Посл.; ;въ Томскомъ городѣ въ
землею погребѣ закопать камень, а взять у шайтаника...
а тотъ де камень, какъ его поевить паружу, и отъ того де бываетъ *мо-
розъ* и *вода* (Рус. Ст. Вѣдл. II, 216—218). Въ подобныхъ воззрѣнiяхъ
408. является тотъ общій смыслъ, что мионическое существо производитъ извѣст-
ное дѣйствiе какъ въ челоѣкѣ, такъ и въ природѣ. Отс. выраженiя:
 $\sigma\acute{\epsilon}\beta\alpha\varsigma \mu\acute{\iota}\epsilon\chi\tau\iota$ = удивленiе меня беретъ; охота беретъ; скука, тоска, раз-
думье одолѣваетъ; олицетворенiя: ;*сонъ* идетъ по снiямъ, *дрема*—по те-
409. рему“; дрожь, лихорадка беретъ; нашель на меня страхъ, пришла мнѣ
110. охота; ;щобъ тебе родимецъ побивъ“; ;п уя и бользна крѣпка“ Плат. и пр.
Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ причина явленiя *субстанціальна*. Но какъ
скоро мионическiй субъектъ или, по крайней мѣрѣ, его опре-
дѣленность устраняются,—субъектные обороты могутъ пре-
вращаться въ безсубъектные. Устраненiе это происходитъ
Устраненiе ми-
оническихъ субъ-
ектовъ и пере-
ходъ къ бессубъ-
ектности.
а) частію потому, что извѣстныхъ враждебныхъ чело-
вѣку демоническихъ существъ называть не слѣдуетъ, какъ
говорить Гриммъ:
б) частію потому, что таинственно дѣйствующее лицо или существо
представляется неизвѣстнымъ, пока не дознано, кто оно такое: «тамъ водить»;
411. в) неизвѣстность же эта является нерѣдко слѣдствiемъ критическаго
отношенiя къ существованiю мионической субстанціи; такъ, въ народ. поэзи
мионическая *недоля*, *горе* есть змѣя, гадина на сердцѣ, но, вслѣдствiе кри-
тического отношенiя къ существованiю такой субстанціи, одинъ вариантъ
иѣenni признаетъ *недолю* уже не змѣей, а *лихой годиной*, другой же вари-
антъ отрицаетъ и *лиху годицу*, какъ личность, и признаетъ только *самог
страданiе*, причиненное другою, уже *дѣйствительною личностью*: «Край
мого серденька гадиноньга въещя... А—то не гадина, то лиха година:
Зушила—звѣляла *невѣрна; дружина*». Мет. 251.
412. Отрицательныя
сравненiя въ
языкѣ, какъ пе-
репуты къ отри-
цанiю миониче-
скаго дѣйстви-
теля.
На перепуты къ отрицанiю мионическаго дѣйствителя,
а вмѣстѣ съ тѣмъ и на перепуты отъ субъектныхъ выраже-
нiй («гнѣвъ раскинается», «сердце разгорается») къ безсубъ-
ектнымъ («меня знобитъ, меня въ жаръ бросаетъ») стоятъ
отрицательныя сравненiя, умаляющія или отрицающія сходство сравнивае-
мыхъ явленiй: «*безъ огня* мое сердечко разгорается; *безъ смолы* моя утроба
41. раскинается; *безъ воды* да рѣзвы пожги *подмываетъ*» Барс. Прич. Въ по-
добныхъ сравненiяхъ, отрицающихъ *способъ* дѣйствiя (*безъ* огня, *безъ* воды),

лическій дѣйствователь вовсе еще не отрицается, какъ выше: «то не *година*, то лиха година», но отрицается уже *конкретность* проявленія дѣйствителя, что ведетъ къ измѣненію представленія о немъ самомъ, а потомъ и къ отрицанію его. (Ср. съ предыдущими сравненіями безсубъектнаго выраженія въ смыслѣ *нравственнаго* влеченія: «меня такъ и *подмываетъ*»; «такъ и *тянетъ*»; «*подбываетъ*»).

Съ устраненіемъ опредѣленнаго субъекта изъ вышеприведенныхъ субъектныхъ выраженій (Ср. III, 406-410) являются безсубъектными; напр. о болѣзни: „за животъ *беретъ*“, „за утробу *разрываетъ*“, «какъ рукой *сняло*», «въ кровь *свело*», *соннуло*, *скрючило*, *перекосило*, *разнесло*, меня *трясетъ*, *слабитъ*, *тошнитъ*, *рветъ* и т. д.; «дна (ломъ въ костяхъ) есть *подступила*» Плат., отс. безсубъектное *подступило*, *подкатило* подъ сердце; «щобъ тебе *горою* (тв. образа) *підняло*». Квит.; „щобъ тебе *нобило*“, „бодай тебе за сердце *взяло* Ibid. — Не ко всякому безсубъектному выраженію этого рода можно подобрать соотвѣтственное субъектное; тѣмъ не менѣе послѣднія предполагаются первыми, и по направленію *отъ* древности число безсубъектныхъ увеличивается насчетъ субъектныхъ.

Переходомъ отъ субъектности къ безсубъектности (Ср. далѣе 441) служитъ *замѣна* опредѣленной субстанціи неопредѣленнымъ мѣстоименіемъ: *ничто*, *что-то*, мѣр. *щось* (какъ *имен. п.*, а не съ значеніемъ причины *почему-то*): «*что-си* (=что-се ѿ) *усуну(ло)* за плече, и съ того *поча* *изнемогати*» Плат. — „Ой *щось* въ лѣсі гукаетъ“. Но такъ какъ мѣстоименіе это лишь *пустое мѣсто* *згъ мысли*, если не получило значенія причинности, то оно легко опускается: „на 8 часу *нощи* *звонило* въ колокольчики... а то Богъ *вѣсть*, кто *звонилъ*“ Пек. II. — „*Стало* у меня... *кости-тѣ* *щемить*“... Жит. Авв. Но иногда, благодаря контексту, субъектъ безсубъектнаго связуемаго можетъ быть *возстановленъ*: „А *тѣхъ* *человѣкъ*—7, *которыхъ* *молнія* *опалила*, 4 *человѣки* *отволочили*, а три *человѣки* *таки* до *смерти* *заразило*“ Пек. I. — „Гдѣ ни *взялись* *буйные* *вѣтры*... На морѣ *кораблѣкъ* *поносило*, ко *Рыму* ко *граду* *примывало*“ Безс. Пал. пер.

Образцы безсубъектныхъ и безличныхъ оборотовъ.

1) Образецъ *громомъ убило*. Въ образцахъ этого рода субъектъ превращается въ *твор. п.* дѣйствующаго предмета или рѣже въ *род. съ отъ*: *громомъ убило*, *водою подмыло*. — „*Отъ* *молнія* *страшныя* *многа* *людей* *поби*“ Пек. I. Въ этихъ оборотахъ неизвѣстный субъектъ скрывается за объектами *громомъ*, *водою*, *отъ молнія*.

2) Образецъ *стучитъ* (безсубъектно). Въ оборотахъ этого образца

414

415

416

417

418

419

Появленіе безсубъектныхъ оборотовъ послѣ устраненія личн. субъектовъ.

Неопред. мѣст. какъ переходъ отъ субъектности къ безсубъектности.

безсубъектныя глагольныя сказуемыя, образованныя отъ *именъ существительныхъ*, предполагаютъ эти же самыя имена въ качествѣ субъектовъ: „*свѣтаетъ*“ (т. е. свѣтъ). Но это не есть тавтологія въ собств. смыслѣ, а разложеніе воспріятія на сходныя элементы, изъ коихъ одинъ есть субстанція (свѣтъ), а другой—ея дѣятельность (свѣтаетъ); это есть попытка

421 объяснить явленіе. Сюда относятся глаголы *интранзитивные безъ ся*: морозить, моросить, жарить, стучить, шумить; холодѣть, теплѣть, вечерѣть, ободѣло, обвеегло, поведѣло, позелѣло; свѣтаетъ, свергаетъ и т. п.

422 Изъ нихъ болѣе архаичны тѣ, при коихъ имена большею частию не сохранились, именно—глаголы съ—и: сохнетъ, мерзнетъ, меркнетъ. Образцы, въ родѣ *теменьтемень*, *бѣлѣтемень*, также образованы отъ *существительныхъ*, а не отъ прилагательныхъ. Ср. „то не *туця туцйтсе*... да не *темень темнитсе*“ Кир. II.

3) Образецъ *туманится, чудится*. Нѣкоторые видятъ здѣсь въ возвратномъ *ся* такъ наз. *внутренній объектъ*, т. е. „чудится“=

423 Объясненіе такъ „чудо чудитъ *ся*“, гдѣ „*ся*“ *замѣняетъ* собою объектъ, *указываемый самимъ глаголомъ*, образованнымъ отъ этого существительнаго, какъ напр. *vitam vivere, ἡχῆν ἡχῆν*; а Миклошичъ, кромѣ того, усматриваетъ въ этихъ оборотахъ съ внутреннимъ объектомъ особенность древнѣйшаго языка, сохранившуюся въ народной поэзіи.—

Но Потебня, видя противорѣчіе въ самомъ названіи „*внутренній объектъ*“ (такъ какъ „объектъ“ есть нечто *внѣшнее* по отношенію къ субъекту и его дѣйствию), признаетъ этотъ объектъ за *настоящій, внѣшній*, ставшій

424-425 потомъ *мнимой* субстанціей, и какъ вслѣдствіе устраненія мнимыхъ субъектовъ сказуемое превращается изъ субъектнаго въ безсубъектное, такъ и вслѣдствіе устраненія объектовъ, *ставшихъ мнимыми*, часть глаголовъ (а не всѣ) превращается изъ *транзитивныхъ* въ *интранзитивные*: сначала „шутки шутить“ (глаголъ переходный), а потомъ просто „шутить“ (глаголъ непереходный) *безъ возможности* прямого дополненія; сначала „городъ городить, думу думать, кличь кликать, работу работать, умомъ думать“—безъ всякаго формальнаго различія между объектомъ, означающимъ *внѣшній* результатъ дѣйствія (*городъ* городить), и такимъ, который печерпывается уже самимъ дѣйствіемъ глагола (*думу* думать), а затѣмъ устанавливается различіе между ними, и такъ назыв. *внутренній объектъ* или 1) остается *единственно* возможнымъ дополненіемъ (шутки шутить) или же 2) вообще устраняется, и глаголъ становится непереходнымъ (шутить, кликать), или наконецъ 3) въ случаѣ *тавтологичности субъекта и объекта* (темень теменьтемень), объектъ замѣняется возвратнымъ *ся*, при чемъ первоначальное значеніе *ся* (какъ замѣны объекта) забывается, и т. обр. возвратный оборотъ (при устраненіи мнимаго субъекта *темень*) сводится на безсубъект-

426

ный: темень темнится“ = *темнится*, „погода распогодилась“ = *распогодилось*, выяснилось, „куръ (курево) курится“ = *курится*, дымится.

4) Образецъ *снится мнѣ*. Обороты этого образца находятся въ связи съ предыдущимъ тавтологическимъ, ставится только при немъ *дат. п. лица*: сперва былъ субъектный оборотъ: „ему сонъ снится“ съ возвратнымъ значеніемъ; потомъ опредѣленный субъектъ замѣняется среднимъ родомъ неопред. мѣст. *что то* и, наконецъ, вовсе опускается: „ему снится“ (безсубъектно).

Безсубъектные обороты съ возвратнымъ *ся* имѣютъ нѣ-
 сколько отгѣшковъ:

а) *дат. лица* бываетъ дательнымъ *субъектъ*, который означаетъ *вышній* предметъ по отношенію къ устраненному подлежащему: „мнѣ случилось“ (что-то); „довелось“, „привелось“, „сложилось“, „како ся дьяло“ Плат. „сталося“, „пришлося“.

б) *дат. падежъ* означаетъ лицо, въ которомъ (а не для котораго) происходитъ дѣйствіе, выраженное сказуемымъ, такъ что этотъ *дат. п.* синонимиченъ съ именительнымъ подлежащаго: „не можется мнѣ“ = „я не могу ся“ (Ср. „могу ли ся“ Лавр., т. е. въ сплахъ ли я); „мнѣ нездоровится“, мнѣ *хочется*, *думается*, *кажется*, *помянется*, *видится*, *прирезилось*, *занемоглось* и т. п. Иногда *вм. дат.* употребляется *у* съ *род.* (особенно при *страд.* сказуемомъ): „стоковалось у молодца по свою родимую сторонушку“ Рыб. II.—Сюда же должны быть отнесены безсубъектные обороты отъ переходныхъ и непереходныхъ глаголовъ: мнѣ *пѣется*, *вѣется*, *поется*, *читается*, *пишется*, *спится*, *дремлется*, *зывается*, *дышется*, *не сидится*, *не ложится* и т. п. Обороты эти образовались изъ субъектныхъ: „вода пѣется“ = „вода пѣть сама себя“, т. е. легко, охотно пѣется, какъ выраженіе; это само собою дѣлается“ = „это дѣлаетъ себя посредствомъ себя же“, т. е. легко, *sua sponte*.

5) Образецъ *говорится*, *dicitur*, *man sagt*.—Выраженіе „мнѣ говорит-ся“ имѣетъ два значенія: а) одно безсубъектное *возвратное*, примыкающее къ предыдущимъ оборотамъ, какъ „мнѣ вѣется“, а именно: „мнѣ говорится“, т. е. я говорю легко, и б) другое—*страдательное*, представленное *возвратнымъ* (т. е. съ *ся*), съ значеніемъ латин. *dicitur*, нѣмец. *man sagt*, гдѣ „мнѣ“ есть *дат. субъектъ*, означающій другой предметъ по отношенію къ устраненному подлежащему: „мнѣ говорится“, т. е. не я говорю, а другіе говорятъ мнѣ (*man sagt*).

Отгѣнокъ значенія „ман“ былъ бы болѣе замѣтенъ и въ *субъектномъ* возвратно-страдательномъ оборотѣ: „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“, если бы при возвратно-страдательной формѣ употреблялся *твор. п.* дѣйствующаго лица, но такъ какъ этотъ *твор. почти не*

Отгѣнокъ без-
субъектныхъ
оборотовъ съ
возвратн.-ся.

127

428

429

450

Преимуществен-
ное проявленіе
значенія „ман“
въ безсубъектн.
возвр.—страдат.
оборотахъ и чи-
сто страдатель-
ныхъ.

встрѣчается, при возвратно-страд. формѣ, то отъносокъ „шап“ и дѣлается наиболѣе явственнымъ лишь въ *безсубъектныхъ* оборотахъ. — Въ рус. яз. значеніе „шап“ проявляется въ возвратной формѣ только отъ глаголовъ *дѣйствительныхъ* съ дополненіемъ въ *вин. п.*, въ польскомъ же — и отъ глаголовъ *среднихъ*, дополняемыхъ другими падежами: *szło się*, но нельзя по-русски: «шлось»; *tedy się idzie do...*; *hae idur*, но по-русски нельзя «сюда идется».

Подобно возвратно-страдательнымъ субъектнымъ и безсубъектнымъ оборотамъ, значеніе «шап» явственно проявляется и въ *чисто-страдательныхъ* оборотахъ, только *безсубъектныхъ*: «въ дѣвкахъ *сижено*, горе мыкано». Въ первомъ (безсуб.) оборотѣ: «въ дѣвкахъ *сижено*» отъносокъ «шап» проявляется явственно, но во второмъ: «горе мыкано»*) — наличное подлежащее заслоняетъ собою мысль о бывшемъ подлежащемъ дѣйствительнаго оборота (кто-то мыкала горе). Само собою, отъносокъ «шап» уже рѣшительно устраняется при указаніи на опредѣленнаго дѣйствителя, выраженаго *творительнымъ* или *родительнымъ* съ *отъ* и *у*. (Ср. выше III, 428): «не проѣхана *у добрыхъ у лодушекъ* эта путь — широкая дороженька». Барс. Прич.

При безсубъектныхъ оборотахъ, рѣшительно выдвигающихъ значеніе «шап», подлежащее субъектнаго страдательнаго оборота или прямо опускается: «съ молоду *бито* много, *граблено*», или же замѣняется *прямымъ* дополненіемъ (Ср. греч. *ἀσχετέρον ἔστιν τῆν ἀρετῆν* и латин. *aliqua consilia reperiedum est*). Въ влрус. яз. такой *винит.* прямою дополненія при страд. залогѣ рѣдокъ: «видно *землю*»; «такой *красавицы* невидано» (*род. п.* послѣ отрицанія), «вся *потребная...* давано» Домстр., «*виноватаго* назначено молоца *Касьяна* сына Михайлова»; въ «горе мыкано» *сред. р.* существительнаго можетъ считаться и *п. м.*, и *вин. п.*; но въ запад.-рус. и млр. этотъ *вин.* прямого допол. вполнѣ обыченъ, какъ и въ польскомъ: «подрубано *сосну* бортиую... и *сосну* спалено», «*топюлю* (*вин. п.*) петято и... забрато» (Ср. далѣе III, 457). Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, повидному, это необычно.

Безсуб. обороты съ знач. «шап» употребляются съ причастіемъ на *н* и *т* и отъ глаголовъ возвратныхъ и взаимныхъ, а причастія страдательныя отъ глаголовъ *непереходныхъ* только для этого случая и образованы: *сижено; хоужено, бывано, плакано, выто, плыто, жыто* и др.; отъ глаголовъ *возвр.*: «не бѣ облачано *ся* во одежды тѣ николиже» Палея; отъ глаголовъ *взаимн.*: «размъзено *ся*» Домостр., «договорено *ся*»; «было боротось», «помнѣяность», «обратанось», «отправленось» съ кѣмъ**). Въ сѣв. влр. нарѣчій при этихъ

*) Если только «горе» не есть *вин. п.*: Ср. дальше III, 435. И. Б.

***) Во всѣхъ этихъ оборотахъ *ся* лишилось уже значенія *вин. п.* и служитъ лишь средствомъ образованія взаимныхъ глаголовъ, а форма *страд. з.*

оборотахъ встрѣчается иногда указаніе и на опредѣленнаго дѣятеля въ *род. п.* съ предл. *у*: «у дороднаго добра *молодца* много было на службѣ послужено».

6) Образецъ *убыло дня*.—Особый разрядъ составляютъ безсубъектныя сказуемыя со значеніемъ *увеличенія, уменьшенія, достаточности*, которыя въ слѣдствіе *значенія* своего непосредственно принимаютъ *дополненіе* вещи въ *род. п.*: «умножилось братіѣ» Лавр. Въ нынѣшнемъ яз.: прибываетъ, убываетъ *дня, воды*; станеть (=достанеть), хватить *хлѣба* и т. п. При безсубъектномъ глаг. *есть* въ смыслѣ *находится* также ставится *род. п.*: «было пастъ» (Дополн. III, 656). Тоже въ *мр., польск., чеш., серб. яз.*

[Отъ этихъ случаевъ нужно отличать такіе, гдѣ родит. не зависитъ отъ самихъ безсубъектныхъ глаголовъ, а отъ опущенныхъ при нихъ словъ, означающихъ количество (*мною* и т. п.): «потонзено *скота*, что и не счесть» Кр. — «Колн. будетъ *святыхъ Маовъ*» Шпат. (опущено *день*). — Такіе же *мимо-непосредственные род. п.* употребляются въ *мр., чеш. и пол. яз.*]

7) Образецъ «*туча ровъ* (внп. п.) *учинило*».—Когда въ оборотѣ «убило громомъ» *непзвѣстный субъектъ* скрывается въ творительномъ орудіи, тогда безсубъектное сказуемое «убило» является логически послѣдовательнымъ; но когда подлежащее бываетъ *налицо*, а сказуемое все-таки представлено безсубъектнымъ, тогда выходитъ противорѣчіе; напр. «того же *лѣта...* въ Торязку *туча* по одному часу *ровъ* *учинило*» Лавр. Такіе обороты составляютъ, повидимому, переходъ отъ субъектности къ безсубъектности (Ср. выше стр. 415).—«...и *ухватило* его *тыкая сила*, аки вѣтромъ». — «А въ Любизѣ *потонуло* люди и *скоты*» Нек. I.—«Въ почи *было* *вихръ* великѣ добрѣ» Новг. I.—«*Загорьлось* *свѣча* в церкви» Ibid.—Въ былинномъ яз.: «а се *проява* *проявилося*», «да еще у стараго *случилося...* *шеломъ* сорока пудовъ».—При сравненіяхъ съ «какъ» предметъ сравненія ставился въ *им. п.*, какъ *подлежащее*, а сказуемое употреблялось безлично: «по всему небеси *лучи* были, аки *вода* на море вѣтромъ *колебалось*» Нов. II.

8) Образецъ «*пришло ихъ тьма*». Въ силу того, что въ оборотахъ этого рода *им. п.* существительнаго отвѣчаетъ на вопросъ *сколько*, а не *кто, что*, и, слѣдов., субстанціальность имени приближается къ *нарѣчиости*, противорѣчіе между *именительнымъ пад.* дѣйствующаго предмета и безсубъектностью можетъ вовсе не чувствоваться: «и царства его *было* *не многа мѣта*». — «*Прошло* *недѣля* времени» Котош.—Въ нынѣш. яз.: «*нублики* сегодня *приходило* *цѣлая бездна*» Дост.; также: *было* ихъ *прорва*, *цѣлая куча*, *пропастъ*, *непочатый цюль*. Тоже въ *мр., бѣлор., польск. яз.* *Винительный же пад.* въ этихъ случаяхъ на вопросъ *сколько* не обуславливается *безсубъектнымъ* сказуемымъ, такъ какъ этотъ *внп.* ставится и не имѣетъ *страд. значенія* и есть только средство выраженія *безличности* (Дополн. къ III ч. стр. 655).

въ другихъ случаяхъ: «и раздѣлиши на двое: *половину* ихъ иде къ погребу, а *половина*... къ мосту» Лавр. (примѣръ въ стар. рус. рѣдкій).—«*Зюрь* города мало не *половину*» Лавр.—Въ нов. яз.: «*мѣру* пшеницы *осталось*», «*было сотню* овецъ (обычно же съ предл. съ: «съ мѣру», «съ сотню»). Такой же вѣн. при *субъективныхъ* сказуемыхъ глагольныхъ и *прилагательныхъ*: «*капельку*, *крошечку* подроеть», «*быль капельку* неувѣренъ».

9) Образецъ *два—четыре человѣка (пять и т. д. и двое... человѣка) пришло*.—Здѣсь нужно различать два случая: 1) на вопр. *кто* эти числительныя сочетаются въ нынѣшн. яз. съ *субъективными* сказуемыми во множ. ч.: «*тѣ* два голубя *прилетѣли*», 2) а на вопр. *сколько*—съ *безсубъективными*: «*тѣхъ* пять голубей *прилетѣло*».

Субъективные обороты на вопр. *кто*.
1) Въ первомъ случаѣ, т. е. въ *субъективныхъ* оборотахъ, нужно различать употребленіе числительныхъ *прилагательныхъ*: *два*, *два*, *три* и *четыре* отъ числительныхъ *существительныхъ*: *пять... десять*. Въ стар. рус. яз. *прилагательныя* числительныя *два*, *два*, означали двойственность: «*та* два брата бѣста» (Лавр., Ппат., Повг. I), а *три* и *четыре*—множественность: «*Ярославичи* же *тріе*... *идоша*» Лавр., въ новомъ же *вѣрус.* яз. двойственность и множественность этихъ прилагательныхъ числительныхъ замѣнились значеніемъ «*нѣсколько*» (=болѣе *одной* и меньше *пяти*: ср. I, 41), при чемъ именит. падежъ существительнаго при нихъ хотя и сохраняетъ форму двойственного числа, но принимается за множественное, а потому и опредѣлительныя слова, и сказуемое ставятся также во множ. числѣ: «*тѣ* два голубя *прилетѣли*». Въ *мар.* яз. *два*, *три*, *чотири* по правилу сочетаются на вопр. «*кто*» съ формою только множ. ч.: «*пріѣхали три* *козаки*», «*были у* *матки* *два* *сынки* *родные*». Наоборотъ, числит. *пять—десять* до половины 17 в. употреблялись еще какъ *существительныя* жен. р., съ которыми согласовались опредѣлительныя слова и сказуемое: «*та* *десять* *копечъ* *описана*». Такіе примѣры, впрочемъ, рѣдки, и весьма рано 5—10 становятся уже *существительными собирательными*, при которыхъ сказуемое ставилось во множ. ч.: «*пріѣхаша* *пять* *мужь*» Лавр., а опредѣленіе все-таки въ жен. р. ед. ч.*): «*работа* *друцую* *седь* *лѣтъ*» (Лавр.), «*въ* *ту* *пять* *лѣтъ*» (Пск. I), «*тая*» (ж. р. ед. ч.) *пять* *лѣтъ*» (Ibid.), «*тысячу* *рублевъ* *новгородскую*» (Повг. II). Такъ и въ *сложныхъ* числительныхъ, мыслимыхъ *раздѣльно*: «*ту* *шесть* *сотъ* *рублевъ* *сняти*» (Собр. Гос. Гр.). Поэтому атрибутъ при 5—10, встречающійся въ

*) Приводимые здѣсь примѣры не составляютъ субъективныхъ оборотовъ при подлежащихъ числительныхъ и, слѣдов., къ данному мѣсту не относятся, но очень цѣнны для выясненія вопроса о согласованіи опредѣленій при числительныхъ именахъ, поэтому я и не рѣшился выдѣлить ихъ. И. Б.

и слав. яз. во множ. ч., долженъ быть приписанъ вліянію греч. языка: «*весь семь (οἱ ἑπτὰ) оумръѣша*» Мар. Ев.

Подъ вліяніемъ числительныхъ 5—10 атрибутъ ставился въ жен. р. ед. и при сочетаніяхъ числительныхъ *два, три, четыре* съ существительными качественными и числительными (четыре-десять=40): «былъ въ Новгородѣ 4 педѣли *полною*» Пск. I; «далъ два рубля *Новгородскую*» А. Пет. 1556 г.— «Богъ намъ далъ *четыре* десять динъ *сую*» Лавр. «к (20=двадцать) рублевъ *Московскую*» Р. Дост. I.—Также при *сорокѣ* и *полѣ* (половина): «*сорокѣ* рублевъ денегъ *московскую*» А. Ю.; «въ *тую* полтора дни» Пск. I., «на *чужую* пол-двора» Ibid.

Ставши собирательными, числит. 5—10 подчинились правилу согласованія прочихъ собирательныхъ, при которыхъ *ближайшее* опредѣленіе ставилось въ ед. ч., дальнѣйшее же во множественномъ: «*ини* (дальн. опр.) *простая* (ближ.) чадь рѣзаху... и ядыху», а первое изъ сказуемыхъ ставится въ ед. числѣ или безлично, второе же—во множ.: «два ворона *прилетѣло* и *сидятъ*», «весь городъ *ѣздитъ* въ рошу и не *выходятъ* изъ каретъ» Ф. Виз.—Собирательными стали и *двое, трое* и т. д.

2) На вопросъ *сколько* при сочетаніи числительныхъ какъ 2—4, такъ и 5—10 сказуемое *безсубъектно* и въ цѣл., и въ древ. рус. яз.: «*дѣва* - на десѣте ихъ *ѣсть*». Супр.— «Половецъ *бѣ* 12 (=дѣвъ на десѣте) тысячъ» Лавр.—«Кыянь одиѣхъ *изыбло* на полку томъ 10 тысячъ» Лавр.—Нынѣш. мнр.: «*взято* у мене три кони», «*шло* воду *та* два соколи», при чемъ не слѣдуетъ смѣшивать *безсубъектнаго* оборота «*шло* ихъ *пять*» съ субъектнымъ «*то* *пять* *шло*» (ср. родъ, какъ въ народныхъ произведеніяхъ: «*друго* *три* сына конемъ *стопталъ*», «я *ждалъ* Добрыню *цѣло* *шесть* годовъ»): въ субъектномъ оборотѣ «*пять*» есть *подлежащее*, тогда какъ въ *безсубъектномъ* «*пять*» перестаетъ уже быть субстанціей, производящей дѣйствіе, и остается въ именит. п. только какъ *бывшее* подлежащее.

Какъ особенность русскаго яз., при сочетаніи числительныхъ съ существительными ставится *genitivus partitivus* прилагательнаго: «два *сизыхъ* голубя» (=два голубя изъ сизыхъ). Теперь этотъ родъ раздѣлит. ставится обыкновенно между числительнымъ и опредѣляемымъ (два сизыхъ голубя), въ старин. же языкѣ (и нынѣш. народномъ)—на концѣ и при томъ съ логическимъ удареніемъ: «десять рубашекъ *мужскихъ* и *женскихъ* да четыре *убрусы* *бранихъ* и *простыхъ*»... При другихъ падежахъ, кромѣ им. и вин., встрѣчается такой родит. рѣдко. Хотя оборотъ этотъ бываетъ и субъектнымъ («три *взрослыхъ* юноши *сосѣднихъ* *разсуждали*» Кр.), но, кажется, онъ болѣе располагаетъ мысль къ *безсубъектности*.

10) Образецъ *зимовая служба* *молодцамъ* *нручинно*, по наличности

450

451

452

453

451-5

456

Безсуб. обороты
на вопр. сколько.

Родит. раздѣлительный по преимуществу въ *безсубъектныхъ* оборотахъ.

подлежащаго при безсубъектномъ сказ., Потебня приравниваетъ къ обороту «*туца ровъ учинило*» (см. выше III, 441), а по предикативному прилагательному въ сред. р. ед. ч.—къ несогласуемымъ предикативнымъ атрибутамъ: «грѣхъ сладко, а человекъ надко» (I, 108—110). Слѣдов., образецъ этотъ слѣдуетъ считать переходнымъ отъ субъектности къ безсубъектности, при чемъ безсубъектное сказуемое-прилагательное Потебня припмаетъ, какъ кажется, согласно съ Бусл. и Миклош., за прилагательное *субстантивированное* (вм. «зимовая служба молодцамъ *кручина*»), хотя въ 1-й части своего изслѣдованія (I, 110) и даже въ этомъ томѣ (III, 64) онъ признавалъ «*кручину*» нарѣчиемъ *).

457

Къ этому же образцу надо причислять, какъ переходъ отъ субъектности, и слѣд. выраженія: «*городъ* (им. п.) *видно*»; «*музыка слышно*», т. е. сперва личный субъектный оборотъ: «городъ виденъ», «музыка слышна»; потомъ—съ безсуб. сказ.: «городъ *видно*»; «музыка *слышно*» и, наконецъ, для устранения противорѣчія между подлежащимъ и сказуемымъ, образуется оборотъ безличный безсубъектный: «городъ (вин.) *видно*», «музыку *слышно*», т. е. подлежащее въ нынѣш. яз. перешло въ дополненіе. Ср. выше III, 435: ср. также: «*есть бо разсѣлиа знать* и до днешняго дни»; потомъ: «*разсѣлиа* знать (есть)» и, наконецъ, въ нынѣш. яз.: «*разсѣлиу* знать» (II, 415—418; III, 464).—Въ мдрус.: «*звісно іх дівоча натура*» **).

458

11) Образецъ «тѣ *вѣсти вѣдомо*», «вѣсть *сказано служба*» совершенно такой же, какъ и предыдущій, только на мѣстѣ прилагательнаго стоитъ *страд. причастіе* въ сред. р.: «да въ томъ же приказѣ *вѣдомы* (личный субъектный оборотъ) *граничнаго дѣла мастери... вѣдомо* (безлично) *парская лѣтняя потѣха*» Котош.—На мѣстѣ предикативнаго причастія *страд.* со впом. глаголомъ можетъ стоять и *v. finitum* на *ся* въ *страдателномъ* безлично значеніи по образцу «говорится» (III, 430): «а инымъ *дается* *шапи* и *мушкеты*» Котош.

459

Прич. прошед. страд. безлично встрѣчается уже въ ц.-слав. яз. (м. б., подъ влияніемъ греч.): «*гласъ* трубы *услышино* *будеть*» (*σαλπιγγος*

*) Другіе два примѣра этого образца издателями поставлены въ скобкахъ: *ходъ былъ* коземъ *нужно* (трудно), *трудовато* (кочковато) Пск. I и изъ „Рус. нар. п.“ Шейна: „намъ *молодиць* *ненадо*... намъ *денежки* (им. п. мн. ч.) *не надо*“.

*) Так. обр. градація этихъ переходовъ отъ личности къ безличности была такая: сперва *личный субъектный* оборотъ (музыка слышна), потомъ—*безличный субъектный* (музыка слышно) и, наконецъ, *безличный безсубъектный* (музыку слышно). Срединный (безличный субъектный) оборотъ, какъ *переходный*, составляетъ такое явленіе, которое, что называется, отъ одного берега отсталѣ, а къ другому не пристало, и потому представляется нашему сознанію необычнымъ, противорѣчивымъ. Языкъ уничтожаетъ это противорѣчіе тѣмъ, что устраняетъ субстанцію подлежащаго и переводитъ ее въ область дополненія: „музыку слышно“. И. Б.

φωνῆ ἀκούστων ἔσται). Въ поуч. Θεод. Печ.: «*установлено же есть и кутья въ похвалу святымъ крестити... установлено же есть и за упокои кутья крестити усоншамъ*». — Болѣе всего образцовъ этого рода въ памятникахъ 16 и 17 вв. При этомъ субъектные обороты на вопр. «кто» могутъ измѣняться въ безсубъектные при вопросѣ «сколько»: «купленъ на братью *осетръ*», но «даю ему на проѣздъ *гривна*», хотя это различіе не выдерживается.

460

Безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола (быть, стать) и имени *).

461

Миллошичъ (IV, 366—9) дѣлитъ эти обороты на два разряда: а) одинъ, въ составное сказуемое котораго входитъ *существительное*, и б) другой, въ составное сказуемое котораго входитъ *прилагательное*, переходящее въ нарѣчіе, при чемъ обороты эти или не относятся къ лицу (объекту): *холодно!* или же относятся къ лицу, которое выражается по-русски *дательнымъ* пад.: «*миѣ холодно!*» а въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр., хорут., польск., иногда и *винительнымъ*: «*мене je strach bilo*».

Возникновеніе этихъ безсубъектныхъ оборотовъ зависить съ од. стор. вообще отъ *стремленія къ вытѣсненію мнимыхъ субстанцій*; а съ другой — отъ *измѣненія значенія глагола существительнаго и близкихъ къ нему*.

Изъ предыдущихъ образцовъ видно, что переходъ отъ субъектности къ безсубъектности имѣеть три ступени: а) музыка слышна, б) музыка слышно и в) музыку слышно (III, 457), при чемъ въ чисто безсубъектномъ оборотѣ подлежащее обращается въ дополненіе, и тѣмъ уничтожается противорѣчіе между подлежащимъ и несогласованнымъ сказуемымъ. Подобныя же три ступени перехода къ безсубъектности бывають и въ другихъ оборотахъ при *полномочномъ* сказуемомъ: «*язва извила**» *язвила язва* и просто «*язвило*», при чемъ для устраненія противорѣчія между сказуемымъ и подлежащимъ послѣднее вовсе опускается. — Если примѣнять эти три ступени къ разсматриваемымъ безсубъектнымъ оборотамъ изъ существительнаго глагола и имени, то здѣсь имѣють мѣсто только *первая* и *третья* ступени: «*была пора*» (субъектный личный оборотъ) и «*было пора*» (безличное сказуемое при подлежащемъ), третья же ступень *чистой безсубъектности* здѣсь невозможна, такъ какъ сказуемое не заканчивается собою

462

*) Обороты эти нужно отличать отъ предыдущаго 10-го образца: «*зимовая служба молодцамъ кручинно (есть)*», ибо, хотя сказуемое этого образца и состоитъ изъ существительнаго глагола и имени (кручинно есть), но оборотъ этотъ не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ слова безсубъектнымъ, такъ какъ при безличномъ сказуемомъ находится тутъ подлежащее, въ приводимыхъ же ниже образцахъ Потебни имѣеть въ виду совершенно безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола и имени. **И. Б.**

мысли, неполномочно и требуетъ пополненія со стороны имени и нарѣчія, вмѣстѣ съ коими образуетъ составное сказуемое^{*)}). Такимъ образомъ, мнимая (а иногда мнѣшная) субстанція подлежащаго при чисто безсубъектныхъ оборотахъ этого рода устраняется тѣмъ, что она изъ подлежащаго дѣлается *частью составнаго сказуемаго*: „жалъ (подлеж.) миѣ есть“ обращается въ „миѣ жалъ *есть*“ (состав. сказ.); мпр.: „жалъ було, шкода было казати“, „пора було“, „треба було робити“ (II, 374—5).—Въ настоящемъ и буд.: *есть, будетъ***) субъектность или безсубъектность подобныхъ оборотовъ еще сомнительна, такъ какъ эти глагольные формы не различаютъ родовъ, но въ прошед. «было» безсубъектность уже явственна: „неволя ми (есть) своею головы бности“ (субъектно и безсуб.) Лавр., но „неволя ми *было* пристати въ свѣтъ“ (Лавр.)—только безсубъектно.—Въ *нынѣшнемъ* рус. яз. безсубъектны, невидимому, только тѣ обороты, которые могутъ дополняться *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ („стыдъ было *сказать*“), за исключеніемъ немногихъ, указанныхъ далѣе (см. III, 469, 471), въ другихъ же славянскихъ нарѣчійхъ возможны безсубъектные обороты и *не допускающіе* неопредѣленнаго наклоненія: хорут. „zima, mraz je bilo“.

403
Образцы съ им.
существитель-
ными.

Образецъ „*страхъ* (кому) *глядѣть*“. Неvidимому, сочетаніе безличнаго или *неопредѣленно-субъектнаго* сказуемаго (сред. р.) съ *опредѣленнымъ субъектомъ* (пора было) есть противорѣчіе неустранимое, однако языкъ, направляясь отъ опредѣленности субъекта къ его неопредѣленности, такое противорѣчіе переживаетъ. Такъ, напр., въ выраженіи: „язва знать на рукѣ“ вначалѣ „язва“ есть подлежащее съ правильно согласуемымъ сказуемымъ, а въ концѣ развитія подобныя именительныя понимаются какъ *винительныя* при безсубъектномъ сказуемомъ (Ср. „слышно музыку“); промежуточный между этими выраженіями моментъ: „язва знать“ (съ опущеніемъ *безличною* „есть“) долженъ былъ быть, какъ существуетъ въ древ. рус. яз. „неволя ми *было* пристати“ или въ нынѣшнемъ: *страхъ было глядѣть*“, „грѣхъ *было* сказать“, „пора *было* начинать“, и прежде чѣмъ эти именительныя стали чувствоваться какъ *нарѣчія* (страшно, грѣшно), они должны были чувствоваться еще, какъ подлежащія. Поэтому, при глаголахъ *есть, будетъ, бысть*, гдѣ сред. родъ не можетъ связы-

*) Т. е., въ виду неполномочности существительнаго глагола, подлежащее при немъ при переходѣ къ чистой безсубъектности нельзя ни превратить въ дополненіе, какъ это возможно въ случаѣ „музыку слышно“, ни опустить, какъ въ оборотъ „язвило“, потому что неполномочный существительный глаголъ, для того чтобы стать полномочнымъ сказуемымъ, *самъ нуждается* въ субстанціи подлежащаго, и потому входитъ она въ составъ сказуемаго или въ качествѣ имени, или нарѣчія, какъ можно видѣть изъ приводимыхъ затѣмъ образцовъ: *страхъ* было глядѣть, *страшно* было глядѣть. И. Б.

**) А также и *бысть*. И. Б.

ваться, въ древне-рус. яз. обороты эти въ началѣ были субъектными („по-воли ми есть“), но могли быть и безсубъектными; въ новомъ же языкѣ подобнаго рода обороты (грѣхъ сказать, миѣ жаль, жаль *будетъ*) уже безсубъектны, и именительный падежь въ нихъ есть не подлежащее, а предикативный атрибутъ составнаго сказуемаго. Впрочем, имена означающія время года, дня, состояніе погоды въ рус. яз. остаются подлежащими (былъ вечеръ, жаръ...), въ некоторыхъ же другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ они также безсубъектны: *bylo uveseg* (чеш.), а въ польскомъ *дан.* лица замѣняется *винительнымъ*, дол. б., по аналогіи съ оборотами „жаль мене бере“ (мнѣнческаго характера) вм. „миѣ жаль“.

Примѣры того же образца съ именами *прилагательными* совершенно параллельны примѣрамъ съ существительными: „дивно ми *есть*“ сначала есть личный оборотъ, и „дивно“ представляется существительнымъ сред. р., какъ въ „диво ми *есть*“, а затѣмъ „дивно“ входитъ въ составъ безсубъектнаго сказуемаго, какъ нарѣчіе; *нужьно*, какъ „нужда *есть*“ (Ср. греч. Ἀνάγκη, какъ мнѣнч. личность и затѣмъ ἀνάγκη ἔστι и нар. ἀνάγκηως), „не бѣ *проходно*“, „будетъ *мочно* (сущ. мочь), *немочно*“. Ипат., *обидно, страшно, убыточно, недосужно, обычно, вольно, должно, скучно, тошно, печально, досадно, больно, стыдно, совѣстно, смѣшно*, было *истомно, неидно* (не годъ *есть*), *неподобно* (не подоба *есть*), *темно, конечно* (стар. рус.: „*коньмъ* въсѣмъ книгамъ“), *противно, дивно* (=с. влр. много, долго, давно).

Всѣ приведенные безсубъектные образцы какъ съ именами существительными, такъ и прилагательными, допускаютъ при себѣ возможность употребленія неопред. наклоненія, по *видно, слышно, замѣтно, знатно* (=знать), не допуская неопред. накл. *), могутъ принимать объектъ въ *вин. п.* (Ср. выше III, 457) и, повидному, сближаются съ безличными сказуемыми изъ причастія страдательнаго: „сказано *служба*“ (III, 457—9). Вышеприведенныя и подобныя имъ прилагательныя, при переходѣ ихъ къ нарѣчности, въ безсубъектныхъ оборотахъ чувствовались еще какъ *существительныя*; даже явно причастныя формы, какъ „вѣдомо“, употреблялись и теперь употребляются въ смыслѣ существительныхъ: „а тогда на нихъ не было *вѣдома* никакаго“ Пск. I. Въ соврем. яз.: „съ *вѣдома*, безъ *вѣдома*“, *можно, мочно* изъ сущ. *мочь* (Ср. „кому чего не *въ мочь* платить“ Котом.); *дивно* изъ сущ. *диво*; *мирно* изъ *мирѣ*, *тѣжно* изъ *тѣжѣ*, *близко* изъ *близѣ*, *низко* изъ *низѣ*; *притужно* изъ *притужа* (печаль) и проч.

Образецъ *оунѣ вѣсть*. Сюда относятся

а) прилаг. *срав.* степен. лучше, хуже (есть) и проч.,

*) Но „видно писать“, т. е. достаточно свѣтло для того, чтобы писать.

465

466

467

Образцы съ им.
прилагатель-
ными.

468

469

470

471

б) прилаг. *полож.* ст: хорошо, худо и проч.—И тѣ и другія дополняются *неопред.* наклоненіемъ.

472

в) Прилагательныя, не дополняемыя ни определеннымъ, ни объектомъ: „пусто въ селѣ“.

г) прилагат. *количественный* (много, мало), дополняемыя *род.* п. (Ср. „сколько, столько, числит. два, три, сто...“ послѣ которыхъ также ставится дополн. въ *род.* п., когда они означаютъ количество: „ихъ было два“, „пришло ихъ тьма“, „долго времени“, „долго того было, пока я у разумъ пришюв.“). Въ противоположность Миклошичу (IV, 366), Потебня все эти прилагат., какъ и предыдущія, въ нынѣшнемъ яз. признаетъ за *нарѣчія*, въ старинномъ же — за *существительныя*: въ выраженіяхъ „блаю ти будеть“, „мало ли ти бѣшьеть горь подь облавы вѣяти“ *блаю* и *мало* суть означенія субстанцій, и обороты эти были первоначально субъектны.

473

Насколько безсубъектность зависитъ отъ дополненія неопределеннымъ накл. или придат. предложеніемъ.

Теперь спрашивается, насколько *безсубъектность* предложенія зависитъ отъ необходимости дополнять его *неопределеннымъ наклоненіемъ* или *придаточнымъ предложеніемъ*?

474

Миклошичъ предложенія съ неопределеннымъ накл. считаетъ частью субъектными, частью безсубъектными. *Субъектными* онъ называетъ тѣ, въ которыхъ неопределенное накл. замѣняетъ собою имен. пад.: *пер.-ся.* „не тѣно ми тествъ *мълчати*“ (=мълчаніе), „вамъ весело бѣдѣть“, „возможно ли ему *вѣрѣти*?“ „нельзя *медлѣти*“, а *безсубъектными* тѣ, въ которыхъ нѣтъ такой замѣны: „пора вамъ въ путь *ити*“ и проч. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, гов. Микл., *сомнительно*, субъектно ли предложеніе, или нѣтъ: „захотѣлось *сдѣлати*“, *млр.*: „треба *умрети*“.

Потебня отвергаетъ такой взглядъ и говоритъ, что правильность его должна находиться въ зависимости отъ правильного взгляда 1) на грамматику субъектъ, 2) на неопред. накл. и 3) на предложенія съ *verb. finitum*.

1) *Грамматическимъ субъектомъ* въ славянскихъ нарѣчійхъ можетъ б. только *субстанція*, означенная *именительнымъ п.*; а въ греч. и нѣмецкомъ кромѣ того и *субстантивированное неопр. накл.* съ членомъ въ именит. п. Слѣдов., неопр. п. въ славянскихъ языкахъ субъектомъ *не м. б.*

475

2) *Неопределенное накл.* (за упомянутымъ исключеніемъ въ греч. и нѣмец. яз.) есть форма *только предикативная* и выражаетъ *второстепен. сказуемое*, подлежащее къ которому или точнѣе — производитель дѣйствія каго указывается лишь или контекстомъ, или косвеннымъ надежомъ, стоящимъ при *главномъ* сказуемомъ: *ἔζεσσι σοι (σε) λέγειν* = „тебѣ можно говорить“, гдѣ „говорить“ есть второстепен. сказуемое: „тебѣ можно, *чтобы ты говорил*“, между тѣмъ по взгляду Микл. *λέγειν* здѣсь есть подлежащее.

3) Миклошичъ держится взгляда, что субъектъ можетъ выражаться и цѣлымъ предложеніемъ съ *verb. finitum*: „*accidit, ut ille veniret*“: слѣд.,

здѣсь *accidit*, по его мнѣнію, не есть безличное предлож., а только сказуемое къ подлежащему, выраженному придаточнымъ предложениемъ, ибо безсубъектное предложение бываетъ де только тогда, когда оно заключаетъ въ себѣ *полный смыслъ и безъ субъекта или придаточнаго предложения*, замѣняющаго субъектъ (Mikl. Subjectl. Sätze 230). Потебня же утверждаетъ, что предложение съ *verb. finitum*: «никогда не представляется существомъ, производителемъ, субъектомъ или объектомъ», слѣдов., придат. предложение не можетъ б. и подлежащимъ къ главному сказуемому. Поэтому, въ предложенияхъ «то, что онъ продаетъ имѣніе, было слышно давно, но того, что онъ продалъ, что-то не слышать» *то*—подлежащее, *того*—дополненіе, *было слышно*—субъектное сказ., *не слышать*—безсубъектное, между тѣмъ *оба придат. предлож.* находятся въ *одинаковомъ* отношеніи къ своимъ главнымъ: *слышно* и *не слышать*. Слѣдов., *субъектность* и *безсубъектность главныхъ сказуемыхъ отъ придаточныхъ предложений не зависятъ*. Равнымъ обр., скажу ли я «по утрамъ мнѣ снится» и «мнѣ снится, что...», или «мнѣ хочется» и «мнѣ хочется, чтобы... мнѣ хочется *тъ*», все равно сказуемыя будутъ безсубъектны, ибо въ придаточныхъ предложенияхъ и неопредѣленномъ «*бѣтъ*» не заключается производителей сна и хотѣнія, какъ представляется этотъ производитель въ выраженіи: «мнѣ снится *то, что...*» Так. обр.; по мнѣнію Потебни, субъектность и безсубъектность подобныхъ оборотовъ зависятъ не отъ неопредѣленныхъ наклоненій и придаточныхъ предложений, а отъ того, нуждается ли языкъ въ *указательномъ мѣстоименіи*, или же довольствуется *однимъ союзомъ* для присоединенія придаточнаго предложенія къ главному: если нуждается, то указательное мѣстоименіе въ *именительномъ* падежѣ дѣлаетъ эти обороты личными: «*то* хорошо, что...», если же довольствуется *однимъ союзомъ* (изъяснительнымъ или *цѣли*), то являются обороты безличными: «хорошо, что...»

Независимость субъектности и безсубъектности отъ присутствія неопр. накл. или прид. предлож.

476

Безличные обороты изъ 3 л. въ ед. ч. есть, было, будетъ съ дат. над. и неопредѣленнаго наклоненія *).

Обороты эти бывають съ отрицаніемъ и безъ отрицанія, при чемъ въ старинномъ языкѣ отрицаніе ставилось какъ при «есть», такъ и при неопред. накл., въ новомъ же употребляется

Отрицаніе въ этихъ оборотахъ въ древ.-рус. и новомъ яз.

*) Это мѣсто (отъ 476 до 480 стр.) почти не представляетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что сказано уже во II ч. Записокъ о безличныхъ оборотахъ изъ глаг. *есть* (II, 400—425 стр.), судя же по ссылкамъ еще на первое изд. Записокъ 1874 года, слѣдуетъ заключать, что незаконченные и безсистемные наброски эти, состоящіе иногда изъ однихъ только цитатъ, дѣлались Потебней до 2-го изданія 1888 г. и, быть можетъ, предназначались лишь въ качествѣ поправокъ и дополненій къ 1-му изданію I и II ч. Записокъ. И. Б.

только при неопредѣленномъ: «миѣ *неуйти*», за исключеніемъ сочетаній «не было, не будетъ *знать*—*видѣть*,—*слыхать*» въ знач. страдательномъ (= не будетъ *видно*, *слышно*, *знатно* (*зримтно*)). оборотамъ этимъ, какъ и вообще безличнымъ выраженіямъ, должны были предшествовать личные; такъ, безличный переходный (Ср. III, 457) обороть «такова правда *взяти* (есть) Русину» образовался пзъ личного: «Русину *есть* правда *взяти* (е)» (II, 416—417).

477 1) Образцы пзъ глаг. *есть* съ знаменательнымъ значеніемъ *находится*, *имѣется*, при чемъ то, что имѣется, выражается неопредѣленнымъ накл. съ относительнымъ словомъ *что*: *есть что дѣлать* и отриц. *нечего дѣлать* (=не *есть* что дѣлать: ср. II, 419 и сл.). По „*есть люди*“—оборотъ личный (ср. *были*, *будутъ* люди), который становится безсубъектнымъ
478 только при отрицаніи: „*нѣтъ людей*“. Несогласованіе же ед. числа *есть* со множ. *люди* объясняется неправильнымъ употребленіемъ отдѣльных форм. Затемненіе смысла формъ отъ «есть» и неправильное употребленіе «есть».

гл. *есть*, затемненіе смысла которыхъ превратило *есть* въ общую личную форму: я *есть*, мы *есть*. (Ср. неправильное употребленіе *есть*: „кто *есть* у васъ загадку отгадаетъ?“—«Государь царь, ты *есть* мой батюшка»: «Гдѣ *есть* онъ?»—(Пам. стар. Р. лит.):—Съ тѣмъ же значеніемъ *находится* безличное *есть* употребляется и для выраженія количества: «на *есть* было (*есть*, *будетъ*) столько-то» (Ср. III, 451).

2) *Есть* съ знач. *случается*, *бываетъ*, при чемъ поясненіе того, что случается, выражается предложеніемъ или съ относит. словами *когда*, *что*, или и безъ нихъ. Примѣры:

а) *безъ отрицанія*: «онъ же *начать* красти *десять* вѣверницъ (бѣлокъ) *есть* же, *когда* и по болшу» (Патер. Скит.).—«*есть* же и всю недѣлю токмо (одну просфору) *възюшааше*» (Патер. Сн.).—«На всякой тычинѣ по *мавокѣ*, А и *есть* по *жемчужникѣ*» Кпр.—Сюда же относится безличное «было» въ выраженіяхъ: *далъ было*, *дать было*, *бывало* *подхожу* (Ср. II, 267—8), гдѣ «было» не сливается съ другимъ сказуемымъ въ одну форму, какъ и въ народ. поэзіи «было» постпозитивно при имѣющемся другомъ отдѣльнымъ сказуемымъ: «на зарѣ *было* зарѣ утренней... Отъ сна *Плья* *пробуждается*».

479

б) Если же въ оборотахъ этихъ бываетъ *отрицаніе*, то оно сливается съ «что» (Ср. II, 241), т. е., «не *есть*, что» переходитъ въ «*ничто* (пѣшто), при чемъ отрицаніе придаетъ значеніе *возможности*, *вѣроятности*: «А *ничто* (=можетъ б.) *почнуть* въ городѣ *сидѣти* крѣпко... и ты бы меня о томъ *безъ вѣсти* не держаль» А. Зап., 1501—3 г.

в) Тотъ же оттѣнокъ возможности *есть* и безъ отрицанія получаетъ при обозначеніи количества (какъ млр. *бува*): «и вси люди *потопли* *безъ вѣсти*, *есть* (=мож. б., вѣроятно) *человѣкъ* болѣ 200 *потопло*» Пск. I, 243.

3) *Есть, будетъ* въ смыслѣ *довольно, достаточно*: «*есть, тетяно*» (довольно рублено).

Относительно *отрицательныхъ* безсубъектныхъ оборотовъ съ «*есть*», образующихся изъ субъектныхъ положительныхъ (*есть люди—нѣтъ людей*), нужно замѣтить слѣдующее: Переходъ субъектныхъ оборотовъ въ отрицательные безсубъектные возможенъ лишь тогда, когда «*есть*» употребляется съ значеніемъ *знаменательнымъ* (имѣется, случается, появляется и пр.), при чемъ им. и субъекта замѣняется *родительнымъ*, который у Потебни признается за род. *мншенія, удаленія* (Ср. II, 326). Происхожденіе этого родительнаго Миклошичъ (IV, 355—7) думаетъ объяснить первоначальною транзитивностью глагола «*есмь*», прямой объектъ котораго переходитъ при отрицаніи въ род. п.: «*сестрѣи ѣсть дома*» — «*сестры нѣтъ дома*», но такъ какъ примѣръ «*сестрѣи ѣсть дома*» не оправдывается ни однимъ слав. нарѣчіемъ, то Потебня выводитъ этотъ родительный изъ *именительнаго*: «*сестра нѣтъ*», каковыхъ именительныхъ послѣ отрицанія въ н.-слав. и древне-русской письменности очень много: «*нѣтъ бо дръво добро*», «*да не погыбнетъ ничьтоже*» (Маріин. Ев.), «*нѣтъ ничьтоже*», «*не бытъ ничьтоже*» Ипат. — «*Мнѣ о томъ съ панюю и слово никаково не бывало*» А. З. Р. — «*А жалованье нмѣ не дается никакое*» Котош. Можно думать, что родительный в. винительнаго при транзитивныхъ глаголахъ съ отрицаніемъ повліялъ еще въ очень древнее время на обороты «*ничьтоже нѣтъ*», которые стали переходить въ «*ничьтоже нѣтъ*», какъ и послѣ переходныхъ глаголовъ: «*нѣтъ иною*» Маріин. Ев., «*сею не бытъ преже въ Руси*» А. до Ю. Б. — «*На зиму не бытъ снѣга*» Повг. I. — «*Нѣтъ быды*». Вопрос. Кюр. — Но этимъ же образцамъ ставятся родительные и послѣ отрицательныхъ *интранзитивныхъ* глаголовъ *возникновенія* и *исчезновенія*, *движенія* и *пребыванія* въ извѣстномъ состояніи: «*не стало челювѣка*», «*не прошло дня*», «*не лежало ничего*», «*отъ тѣхъ кандиль ни единая не возгорѣся*» Дан. Пал.

П Р И Л О Ж Е Н І Е .

I.

Формальные (синтаксическіе) признаки конкретности существительнаго. *)

Слѣды древняго паратактическаго атрибутивнаго сочетанія *существительныхъ*, какъ «*дубъ столъ*», «*чара вино*», видны

*) Эта статья въ *Приложеніи* отчасти соприкасается съ VIII-ой главой (hendiadys), главнымъ же образомъ служитъ дополненіемъ и продолженіемъ VI главы объ атрибутивности существительныхъ: въ VI главѣ говорится о паратактическомъ способѣ сочетанія атрибутивныхъ существительныхъ, а здѣсь о замѣнѣ паратактичности гипотактичностью. И. Б.

Два способа гипотактическаго выраженія при-

189

481-2

483

484

487

належности: а) род. п. существительнаго и б) прилагательное.

еще въ памятникахъ относительно новыхъ; но не сохранилось слѣдовъ паратактическаго сочетанія существительныхъ для выраженія принадлежности лицу, какъ напр. *домъ Марія*. Для выраженія принадлежности лицу, за исключеніемъ образцовъ *церковь Спасъ* и *икона Микола* (III, 206—216) употребляется уже выраженіе *ипотактическое*: или а) *домъ Маріи*, или б) *домъ Маріинъ*, т. е., атрибутивное существительное или а) ставится въ *род.* и рѣже въ другихъ косвенныхъ падежахъ, при чемъ сохраняется двойственность субстанцій (угожденіе *Христу*, паденіе *въ рай*), или б) атрибут. существительное замѣняется прилагательнымъ притяжательнымъ и относительнымъ (угожденіе *Христово*, паденіе *райское*).

188

Однородно съ этимъ употребляются также и мѣстоименія или а) *его*, *ея*, *ихъ* для выраженія принадлежности 3-му лицу, или б) *мой*, *твой*, *свой* (народ.: *ейный*, *нашинокій*, *своискій* и др.).

489-493

Оба эти способа замѣны паратактическаго атрибутивнаго существительнаго свойственны и другимъ языкамъ, сроднымъ со славянскими, но въ ц.-славянскихъ и древ.-русскихъ памятникахъ *преобладаетъ* употребленіе *прилагательнаго* на мѣстѣ *родительнаго* принадлежности въ латин. и греч. яз. Напр. въ ц.-славянскихъ памятникахъ: *иѣсмыъ* творецъ, *хлюбныи* печьць, *исповѣданіе грѣховноѣ*, *градное* плѣнениѣ (пл. города), *звѣрская* смърть (см. отъ звѣря), *дѣтское* лишениѣ (лиш. дѣтей), въ виду *голубинъ* (голубя); створениѣ *бездъное* (бездны) и др. Въ русскихъ памятникахъ: *тѣлесное* покореніе (тѣла), *книжное* ученіе (ученіе книгамъ, грамотѣ), *ломъ копитный* и *звукъ оружейный*, *литовское* воеваніе (съ Литвой), *выгнанье братне* (братьевъ), *дворовое* (двора) поставленіе, *пожениая* (пожни) расчиства, *приказное* (въ приказахъ) сидѣнье, *струевой* (струга) ходъ, строеніе *пушечное* (пушекъ), *полояная своя* вѣсть (о своемъ полонѣ), *лавочная* (изъ лавки) татьба, *черкаская междусобная* кровь (=кровь, проливаемая черкасами въ междусобіи), *воросскія проводныя* дѣла (=дѣла о приводѣ воровъ), *юсударская* слава (=слухъ про государя), *московская* волокита (=волокита по Москвѣ), *хвастанье молодецкое* (молодца). Тоже и въ мдр. языкѣ.

494

Переходная ступень развитія языка въ періодъ образованія прилагательныхъ притяжательныхъ.

Образованіе прилагательныхъ притяжательныхъ и относительныхъ застаётъ языкъ на той ступени развитія, когда мышленіе при паратактичности въ языкѣ проявляется въ болѣе *конкретной* формѣ, чѣмъ нынѣ; хотя въ то же время обнаруживается въ языкѣ и стремленіе къ отвлеченности и гипотактичности, такъ что языкъ, съ одной стороны, поддерживаетъ *привычку* къ конкретному мышленію; а съ другой—уступаетъ стремленію къ отвлеченности. Прилагательныя притяжательныя какъ разъ стоятъ на этомъ распутии: они уже гипотактичны, но въ то же время придаютъ опредѣляемому существительному

и болѣе конкретность по сравненію съ родительнымъ принадлежности, такъ какъ, становясь атрибутомъ существительнаго, приписываютъ ему признакъ, мыслимый въ самомъ опредѣляемомъ („отчий домъ“), между тѣмъ какъ въ выраженіи „домъ отца“ признакъ этотъ мыслится не въ опредѣляемомъ имени, а *въ* его, т. е. въ *объектъ* при немъ.

Вотъ еще образцы, въ которыхъ выражается стремленіе языка сдѣлать опредѣляемое существительное болѣе конкретнымъ чрезъ прилагательное притяжательное.

1) Образецъ „въ *мое* *Иваново* мѣсто“, т. е. „въ мѣсто (вмѣсто) меня Ивана“. Въ послѣднемъ выраженіи опредѣляемое имя „мѣсто“, превратившись въ предлогъ („вмѣсто“), потеряло уже свою субстанціальность, а слѣдов. и конкретность. — „Въ *попово* *Иваново* мѣсто“ А. до Ю. Б. — „Тягался Истома въ *Ицумново* мѣсто *Инатъево*“ А. Юр. — Въ такомъ же значеніи принадлежности могли соединяться съ опредѣляемымъ именемъ „мѣсто“ и *качественныя* прилагательныя: „посадили его... не въ *большее* мѣсто, не въ *меньшее*, садятъ его въ мѣсто среднее“ (Горе Злоч.), т. е., въ мѣсто, принадлежащее не большимъ, не меньшимъ, а среднимъ людямъ.

А такъ какъ вмѣсто атрибутивныхъ прилагательныхъ ставится и род. пад. принадлежности, то нельзя замѣтить, что въ древнѣйшихъ памятникахъ сущ. „мѣсто“ по аттракціи ставилось также въ родит. падежѣ: „въ *него* *мѣста* поставляють“ Изб. 1073, „возьми меня за *жены* *мѣста*“ Пам. ср. пс.; но бываетъ и наоборотъ: родительные обращаются въ винит. п. подъ вліяніемъ выраженія „въ мѣсто“: „въ его *Яковлеву* *голову* мѣсто“ А. до Ю. Б.

2) Образецъ „*своей* *землянинь*“, т. е., человекъ изъ *своей* (а не чужой) земли, „*свои* *слобожане*“, „*мои* князя Володимера Одреевича *сельчане*“, „*мои* *полчане*“ и т. п. Въ атрибутивныхъ притяжательныхъ мѣстоименіяхъ этихъ образцовъ Потебня усматриваетъ не одну только принадлежность, но и *качественный* отбѣнокъ, какъ напр. въ пословицѣ 17 в. „хоть *чужь* *чужанинь*, да *своей* *землянинь* (т. е. *такой же, какъ и я*, а не принадлежащій только къ моей мѣстности) на чужой сторонѣ нѣтъ бываетъ“.

Согласно съ такимъ взглядомъ на принадлежность, какъ на качество опредѣляемаго имени, самый вопросъ о происхожденіи (*откуда?*) выражается прилагательными мѣстоименіями: *какой, каковскій, какой* уроженецъ“? „Вы *каковскіе?*“ Въ народ. говорахъ: „*откуда* *леиной?* *откуда* *даиной?*“

3) Образецъ *малыя* *люди* вмѣсто цыфѣшняго „мало людей“ для выраженія количества. — На ступени конкретнаго языка количество, подобно принадлежности въ предыдущихъ образцахъ, также граничало съ *качественностью*. Такъ др.-русское выраженіе „*малые* *люди*“ имѣло не только *качественное* значеніе: *parvi homines* — люди *незначительные* въ цѣлѣст. отно-

Отдѣльные образцы, указывающіе на болѣе конкретность опредѣляемыхъ существительныхъ при прилагательномъ притяжательномъ.

495

496

497-8

шеній, но и количественное; *pauci homines*; и въ то вр. какъ теперь количественность въ этихъ оборотахъ выражается абстрактно, нарѣчиемъ (мало людей),—въ языкѣ болѣе древняго строя количество многихъ вещей или одной собирательной обозначается прилагательными (еликъ, колікъ, нѣволикъ, многъ, малъ, невеликъ, доволенъ), вслѣдствіе чего опредѣляемое существительное представляется конкретнѣе, такъ какъ признакъ атрибута мыслится въ самыхъ вещахъ. „И рече Володимеръ: „се педобро, еже *малъ* городъ (собират. вм. „*малы* города“, т. е. мало городов) около Кіева, и нача ставити города по Деснѣ“... Лавр.—„*Малы* Греки (мало грековъ) нашему Государю доброхотны“ Пут. Лукъян.—„Землѣ русьскѣй *много* зло створше“ Лавр.—„*Многъ* полонъ взяша“ Лавр.—„*Кормъ* посломъ велѣлъ давати *доволенъ* (въ достаточномъ количествѣ) А. З. Р.—„Посла Володимеръ Славяту съ *нѣколкою* дружиною“ Лавр.—Въ формальномъ отношеніи къ этимъ же образцамъ относятся и другія прилагательныя, хотя бы они означали и не количество: «абы въ *землю* *глубоку* (вм. глубоко) не входилъ» Плат.—Ср. въ лат. и греч. согласуемыя количественныя числительныя и прилагательныя: *centum, multi homines, ἡμίσεος λαοί* (половина людей) и т. п.

Принимая въ соображеніе стремленіе языка къ удаленію извѣстныхъ признаковъ изъ опредѣляемаго имени, чтобъ сдѣлать его болѣе отвлеченнымъ, можно усмотрѣть, что позднѣйшій переходъ и отъ случаевъ „въ мое Иваново мѣсто“, „малые люди“ къ случаямъ „вмѣсто меня Ивана“, „мало людей“ однороденъ съ переходомъ отъ согласуемыхъ вторыхъ падежей къ ихъ замѣнамъ, отъ причастій къ дѣепричастіямъ, отъ согласуемыхъ прилагательныхъ положительной и сравнит. степени къ нарѣчіямъ.

Метонимія и *hypallage* какъ другъ друга, говорятъ, что одинъ изъ нихъ есть приемъ первообразный способъ выраженія. Сравнивая грамматическій строй оборотовъ, замѣняющихъ или фигура *hypallage* (ὁπαλλαγή замѣна); таковы и вышеприведенные примѣры: *гдѣсьнз* творецъ, *хлебный* печь и пр. Конечно, это есть метонимія, состоящая въ томъ, что производителю приписанъ признакъ его произведенія: *смѣрти*, напр. приписанъ признакъ тѣхъ, которыхъ она дѣлаетъ *блѣдными*; но дѣло въ томъ, что, вопреки ученію о тропахъ и фигурахъ, этотъ-то метонимическій способъ выраженія и нужно считать первообразнымъ, а не тотъ, которому приписывается такъ назыв. „собственное значеніе“, *propria significatio, χωρολογία*: „*mors pallentes efficiens*“, „пекаръ *хлѣба*“, „пекаръ, *пекущій хлѣбъ*“. И это естественно: „душевныя *личныя* условія перваго возникновенія (метонимическихъ оборотовъ)... всегда проще, первообразнѣе; чѣмъ условія возникновенія соответственныхъ не троическихъ

выражений, которыя въ моментъ возникновенія тропа отсутствуютъ“ и для созданія которыхъ „нужно самообладаніе; рефлексія; противоположеніе себя всему вышнему“. Поэтому-то русскому путешественнику 1710—11 г. Лукьянову легче было приписать Царюграду свою личную эстетическую насыщенность, назвавъ его „градомъ ненасытнымъ“ (Пут. Лукьян., 34), вмѣсто того, чтобы сказать, что это — городъ, красотаи котораго насытиться невозможно. — Къ такимъ же метонимическимъ оборотамъ слѣдуетъ отнести въ рус. яз. и слѣд. выраженія: *пьяное вино* (вино, отъ котораго *человѣкъ пьянъ бываетъ*), *веселый напитококъ*, *вода живая, мертвая*, *морозъ красный носъ, скорая, юмодная* смерть и проч.

Примѣры метонимическаго употребленія атрибутовъ и древности ихъ.

503

504

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ производителю извѣстнаго качества приписывается обладаніе тѣмъ самымъ качествомъ, которое онъ производитъ въ другомъ, напр. кремню, изъ котораго появляется искра, приписывается огненность; и такое состояніе мысли можетъ быть отнесено къ той глубокой древности, когда для говорящаго *причина* и *слѣдствіе* представляются очень сходными и какъ бы тождественными. Отсюда возникаютъ двойники для объясненія разныхъ состояній (болѣзней) и судебъ челоуѣка (III, 301), при чемъ отношенія причины и слѣдствія извращаются: *слѣдствіе* является производителемъ того качества, которое должно быть отнесено къ *причинѣ*: не *горе-злостатье* (двойникъ злостатнаго челоуѣка), удержавшее добраго молодца отъ самоубійства, утѣшило его, а добрый молодецъ утѣшилъ горе: „идеть (добрый молодецъ) веселье некручиновать; утѣшилъ онъ горе-злостатье“. Отсюда объясненіе и многихъ метонимій въ языкѣ. Отношеніе причины (производителя) и слѣдствія (произведенія) есть отношеніе подлежащаго къ сказуемому съ его опредѣленіями и дополненіями, и какъ признакъ слѣдствія приписывается причинѣ, такъ и признакъ сказуемаго переносится на подлежащее, ибо подлежащее первоначально есть точный протівень сказуемаго. Такъ, вмѣсто отвлеченнаго оборота „человѣкъ, который торгуетъ просольной и свѣжей рыбой“, въ языкѣ конкретнаго мышленія является выраженіе: „просольный и свѣжій рыбакъ“, т. е., на подлежащее „человѣкъ“ перенесенъ признакъ сказуемаго съ опредѣленіями и дополненіями; отсюда метонимическій оборотъ: „се язъ, просольный рыбакъ“ (т. е. челоуѣкъ, торгующій просольной рыбой)... продалъ есма свое анбарное мѣсто... *свѣжему рыбку*“ А. до Ю. Б. Пли: „дано запасному пріемному цюловальнику“ (т. е. присяжному, принимающему запасъ) Нид.— „Разъѣздная, походная красная дѣвица“ (т. е. дѣвица, которая бываетъ въ разъѣздахъ, походахъ) и др. При этомъ въ влрусскихъ памятникѣхъ 16—17 в., при сочетаніи названій

Объясненіе происхождения метонимій въ языкѣ.

505

506

507

Метонимическія выраженія при сочетаніи именъ

Синтаксесъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

15

508 вещи, дѣйствія *вещи и дѣйствія*, въ случаяхъ метониміи и *hypallage*, опре-
и дѣйствителя. дѣляемымъ существительнымъ (или относительнымъ подлежа-
щимъ) можетъ быть имя какъ вещи, такъ и дѣйствія, а сообразно съ этимъ
и въ атрибутивное прилагательное обращается то то, то другое изъ соче-
таемыхъ существительныхъ: „*товарная* покупка“ (= покупка товара), „дѣло
въ *вывозномъ* бобылѣ“ А. до Ю. Б., «записка въ *былой* жонки» Ibid.,
«челобитье въ... *выдраныхъ* листехъ» Ibid., тогда какъ въ позднѣйшихъ яз.
и *не* въ метонимическихъ случаяхъ опредѣляемымъ существительнымъ бываетъ
только имя дѣйствія: о *вывозѣ* бобыля, о *побѣтѣ* жонки, о *выдраніи* листовъ*).

509 Сюда же должны б. отнесены примѣры и съ опредѣляемымъ существи-
тельнымъ *nominis agentis*: ц.-слав. *земельный* дѣлатель, *серебрянъ* ковачь; въ
позднѣйшемъ яз.: *часовой* мастеръ, *рыбный*, *виный* торговецъ, при чемъ од-
нако 1) не обычны относительныя прилагательныя, получившія *качествен-*
ный отбѣнокъ значенія (*жельзный* кузнецъ, *деревянный* мастеръ), и 2) ат-
трибутъ *объекта* вовсе не соединяется съ опредѣляемымъ именемъ: говорится
«*мастеръ стѣнныхъ часовъ*», но не возможно сказать: «*часовой стѣнный*
мастеръ», «*виный крымскій* (= крымскихъ вишь) торговецъ».

Метонимич. вы-
раженія, возни-
кающія изъ соче-
танія имени ору-
дія или средства
и дѣйствія или
страдательности.

По аналогіи съ метонимическими выраженіями, основан-
ными на сходствѣ между причиною и слѣдствіемъ, между про-
изводителемъ и произведеніемъ, возникли въ языкѣ метоними-
ческіе обороты изъ сочетанія и такихъ существительныхъ, изъ
коихъ одно означаетъ не производителя и не причину, а *орудіе*
или средство, другое же выражаетъ *дѣйствіе* или страдательность: «*мертвое*
мыло», т. е. не то мыло, которое умерщвляетъ, а то, *которымъ* обмыва-
ютъ умершаго; «*спасенный* путь», т. е. путь, *которымъ* спасаются; «*бла-*
гословенная купница» А. Пет., т. е. купница (плата), за которую получается
епископское благословіе; «*оружье княже милостное*» Плат., т. е. оружіе,
на которомъ проявилась милость княжеская, и пр.

510 О различіи значеній *притяжательно-относительныхъ*
прилагательныхъ на овз (старин. *уй*), *инз*, *ь* (= *яб*; *ячий*),
ий, *ьскз*, *ьнь*, *ьнз* въ *качествахъ атрибутовъ*.

Членность и без-
членность при-
лагательныхъ,
какъ средство
различенія ихъ
въ новомъ яз.

1) Новый великор. языкъ при помощи *именного* и *мн-*
стоименнаго склоненія прилагательныхъ стремится установить
разницу ихъ отношенія къ опредѣляемымъ существительнымъ,
означающимъ *особь* (лицо), *множество* (или родовое понятіе)
и *дѣйствіе*, какъ вещь. Такъ, *именныя* притяжательныя (Ивановъ, Марьинъ),
а также и *субстантивированныя* прилагательныя (Ярославль, Смоленскъ),

*) Но можно бы сказать паратактически: о бобылѣ о вывозѣ, о жонкѣ о побѣтѣ, что свидѣтельствовало бы еще о болѣе древнемъ строѣ рѣчи, чѣмъ гипотактическіе обороты съ *атрибутивнымъ прилагательнымъ*. И. Б.

суть *личныя*, принадлежащія одному лицу, *мѣстоименныя* же прилагательныя притяжательныя, а также и относительныя суть *родовыя* (гозловый, лебяжій, отцовскій, разбойный, воскресный). По по направленію къ старшій разнища эта теряется: родовыя притяжательныя и относительныя могли ставиться въ именной или безличной формѣ, а личныя притяжательныя и субстантивированныя въ мѣстоименной: «жена *эла* мѣжа на оубійство острить, акы *Иродовая* Прода» Изб. 1073; «преставися *Мьстиславля* Хрѣтина» Новг. I; «приѣха княгини великая *Ромаповая*» Ппат., «ожени внука своего *Поревною*» Ппат. «Нелѣпитеся къ церкви ходити и на заутреню, и на обѣдню, и на *вечернюю*» Поуч. Луг. Ж.; «сему старцу отстоявшю *утренюю*» Лавр.; по «*заутрени* суще годниѣ» Лавр.

511

512.

2) Независимо отъ членности и безчленности, новый литературный яз. въ некоторыхъ случаяхъ присваиваетъ притяжательнымъ личнымъ одни окончанія (*овъ, инъ*), а притяжательнымъ родовымъ и относительнымъ другія (*скій*): *царевъ* и *царскій* (царская пышность), *свининъ* и *свинскій* и др. Первоначально же всякое притяжательное есть *личное*, предполагающее въ существительномъ, отъ котораго образовано; *особь*: въ выраженіяхъ «княгини *Володимеря*» и «свѣтъ *мѣсѣць*» «мѣсѣць» столь же лично, какъ и «Володимеръ». Но позднѣе устанавливается разнища между лицомъ и вещью, *особь* синекдохически принимается за родъ, мыслится все неопредѣленною, и прилагательное при особи переходитъ изъ притяжательнаго личнаго въ родовое и относительное, приближаясь къ безотносительному, *качественному*. Поэтому, чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ обычнѣе въ немъ употребленіе *теперешнихъ* притяжательныхъ родовыхъ и относительныхъ въ смыслѣ *личныхъ*. По этой причинѣ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ прилагательныя относительныя, въ ц.-слав. и стар. рус. яз. употребляются притяжательныя прилаг. съ суф. *овъ* и *ь* (жъ): ц.-сл. «разореніе *Иерусалимова* града жидовьска»; «ненадобъ имъ... ни *тиунъ*» (=тиунскій) кормъ, ни *праведничковъ*, ни *доводничковъ* поборъ вм. праведничій, доводничій) А. Ист.; «занасы пригото- вить... людьми *помѣщичковыми* и *вотчинничковыми* и *архіепископлими* крестьяны» А. до Ю. Б. Для выраженія же относительности, къ притяжательнымъ на *овъ* и *ь* (жъ) прибавлялись суф. *ьскъ, ѣнъ*: Петровскій, ц.-сл. «снѣжные свѣтовные».

513

514

Прилаг. съ суф. *инъ* отъ именъ существительныхъ на *а* и *ь* тоже сперва были притяжательными личными, которые потомъ перешли къ относительности: «*волостелинъ* кормъ» Ак. Ист. (=кормъ волостеля, волостелевъ, а потомъ волостельскій), *татинъ* сперва—принадлежащій татю, а затѣмъ воровской: «кромѣ разбойныхъ и *татиныхъ* дѣлъ» Котош.

515

Прилаг. относит. съ суф. *ьскъ* въ стар. языкѣ могли означать также

принадлежность: *русский* = принадлежащій Руси, какъ собирательной особи, *Петровскіе жары*, *Крещенскіе морозы* имѣли такое же значеніе, какъ *Благовѣщеневъ день*, и замѣнялись иногда существительнымъ *родительнаго пад.* множ. ч.: «вдовы *шляхтичовъ*» (=шляхетскія) А. З. Р., «мѣсто *Гришинское*, (Гриши) *Ефремова*» А. до Ю. Б. Но для обозначенія *кровнаго* происхожденія болѣе употребительно прилаг. притяж. на *овъ*, а не *ьскъ*: «се язъ *Олександра Васильева дочь* Одреевича, а *Федоровская жена* Ивановича» А. Ю. (= *дочь* Василья Одреевича, *жена* Федора Ивановича).

516

Особенности употребленія атрибутивнаго существительнаго при прилагательныхъ притяжательныхъ. Т. обр. въ старинномъ языкѣ существительное принадлежности для придачіи большей конкретности опредѣляемому существительному обращается въ прилагательное притяжательное. Теперь спрашивается, какъ поступалъ языкъ съ тѣми атрибутивными существительными, которыя бывають при родительномъ принадлежности?—Въ оборотахъ, какъ «сынъ *князя Володимера*», при обращеніи существительнаго принадлежности (*Володимера*) въ прилагательное притяжательное; обыкновенно и атрибутивное при немъ существительное (*князь*) обращается въ прилагат. притяжательное: «преставися Романъ *князь* сынъ *Володимиръ*» (=сынъ *князя Володимера*) Лавр. Но если атрибутивное сущ. составляетъ одно сложное слово со своимъ бывшимъ опредѣляемымъ, то не переходитъ оно въ прилаг. притяжательное: «*князь—Семеново помѣстье*» (=помѣстье *князь—Семена*) А. до Ю. Б. Кромѣ того наблюдается нѣсколько случаевъ въ старинномъ языкѣ, когда атрибутивное существительное могло оставаться и въ род. падежѣ послѣ перехода существительнаго принадлежности въ прилагательное притяжательное. Такъ, если атрибутивное существительное стоитъ въ болѣе отдаленной связи съ опредѣляемымъ или имѣетъ при себѣ свое опредѣленіе (*домъ Маріи, матере Иоанновы*), то можетъ, а иногда и должно оставаться въ формѣ *родительнаго принадлежности*, который чаще ставился постпозитивно и рѣже—препозитивно.

517

Образцы постпозитивной и препозитивной постановки атрибутивнаго существительнаго въ род. падежѣ.

а) Образецъ ц.-сл. «въ дому *Симоновъ усмаря*», древ. рус.: «пещера *Иоаннова Предтечи*» Дан. Нал.; «туже и *Павловъ* домъ бысть *апостола*» Ив.—Особенно употребителенъ при этомъ въ старин. рус. яз. родительный *отечественныхъ* именъ (patronimica): «*князьень Романово Ростиславича*» Инат., «*пошла зашь (дочь) Петровну Михалковича*» Лавр., а также *прозвища*: «*Степанъ да Петръ Васильевы дѣти Зяблагю*» (=дѣти Василья Зяблага) С. Г. Гр. Но когда личные прозвища стали переходить потомъ въ родовыя, тогда и род. падежъ призвища замѣнялся согласуемымъ прилагательнымъ: «*князь Михаилъ Юрьевъ сынъ Лыковъ*» Ibid.

518

519

б) Образецъ «*Елхимъ князя Юрьевъ борярингъ*», *Короля Жигимонтовъ*

сынъ Владиславъ» А. Ю. и З. Р.; «отказалъ ему Рязанца Игнатиево помѣстье» А. до Ю. В.

в) Когда атрибутивное существительное при притяжательномъ имѣеть свое опредѣленіе, тогда род. п. ставится то *послѣ* притяжательнаго, то *передъ* нимъ: «домъ *Маринъ, матери Іоанновы*»; «дворъ *Іудинъ, предателя Христова*»; «до гроба *Рохалина, матери Іосифовы*» Дан. Пал.; «въ царствѣ *Исаковъ, брата своего*» Новг. I; «до перваго лѣта *Олюва, русскаго князя*» Лавр. — «Воевали волость *брата* его Давидову и *сына* его Ростиславлю» Ппат.

520

г) При притяжательномъ можетъ стоять въ качествѣ атрибута не только атрибутивное существительное, но и прилагательное или причастіе; которыя также ставились въ род. падежѣ и, по видимому, только постпозитивно: «до гроба *Рахиллина, матери Іосифовы Прекраснаго*» (= *Іосифа Прекраснаго*) Дан. Пал. — «О волость *Герцюкову убьенаю*» Ппат. (= *Герцюка убитаго*); «по убіеніи же *Герцюковъ, рекомаю Фридриха*» Ппат.

д) При этомъ вмѣсто родительнаго падежа *причастія* и *прилагательнаго* могло ставиться цѣлое *предложеніе* съ мѣстоименіями относительнымъ и указательнымъ, которыя относятся къ атрибутивному притяжательному: «помяная *слово Господне* (= *Господа*), *иже* (Г-дь) рече» Лавр.; «до *Герасимова* монастыря, *ему же* (Герасиму) лютый звѣрь поработа, верета едина» Дан. Пал.; «а отгуду до гроба *Асафатова*... то бо (= *тѣ, т. е. Асафатъ*) есть былъ царь Юудейскій» Пв. — Въ заглавіяхъ: «о *царевниныхъ* поговяхъ и о житіи *ихъ*» (= *царевень*) Котош. Даже у Карамз.: «при сихъ словахъ прервался *Лафатеровъ* голосъ; *онъ* (Лафатеръ) утерся платкомъ» *). Ср. III, 341.

521

е) Иногда, впрочемъ, прилаг. притяж. и род. п. существительнаго, отъ котораго могло бы также образоваться притяжательное; стоять рядомъ: «повелею *Всеволода* и *Святославлю*» Ппат. Однако рус. языкъ болѣе древняго строя, въ силу стремленія къ наибольшей конкретности опредѣляемаго имени, предпочитаетъ ставить прилагательныя вм. родит. принадлежности (Ср. III, 488, 494), при чемъ и самыя прилагат. притяжательныя и относительныя, безъ сомнѣнія, были тогда болѣе конкретны, чѣмъ въ нынѣшнемъ яз., доказательствомъ чего служить уже то одно, что опредѣленіе и придат. опред. предлож. относились къ нимъ какъ бы къ существительному: «домъ *Симоновъ усмаря*» (= *Симона усмаря*), «слово *Господне, иже* рече (слово *Господа, иже* рече). Наоборотъ, въ языкѣ новаго строя такія сочетанія устранимы, пот. что атрибутивныя притяжательныя уже мало напоминаютъ сознанію о субстанціи того существительнаго, отъ котораго они образованы, и

522

523

*) Для избѣжанія двусмыслицы и неясности при этомъ въ старин. рус. яз. нерѣдко повторялось въ придат. предл. *существительное*, отъ котораго образовано притяж. прил.: «дается на *церковное* строеніе, *которыя* церкви бывають разорены» Котош. (Ср. выше III, 338 и слѣд.) *И. Б.*

мыслятся отвлеченно. Поэтому-то и ставится теперь въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто прилагательнаго род. пад. принадлежности: «домъ *Симона усмаря*» (или арханчгѣ: домъ *Симоновъ усмаревъ*), слово *Господа*, Который сказалъ.

Прилагательныя притяжательныя и род. принадлежности двусмысленные образцы съ прилаг. притяжательнымъ и род. принадлежности. въ старш. яз. могъ означать принадлежность какъ производителю дѣйствія (субъекту), такъ и постороннему лицу или предмету (объекту). Отс. происходила двусмысленность въ пониманіи опредѣляемаго существительнаго. Образцы «страхъ *Игемоновъ*» и «страхъ *Игемона*» двусмысленны и могутъ быть точно понимаемы лишь въ контекста; они означаютъ или страхъ, испытываемый самимъ *Игемонмъ*, или страхъ, производимый имъ на другихъ. Такихъ примѣровъ множество: «побѣда наша» = или мы побѣдили, или насъ побѣдили; «и жался о побѣдѣ земля руское» (= что рус. земля побѣждена) Плат.; «обида наша» = мы или насъ обидѣли; «за обиду *Олеюу*» (= перенесенную *Олегомъ*) Сл. о Н. Пг.; «нужа моя» = я понуждаю или испытываю понужденіе; «воля, неволя моя» = я волею, неволею или я неволю; принуждаю: «Мстивать и Володимеръ... поподши неволею татарскою» Плат.; «гроза моя» = гроза, производимая или испытываемая мною; «царская кручина» = печаль царя или гнѣвъ царскій на кого; «дань моя» = я даю или мнѣ даютъ; «гибель моя» = я гибну, погибъ или что у меня погибло, т. е. моя потеря; «мой грабѣжъ» = заграбленное мною или заграбленное у меня; «чье цѣлованье» = кто цѣлуетъ и кому цѣлуютъ крестъ.

Переходъ относительныхъ прилагательныхъ въ безотносительныя или вальственные. По мѣрѣ того, какъ связь прилагательнаго относительнаго съ тѣмъ первообразнымъ существительнымъ, отъ котораго оно образовано, сознается все меньше и меньше, — прилагательное становится все отвлеченнѣе, безотносительнѣе и, наконецъ, получаетъ общее значеніе качества постояннаго. Такъ, истинный въ стар. яз. имѣло и общее значеніе: истинный, настоящій («хлѣбъ истинный») и частное: принадлежащій истинѣ: «духъ истинный» (τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας = духъ истины); въ новомъ же яз. имѣетъ постоянное качественное значеніе: «имѣющій свойство истины»; «звѣрская смерть» значитъ теперь только «жестокая», а не «отъ звѣря», какъ значило въ старш. яз.

Два способа возведенія частныхъ значеній къ общему. Возведеніе частнаго значенія къ общему бываетъ двоякое: или одно частное получаетъ значеніе общаго (*virtus* — добродѣтель вообще), или же общее означаетъ двумя и нѣсколькими частными, что особенно распространено въ китайскомъ языкѣ, и индійскими грамматиками называется *двандва*; напр. у китайцевъ «разстояніе» обозначается сочетаніемъ противоположныхъ частныхъ: «далеко-близко», «вѣсъ» — сочетаніемъ: «тяжело-легко». Подобный же способъ выраженія общихъ по

пятій, повидимому, свойственъ быть и древнимъ славянскимъ языкамъ, напр. «*братъсестра*» (дв. ч.), род. братъсестрома; *мѣжеженъми* (Мпкл. Gr. II, 378).

Въ устной русской словесности, а отчасти и въ просторѣчии довольно часты, хотя и не сложены «братъсестра», но все-таки сближенія грамматически самостоятельныхъ словъ; при чемъ сочетаніе словъ бываетъ то а) *соединительное*, то б) *раздѣлительное*. Вотъ образцы сочетанія *соединительнаго*: «*отецъ-мать*» (= родители): «*отецъ-мать* молодца во любви *держалъ*»; *хлѣбъ-соль*, *родъ-племя* (вообще родственники): «и *весь родъ-племя* отрекался»; *бой-грабежъ*, *лукъ-колчанъ*, *питье-кушанье*, *кушачекъ-колмачекъ* (=остальная одежда), *князя-бояря*, *грибы-ягоды*, *пыль-туманъ*, *цуси-лебеди*. Тоже въ мр. и болгар. яз. Парѣдка соединяются кромѣ существительныхъ и другія части рѣчи: «*дерево тонко-высоко*», «*бѣла-румяна*», «*криво-прямо*» (=какъ-нибудь), «*такъ-сякъ*», «*живъ-здоровъ*»; мр.: «*пострѣляйте-порубайте*». — Во всѣхъ этихъ примѣрахъ обобщеніе вытекаетъ изъ отношенія *соединительнаго* (то и то), но обобщеніе можетъ вытекать и изъ отношенія *раздѣлительнаго* съ значеніемъ «или то, или другое, но нѣчто въ томъ же родѣ», напр. «*малина-малина, красная смородина*». И такого рода сочетаніе не есть сочетаніе синонимовъ, какъ *путь-дорога* (ибо здѣсь сочетаются совершенно различныя одна отъ другой субстанціи), а перечисленіе двухъ или нѣсколькихъ, часто *несовмѣстныхъ*, предметовъ для обозначенія предмета *общаго*; напр. *орда-Литва*, т. е., государство вообще; *царь-король*, т. е., правитель вообще; *Индья-Корея*, т. е. отдаленная какая-то страна; «изъ-подъ дуба... изъ-подъ вяза... изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова... изъ-подъ камышка было! изъ-подъ бѣлаго пала-выпала мать Ифиръ-рѣка» (Гильф.), т. е., ни изъ-подъ того, другого и третьяго, а изъ-подъ *мѣсу* вообще вылезъ Дибирь. — «И я *золото* хорошо, чисто *серебро* хорошо», т. е., не золото и серебро, а безразлично — *дорогой перстень*. Другіе подобныя же обороты: *звѣриное-змпинное*, *соколъ-кречетъ*, *бурушка-коурушка*, *цуси-лебеди*, *фуша-яблонь*, *туры-олени*, *турки-татары*, *Дунай-море*, *вишни-черешни*, *сивцы-воронцы*, *атаманы-молодцы* и т. п.

Сюда же относится выраженіе *неопредѣленности числа* посредствомъ сопоставленія *меньшаго* и *большаго* въ *восходящемъ* направленіи: два-три» (а не «три-два»), при чемъ меньшее и большее или соединяется раздѣлительнымъ союзомъ, или не соединяется: «и бывъ *малое* или *многое* время (т. е. *нѣкоторое* время), поѣдетъ къ жениху» Котош. — «Меня мати хочеть бити *по три* утра *по четыре*» Шейнъ. Рус. нар. п. — Тоже въ мр. и серб. языкахъ: «*два-три*», «*до два—до три*» для выраженія неопредѣленности. — Сочетанія такого рода при выраженіи неопредѣленности могутъ замѣняться еще вопросительными частіцами (рус. *ли*, мр. *чи* и *чили*) и

Выраженіе неопредѣленности числ. посредствомъ сопоставленія меньшаго и большаго и чрезъ отрицаніе *ли* въ сравненіяхъ.

530

531

532

536-8

537-8

539

540

541

отрицаемъ *не* въ положительно отрицательныхъ сравненіяхъ: «велише врячи три-ли, 4-ли, 5-ли жень въ телъгу и повезти Обръна» Лавр.—«Чи три, чи чотири?»—Положительно-отриц. сравненіе: «Ой у лузі въ лузи червона *калина*, ой то же *не калина*, молода дівчина». Это „*не*“ въ сравненіяхъ является началомъ перехода къ значенію сравнительной частицы *какъ* и при числительныхъ сближается съ старин. русскимъ *нѣ* (=не есть) для обозначенія неопредѣленности: „нѣ триста“=около 300 (Ср. II, 423), „триста нѣ“ (=не есть) триста“, т. е. *какъ бы* триста, около трехъ сотъ. Когда же соединяются оба способа—и вопросительный, и отрицательный, то получается форма: «чи три, чи не три», а при опущеніи первой половинны является «чи не три» (=почти три): «наши брѣти були *чи не шістьма* годами старші від насъ». Въ стар. рус. яз. подобное опущеніе первой половинны при раздѣлительномъ сочетаніи: «и отяша полонъ весь (у Литвы), а княжиць (Литовскихъ) пѣче Александръ *или болѣ 8*» (т. е., осемь *или болѣ осми*) Новг. I.

543-4 Въ финскомъ эпосѣ (Калевала) подобное же сочетаніе числительныхъ для обозначенія неопредѣленности: «вотъ *четыре* дѣвы, видитъ, даже *пять* невѣтъ... топоръ свой точитъ на *шести* кускахъ кремневыхъ, на *семи* точильныхъ камняхъ, тамъ *шесть* зернышекъ находить, *семь* сѣмянь онъ поднимаетъ» (Калевала, перев. Бѣльскаго, стихи 26—30).

545 Отриц. *не*, давшее слову положительное противоположное значеніе (*не-другъ*): Отрицаніе *не* въ славянскихъ языкахъ (а отчасти и въ другихъ) не только отрицаетъ значеніе того слова, въ тѣснѣю связь съ которымъ входитъ, но и превращаетъ значеніе въ положительное противоположное: «*недругъ*», т. е. врагъ, «*нехудъ*», т. е. хорошъ («*нехуда* гнѣзда шестокрыльци» Сл. о II. Пг.), *недугъ*, *недужный* (слабый), *немочь*, *нелегкая* (сила), т. е. тяжкая. При этомъ есть и такія отрицательныя слова съ положительнымъ противоположнымъ значеніемъ, которыя происходятъ отъ первообразныхъ *неотрицательныхъ* словъ, заключавшихъ въ себѣ не общее, какъ теперь, а частное значеніе съ тѣмъкомъ одобренія; напр. *непогода* отъ «погода» съ частнымъ значеніемъ лишь *хорошей* погоды, *благопріятнаго* времени: «*непогодье* есть зима воевати» Шпат.; млр. *неслава* (безчестье) отъ «слава» съ значеніемъ лишь *доброю* славы; *нелюдь* (дурной народъ) отъ «люди» съ значеніемъ лишь *настоящихъ*, хорошихъ людей; *непутица* (распутица) отъ «путь» съ значеніемъ *хорошій* путь, откуда *путный* (человѣкъ), *непутовый*; древ. рус. *неверемя* (безвременье) отъ «время» съ значеніемъ *добрая* пора; *нежитье* (ссора) отъ «житье» съ значеніемъ *мирнаго* житья; *неречь* (неправда) отъ „речь“ съ значеніемъ *правдиваго* слова: „ты неправду говоришь и *неречь* ты кажешь“

547 Соединительное и раздѣлительное сочетаніе Шейнъ, Рус. п. п.—Когда сопоставляются др. съ др. такія утвердительныя и отрицательныя по формѣ слова, тогда полу-

частью значеніе *малости, непрочности* качества общаго по-
 нятія. Такъ а) при сочетаніи *соединительномъ* въ сербск.
 „вѣра и невѣра“ означаютъ *ненадежность*: не то вѣрить, не то не вѣрить.
 Тоже и въ примѣненіи къ глаголу: «идучи не идяху» Ипат. = шли-нешли,
 т. е. шли *медленно, съ трудомъ*; «выспалася-не выспалася»; «Пля-то тутъ
 и былъ и нитъ» Кпр.—Такое же значеніе получается при сочетаніи словъ
 противоположнаго значенія и безъ отрицанія: «Игорь спитъ, Игорь бдитъ»
 Сл. о п. II., т. е., полуснитъ, полубудствуетъ. б) Соединительному соче-
 танію соответствуетъ по значенію сочетаніе утвердительныхъ и отрица-
 тельныхъ словъ въ формѣ вопроса: лп-ли, мр. чи-чи; напр. «чи спала, чи не
 спала (=мало спала), а ухоніла відра и пійшла по воду» Квит.—«Вона ти-
 хесенью устала; чи обулася, чи ні» Id.—Чи іла, чи пейла (=зѣла трохи) Ів. *)

548

549

550-551

II.

Тождесловіе, сочетаніе синонимовъ.

552

«Сочетаніе синонимовъ, словъ различнаго происхожденія, должно раз-
 сматриваться какъ средство создать *новое* значеніе», гов. Потебня.

Первоначально сочетаемые синонимы, напр. *путь-дорога*,
 означали различныя вещи, какъ и сочетанія несинонимическія:
хлѣбъ-соль (Ср. выше III, 530 и сл.), съ тою лишь разницею,
 что въ синонимическихъ сочетаніяхъ есть нѣкоторое совпаденіе
 значеній синонимовъ, какъ напр. въ стар. влр. словахъ *животы* и *станки*.
 Первоначально значенія этихъ словъ не совпадаютъ и лишь потомъ обобща-
 ются: *животъ* сперва *живое* имущество (скотъ), затѣмъ—*движимое* и *не-*
движимое имущество и *деньги, статокъ* же (во множ. ч.) сперва—*недви-*
жимое имущество, а затѣмъ и *движимое*, такъ что уже въ смыслѣ сино-
 нимическаго сочетанія оба эти слова стали употребляться безразлично съ
 значеніемъ движимаго: скотъ, хлѣбъ, драгоценности.

Происхожденіе
 синонимиче-
 скихъ оборотовъ
 изъ словъ не-
 синонимиче-
 скихъ.

553-4

Путь-дорога: «путь» въ XII в. (Поуч. Вл. М.), между
 прочимъ, употреблялось въ значеніи *военнаго похода*, позднѣе
 сблизилось со словомъ «дорога», а въ 16—17 вв. «путь» и
 «дорога» стали уже тавтологичны: «ой пришовъ козакъ з *війська*
 з *дороги*», «въ *військо-дорогу* виряжай мене» Чуб.—*Честъ-хвала, честь-*
слава: сперва «хвала» и «слава» были атрибутами къ «честь» и лишь по-

Образцы синони-
 мическихъ соче-
 таній изъ суще-
 ствительныхъ,
 прилагатель-
 ныхъ, глаголовъ
 и нарчій.

*) Отлично отъ этихъ сочетаній сочетаніе *раздѣлительное*, дающее въ ре-
 зультатъ значеніе: „такъ или иначе“, „все равно“; напр. влр.: „была—не была!“
 т. е., такъ или иначе, все равно. Тоже въ польск. и мр. яз.; напр. „*rad-nierad*“;
 „*поможись-не поможись*“, а въ калиточку уложись“, говорила знахарка, пряча
 деньги за лѣченіе, т. е. «*такъ или иначе*», „какъ бы ни было“—«*все равно*», а въ
 калиточку ложись.

томъ стали тавтологичны.—Млр. *до суду—до віку*, т. е. до смерти*). Млр. *кохати-любити* тавтологичны, но въ польскомъ *кохаѣ* сильнѣе, чѣмъ *любіѣ*.—Влр.: *страсти-ужасти* (Иир.), *безъ жалости безъ малости*, *жизнебытье*, *кручина-тоска*, *ростомъ-возрастомъ*, *не громъ-не стукъ*, *письмо-грамота*, *ясенъ-красенъ*, *сопливая-дремливая*, *трудна-больна*; *высматривалъ-выглядывалъ*, *ходилъ-гулялъ*, *журишь-бранишь*, *ни сжить-ни сбить*, *спать-лежать*; „*думай-гадай*“ (Инат.); „*думали та гадали*“ (З. о Ю. Р.); „*какъ нуечку тонеречку*“ (Гильф.), *потихошечку-полеюшечку*“ (Шейпъ): Млр. „*штучка-здесечка*“ и др.

Отдѣльные образцы изъ повторенія того же слова.

Образецъ *дъне-дъне*—повтореніе слова въ той же формѣ для усиленія значенія, а по отношенію ко времени для выраженія учащательности, длительности: «*дънь-дънь* иштууть»

Избор. 1073 г., *добрый-добрый* (т. е. очень), *мѣтъ-мѣтъ* (много, долго).

Обр. *хватъ-похватъ*, *ходить-походить*, гдѣ предлогъ *по* означаетъ *послѣдовательность*, а глаголь съ предлогомъ бываетъ вида *несовершеннаго*: «*бьютъ-побьютъ* 30 кораблей», «*плыли-поплыли* 4 утѣны», «*думаю-подумаю*», «*пѣшишь-потѣшишь*».—Съ *другимъ* предлогомъ и со значеніемъ *совершеннымъ*: «*мела-повымела*», «*снився-приснився*». Съ болѣе длительной формой на *аѣ* (млр.) и *ива* (влр.): «*видѣла-сповидала*», «*кляла-проклинала*», «*кляче-поклячѣѣ*», «*курить-рокурѣѣ*».

Повтореніе (удвоеніе и утроеніе) слова является также средствомъ для представленія продолжительности дѣйствія и интензивности качества: «*ждала я ждала*, ждала ѣ дождала»; «*шла, шла... и вдругъ...*», «*ходитъ-похаживаетъ*». «И вотъ *одна, одна* Татьяна» Пушкин.—«*Едва, едва* таскаю ноги» Пушкин.—«И въ ту же минуту по улицамъ *курьеры, курьеры, курьеры...* 35 тысячъ однихъ курьеровъ» Гог.

Таеология **). Изъ повторенія вытекаетъ тавтологія; но не всякое повтореніе одного и того же слова составляетъ тавтологію; напр. «*дымомъ дымится* подъ тобою (Русь) дорога» (Гог.) есть тавтологія, но «*стоитъ того, чтобъ о немъ толково потолковать*» (Гог.)— не тавтологія.

Образцы тавтологій особаго рода:

1) «*Скажите не утайте*», «*малъ не великъ*», т. е. за утвердительнымъ значеніемъ перваго слова слѣдуетъ отрицательное, которое однако означаетъ то же, что и первое слово. Такъ сопоставляются глаголы, прилагательныя, нарѣчія и—рѣже—существительныя. Иногда же сначала ставится отрицаніе, а потомъ утвержденіе: «*Изяслава тѣ ся неотлучати, но... съ нимъ быти*» Инат.—«*А подати (съ мужиковъ) имати по силъ... а не черезъ силу*» Котон.—«*А ходять они не дороюю, бездорожницей*» Гильф.—

*) Ср. «на судъ приведе» Сл. о п. И. Б.

***) Опредѣленія тавтологій у Потебни въ т. И. Б.

„И вѣчеръ же, брѣтцы, былъ *женѣтъ не холостъ*, а ишнечу я сталъ *холостъ не женатъ*“ Ibid.—Тоже въ влр. и серб. яз.

367-8

2. а) „*Не кто*, (з) *самъ*“... и б) „*ни кто не... только*“ Въ этого рода тавтологіяхъ отрицаніе всегда въ началѣ, а противительное второе предложеніе придаетъ утвержденію наибольшую выразительность: а) „*Не кто гонить, самъ бѣжитъ*“, „*не кою зовуть, тебя (зовуть)*“;—б) „*Ни кому ты, моя кручипушка не извѣстна, извѣстна (только) ты, моя кручипушка, ретиву сердцу*“ Шейнъ.—„*Ничего поле не породило, породило поле часть раки товъ кустъ*“.—Тоже въ млр., серб., болг. яз.

368

370-3

III.

Грамматическій родъ.*)

374

Ученые (Гумбольдтъ, Поттъ, Штейнталь, Миклош.) думаютъ, что *грамматическій родъ* свойственъ языкамъ только индоевропейскаго, семитическаго и египетскаго племени, а остальные различаютъ лишь *полъ*, при чемъ *средній родъ* различаютъ только индоевропейскіе языки, изъ коихъ въ романскихъ, кельтскихъ и литовско-латышскомъ языкахъ въ относительно недавнее время *средній родъ* вовсе исчезаетъ, а въ великорусскомъ обнаруживается стремленіе замѣнить *средній родъ* мужескимъ: „*яблокъ садовой*“, „*вины*“. Поэтому на грамматическій родъ нужно смотрѣть, какъ на явленіе, порожденное *временными* потребностями мысли и притомъ *національной*, а не общечеловѣческой.—Миклошичъ (Гр. IV, 18) согласно съ Гумбольдтомъ предполагаетъ, что первобытный человекъ еще неспособный замѣтить разницу между собой и вышними предметами, представляетъ ихъ такими же *живыми* существами, какъ и онъ самъ, *дѣлая* при этомъ *полъ* существа *родомъ словъ*. Отсюда два рода—мужескій и женскій въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. семитическихъ и египетскомъ. Спенсеръ справедливо отвергаетъ этотъ взглядъ на неспособность первобытнаго человека отличать вышній міръ отъ своего „я“, а Поттъ представляетъ, что если человекъ и олицетворяетъ въ свое время вещи, то дѣлалъ это по другой причинѣ, а именно—„для различія понятій и для установленія *сходствъ* и *различій* въ отбѣнкахъ“, что придавало мысли „эстетическую оболочку“, т. е. сопровождалось удовольствіемъ отъ красоты. Точно также и „*различіе родовъ* въ языкѣ сообщаетъ ему своеобразную прелесть“ (Микл. Гр. IV, 19).

Взглядъ ученыхъ на родъ имѣетъ по сравнению съ поломъ

375

Грамматическій родъ, какъ средство для установленія сходства и различія отбѣнковъ въ понятіяхъ.

376

Какими же средствами располагаемъ мы для различія понятій по *сходству* и *различію*?—Это сходство и различіе выражаемъ мы съ одной сто-

*) Эта статья должна служить дополненіемъ къ главѣ V: «Происхожденіе разрядовъ существительнаго» (III, 101—128), И. Б.

роны *пространственно*: „близокъ“ — „близка“ (affinis) = соседъ по мѣсту, потому — родственникъ, а съ другой — *человѣческими отношеніями родства и свойствъ*: въ одной нѣснѣ напр. сходство *частныхъ* понятій, входящихъ въ составъ *родового* „мучныя кушанья“, представлено въ видѣ *свадьбы* „блина“

Лексическое обозначеніе родства и свойства, какъ принадлежности частныхъ понятій къ роду, семейству.

и „олады“; остальные же частныя понятія этого рода называются *свахами, дружками, гостями* (З. о Ю. Р. II, 27).

Въ Великороссіи до 17 в. имена разныхъ печеній становились даже собственными, откуда произошли фамиліи *Колачевъ, Пироговъ*, а иногда отецъ, сынъ и внуки носили хлѣбныя имена:

577 *Оладыя, Коровая, Блины, Куличи* и т. п., какъ напоминанія о *родствѣ* разныхъ печеній, составляющихъ одинъ *родъ, семейство*. Въ ц.-слав. яз.

для выраженія *близости видовъ* служило слово *бжичьство* (у I. Эзк. Б: бжичьство); *вещь* и *явленіе*, родственныя между собою, назывались *братъ*

578 и *сестра*, какъ и теперь: то отношеніе близости, которое мы выражаемъ нынѣ словами „и проч.“, „и т. под.“, до недавняго времени въ вар. яз.

выражалось: „сѣ товарищи“: „много городовъ турецкихъ: *Килія* градъ сѣ

579 *товарищи*“ Пут. Лукьян. Для выраженія единства *родины*, какъ большой семьи, въ стар. рус. яз. служилъ *сынъ* (во множ. ч.): „Господь хвалимъ отъ русьскыхъ *сыновъ*“ Лавр.— „Немизъ кровави брезѣ. . посѣяши костью Рускихъ *сыновъ*“ Сл. о П. II. Для обозначенія *единомышленниковъ* и *близкихъ приближенныхъ* кого-либо употреблялось сущ. *чадь*: „Ротнборова

чадь“ Плат., т. е. единомышленники его; „Аптихова *чадъ*“ = *о і пері*

580 *тѣхъ Аптіоховъ* и т. п.

Грамматическое обозначеніе отношеній къ роду, племені, посредствомъ суффиксовъ.

Кромѣ *лексическаго* обозначенія близости понятій, выражаемаго особыми словами: сынъ; чадь и т. д., отношенія къ роду, племені, странѣ, а также и указаніе на происхожденіе отъ особи (патронимичность) выражаются и чисто грамматически, *суффиксами*. Такъ,

суф. рус. *ичь* (ц.-сл. *ишь*) образуетъ а) имена *малыхъ вещей* и *молодыхъ животныхъ*: „дѣтишь“, „пѣртишь“. Рус. яз. не оставилъ слѣдовъ

образованія уменьшительныхъ именъ на *ичь**), а слѣды образованія молодыхъ животныхъ есть: „пѣтичь“ (птичка) Сл. о П. II. — б) Суф. *ичь* образуетъ имена

людей по отчеству и материнству (муж. и жен. р.) во всѣхъ слав. нарѣчійхъ, причеиъ *ичь* или 1) присоединяется прямо къ темъ существительнаго:

581 *Пльичь, дѣдичь, отьичь*, или 2) къ суффиксамъ притяжательныхъ прилагательныхъ *їв, ов.* (жен. овьяна). *ин* (жен. иничья): *Святославичь, Ольговичь*.

При этомъ къ формальному *ичь* присоединялось лексическое „сынъ“, „дочь“: „*Наяя Муромецъ, сынъ Ивановичъ*“, „*Забава дочь Путьичина*“, а за не-

*) Быть можетъ, слова съ этимъ отъѣнкомъ перешли въ форму—*иче*: отроиче, дѣтиче.

нѣшнѣмъ отчества—паратактично: „Васютычка *сынъ* пшаница“.—в) Имена на *ичь* отъ отечественности переходятъ къ значенію *принадлежности къ дружинѣ, партіи*, а также къ *мѣстности, городу и странѣ*: „Володимерковичи“ т. е. войско и дружина Владимерка, „Русичи“, „Псковичи“, „Родичи“—сынъ рода, принадлежащій къ роду.

Суф. *юкъ* (укъ). Измѣненія значеній этихъ именъ сходны съ *ичь*: а) уменьшит.: Мишукъ; б) отечеств.: Иванюкъ, Богданюкъ; в) принадлежность къ мѣстности, племени: Иньчукъ (отъ Инскъ), Севрюкъ (Сѣверининъ).

Суф. *якъ* (акъ) съ тѣми же значеніями: а) польск. *dziesiąk*; б) мдр. Борсиякъ; в) мдр. литвякъ.

Суф. *ецъ* (Ср. III, 126-7), братецъ. а) Въ влр. съ XV в. образуются уменьшит. собственные на *ецъ* муж. р. и *ица* жен. (параллельно съ именами на *но, на*), но не обозначаютъ непременно малолѣтнихъ дѣтей: „холопъ твой Замятница Сабуровъ... Иванецъ Шереметьевъ, Богданко Сабуровъ, Данилецъ и Дашако Сабуровъ“; „раба твоя дѣвка Дарница Петрова“; „приданая Анища“; „Анкины дѣти“, „Матренка Пвашкова жена“; „Родивонко“, „Ивайко и др.—б) Отечественныхъ на *ецъ* нѣтъ.—в) Съ значеніемъ принадлежности къ мѣсту мужескому роду свойственны—*ецъ*, а женскому—*ика* вм. *ица*: Вольнецъ, горнецъ, Казанецъ (Казанка).

Суф. *ѣтъ* во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ образуетъ а) имена молодыхъ животныхъ и уменьшительныя: телѣ, отрочѣ *средняю* рода, а *частью* муж. и женскаго въ влр. на *я*: Оля, Костя, что особенно видно въ уменьшительныхъ съ суф. *ен* вм. *ѣтъ*: „Ол-енька, Кост-енька. Но уменьшительныя личныя на *а* не предполагаютъ суф. *ѣтъ*: Дема, Степа, Лева, Ерема.—Усложненный суф. *ѣтъ-а* восходитъ къ глубокой древности: Жирята; но мдр. суф. *ен-я*, род. *ен-яти* новѣе: гусеня, утень. Отъ б) мдр. *patronimica* XIV—XVII в. включительно: Козеня, Козеняти; Мищеня, Мищеняти. Отечественное *ен-ко* восходитъ къ началу XVI в.: Митенко, Горленко.—Въ влр. яз. какъ имена образца *телѣ* переходятъ въ форму *ен-окъ*, такъ точно и *patronimica* (фамиліи), особенно въ монастыряхъ, прилегающихъ къ мдр. губ.: Васьяка Балашинокъ, Горбаченокъ, Кулешенокъ.—в) Значеній принадлежности къ мѣсту съ суф. *ен* (*ѣтъ*) незамѣтно.

Выходя изъ мысли о человѣкообразности мышленія и языка, грамматическій родъ слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ *общихъ человѣкообразныхъ понятій* или категорій, къ которымъ относятся и понятія подлежащаго и сказуемаго; дѣйствія и причины. Но въ то время какъ одни изъ этихъ категорій, каковы подлежащее и сказуемое, обыкновенно не кажутся намъ человѣкообразными, другія, напротивъ, носятъ печать человѣчности. Таковы категоріи *вражды* и *любви* для

Грамматич. родъ и полъ, какъ общій человѣкообраз. категоріи

выраженія причиннаго отношенія, категоріи *семейства*, *рода* и *пола* для выраженія отношеній *сходства*.

Взглядъ Плинія на предметы растений и ископаемыхъ.

Поль, какъ общая категорія всѣхъ вещей, находится въ связи съ возрѣніемъ, что всѣ *вещи живутъ* подобно человѣку и животнымъ. Возрѣніе это, доходящее въ языкахъ до нашего времени, весьма ясно высказывается и древними учеными. Такъ, Плиній въ своей „*Historia Naturae*“ говоритъ, что всѣ произведенія природы *не лишены души*, пбо *ничто не живетъ безъ нея* (начало XII в.). Съ этой точки зрѣнія у Плинія *дерево*, *растеніе* есть *animal*, такъ какъ и въ растеніи есть кожа, кровь, мясо, жилы, кости и пр. (XVI, 72, 73). Ископаемыя сходны съ растеніями: *камень рождается, растетъ, имѣетъ кровь* (Котом. 81, 91; кн. Б. Черт. 2204; Дан. Нал. изд. Пор. 33). Въ тѣлѣ земнаго шара камни суть кости, рыхлая земля есть тѣло. Согласно съ этимъ, въ растеніяхъ и ископаемыхъ есть *поль*. Слѣды этой метафоры о половомъ различіи всего органическаго и неорганическаго допускаются и нынѣшнюю наукою, признающею случаи дѣйствительнаго различія половъ растеній. У Плинія разные растенія и деревья суть мужскаго и женскаго пола. *Glandes* (желуди) *mares et feminae* (XVI, 6). Древесина *хвойныхъ* мужскаго пола отлична отъ древесины женскаго (XVI, 19). *Поль липы* (*filia*) также рѣзко различается по древесинѣ и листьямъ. (XVI, 25). *Мята* (*mentha pulegium*) женскаго пола имѣетъ пурпуровый цвѣтъ, а мужскаго — бѣлый. *Манитъ*, находимый въ Троадѣ (черный), женскаго пола и поэтому безсиленъ (XXXVI, 25).

Грамматич. родъ какъ средство перевода именъ изъ одной категоріи въ другую.

Грамматическій *родъ* есть средство перевода именъ изъ одной категоріи въ другую. Такъ, суф. *ыни* (ыня) *образуетъ имена женскихъ лицъ отъ мужскаго на ъ*: рабъ, рабыни и, между прочимъ, имена женъ: князь, княгиня. II какъ *жена* есть принадлежность *мужа*, такъ и *качество* есть принадлежность того, въ комъ или въ чемъ оно находится, есть *второе* обладателя: *первое* — самъ обладатель, а *второе* — качество его. Такъ, по Шестодиеву I. Экз. Б., *теплота*, напр., есть качество *огня*, *сухость* — качество *земли*, и каждое изъ нихъ называется своимъ именемъ; но имена: „огонь“ и „земля“ суть *первыя* наименованія, а „теплота“ и „сухость“ — *вторыя*: „и огонь огонь се именуется, таче потомъ топлъ.. такоже именуется се и земля“ „земль“ по *првоуимому* имени, таче потомъ „сухая“ (Шест. 73). Понимая подобный взглядъ челоѣкообразно, слѣдуетъ смотрѣть на *качество*, выражаемое женскимъ суф. существительнаго, какъ на *жену*; понимая же его болѣе философски, на качество слѣдуетъ смотрѣть, какъ на *второе* (предикативное) имя по отношенію къ первому, т. е. къ *nom. agentis*, какъ подлежащему.

Суф. **ьна** (ьна), такъ же какъ и *ини*, образуетъ а) *име-* Суффиксы, обра-
на женскихъ лицъ отъ именъ сущ. мужескихъ на ъ, анъ, зушчіе родъ
ьць, ан, ар: Ляшка (отъ Ляхъ), козачка (отъ козакъ), уроженка (отъ уроже- разныхъ писемъ:
 нець), крестьянка, татарка.—б) *Отъ прилагательныхъ и причастій для*
обозначенія лицъ, животныхъ и вещей, какъ посылительницъ качества, а 597
 также и дѣйствій: жидовка (отъ притяж. жидова), бѣлка, болячка, пи-
 санка.—в) *Уменьшительныя на ъка:* ворожка отъ ворогъ, подружка отъ
 подругъ*). г) *Имена дѣйствія и производеній (actionis и acti), образуемая*
отъ глаголовъ, за исключеніемъ бѣлѣть, влаяться, ѣсть, вести, жать, те-
 реть, плыть, рвать, брать, сохнуть: ковка, мойка, тряска, стрижка, сказка,
 скачка, порка, записка, привязка, оглядка, постройка, уловка, научка, из- 598
 гонка, дневка, почевка, зимовка и множество другихъ. При этомъ слѣдуетъ
 отличать указанныя имена дѣйствій, съ одной стороны, отъ существитель-
 ныхъ на ъка отъименныхъ (а, б) и уменьшительныхъ: краска (уменьш.:
 то, чѣмъ красятъ, и крашенье), *подливка* (п. actionis и союзъ отъ подлива),
отмычка (отмыканіе и орудіе), а съ другой—отъ именъ орудій, дѣйствующихъ
 лицъ и мѣста на ъка, особенно съ посредствующими суффиксами:
 л-ька, —ил-ька, —ал-ька: грѣлка, кошма, отымалка, зыбка, сторожка, при 599
 чемъ имена дѣйствія, какъ мойка (бѣлья), ближе всего примыкаютъ не къ
 уменьшительнымъ, а къ именамъ *дѣйствующихъ лицъ* ж. р. отъ соответ-
 ствующихъ пом. agentis на ъ: *судомойка* при судомой.

Суф. муж. **ехъ, охъ, ухъ, усъ** и жен. **еха, оха, уха, уша** образуютъ
 имена лицъ дѣйствующихъ или снабженныхъ качествомъ, а не сама дѣй-
 ствія и качества: свинтусъ (польск. *świntuch*, ругат.), оболтусъ; клику- 600
 ша, млр. мандреха, мандроха, моргуха, при чемъ нѣкоторыя жен. имена, вы-
 ражающія состояніе, въ влр. говорахъ также примыкаютъ къ именамъ лицъ,
 какъ слѣды олицетворенія: *голодуха, голудуха, ворогуха* (лихорадка), жи-
 руха и житуха (привольная жизнь) отъ предполагаемыхъ мужескихъ именъ
 жирушъ и житухъ, *титуха* (попойка) при *титухъ* (нѣяница). Но въ именахъ
 множ. числа, какъ *посѣдушки, посѣдухи, постирушки, потягуши*, множ. число
 „стираетъ слѣды олицетворенія“ и дѣлаетъ ихъ именами actionis и acti (Ср.
 далѣе „Знач. мн. ч.“ стр. 58).

Суф. **ица**, при соответствующемъ муж. **инъ, иць**, образуетъ имена жен-
 скихъ лицъ: молодца (при молодецъ, —шкъ), но въ то же время примыкаютъ
 сюда и сложныя имена состояній: гололедица, небылица, нелѣпица, бессо- 601
 пица, безкормица, сумятица, при чемъ какъ нѣкоторыя имена лицъ, такъ и
 состояній, предполагаютъ мужескій родъ не на —инъ, иць, а на ъ, ѣ; напр. проро-
 цина (пророкъ), царица (царь), серб. кралица (краль), имена животныхъ: волчица,

*) Ср. Сборн. XII в. Усп. Соб. стр. 36. И. Б.

львица; нелѣвица (при нелѣплъ), безкормица (при безкормъ = лицо, лишенное горма) и многія др.

Суф. *ья*, при соответствующемъ муж. *ьнъ*, образуетъ женскія имена *agentis*: ст. слав. прѣходья (переходница), влр. сведья, проевирья и др., а также имена орудій и дѣйствія, примыкающія къ именамъ дѣйствующихъ лицъ: влр. *дѣбья* (орудіе) при *дѣбень* (дурень), *блудья* (дѣйствіе) при *блудень*, *рызья*, *рѣзья*, *мазья*, *долбья* (отличное отъ „дѣбья“ — орудіе) и др. — Суф. *ья* образуетъ имена жен. р. и для обозначенія *мѣста*, гдѣ что дѣлается: *мошня*, и съ сложными суффиксами: *ильня*, *альня*, *арня*, *ушня*: сушилня, швальня; овчарня, копошня.

Суф. *тва* — для обозначенія орудія (бритва) и дѣйствія (клятва, битва, молитва) въ ц. сл., польск. и серб. предполагаетъ соответствующій суф. *тъв* для ном. *agentis*: цел. *рыбиттъ* (рыбакъ).

Суф. *ь* (=и); *нь*, *ть* (=ни, ти) образуютъ имена муж. р. съ основнымъ значеніемъ дѣйствователей (ном. *agentis*), а не дѣйствія (н. *actionis*), какъ утверждаетъ Бругманъ: *медвьдь*, *лунь* (разрывающій), *зять* (, къ *зяти* своему), *татъ* (первонач. воръ, утаивающій, а не „утайка“, „воровство“, какъ думаетъ Бругманъ), *гостъ* и др. — Со значеніемъ же дѣйствителя сродны и остатки прилагательныхъ съ тѣми же суф., какъ напр. несклоняемое *свободъ*.

Что же касается женскаго р. съ этими суффиксами, то онъ могъ пониматься какъ средство обозначенія дѣйствующаго лица женскаго пола: *мать*. Къ женскому роду примыкаютъ:

1) имена вещей, какъ орудій дѣйствующихъ и страдательныхъ: *опашь* и *ошибъ* (хвостъ), *дверъ*, *грѣдь*, *жѣрдъ*, *плать*, *длань*, *дѣбрь*, *сѣнь*, *тѣнь*; *рънь* (песокъ), *ношть* и др.;

2) имена съ значеніемъ дѣйствителя и дѣйствія: *блядь* (блудница и заблужденіе), *ложь* (лжець и ложь), *хоть* (жена и желаніе),

и 3) жен. имена а) дѣйствій и б) *качествъ*, которыя, по всей вѣроятности, сначала противопоставались именамъ дѣйствователей на *ь*, а въ позднѣйшее историческое время *сопоставляются* съ ном. *agentis* и прилагательными на *ь*. Такъ, а) имена дѣйствій сопоставляются съ именами дѣйствователей: *похоть* — *доброхоть*; *иноходъ* — *иноходъ*; *прѣдь* — *шеякопрѣдь*, *запись* — *борзощисъ* и другія: *снѣдь*, *заповѣдь*, *рѣзь*, *кладъ*, *мазь*, *рысь* (побѣжка), *зыбъ*, *топь*, *сыпь*, *смѣсь*, *гарь*. — б) Имена *качественныя* при прилагательныхъ съ первообразнымъ суф. на *ь* и производнымъ на *окъ*: *твьрдъ* — *твьрдъ*, *лѣнь* — *лѣнь* (*riger*); *зѣль* — *золъ*, *крѣль* — *крѣль*; *высь* — *высокъ*, *глубъ*, *ширь*, *даль*; *рѣдь* (*рѣдохъ*) и др. При этомъ имена дѣйствія на *нь*, *ть* должны быть сопоставляемы съ причастіями страдательными *лѣнь*, *тѣ*. Имена съ суф. *нь*: *копанъ* — *копанъ*, *данъ* — *данъ*, *оранъ*, *влязанъ*, *дранъ* и др. — [Суф. *сь*, *зь*: *нѣсь*, *жизнь*, *кузь* (цел., др.-рус. *сосудъ*), болѣзнь *правильнѣ*

сопоставлять не съ причастіями на *нѣ*, а съ предполагаемыми прилаг.: на *онѣ*, *знѣ*, въ родѣ *любви*, польск. *życiu* (жизненный), такъ что жизнь: *жизнь=дань: дань]. — Имена съ суф. *ть*: *подать*, *дать* съ соответствующимъ причастіемъ *данъ*: «*вса дати* (=даяніе) благаа и всѣ даръ съвършенъ» Шестоди., *вѣсть*, *масть* (соб. мазанье), *память*, *рукоють* и пр.

Дополненіемъ къ главѣ о «Грамматическомъ родѣ» служатъ двѣ замѣтки Потеевни: 1) на статью Бругмана: „*Родъ имени въ индо-германскомъ яз.*» и 2) на «*Розысканія по вопросу о грамматич. родѣ*» Эд. Вольтера.

Замѣтка на *Родъ имени въ индо-германскомъ языкѣ* Бругмана состоитъ изъ перевода нѣкоторыхъ мѣстъ самой статьи и нѣсколькихъ незаконченныхъ примѣчаній, отчасти подстрочныхъ, отчасти въ концѣ статьи*).

Бругманъ отвергаетъ взглядъ, что будто бы первобытный человѣкъ переносилъ все съ себя на внѣшній міръ и разсматривалъ олицетворяемый предметъ какъ мужское или женское существо, а именно, что казалось болѣе сильнымъ и дѣятельнымъ, то понималось, какъ мужское, а что казалось болѣе нѣжнымъ, смиреннымъ, то понималось какъ женское. Напротивъ, по мнѣнію Бругманна, если держаться фактовъ настоящаго и болѣе близкаго прошлаго, то мужескій и женескій грамматическій родъ для языка обыкновенной жизни есть форма *ничего неговорящая* о мужественности и женственности ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Доказательствомъ этого служатъ, между проч., существительныя *ерисоена*, которыя означаютъ *оба* пола, а между тѣмъ имѣютъ только *одинъ* грамматическій родъ: или муж. (*ὁ ῥῶς*), или женескій (*ἡ ἄλωπηξ*). Значитъ, «здесь нѣтъ чутья рода», и «грамматическій родъ не вызываетъ мысли о мужеской или женеской сущности», заключаетъ Бругманъ.

Потеевни, возражая на это, говорить, что судить по фактамъ настоящаго о прошломъ языка есть анахронизмъ, а если форма рода ничего не говоритъ для языка обыкновенной жизни, то это зависитъ «отъ быстрого движенія мысли, которое не даетъ остановиться на значеніи какой бы то ни было грамматической формы, не только что рода». Поэтому о смыслѣ рода можно судить не по обыкновенному житейскому или прозаическому языку, а лишь по произведеніямъ поэтическимъ, гдѣ мысли дается возможность сосредоточиться и на смыслѣ рода. (Прим. 4, стр. 616).

Въ поэтическомъ языкѣ *чувствуется* грамматическій родъ и именъ *ерисоена*. Такъ, *der Fuchs*—это баронъ, разбойникъ, а жена его—*Füchsin*:

*). Для приданія большей цѣльности этой замѣткѣ я позволилъ себѣ отступить отъ той пагинаціи, которая принята издателями, и изложилъ содержаніе примѣчаній Потеевни не въ концѣ статьи, а тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, какъ возраженіямъ Потеевни на взгляды Бругмана о родѣ имени. И. Б.

въ славянскихъ народ. пѣняхъ *соколъ, орелъ*—мужчина, *лебедь* сначала толь-ко женщина, а позднѣе, когда «лебедь» сталъ употребляться въ муж. грамматическомъ родѣ, то женщина называется «лебедка», «лебедушка». Когда же отъ имени известнаго животного не образуется другого рода, напр. «лиса», то животное это въ поэзиі паруется съ животнымъ другого рода: лиса (жен.) и котъ (муж.), муха и комарь; а если *нуженъ* для пары другой родъ, то этотъ родъ образуется отъ того же имени: «Сидитъ *воробъ* на конопелькѣ, кличетъ *воробъ воробушку*»; дубъ, дубица; мѣр. кавунъ, кавунка (Прим. 3, стр. 615). Словомъ, Потебня хочетъ сказать, что въ языкѣ поэзиі грамматическій родъ именъ ерсоена чувствуется вполне, и только въ прозаическомъ житейскомъ языкѣ ерсоена чувствуются какъ имена *общаго* рода для обозначенія какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, при чемъ «отъ быстроты движенія мысли» внутренняго противорѣчія въ этомъ обозначеніи двойнаго рода не замѣчается.

Далѣе Бругманъ указываетъ на то, что имена муж. и жен. рода часто мѣняются ролями, переходя изъ одного рода въ другой, чего не могло бы быть, если бы грамматическій родъ составлялъ хоть сколько нибудь *существенную* часть *значенія* слова по отношенію къ мысли о мужской или женской сущности. На это Потебня возражаетъ, что съ перемѣною грамматическаго рода измѣняются и воззрѣнія на обозначаемое, напр. *лебедь* (Прим. 5, стр. 616).

Затѣмъ Бругманъ, продолжая доказывать свою мысль о чисто внѣшнемъ значеніи грамматическаго рода, говоритъ, что и олицетворенія въ мнѳологіи, подл которыхъ вообще согласуется съ грамматическимъ родомъ, не могли быть причиною появленія сего послѣдняго: «*грамматическій* родъ былъ уже *до этого* и *воображеніе* лишь воспользовалось имъ... Гдѣ мнѳологическое имя является вмѣстѣ и обыкновеннымъ нарицательнымъ (N⁵² и N⁵³), тамъ вездѣ есть основаніе признать, что *сначала* дѣйствовали *только* грамматич. родъ», который и сталъ *поломъ* въ олицетвореніяхъ. «Поэтому подл грамматическимъ родомъ съ самаго пачала разумѣлось нѣчто совѣтъ отличное отъ естественнаго пола». —Возраженіе Потебни на этотъ взглядъ Бругмана *намъченъ* лишь *отчасти*: съ одной стороны, Потебня указываетъ на стремленіе Бругмана умалить значеніе олицетворенія и вывести заключеніе о безсмысленности грамматич. рода отъ бѣглой прозаической рѣчи, а съ другой—считаетъ ошибочнымъ предположеніе Бругмана, что прозаическій отвлеченный яз. создавался раньше поэтическаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ было наоборотъ: сперва живое, а потомъ безжизненное, отвлеченное (Прим. 6, стр. 617).

Рѣшеніе Бругманомъ вопроса о первоначал. смыслѣ суффиксовъ жев. р.: а. ѳ. ѳ.

Остальные два важныя вопроса, рѣшаемые Бругманомъ въ этой статьѣ и находящіеся въ тѣсной связи со взглядомъ его на чисто внѣшнее значеніе грамматическаго рода, оставлены Потебней безъ возраженій. Первый вопросъ касается *первонач.*

чальною смысла суффиксовъ жен. р.: *a, ie, i* (θεά, πότνια, γυνή, ῥοή, aqua, juventa и т. д.), и второй—какъ приобрѣли *прилагательныя* свою женскую форму, впервые сообщивъ некоторымъ именамъ существительнымъ женскій родъ, который въ нихъ не обозначенъ суффиксомъ *a*.

При рѣшеніи перваго вопроса о первоначальномъ смыслѣ суфф. *a, ie, i* Бругманъ попутно рѣшаетъ вопросъ о значеніи и другихъ суфф.: *o* (ος, ον), *u, ter, en* по отношенію къ роду. Что *o* первоначально по отношенію къ полу было безразлично, это видно уже изъ того, что суфф. этотъ употреблялся и въ такъ назыв. именахъ *сред. р.* (ζυγόν, jugum); въ именахъ же съ остальными суффиксами родъ опредѣлялся или значеніемъ самой *вещи* (pater, mater), или же атрибутивной прибавкой: *hic axis, haec eratis*. «Можно а priori догадываться», что и суфф. *a, ie, i* «въ словахъ, какъ *dea*, настолько же не были связаны со значеніемъ женскаго пола, какъ и въ *aqua*, и лишь позднѣе стали знаками физической женственности». Есть только одна пара *прандиогерманскихъ* словъ на *a*, означающихъ женскія существа, это—*мама* и **гена* (жена). Суфф. *a* въ этихъ словахъ получивъ значеніе женственности и ставъ производителемъ въ этомъ направленіи, по въ небольшомъ кругу словъ, означающихъ живыя существа (*dea, femina*), а потомъ, при олицетвореніи понятій, перешелъ и на неживыя (*luna, fama*).

Второй вопросъ: *какъ получило прилагательное женскую форму*, Бругманъ рѣшаетъ такъ. Прилагательныя въ сочетаніяхъ, какъ θεά ἄγαθή, первоначально могли получить женскую форму путемъ чисто звуковой *ассимиляціи*, а потомъ стали прилагаться и къ другимъ женскимъ одушевленнымъ существительнымъ съ иными суффиксами: *μήτηρ ἄγαθή*. Но объясненіе сочетанія прилагательныхъ съ существительными *неживыхъ* существъ и при томъ имѣющими другіе суффиксы, напр. *tis*, а не *a, ie, i*, становится сложнѣе. А priori возможно *двойное* объясненіе, говоритъ Бругманъ или 1) прилагательныя, получивъ уже свою особую женскую форму на *a* при сочетаніи съ женскими именами одушевленными, стали присоединяться въ этой же формѣ и къ именамъ *неодушевленнымъ* сперва съ суфф. *a* (*fuga, juventa*), а потомъ и съ друг. суфф. *tis*, и въ виду сходства некоторыхъ изъ этихъ существительныхъ по значенію, напр. *χθών--γαῖα* (*terra*), *ὄψ--αἰθή* (*vox*), *δρόσος* (*rosa*), ставшее жен. родомъ велѣдствіе сходства по значенію съ *ῥοή* (*rosa*). Или 2) прилагательныя на *a, ie, i* не возникли посредствомъ ассимиляціи съ тѣми же окончаніями существительныхъ ж. р., но съ самаю начала существовали, тѣмъ болѣе, что прилагательныя первоначально были отчасти существительными*), что многія имена колеблются между значеніемъ существительнаго и

*) Этотъ же взглядъ приводится и Потебнею въ IV главѣ о *Согласованіи*

611

612

613

614

прилагательнаго (*victor exercitus*) и что форма прилагательныхъ на *a* отъ *o* встрѣчается и какъ ном. abstractum, напр., во всѣхъ отвлеченныхъ на *ia*, *ta*, которыя есть не что иное, какъ субстантивированныя прилагательныя: *σωτηρία* спасеніе при *σωτήριος*, *noxia* при *noxius*, *лъжа* при *лъжь*, *върста* при *ver-sus*, литов. *gelta* (желтизна) при *geltas*.

618 Разборъ *Розысканій по вопросу о грамматич. родѣ* Эд. Вольтера касается глав. обр. именъ на *a*, примѣняемыхъ въ славянскихъ языкахъ къ лицамъ *муж. пола*.

Взглядъ Бругма-
на и Вольтера
на переходъ от-
влеченныхъ
именъ ср. и жен.
р. въ конкрет-
ная мужеския.

619

Вольтеръ проводитъ мысль, что имена на *a*, примѣняясь къ лицамъ муж. пола, первоначально оставались именами женскими (слуга *върная*), а затѣмъ «грамматич. родъ уподобляется полу лица», и так. обр. совершается *переходъ именъ женскаго рода въ мужескій*. Таковы нарицат. имена: *воевода*, *цуйака* съ постояннымъ теперь значеніемъ муж. р. и прозвища, фамиліи: *Немира*, *Невъра*, *Непея*, ставшія муж. родомъ, будучи отнесены къ мужчинамъ.

621

Такъ какъ на трудъ Вольтера значительное влияніе имѣлъ Бругманъ, то Потебня и приводитъ основные взгляды его въ этомъ разборѣ. Бругманъ въ парныхъ именахъ на *as*, изъ конхъ одно сред. рода (дѣйствіе или качество), а другое муж. р. (дѣйствитель или прилагательное); — видитъ переходъ первыхъ (отвлеченныхъ) во вторыя (конкретныя), при чемъ конкретное значеніе, по его мнѣнію, возникло *не* вслѣдствіе измѣненія рода, а получило еще до перехода средняго р. въ мужескій, и затѣмъ уже *благодаря конкретному значенію* «вызвана родовая флексія» — переходъ средняго рода въ мужескій. Таково же употребленіе въ слав. яз. отвлеченныхъ именъ и жен. рода, напр. «непріязнь» въ значеніи «дѣволъ»; таковы многочисленныя отвлеченныя имена на *ota*, какъ *доброта* отъ *добръ*; безъ сомнѣнія, и такія имена, какъ *сирота*, *юноша* (*juvenis*), *староста* (*senex*) первоначально были отвлеченными.

622

Какимъ же образомъ имена средняго рода усвоили себѣ родовую флексію муж. или жен. рода, при чемъ иныя стали прилагательными? Это объясняется тѣмъ, гов. Бругманъ, что въ старину употреблялись они не только какъ предикаты, но и какъ атрибуты, сперва въ смыслѣ аппозицій, какъ *victor exercitus*, а потомъ и какъ собственно-атрибуты, которые стали согласоваться *по роду* съ главнымъ (опредѣляемымъ) понятіемъ.

Согласно съ этимъ и Вольтеръ говоритъ, что «первый толчекъ измѣненію рода данъ *переходомъ абстрактнаго значенія въ конкретное*», и затѣмъ далѣе прибавляетъ, что «имена лицъ происходятъ отъ именъ отвлеченныхъ», какъ древнѣйшихъ, по сравненію съ именами конкретными.

прилагательныхъ (см. III, 86), чѣмъ и слѣдуетъ, повидимому, объяснять, почему онъ оставилъ это мѣсто въ статьѣ Бругмана безъ замѣчаній. И. Б.

Конечно, есть случаи, когда имя абстрактное становится конкретнымъ, измѣняя послѣ этого и родъ, но имя можетъ перейти изъ абстрактнаго въ конкретное *и не измѣняя послѣ этого рода*, напр. пол. *pięknoś* (жен. р.) въ смыслѣ «красавица», равнымъ обр. можетъ измѣниться родъ и *независимо* отъ того, было ли имя въ *прежнемъ* грамматич. родѣ абстрактно или конкретно. Поэтому, гов. Потебня, вопросы объ измѣненіи абстрактности въ конкретность и о переходѣ изъ рода въ родъ слѣдуетъ разсматривать *раздѣльно*. Такъ, независимо отъ перехода отъ абстрактности къ конкретности

А. изъ именъ средняго рода

а) увеличительныя или уменьшительныя на *isko, uice, uшко* переходятъ въ муж. и жен. р., удерживая окончаніе средняго р. Напр. *попанный* идолице; не *умьлз* меня солнышко миловать.

б) Нѣкоторыя имена сред. р. на *ѡ* — *ѡте* — тоже: «*сей* нѣжный дитя», а также имена на *енко* муж. р.

в) Имена сред. р. на *ло* отъ глагольныхъ темъ *и, а* переходятъ въ муж. р. дѣйствующаго лица, представляемаго орудіемъ: *воротило, обгьдало, зубрило, долбило*.

г) Имена сред. р. на *ше* (рус. *ге*): «подружане» (соединх), «подмастерье», но *собирагельныя* въ смыслѣ личныхъ не употребляются; напр. нельзя сказать: «эхъ ты *дурачье!*»

Б. Изъ именъ первоначально жен. р. на а

Вольтеръ на первомъ планѣ ставитъ тѣ имена, употребляемыя въ муж. родѣ, связь которыхъ съ подходящими абстрактными, по его мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, каковы: *грѣза, дрема, морока, ступа, потвора* и др.; границею же между отвлеченностью и конкретностью такихъ существительныхъ онъ признаетъ *дѣйствительную* и *мнимую* ихъ субстанціальность. — Потебня, возражая на это, прежде всего самый критерій разграниченія отвлеченности и конкретности признаетъ шаткимъ, такъ какъ что для образованнаго человека абстрактно (*заря, морозъ*), то для средняго уровня говорящихъ является конкретнымъ, а затѣмъ прямо отрицаетъ необходимость первоначальной абстрактности для того, чтобы имена какъ средняго рода, такъ и женскаго могли перейти въ муж. родъ. Таковы напр. существительныя жен. р. *несомнѣнно* конкретного значенія переходятъ въ муж. родъ: «вологодской стрѣлецкая голова Максимъ Лихаревъ» (Ак. Ю. 1613 г.), «злой пьяница» и «злую пьяницу» (Слово о хмель); «сдѣлался *повьсою* французскою» Ф. Виз., «*сей* собака, мѣр. *сей* ужака; *выжила, кокура, ступа* (неповоротливый человекъ отъ конкретного значенія «ступы», какъ вещи); *юла* — юркій человекъ отъ конкрет. игрушки; *дрема, шимшора, морока* въ примѣненіи къ лицамъ муж. р. предполагаютъ мнѣшескія личности жен. р., а не abstracta. Вообще же

Возраженіе Потебни противъ этого взгляда.

623

621

625

626

627—8

629

примѣры показываютъ, что при наименованіи лица *безразлично*, становится ли именемъ *личнымъ* существительное конкретное, или абстрактное. Таковы прозвища мужскихъ отъ женскихъ именъ *конкретныхъ*: Береза, Брага, Верига, Губа, Дубина, Квашня, Калита и др.; отъ именъ *абстрактныхъ* (поп. actionis): Слобода Мигитичъ, Истома Федковъ, Поппыха, Кручина, Суета, Злоба, Тишина, Замятня, Распута, Безпута и др.

Точно также нѣтъ нужды предполагать, что сложные существительныя жен. р., становясь опредѣленіемъ существительныхъ мужскаго рода, какъ напр. конь *бѣлоложка*, человекъ *бѣлоручка*, — переходятъ въ мужескій родъ будто бы не отъ именъ существительныхъ, а отъ *прилагательныхъ* (бѣлоложъ, бѣлорукъ), какъ отъ основъ *отвлеченныхъ*; равнымъ обр. нѣтъ никакой надобности видѣть *отвлеченное* значеніе въ основахъ прозвищъ, сложныхъ изъ *глагольной* темы съ дополненіемъ: *Подбията, Взвернишуба, Крутиголовка*: первыя изъ нихъ прямо примыкаютъ къ сложнымъ существительнымъ опредѣлительнымъ „краснокорень, черноглень“ (Ср. выше III, 202—5), а во вторыхъ нредѣдко сохраняется еще дополненіе или подлежащее: *Молибона, Недайкани, Помогайби* и т. п.

Во всѣхъ этихъ именахъ, вопреки утверженію Вольтера, абстрактность не составляетъ необходимой исходной точки при переходѣ женскаго имени въ мужескій родъ, и суффиксы жен. р. не всегда имѣли абстрактное значеніе, прежде чѣмъ стали образовывать имена лицъ дѣйствующихъ. Последнее относится напр. къ именамъ на *ея* (ищея), *ака, яка* (кусака, коняка), *юка* (звѣрюка), *яа*: голодяга (не только голодная пора, но и голодный человекъ); *сермяга* (вещь); съ суфф. *ягъ* для обозначенія мѣста (березнягъ, вереснягъ); *уа, юа* (шляпога). Разсуждать иначе препятствуетъ Вольтеру только „предвзятое положеніе о первенствѣ абстрактности, доказанное лишь въ немногихъ случаяхъ“. И вообще, „чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ слабѣе способность представлять качества и дѣйствія *независимо отъ субстанцій*“, такъ что отвлеченность существительныхъ въ старинномъ языкѣ во многихъ случаяхъ „можетъ быть только *мнимая*, вносимая нами самими“ и представляющая „безсознательный *анархизмъ*“. То, что мы называемъ отвлеченностью, въ древ. языкахъ можетъ быть или а) множественностью субстанцій (греза), а множественность не есть отвлеченность, или б) *измѣнчивостью* субстанцій, мыслимой при имени, и в) *необособленностью* ея, т. е., такъ какъ эти субстанцій, мыслимыя при имени, бывають еще разнородны и такъ какъ многа изъ нихъ не срослась еще съ именемъ, то позднѣйшему наблюдателю и кажется, будто признакъ въ имени разматривается абстрактно, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ «каждый разъ имя примѣняется къ *опредѣленной дѣйствительной* субстанцій» (Ср. выше III, 16—25).

Абстрактность не есть исходная точка для перехода именъ въ мужескія.

Въ приведенныхъ выше женскихъ именахъ на *a*, переходящихъ въ мужскій родъ, нѣтъ никакого основанія предполагать первоначальное значеніе абстрактности, но, можетъ быть, и въ остальныхъ значеніе абстрактности можно свести къ гораздо меньшему числу случаевъ, чѣмъ это дѣлаетъ Вольтеръ. Впрочемъ, и онъ самъ поступаетъ основнымъ своимъ положеніемъ и въ числѣ именъ на *a*, переходящихъ въ муж. р., отмѣчаетъ особую группу, въ коей при именахъ дѣйствующихъ лицъ на *a* *вовсе не встрѣчается* именъ отвлеченныхъ *съ тѣмъ же окончаніемъ*, напр., прогула, задора, задира, рева, разстрига, неуступа и многія другія, которыя абстрактное значеніе выражаютъ при помощи суф. *o*: задоръ, ревъ и т. д.

Въ концѣ статьи Потебня обращается еще къ двумъ случаямъ, на которыхъ Вольтеръ особенно настаиваетъ, именно—къ именамъ *служба* и *слуга*, которыя, по мнѣнію Вольтера, получили значеніе *agentis* (солдаты и служитель) изъ ном. *actionis*: служеніе, услуга.—Относительно «служба» Потебня утверждаетъ, что здѣсь *единичное* (=солдаты) произошло изъ *собираательнаго* (Ср. выше III, 33; 35), а по поводу н. *agentis* «слуга», происходящаго отъ абстрактнаго имени *actionis*, замѣчаетъ, что дѣйствительно есть конкретныя имена на *a*, пошедшія отъ абстрактныхъ, но зато много есть и такихъ, при которыхъ вовсе нѣтъ отвлеченныхъ, какъ напр.: «вельможа», и кромѣ того, самыя отвлеченныя предполагаютъ въ себѣ значеніе ном. *agentis* съ такъ назыв. мнимыми субстанціями лишь съ *нашей* точки зрѣнія, напр. серб. *кровопија*—*propter (personam) sanguinem bibens*. «Если же такъ, то *нѣтъ нужды* выводить ном. *agentis* (на *a*) изъ ном. *actionis*» съ тѣмъ же суффиксомъ.

Значенія множеств. числа въ русск. языкѣ *).

Множ. число означаетъ не множественность только, которая является лишь *исходною* точкою, а посредствомъ обозначенія Различн значенія множ. числа. другихъ значеній, именно: I) *гиперболичности*, II) *единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей*, III) *ограниченную вещь*, IV) *мѣста*, V) *времени* и VI) *состоянія*.

I. **Множ. ч. гиперболическое.**—Подъ нимъ разумѣется *plur. patheticus* (v. *majestaticus*) и *plur. reverentiae*, что бываетъ при *гиперболическомъ настроеніи* человѣка, которое даетъ какъ качественное, такъ и количественное преувеличеніе извѣтнаго предмета. Въ такомъ смыслѣ во мн. ч. употребляются 1) мѣстоименія и 2) существительныя.

*) Ср. *Гр. Бусл.* § 98; 203, пр. 4; 219, 4—5.—*Миклош. Гр.* IV, стр. 45 (*), 46 (9), 15 (19).—*Я. Гримм.* *Gr.* IV, 281—90, 297—317.

3 1. *Множ. ч. мѣстоименій* (Гр. Гримма IV, 299 слѣд., Бусл. Гр. § 203, пр. 4—5). Сюда относятся

а) употребленіе мѣст. „мы“ *владѣтельными особами*, идущее изъ Византіи, начиная съ Константина. Въ 13 в. этотъ обычай на Руси еще не встрѣчается: князьямъ говорятъ *ты*, и сами князья говорятъ о себѣ *язъ* (даже въ 16 в.), но въ Ю.-Зап. Руси уже съ конца 14 в. (Грамоты 1375 г.) не только князья, но и паны титулуютъ себя: «а се *мы*...»

б) *Авторское «мы»*, для выраженія скромности и общности съ читателемъ, въ подражаніе древнимъ писателямъ ведется у насъ издавна. Уже въ начальной лѣтописи нашей читаемъ: «се *начнемъ* повѣсть *сію*», а у германскихъ писателей—даже съ VI в.

4 в) *Pluralis reverentiae*: въ *обращеніи съ высшими* въ нѣмец. яз. *in* ко 2 л. ед. ч. и *du* къ равнымъ и близкимъ появляется не позже IX в., простой же народъ и доньшѣ остается при *du*.—Не то замѣчается въ польскомъ и южно-рус. простонародьѣ: у нихъ обычно *вы* при обращеніи къ уважаемымъ и старшимъ и *они* о 3-мъ лицѣ. Въ *мир. народной поэзи* *plur. reverentiae* встрѣчается очень рѣдко, но въ *престорѣчьи* обыкновенно „*вы*“ и „*вони*“ не только къ родителямъ, но и къ старшимъ братьямъ, сестрамъ и постороннимъ.—Въ влрусскихъ высшихъ классахъ «*вы*» вм. «*ты*» стало устанавливаться лишь съ начала 17 в., а народный языкъ почти не знаетъ вѣжливыхъ мѣстоименій 2 лица, хотя и здѣсь идетъ движеніе сверху внизъ, при чемъ въ „лакейскомъ“ языкѣ употребляется не только «*вы*», но и „*они*“ съ *множ. ч. глагола, прилагательнаго и даже существительнаго* въ сказуемомъ: „духовникъ *пріѣхали*“ (Л. Толст.), „опомнитесь, *вы—старик*“ (Гриб. «Горе отъ ума»).

8 2. *Множ. ч. существительныхъ (только нарицательныхъ) для возвеличенія единичнаго предмета:*

а) употребленіе *мн. ч., зависящее отъ настроенія говорящаго* и, слѣд., *временное*: „и бросалась съ чердака во свои высокіе *терема*“, „наводилъ *онъ трубками* нѣмецкими“ Кир. „сажалъ Алешу за убранны *стола*“ Пв. „онъ натягивалъ свой тугой лукъ, калены *стрѣлы* да накладывалъ“ Пв. „у нихъ тутъ носили *чаи кофеи*“ Пв.—Въ *млр. яз.* подобное употребленіе *множ. ч.*, кажется, рѣже: „братъ до сестриці дрібни *листи* пише: «сестро жъ моя...»; „дорога́ тота юшка... зъ *перьями*, зъ *шафранами*, зъ дорогими приправами“.—Въ *серб. и болгар.* также употребляется. Въ *латин. и греч.* сюда относятся случаи, какъ *arcae, templa, palatia, дѣрва, дѣрвата, мѣдара*.

12-13 б) Такое временное употребленіе *мн. ч.* повліяло на образованіе *постояннаго и обязательнаго* употребленія *множ. числа* въ нѣкоторыхъ немногихъ именахъ съ особымъ значеніемъ: влр. *хороми*, млр. хороми; влр. *палаты*;

цел. *моуи* (мн. ч. жен. р.). Миклошичъ переводить слово *моуи* черезъ „*religiosa*“ и объясняетъ словами „*vires*“, *δουξίαις*. Потебня же подъ „мощами“ разумѣть не всякія чудотворныя реликвиі (гвозди, части креста), а именно *тѣлеса* чтимыхъ усопшихъ, хотя бы и не *чудотворцевъ*. Въ такомъ смыслѣ „мощи“ употребляются иногда въ нашихъ лѣтописяхъ (Лавр. 202, 204). Что же касается перехода отъ „мощь“—сила къ значенію „тѣло“, то онъ данъ въ словѣ *снага*, которое въ серб., болг. значить и „сила“ и „тѣло“; такъ обр. „мощь“ сначала—„сила“, потомъ—„тѣло“, а затѣмъ рлуг. *magificus*—„мощи“ (тѣлеса) усопшаго святаго. Ср. влр. *родители* (усопшіе предки), лат. *patres*, наше лѣтописное: „*наше* бьютъ Полочанъ (вин. п.) яко человекъ“. А въ Калуж. и Орл. губ. для означенія и *одного* покойника употребляется множ. ч.: „родители“.

II. Множ. ч. для обозначенія единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей. Сюда относятся а) многія имена, употребляемая *только* (или преимущественно) во *множ. ч.*, и б) такія, которыя *въ ед. и мн. числахъ имѣютъ различныя значенія*. При этомъ сродные яз. въ иныхъ словахъ этого рода употребляютъ множ. ч., а въ другихъ одни языки пользуются множественнымъ ч., а другіе единственнымъ. Такъ, *ворота, двери, сани, штаны* въ славянскихъ нарѣчійхъ и литов.-лотыш. языкахъ употребляются во множ. ч., а рус. *требень, ловушка, борона* и др. въ лит.-лотыш. употребляются во множ. ч. Даже заимствованныя слова ставятся иногда во множ. ч., несмотря на то, что въ языкѣ, изъ котораго они заимствованы, стоятъ въ единственномъ. Напр. влр. *дрюи* изъ польск. *drąg*, которому въ млр. соответствуетъ *дрюкѣ*.

Можно было бы думать, что вещи, построенныя симметрически и состоящія изъ двухъ половинокъ (двери, груди), должны означаться не множественнымъ, а двойственнымъ числомъ тамъ, гдѣ оно есть, особенно въ именахъ жен. р. съ темою *и* (кость), въ коняхъ им., вин. и зв. двойст. и множ. числа звучали одинаково, но, повидимому, еще задолго до исчезновенія двойств. числа встрѣчается въ этихъ языкахъ только множ. число. Такъ, въ цел. яз. и въ лѣтописяхъ русскихъ употребляется *дверии, двьремъ; персемъ, персехъ* (Лавр. л.); млр. въ *грудехъ*.—*Сани* извѣстны только во множ. ч. (Лавр. лѣт. 59, 232, также въ польск. и серб.), хотя по загадкамъ о санияхъ и по этимологіи это слово указываетъ на двойственность. Напр. загадка: «*два волка бѣгутъ, оба на небо глядятъ*», млр.: «*два брати бѣгутъ, одинъ одного не перегонятъ*». Что же касается лексическаго происхожденія, то естественно было назвать сани по *полозьямъ*, которые *ползятъ, ползутъ*, какъ ползеть *змѣй* (стар.-рус. и млр. «*полозь*»—большая змѣя); отс. въ загадкѣ о санияхъ «*полозюшки ползутъ*». Съ др. стороны, слово «*сани*» можетъ быть сопоставлено съ цел. *сань*, чеш. *san*, что зна-

чить тоже *segręps*, ползущій, змѣя. Так. обр. въ обѣихъ парахъ со словомъ «сани» соединяется представленіе *ползти*. Тему *сан* можно еще сопоставить съ литов. *szon* и санскр. *śān*, что значить «точить, острить»; съ этимъ значеніемъ слово «сани» указывало бы на движеніе, посредствомъ котораго достигается стачиваніе, уменьшеніе, какъ результатъ движенія. Во всякомъ случаѣ, парность полозовъ санныхъ могла первоначально указывать на двойственность.

20 Предполагаемый переходъ нѣкоторыхъ именъ едн. ч. изъ множественнаго: *книга, вилка, коляска*. Въ нѣсколькихъ случаяхъ слѣдуетъ; кажется, предположить переходъ отъ множ. числа къ единственному для обозначенія вещи сложной. Такъ, рус. *книга* въ стар. польск. множ. ч.: *księgi*, въ серб. *книге* (объ одномъ предметѣ); *вилка* въ стар. польск. *widelki*; мдр. *вила*, въ влр. *вилы* (орудіе о двухъ зубьяхъ); *коляска* — изъ польск. «*kolaska*», а это есть уменьшит. отъ *kolasa*, заимствованное изъ н.-лужицкаго, гдѣ *kolasa* есть мн. ч. ср. р. при ед. *kolaso*; колесо. Въ мдр. колеса (ср. р. мн. ч.) со значеніемъ «возъ».

Отъ предыдущихъ случаевъ нужно отличать тѣ, гдѣ множ. число не только выражаетъ множественность, но и является «средствомъ отвлеченія» (?); напр. стар. рус. *пѣрти* (одежа), *куны* (деньги), мдр. *groші*, лат. *resciniae*; влр. *животы* (имущество), стар. польск. *dostatki*. Сюда же, кажется, относятся *выводы*, *разводы*, *узоры* на ткани; *выкрутки*, мдр. *выкрутасы*.

23 III. **Множ. ч. дѣлимаго вещества.** — Этотъ разрядъ именъ, употребляющихся во множ. ч., означаетъ массу, состоящую изъ частицъ, для обозначенія которыхъ служить ед. число, частію употребляемое или вышедшее изъ употребленія, а частію никогда не употреблявшееся. Сюда, напр., относятся *имена*; *сложныя съ предл. «вы»* и означающія вещество, отдѣленное отъ чего-либо: *высѣвки*, *выжимки*, *выварки*, *выребки*, *вычески*. Съ тѣмъ же значеніемъ остатковъ, но *съ приставками на, по*: *наобѣдки* (остатки послѣ обѣда), *помои*. — *Съ другими предлогами* или *безъ нихъ*: *ополоски*, *подонки*, *сливки*, *дрожжи*; *щи*, *квасы*, *дрова*, *чернила* (въ XVII в. еще «чернило»); *изирьби* (цѣл.), *plug. fem.*, соб. *вычески* изъ пеньки, льну, пачесл, польск. *paszucie*, *zgrzebie*; ср. съ *греб-ень*, какъ чешущій — *Отрепки* (ср. *трепать*, *бить*), пол. *pa-klerie*, мдр. *па-тіп-ки* (ср. *типати* коноплі).

24-6 Един. число нѣкоторыхъ собирательныхъ русскихъ именъ и множ. въ литов. и лотыш. яз. Въ употребленіи множ. ч. для обозначенія дѣлимаго вещества есть большая разница въ языкахъ славянскихъ и лит.-лотышскомъ; именно: въ лит.-лотыш. употребляется множ. ч., а въ славянскихъ — единственное съ собират. значеніемъ; напр., а) въ названіяхъ *растений*, занимающихъ сплошныя пространства: овесъ, ячмень, рожь, горохъ, ленъ, хмель, куколь, лукъ, щавель, мохъ и др., которыя въ лит.-лот. употребляются во множ. ч.

б) Въ названіяхъ *хлѣбовъ изъ зернъ*, а также въ названіяхъ сыпучихъ и дѣлимыхъ предметовъ: каша, мука, мякина, сало, зола, соръ, пыль, пе

сокъ, ледъ, градъ, дымъ, солома (ср. греч. κριθάκι ячмень, ἄλας соль, латин. haenae и др.). Всѣ эти и подоб. имена въ лит.-лотыш. яз., если употребляются въ ед. ч., то означаютъ *недѣлимую* единицу или частицу дѣлимой массы, что въ рус. яз. *отчасти* соответствуетъ суфф. *ина*: конопина, пылина, хмелина.

Есть однако случаи, когда и въ рус. яз., подобно лит.-лотыш., имена эти ставятся во множ. же числѣ: *хлѣба, сѣна, озими*; но такое совпаденіе въ числѣ бываетъ мнимое, пот. что въ рус. яз. это множественное означаетъ не одну сплошную массу дѣлимаго, а *многія* отдѣльныя массы однороднаго вещества, распределенныя по разнымъ мѣстамъ, и потому такое множ. число есть *дистрибутивное*, распределительное. Напр. «взяша полна много, а *житѣ* (т. е. въ разныхъ мѣстахъ) пожгоша и села» Плат.—«Вечеру ше бывшу и *ледомъ* воставшимъ... зажгоша мость на Днѣ-стрѣ» Ibid., т. е. когда поднялось множество *отдѣльныхъ* взломанныхъ льдинъ. Когда же разумѣется *сплошная* масса льда, то въ той же Плат. лѣтписи говорится: «стрѣляшася на *леду*», «по *леду*». Такое множественное дистрибутивное употребляется и въ мдр., и въ польск. яз. Къ дистрибутивному же множ. числу должны быть отнесены случаи и отвлеченныхъ именъ множ. числа, какъ напр. *οἱ ἄριστοι τὰς φύσεις*—лучшіе по природамъ, т. е. каждый по своей; de immortalitate *animorum*, т. е. о безсмертіи души каждаго отдѣльнаго человѣка, что, конечно, гораздо конкретнѣе, чѣмъ о безсмертіи души вообще.

Судя по мдрусскимъ и польскимъ памятникамъ 17 и начала 18 вв., надо думать, что множ. число для обозначенія массы дѣлимаго вещества было тогда болѣе употребительно, чѣмъ нынѣ. Таковы имена: *порохи* (порохъ), *соли, мыла, инои* (навозъ), *травы, росы, горишки, пива, меды, соломы, сѣна, овсы, рпны, капуста, постернаки* и др. овощи; *хмели, мяса, крахмалы* и др. Пѣкаторыя изъ нихъ употребляются какъ собирательныя для обозначенія массы, а пѣкоторыя въ качествѣ множественныхъ дистрибутивныхъ. Изъ наиболѣе употребляемыхъ во множ. ч. и едва ли въ значеніи дистрибутивномъ есть «порохъ»: «пемалая куна бочекъ с *порохами*»; «*порохи* в цекгавзу запалилсь»; «скарбинци с *порохами* и дулями» Лѣт. Самов.—«Порохъ» въ болѣе древнемъ значеніи «пыли» встрѣчается во множ. ч. уже въ Словѣ о п. Иг.: «*пороси* поля прикрываютъ», но возможно было употребленіе этого слова и въ ед. ч. какъ въ значеніи массы, такъ и частицы (порошина): ср. въ мдр. пѣсн.: «порохъ, порошокъ по дорогѣ», въ вдр.: «какъ порошокъ въ глазу».

IV. Множ. ч. для обозначенія мѣста, а именно:

а) *названія странъ* обозначаются множественнымъ числомъ имена обитателей: in Sabinis, ἐν Πέρσαις. Въ старш. рус. языкѣ такое употребле-

Множественное дистрибутивное число въ рус. яз.

28

29

30

Наибольшее употребленіе множ. числа дѣлимаго вещества въ польскихъ и мдр. памятникахъ 17 и 18 вв.

31-3

34

35

ніе составляетъ правило: «во всемъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекамъ, и Урамъ, и Ляхомъ» Ипат.; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имя народа уже въ ед. ч. имѣетъ собирательное значеніе, какъ Русь, Пермь, Литва, Печера. Въ влр. яз. наблюдается такое же употребленіе до 17 в., въ млр.

—то же и даже позже 17 в., въ польскомъ—доншій: do Prus, do Niemiec.

б) Названія *улицъ* или *частей города*, сель и поселковъ по множ. числу обитателей, напр. «князи... идоша на *Жида*» (жидовскій кварталъ въ Кіевѣ) Ипат. Названія въ Москвѣ: *Сокольники*, *Хамовники*; *Бронницы* (уѣзд. г.); села: *Скоморохи*, *Дудары*, *Дулибы*, *Печенны* (Хар. губ.). Сюда же относятся названія сель и хуторовъ *отечественными* именами насельниковъ—«ичи»: *Хвалимичи* (Ипат.), *Вышатичи*.—Тоже въ млр., пол., лит.-латыш. языкахъ.

в) Названіе *того свѣта*, т. е., *того мѣста, гдѣ души предковъ*: лат. манес; цсл. «въ навехъ (отъ ед. ч. навъ) = ἐν τῷ τάρταρῳ: «изъ навии въскресе» (L'x Mikl.). Сюда же можно отнести влр. *святцы*, млр. святці, пот. что въ нихъ помѣщены имена святыхъ.

г) Названія *странъ свѣта*: «въстоци», т. е., гдѣ бывають восходы солнца: «Насади Богъ раи на *вгстоцнхъ*».—«И станомъ сташа на *запады*»; «отъ *полуденъ* къ западу».—*Сьверъ* и *Югъ* въ памятникахъ XI в. означали только сѣверный и южный *вытеръ*, но и для обозначенія *странъ свѣта* могло быть мн. ч., какъ въ лит.-лотыш.: *sziaurėi*.—Сюда же относятся названія *мѣстъ*, обозначаемыя множ. числомъ *именъ дѣйствія*: *сутки* (гдѣ что стыкается: су-тък-а)—влр. передній уголь въ избѣ; *сутычки*—запеченный уголь; *юны*, *выходы* (балконы крестьян. дома), *всходы*—лѣстница, *раздѣры* дощкіе—мѣсто, гдѣ раздѣляется рѣка на рукава.

д) Названіе *мѣстностей* по множ. ч. *вещи, которая тамъ находится*: влр. *кресты*, *крестцы*—перекрестокъ, на которомъ кресты и иконы; *соли*—гдѣ находится соль (Ипат.), *Пески*—названіе частей города, *Борки* (село), *Монастырищи*, «въ *товарнхъ*» (отъ «товаръ»—станъ: Лавр. 248); у Гом. ἐν ὑψίστοις—станъ подъ Троей; «иондоша назадъ въ своѣ *опъжъ*» = въ станъ (отъ «въжа»—возъ, кибитка); «возвратишася во *колымаги* свои, рекше во *стани*» Ипат.—«Левъ... ѣха во *стани* своя» Пид. Сюда же Потебни относитъ имена городовъ: *Суны* (отъ «суна»—казачій выюкъ), *Валки* (отъ «валка»—чумацкій обозъ); *Прилуки*, *Лубны*, *Ромны* прежде носили названіе въ ед. ч.: *Прилука*, *Лубна*, а *Ромны* въ устахъ туземцевъ до сихъ поръ «Ромень». Ср. греч.: Μοχῆλαι и Μοχῆρη, Ἀδῆλαι и Ἀδῆρη.

Нелишне отмѣтить при этомъ, что первообразныя имена ед. ч., переходя во множественное, получаютъ иногда отглагольн. *неопредѣленности* и *общности*, напр. млр. «в *порогахъ*» = не на порогѣ хаты, а гдѣ нибудь около порога, не на почетномъ мѣстѣ; «на *межахъ*» (=на границѣ вообще), «въ *межахъ*» (=по со-

Отглагольн. неопредѣленности и общности при переходѣ первообразныхъ именъ изъ едн. го множ. ч.

сѣдству вообще). Ср. с. влр. «вмѣстяхъ» = вмѣстѣ; «въ пѣсахъ», «въ боловахъ», «на персехъ». Отгѣнокъ неопредѣленности въ подобныхъ выраженіяхъ восходитъ еще къ тому времени, когда мѣстный падежь употреблялся безъ предлога: «жена лежитъ *ногахъ* ѿему»; хорв. *nutrech* (внутри), в. - луж. *domach*—(дѣма); н. - луж. *glowach, nogach*—и под. Сюда же, повидимому, слѣдуетъ отнести гомеровскія выраженія: $\varphi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$ —въ значеніи *нутра* въ психолог. смыслѣ: разумъ, чувство и проч.; $\pi\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\upsilon\ \acute{\epsilon}\nu\ \chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta\sigma\iota$ = палъ на землю (отъ $\chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta$ пыль), $\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\tau\prime\ \acute{\epsilon}\pi\prime\ \acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\alpha}\rho\eta\ \acute{\epsilon}\nu\ \chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta\sigma\iota\upsilon$ = сѣлъ у очага *на пепелищѣ*, на мѣстѣ у очага, *ὄψις σσινάλας зола*, а не на самомъ пеплѣ.

V. *Множ. ч. для обозначенія времени*: *зѣри* (время восхода зѣри) отъ конкретнаго явленія «зѣря» или олицетворяемаго Ἦφός : «рано *преди зѣрми*» Сл. о п. II.; «по зарямъ», «на зоряхъ», хотя и во множ. числѣ *зѣри* употреблялось съ конкретнымъ значеніемъ: «кровавыя зѣри свѣтъ повѣдаютъ» Сл. о п. II.—*Кури* (отъ ед. ч. муж. «куръ») — время курѣнія: млр. «як я була в своего батенька, я ничего не знала: я *курѣ* печула, я *зѣри* не знала». Поэтому въ Сл. о п. II.: «Всеславъ... дорыскаше *до курѣ* Тмуроканя» мож. быть понимаемо только въ смыслѣ «до пѣтуховъ». — «И яко бысть *въ кури*, познавъ себѣ духъ, взнемогающъ ко пеходу души» Ипат. — *Объди* = обѣдняя пора: «въ недѣлю по *обѣдахъ*» Лавр., Кир. Тур.; «въ *обѣдѣ* (род. мн.) годъ» Повг. I, т. е. въ часѣ обѣда; «*до обѣдѣ*». — *Ужины* = пора для ужина: «въ *ужины*». *Взходи заходи* = время восхода и заката солнца: млр. «*до захід сонця*». — Млр.: *первосны* = во время перваго сна ночью; «в *низнихъ ляхъ*»; влр. «*въ утряхъ*», «*спозаранокъ*», «*пѣлони*», млр. «*вечорі*»; *сумерки* — время, когда смергается; *потемки*, *сутиски* (соб. время, когда происходитъ *сутискъ* дня съ ночью), *сутки* (время, когда стыкается день съ ночью), *вечерни*, *заутрени* (время этихъ церковныхъ службъ, а не самыя службы), *звони* (время колокольнаго звона); *жары*, *холода*, *морозы осенями*, *въ осеняхъ*; млр. *у косовици*. — Стар. рус. *постриши* = время, когда въ первый разъ стригли волосы ребенку, а также постриженіе въ духовный санъ. — *Свадьбы* — свадебное время въ году; *ловы* — время лова, а ед. ч. для конкретныхъ случаевъ: «на *ловѣ* ѣхати» Вя. Мон., но «воевода Титъ, вездѣ словый мужествомъ, на *ратѣхъ* и на *ловяхъ*» Ипат. — «*Бѣгид*», «*скачки*», *ходы* (время на проходѣ отъ одного мѣста до другого). — *Пивд* — праздничное время варки пива; млр. *вінки* — время, когда вьютъ вѣнки пивѣтѣ; блр. *дзеды*, *дзяды* — когда помшають дѣдовъ, предковъ. — *Похорони*; *наймиты* — время попойки, когда нанимають; *могаричи* и проч. — *Святки*, *праздники*, *водохреци* (стар. рус. и млр. — праздникъ Крещенія, отс. *крещенскіе морозы*), *мясопусты*, *коляды*. — *Купала* (множ. ч. отъ куполо); а въ болѣе старин. яз. *купалья*

Происхожденіе
большой части
этихъ именъ отъ
единств. числѣ
именъ конкрет-
ныхъ.

Объясненіе про-
исхожденія въ-
когорыхъ именъ

множ. ч. съ зна- (Пнат. 565), въ юж. влр. „понче—*купалы*, завтра—*Иваны*“,
 чешемъ времени «на *Нупайла* (вин. множ.) вогонь горить», т. е. когда бываютъ
 «купала»; блр. «у насъ сягошня *нупалайна* (им. множ.). По своему суффиксу
купало принадлежитъ къ именамъ сред. р. на *ло*, которыя большею частью
 означаютъ орудіе, но имѣютъ также значеніе *мѣста* (гдѣ), *времени* (когда)
 и самаго *дѣйствія*, хотя и не часто. Согласно съ этимъ, „купало“ можетъ
 значить а) *обрядное купанье* самого Іоанна Крестителя въ христіанскую
 эпоху; а ранѣе—купанье солнца (Ср.: „купався Иванъ та в воду унав“);
 б) *мѣсто* обряда: «на *купалі* огонь горить»; в) *время* обряда (во множ. ч.),
 какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ. На этомъ основаніи Потебня ду-
 масть, что первообразная форма «купало» не была именемъ дѣйствующаго
 лица.—Так. обр. и *роусалья* (мн. ч. сред. р.) является на славянскую почву
 со значеніемъ праздника; чеш. *rusalla* (множ. ср. р.), греч. *ροῦσαλλα*—
 pascha rosarinn.—*Иваны* (множ. ч.), какъ названіе праздника, по мнѣнію
 Бусл. (Гр. § 219, пр. 8) произошло отъ именьничковъ и именьничъ: «вчера
 были Аграфены, а нынче Иваны», но, по мнѣнію Потебни, это невѣрно:
 въ вышеприведенномъ примѣрѣ «нынче Купалы (множ.), а завтра Иваны»
 не могло быть и мысли объ именьничкахъ. Причина постановки множ. числа
 въ обоихъ именахъ, по мнѣнію Потебни, *одна*. Имя святаго въ едн. ч. перво-
 начально имѣетъ для говорящаго *конкретное* значеніе лица; когда же бываетъ
 повтореніе того, что обозначено единственнымъ числомъ, тогда вм. повторенія
 (купало, купало, купало) ставится это имя во множ. числѣ (купалы),
 такъ что „сначала множ. число выражаетъ повтореніе обозначеннаго единич-
 нымъ, затѣмъ—день, время, когда бываютъ купалы, Иваны“. Такъ въ влр.:
 «прошли *Сидоры*, прошли и *сіверы*». Сюда же относятся народныя названія
 святыхъ: *Грачевники* (4 марта Герасимъ *Грачевникъ*, который грачей
 пригоняетъ), *Оспожинки* (госпожинъ день, праздникъ Богородицы), *Петровки*,
Спасовки—посты Петровскіи и Спасовъ.

Имена дѣйствій на *эка, экъ* (помножъ), переходя во
 множ. ч. на *ки*, *множ. ч.*, могутъ выражать *время* этихъ дѣйствій: *поминки*,
ушки, ашки, чны похмелки, посидѣлки, супрядки, дожники, обжинки, за-
жинки. Тоже въ млр., пол., чеш. языкахъ.

Множ. ч. на *ушки, ашки* отъ суф. *ка* имѣютъ уменьшительное значеніе: *постирушки, побирушки, попивушки, почесушки, побывашки* и др., при чемъ нѣкоторыя пзъ нихъ, кромѣ *времени* дѣйствія, обозначаютъ самое дѣйствіе и результатъ его (Ср. „Записки“ III, 599, 600).

Множ. ч. на *ины*:

именины означаютъ а) дѣйствіе и время наименованія: „у в. кн. Всеволода родися сынь до заутрення св. Дмитрѣя дне, а *именины* же тогда бяхуть“ Пнат., и б) *юдовщину* именьнъ, какъ и нынѣ. Такимъ же обр.: *ро-*

динны, крестины; смотрины, пособлины (помочь) и др. Эти имена вовсе не имѣютъ един. числа и частью идутъ отъ глаголовъ съ темами: $\frac{и}{б}$ заювны розювны (отъ ювь—), но есть и отъ именныхъ основъ: „сорочины“ (Вопрош. Кюр.), третины, мдр. девятины.

59

Вр. поры и мсты съ значеніемъ времени и мста: «Поры» и «мста» могутъ употребляться одно взамиъ другого: на тѣхъ порахъ, въ тѣ поры; „мы тя до сихъ мстѣ акы вотца имѣли по любви“ (Шат.); „по сихъ порѣ платье“ (напр. поколѣни); вр. нарѣч. покамыстѣ.

60

Съ русскими именами множ. ч. обозначающими время, аналогичны соответствующія имена не только въ мдр., пол. и другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, но и въ лит., латыш., нѣмец., греческомъ.

VІ. Множ. ч. для обозначенія состоянія, при чемъ, какъ множ. ч. времени примыкаетъ къ множ. числу мста (напр. „всходи“ означаетъ и время, и мсто восхода солнца); такъ „и множ. число состоянія, примыкая ко множ. числу времени и мста, появляется вмѣстѣ съ отнесеніемъ пребыванія въ извѣстномъ мстѣ и времени къ лицу“. (напр. „въ потемкахъ не вижу“; т. е. въ томъ состояніи, когда мнѣ бываетъ темно или здѣ для меня темно, я не вижу*).

61

Множ. число состоянія употребляется въ слѣд. случаяхъ.

*) Этотъ видъ множ. числа, въ виду не совсемъ яснаго опредѣленія, даваемого самимъ Потебней, дуждается въ нѣкоторомъ поясненіи. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Потебня имѣеть здѣсь въ виду, съ одной стороны, указать на переходъ существительныхъ отъ конкретности къ абстрактности, а именно, что конкретное существительное, принимая форму множ. числа, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлаться абстрактнымъ и обозначать уже не реальную субстанцію, а лишь извѣстное состояніе того лица (или предмета), къ которому существительное относится; отсюда—самое названіе этого вида множ. числа. Съ другой стороны, когда такія существительныя множ. числа ставятся не въ именит. падежѣ, а въ творительномъ или въ соединеніи съ предлогами, тогда ослабленіе реальности субстанціи чувствуется еще больше, такъ что имена существительныя приближаются уже къ адverbіальному, обстоятельствуному значенію и могутъ переходить прямо въ нарѣчія, напр. въ сердцахъ, съ сердцевою, на радостяхъ; „ничить трава жалощами“. Въ этомъ случаѣ существительныя множ. числа могутъ «примыкать», между проч., и къ обстоятельствомъ мста и времени (Ср. „въ потемкахъ не вижу), но только „примыкать“, соприкасаться, а не быть исключительно обстоятельствами мста и времени, пот. что такое множ. число все-таки сохраняетъ за собою и значеніе состоянія или пребыванія (лица) въ извѣстномъ мстѣ и времени, какъ выражается Потебня. Потому-то онъ и говоритъ, что „множ. число состоянія появляется вмѣстѣ съ отнесеніемъ пребыванія въ извѣстномъ мстѣ и времени къ лицу“, т. е., и извѣстное состояніе, и пребываніе въ извѣстномъ мстѣ и времени „одновременно“ относятся къ извѣстному лицу: «въ потемкахъ не вижу», т. е., когда или здѣ бываетъ мнѣ темно,—я при этомъ условіи нахожусь въ такомъ состояніи, что не вижу. И. Б.

а) *Принадлежность къ извѣстному разряду* (сословію, званію, службѣ) выражается вл. единственнаго множ. числомъ того имени, которымъ обозначаются сословіе, званіе, служба. Напр. „не потка *въ поткахъ* нетопырь... не рыба *въ рыбахъ* ракъ“ (Дан. Зат.), т. е., нетопырь среди птицъ, какъ общаго понятія о птицѣ, не есть птица, ракъ въ смыслѣ общаго понятія о *рыбѣ* не есть рыба. Отсюда видно, что *только контекстъ* даетъ возможность отличать множ. число состоянія отъ конкретной множественности или множ. числа мѣста, какъ напр. „*въ рыбахъ* (конкретно) есть кровь“, „*среди рыбъ* (мѣсто) ползаетъ ракъ“.—Другіе примѣры: „посла Олегъ Ярославъ *въ сторожъ* (=въ сторожа; т. е. въ качествѣ начальника сторожевого отряда); „самъ творилъ, что надобѣ... и *въ ловчихъ*... и *въ конюсѣхъ*“ (Влад. Мон.), т. е., въ томъ, что касается *ловчихъ и конюховъ*; „у сей купчей сидѣли *въ мужьхъ* (т. е. не только въ числѣ и среди мужей, но *мужами*) N и N“ Ак. Юр.; „*въ сидельцахъ* сидѣли посацкіе люди“; „*въ головахъ* (=въ качествѣ предводителя или во первыхъ); „въ лицахъ“ (=на лицо) сходно со стар. влр. „быть *въ естяхъ, въ нѣтахъ*“; „*въ душахъ*“ (=въ живыхъ), „*въ даровьяхъ*“ (=въ качествѣ дара, даромъ). Въ нынѣшнемъ языкѣ множ. число состоянія даже вышнюю формою отличается отъ множественнаго *конкретнаго*: „пойти *въ казаки*“ (множ. ч. состоянія) и „стрѣлять *въ казаковъ*“ (конкретно). При отрицаніи остается та же форма: „не ходитъ *въ гости*, не брать *въ жены*“.—Въ млр. яз. замѣчается то же самое: „ні рыба, ні мясо, и *въ раки* не годится“; „взяли *у солдати*“.

б) *Въ названіяхъ болѣзней* множ. число во многихъ случаяхъ имѣетъ значеніе конкретное, объясняемое отчасти множественностью паружныхъ знаковъ болѣзни („онъ *въ веснушкахъ*“), отчасти же тѣмъ, что мнѣстскія существа, овладѣвающія челоуѣкомъ во время болѣзни, представляются многочисленными, какъ напр. *лихорадки*, млр. *пропасниці*: „добрн день, *пропасниці!* Есть васъ сімдесят сім, а я принесла вамъ сніданья всімъ“ (въ заговорахъ). Однако возможно, что и въ такихъ случаяхъ множ. число переходитъ къ значенію *состоянія*, *при чемъ олицетворенія ослабляются и даже устраняются*, особенно когда при именахъ множ. числа бываетъ и единственное: напр. въ влрусскихъ заговорахъ: „*тоски* тоскучія“ (при ед. ч.: „тоска“), „*рыды* рыдучія“; въ млр.: *ночниці, дрѣмливиці, сонливиці, сухоті* (сухотка) и пр.—На томъ же переходѣ отъ олицетворенія къ отвлеченности стоятъ вл. „*зари*“ (сильное желаніе, зависть: Ср. „зариться на что): „*зари* его берутъ“, сказалъ „*въ заряхъ*“; млр. „*нуди* мене берутъ“; пол. *тиду*—скука.

в) Множ. число состоянія иногда предполагаетъ, повидимому, *значеніе многокрстности*: „абы Богъ далъ мнѣ здравіе, а *мѣстемъ* быти“ Плат.—«Присылазь Седмиградскою къ канцлеру (такого то) съ *грозами*, и канцлеръ отказаль (отвѣтилъ), что *прозъ* его не блюдется» Диплом. снош. 1596 г.—

«Грозъ твоихъ побоюсь» Даль.— Сюда же относятся: «*съ сердцевоꙗ*», «*въ сердцахъ*», *иньвы* (тв. п. мн. Ппат.), *на иньвяхъ*, *на мьстехъ* (= съ лестью: Лавр.), *на ирунахъ* (= на рысяхъ: Ппат.), *на радостяхъ*, *на досухахъ* (но *на досухъ*—частный, отдѣльный случай), *въ борзыхъ* (Лавр.), *на косыхъ*, *на тоцахъ*, *въ юряхъ*, *въ тоскахъ*, *во сняхъ*, *въ просонкахъ*, *въ торопяхъ*, *въ поныхахъ*; быть *въ ладахъ* (въ состояніи согласія, въ согласіи), *въ неладахъ*, *въ былахъ*, *въ барышахъ*, *въ убыткахъ*, *въ силахъ*, *въ заботахъ*, *въ наймахъ*; млр. *на радости* (вин. мн.), *на жалости* (вин. мн.).

г) Къ существительнымъ «радоcти» и «жалости» примыкаетъ по своему образованію и употребленію цѣлая группа именъ жен. рода, оканчивающихся во множ. числѣ на—*оци* (цел. и млр.) и имѣющихъ при себѣ имена ед. числа на—*ость*; напр. цел. „възграсѣ младенецъ *радоcтима* въ жтробѣ моен“ (Мар. Ев.); въ древ. рус.: *мьноцями* (Моном.) (= вълѣдствие лѣности), «ничить трава *жалоцями*» (Сл о п. Пг.); млр.: *на радоцахъ*, *з радощів*, *з жалоцив*, *ласоци*, *пахоци*, *мудроци* и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначальное значеніе множ. числа есть *состояніе* и потомъ уже конкретное значеніе: «ласоци» сперва значило «*коли кто ласій до чого*», а потомъ конкретно: *наѣстись ласоцивз* (лакомствъ); «любоци» сперва—состояніе любви, а потомъ конкретно (приворотное зелье): «*проспвѣ, щоб дала єму любоцив*, *щоб єго всяка полюбила*».—Достоверныхъ влрусскихъ случаевъ, какъ млр. *любоци*, цѣтъ; приводимые Буслаевымъ «*забытици*» (Гр. § 219) происходятъ отъ—*ице*, а не отъ—*ость*. Нельзя отождествлять съ этими множественными и такихъ случаевъ у писателей 18—19 в., какъ «*смотрѣніе за всеми поведеніями охотниковъ*», «*развращеніе совѣстей* человеческихъ», пот. что это—*pluralia distributiva*, указывающія на *отдѣльныя* „поведенія“, „совѣсти“, тогда какъ разсматриваемое множ. ч. („радоци“ и пр.) означаетъ общее представленіе *одного состоянія*, хотя, конечно, и plur. distributiva могутъ приводить къ ослабленію и устраненію олицетворенія и субстанціальности (ср. стр. 66), какъ напр. у Гомера: *αὐτῶν γὰρ ἀπολόμειθ' ἀφραδίησιν* (Od. X, 27)=соб. „мы погнбли *каждый* чрезъ свое неразуміе“, а потомъ=„мы погнбли чрезъ свое неразуміе“ (въ смыслѣ *общаю* понятія); *κεῖται ἐν ἄλγεσι θύμος*=влр.: «*во юряхъ* *лежитъ*»=млр. «*у жалоцахъ*».

Отличіе этого
множ. числа отъ
plur. distribut.

д) Къ случаямъ, какъ «въ ладахъ» (стр. 68), т. е. *въ состояніи согласія*, и какъ уменьшительное «*постирушки*» (58), т. е. *въ качествѣ постирушки*, примыкаетъ влр. *быть на побѣгушкахъ*, т. е. въ состояніи или въ качествѣ побѣгушки. Сюда же относятся случаи, какъ въ влр. «*на шута (или на кота) потянуши*, *на тебя (на потягивающагося ребенка) поростуши*», или уменьшит. *полецушеньки*, *поростушеньки*, *полетушеньки*, *попрыгуньки*, гдѣ формы на—*циши*,—*ушеньки* могутъ быть поняты или 1) какъ

Мн. ч. на *уши*, *ушки*, *ушеньки* съ разными значеніями: а) какъ им. и вин. п. множ. ч., и б) какъ глаголы изъяснительнаго, повел. и несопрел. наклоненій.

67

68

69

70

71

17

им. падежи въ качествѣ подлежащихъ, или 2) какъ вин. множ. въ качествѣ дополненій, какъ напр. «баюшки (вин. п.) баю» (1 л. ед. ч.). Въ обращеніи же къ дѣтямъ, какъ междометія, они чувствуются уже какъ связуемыя съ изъявительнымъ, желательнымъ или повелительнымъ отглагольнымъ: «баюшки», т. е. спи (какъ повел. накл.); «пора *баюшки*», т. е. идти спать (какъ неопред. накл.); «баю, баю (сокращ. «бай, бай»), молодой Турчанъ» (Шейнъ, Рус. пар. п.)=спи, спи.—Въ такомъ же смыслѣ влр.: *молечки, ладушки, дыбочки*. Тоже и въ мпр.: «а в роточокъ—*юворушки*, а в ноженьки—*ходусеньки*, а в рученьки—*ладусеньки*! Метл.—Въ связной рѣчи такія формы получаютъ значеніе *неопр.* накл.: «Въеже бо ми по вас *неходитоньки*, с панянками *недружитоньки*.

Уменьшит. нарвѣи съ формою им. п. множеств. числа: «туточки», «адъсенкя».

тутки, тутечки, здъсечки, тепережки.

Нарвѣиыя выраженія въ заимствованности отъ предлоговъ и послѣ глаголовъ движенія.

74

75

Нарвѣиыя отъ тв. п. множ. ч.: *акы, шакы, поганьскы, свойскы.*

76

77—8

Предложныя нарвѣиыя: по-дѣтски и др.

е) Возможно, что мпр. нарвѣиыя *прѣчки* образовано не отъ имени, а отъ нарвѣи. *прочь* по аналогіи съ уменьшительными инфинитивами, какъ *спатки*: «ходимъ *спатки*». Неизвѣстно, есть ли влияніе множ. числа въ уменьшительныхъ нарвѣиыяхъ.

ж) Съ выраженіями, какъ «въ наймы», сближается стар. рус. нарвѣиыя «въ-переки»=поперекъ, а не contra, какъ цел. «въпрѣкы»: «посла *въ переки* (поперекъ) мужи своя» (Ипат. 235 и безъ предлога «въ» 251, 252, 465; въ ед. ч. «поперекъ» и «перекъ» 430, 433, 587).—Къ выраженію же «въ наймы» примыкаютъ случаи *при глаголахъ движенія*: «въ *мыны* (=мѣною) пришли», «на *обиняки*» (=намеками); мпр. «въ переверти», «в глыбки», «в шпрки», «на-в-присядки» и др. Къ случаямъ образованія нарвѣиыи отъ твор.

множ. ч. въ стар. рус. и цел. относятся *акы, такы, намы, тихы, малы* (Срав. *Зап.* II, 491—3), влр. *таки, тагы-таки, такечки*; мпр. *верхи* (верхомъ), *нахилки, дибки* стати и др. Сюда же нарвѣиыя отъ тв. п. множ. числа *прилагательныхъ* на ѡск: *поганьскы, волчьскы* (Лавр.), *клятѣскы* (въ видѣ *клятѣн*) Дан. Пал., *свойскы* *Ibid.*; мпр.: *рачки* (ракомъ), *обѣручки* (обѣими руками), *пишки, мовчки*.

Относительно *предложенныхъ* нарвѣиыи изъ твор. падежа съ предл. *по*, несочетающимся съ твор. п., каковы влр. *по-дѣтски, по-таковски*, мпр. *по-козацки*, словац. *по-сеськи*, Потембиа думаетъ, что въ нихъ произошло забвеніе значенія твор. падежа и повліяло сочетаніе *по* съ дательнымъ, какъ мпр. *по-собачому*, влр. *по-собачьему*, чеш. и польск. *по-сеськи*.

Поэтому «получается вѣроятность, что и въ другихъ случаяхъ *предлогъ можетъ сочетаться съ нарвѣиыемъ безъ вниманія къ падежу, этимологически данному въ этомъ нарвѣиыи*». Таковы нарвѣиыя отъ дѣепр. наст. врем. въ мпр.: *на-в-стоячки, на-в-лежачки, на-в-сидячки*; отъ именныхъ темъ: влр. *на кулачки*, мпр. *на-в-кулачки*, а отсюда уже существ.: «на *вкулачкахъ*» (З. о Ю. Р.), какъ буд-то им. п. множ. ч. «*вкулачки*».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абстрактность. Взгляд М. Мюллера и Потебни на абстрактность корней и первоначальных словъ (142—3). Сущ. абстрактныя и отличие ихъ отъ конкретныхъ (28). Абстрактность существительныхъ множ. ч. при конкретномъ единственномъ (253—5). Наибольшая абстрактность въ гипотактическомъ строе рѣчи (222).

Авторское „мы“ (248).

Асс. с. inf. Объясненіе этого оборота изъ 2-го вѣд. надежа (79—81; 98).

Типы вѣд. съ неопред. въ ссл. и рус. яз. (99).

Асс. с. partic. (81, 99) и отличие причастія *суца* отъ *быти* (99).

Аналитическія сужденія см. *сужденія*.

Антиципация (*πρόληψις*) и объясненіе ея изъ 2-го вѣд. п. (82).

Аптерисция или воспріятіе. Отношеніе ея къ первобытному психологическому предложенію (24) и первоначальному мышленію (25).

Апозитія или приложеніе. Отличіе ея отъ простаго атрибута (32). Составное приложеніе (35, 52). Постановка словъ *имя* и *прозвище* при приложеніи. Взглядъ П. Лавровскаго на вѣд. п. приложенія, сходный то съ именит.; то съ род. пад. (185). Переходъ приложеній въ предложенія въ связи съ паратактичностью рѣчи: „туръ—золотые рога“ и „туръ на немъ золотые рога“ (193—4).

Апозитивныя причастія см. *причастія*.

Апозитивный твор. п. и виды его (131—2).

Аптракція и объясненіе ея 2-го вѣд. у Курціуса (82). Объясненіе аптракціей дательнаго пад. при неопр. накл. (102). Взглядъ Потебни на аптракцію (102, 177).

Аптрибутъ—собственно и опредѣленіе его. Аптрибутъ изъ именъ сущ. и прилаг. (30—31). Взглядъ Пауля и Мюллера на происхожденіе прилагательныхъ, какъ аптрибутовъ, и исправленіе этого взгляда Потебней на основаніи языка образнаго (155).

Аптрибутъ предикативный изъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій (33, 36).

Аптрибутивное существительное. Отличіе его отъ аптрибутив. прилагательнаго и двойственность мысли, вносимая аптрибутивными существительнымъ: «человѣкъ *рѣшникъ*» и «человѣкъ *грѣшныи*» (165—6). Связь аптрибутивнаго сочетанія существительныхъ съ *hendiadys*: «вѣлкъ *хыщникъ*» и «вѣлкъ и *хыщникъ*» (166, 188). Соглауемая аптрибутив. сущ. муж. р. на *ыць, инь, инь, акъ, акъ, аць, аць, яць, тай, тарь, унь, зкъ, з* съ соответствующими женскими; жен. р. на *эка, ша, уха, иха* съ соответствующими мужскими; сред. р. на *ят, шце, шико* (166—8). Несоглауемая аптрибутив. сущ. на *ина, ъ, ость, ть, а, я, ыня, ъе, нье, ьство, никъ, някъ* (168—172). Устраненіе двойственности субстанцій при аптрибутивномъ сочетаніи существительныхъ родовыхъ и видовыхъ и препозитивная и постпозитивная постановка аптрибутивнаго сущ. (170—2). Сочетаніе *свьтъ-Русь* (172). Аптрибутивныя сущ. съ качественнымъ отгѣнкомъ: трава—мурава (173) см. *паратактичность рѣчи*. Особенности употребленія аптрибутивнаго сущ. при прилагательныхъ притяж. (228). Образцы: въ дому *Си-*

моновъ усмаря, короля Жиммонтовъ сынь, домъ Маринъ матери Иоанновы, до гроба Рахилина, матери Иосифовы прекраснаго (228—9).

Безсубъектность и безличность (205). Объясненіе происхожденія безсубъектныхъ сказуемыхъ съ мнѣнческой точки зрѣнія на языкъ (205—7). Образцы безсубъектныхъ и безличныхъ оборотовъ: громомъ убило, стучить (207), туманится (208), снится мнѣ, говорится (209), убыло дня, туча ровъ учинило, пришло ихъ тьма (211), два человекъ (пять человекъ) пришло (212), зимовая служба молодцамъ кручинно (213), городъ видно, музыка слышно, вѣсти вѣдомо (214). Безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола и имени, дополняемые и недополняемые неопредѣленнымъ накл. или объектомъ (215). Образцы: страхъ (есть) глядѣть (103, 216), дивно ми есть, уже есть (103, 217). Безличные обороты изъ *есть* съ дат. над. и изъ неопред. накл.: «подобѣ есть сыну пострадати», «аще вы будѣтъ (=случится) крестъ цѣловати» (100—4). Безличные отрицательные обороты съ *есть*: мнѣ не уйти, нечего дѣлать (107—8; 219, 220), сестры нѣтъ дома (221). Какъ отличать субъектные и безсубъектные обороты, если сказуемое въ нихъ дополняется неопред. наклоніемъ или придат. предложіемъ (218—219).

Вещь, какъ существительное, и понятіе о ней (141).

Вещественныя слова или знаменательныя (12).

Виды глагола. Видовые и модальные отбѣнки въ сочетаніяхъ нѣкоторыхъ вспомог. глаголовъ съ неопред. наклон. (93—7).

Вин. пад. прямого объекта при страд. з. въ безличныхъ оборотахъ: видно землю (210), слышно музыку (214). Винит. п. прямого объекта при пош. agentis въ др.-инд., санскр. и пинѣшнемъ латыш. яз. (210).

Вин. п. внутренняго объекта и объясненіе его Потебней (208).

Вин. п. для выраженія количества на вопр. «сколько» (212).

Вин. съ неопред. и причастіемъ см. асс. с. inf. и асс. с. partice.

Вопросы прямые и косвенные (73—4).

Время въ глаголахъ. Выраженіе времени въ сочетаніяхъ причастій дѣйств. и страд. з. съ вспомог. глаголомъ (42—5) и —*ль* съ есмь, быхъ, бѣяхъ, бѣхъ, бяхъ, быть есмь и буду (66—78). Выраженіе буд. вр. сочетаніями глаголовъ имамъ, иму, хочу, стану, буду съ неопред. накл. (93—5). Выраженіе отбѣнковъ времени неопредѣленнымъ накл. при безличномъ *есть* (104).

Вспомогат. глаголы см. связка.

Вторые надежи и отличіе ихъ отъ первыхъ (36). Въ частности см. вторые надежи: именит., вин., род., дат. и твор. на мѣстѣ вторыхъ надежей.

Винит. второй пад. Предикативность его въ древ. яз. (79). Второй вин. изъ им. существительнаго при глаголахъ cognosc., nominandi, faciendi и позднѣйшая замѣна его творительнымъ или съ предл. *за*. Второй вин. изъ им. прилагательнаго (80) и обороты, развѣсившея изъ него. Второй вин. изъ предикатив. причастія (81). Второй винит. составной (82).

Второстепенное сказуемое см. сказуемое второстепенное.

Гипотактичность и паратактичность рѣчи (173) и замѣны паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: «туръ золотые рога» и «туръ съ золотыми рогами» (174, 191). Гипотактич. опредѣлит. придаточ. предложенія съ относительными мѣстоименіями и постпозитивная постановка ихъ (196—7). Препозитивная постановка такихъ предложений и смыслъ ихъ (197—8).—Два способа гипотактического выраженія принадлежности: а) че-

резь притяж. прилагательное (домъ Маріинъ) вм. невозможнаго здѣсь паратактическаго атрибутивнаго существительнаго: «домъ—Марія» (221—2). Образцы съ прилагат. притяжательнымъ вм. родительнаго принадлежности: въ мое Иваново мѣсто, свой землянинъ (223). Метонимически употребляемыя прилагательныя на мѣстѣ родит. падежа существительныхъ (*товарная погупка*) или паратактическихъ сочетаній (дѣло о *вывозномъ* бобылѣ=дѣло о бобылѣ о вывозѣ: см. *метонимія*) 226.—Образцы «помпная слово *Господне* (=Господа), *иже рече*», «неволею Всеволода и *Святославлею* (229). Двусмысленные образцы съ прилагат. притяжательнымъ и родительнымъ принадлежності; «страхъ *Ижемоновъ*» и «страхъ *ижемои*» (230).

Hendiadys. Взглядъ Миклош. и Попова на *hendiadys* и объясненіе его Потебней въ связи съ атрибутивными паратактическими сочетаніями (188, 193). *Hend.* въ немѣриой рѣчи: «путемъ и дорогою», «воры и разбойники» вм. атрибутив. паратактич. «путемъ дорогою», «воры разбойники» (190). Отдѣльные образцы *hendiadys* въ соединеніи съ именами *сила, правда, душа, голова, доля, счастье, гений* и *Богъ*: «ратъ и сила» вм. «сила рать». Замѣна паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: *сила креста, сила крестная*. Отс. *двойникъ*, какъ замѣна одной субстанціи другою: *сила креста*=самый крестъ; *я и душа*=душа моя=я самъ (191), *счастливъ твой Богъ*=счастливъ ты самъ (192).—Объясненіе оборота: «Богъ и ты» (192).

Гиперболическое множ. число (247).

Глаголь. Опредѣленіе глагола по признаку *возникающему*. Отличіе глагола отъ имени (26). Опредѣленіе глагола съ точки зрѣнія философин (141).

Грамматика и отличіе ея отъ логики (19—20).

Грамматическій родъ. Взглядъ нѣкоторыхъ ученыхъ на грамматич. родъ въ связи съ естественнымъ поломъ (235—8). Противоположный взглядъ Бругмана и возраженія Потебни (241—4). *Лексическое* обозначеніе родства и свойствъ, какъ принадлежности частныхъ понятій къ *роду, семейству*. *Грамматическое* обозначеніе отношеній къ роду, племени посредствомъ суф. *ичъ, юкъ* (укъ), *акъ* (акъ), *ица, ица, ко, ка, ян, ята, ен, еня* (236—7). Переводъ именъ изъ одной категоріи въ другую посредствомъ грамматич. рода: *рабъ—рабыни*. Предметъ и качество его есть какъ бы мужъ и жена съ чело-вѣкообразной точки зрѣнія (238). Суффиксы, образующіе женскій родъ отъ соответствующихъ суффиксовъ мужескихъ (239—241). Взглядъ Бругмана и Эд. Вольтера на переходъ отвлеченныхъ именъ сред. и жен. рода въ конкретныя мужскія (244) и возраженія Потебни противъ этого взгляда (245). Абстрактность не есть исключенная точка для перехода женскихъ и среднихъ именъ въ мужскія (246—7).

Грамматич. термины и объясненіе ихъ съ точки зрѣнія философин (141).

Грамматическія формы (12).

Hyperallage см. *метонимія*.

Hysteroproton (142—3).

Dativus ethicus (прим. къ стр. 53, 64, 107).

Дательный самост., какъ дат. предикативный (84). Дат. самост. при *одинаковомъ* дат. имени какъ въ главномъ, такъ и придаточномъ предло-женіи (85). Дат. самост. въ совершенной независимости отъ дательнаго име-ни при главномъ сказ. (86). Замѣны дательнаго самост. въ позднѣйшемъ яз. (87). Взглядъ Миклошича на дат. самост. (88).

Дат. съ неопредѣл. накл. Два типа этого оборота по свойству *пер-саго* дательнаго: дательный, зависимый отъ главнаго глагола: Волод. *повель* псковати *лжнѣ* сребрены *ясти дружину* (100) и независимый: *сподоби* ми съобщнику *ми быти* (101). Дат. съ неопред. на мѣстѣ подлежащаго (101).

Дваинса. Обозначеніе общаго двумя или нѣсколькими частными (230). Образцы: братья-сестра, отецъ-мать, каша-малина (231). Выраженіе неопредѣленной общности числа посредствомъ сопоставленія меньшаго и большаго (два-три) и черезъ отрицаніе *не* въ сравненіяхъ: триста *ни* триста = какъ бы триста, т. е. около 300 (232).

Двойникъ, какъ замѣна одной субстанціи другою (191—2) см. *hendiadys*. — Двойники при объясненіи происхожденія метонимій (225).

Дистрибутивный твор., какъ видъ творительнаго мѣста (115) и времени (116). Множ. дистрибутивное и отличіе его отъ множ. ч. дѣльнаго вещества и состоянія (251, 257).

Дополненіе или объектъ грамматической. Дополненіе составное (35—6).

Достигат. наклоненіе и отношеніе его къ неопредѣленному въ рус. яз. (91—2; 96, 99).

Дѣепричастіе. Обращеніе предикативныхъ и аннотативныхъ причастій въ дѣепричастія (47, 52). Дѣепричастіе независимое въ роли именн. самостоятельнаго (55). Дѣепр. изъ 2-го впа. (81), родит. (84) и дат. (85—7) причастія.

Ерісоепа помина. Взглядъ на нихъ Бругмана и опроверженіе этого взгляда Потебнѣй (241).

Есмь. Употребленіе и опущеніе его въ др.-русск. яз., въ малорусскихъ говорахъ и польск. яз. (64—6). См. Безсубъектность.

Желательное накл. Выраженіе желательности посредствомъ — *аъ* съ *быхъ* и изъявительнымъ прош. временемъ (70—71). Выраженіе желательности неопред. наклоненіемъ съ *бы* (112).

Женскій родъ. Первоначальный смыслъ суф. жен. р. *a, ie, i* по Бругману (243).

Залогъ. Двойное выраженіе страдат. залога (43). Переходъ транзитивныхъ глаголовъ въ интранзитивные вълѣдствіе устраненія мнимыхъ объектовъ: «шутки шутить» и просто «шутить» (208). Переходъ возвратныхъ глаголовъ въ медіальные и пассивные вълѣдствіе потери мѣстоименіемъ *ся* своего объектнаго значенія (48). Отгѣнки глаголовъ на *ся* въ безсубъективныхъ оборотахъ а) при дат. надежъ лица (*commodi*), субстанція котораго не совпадаетъ съ субстанціей устраненнаго подлежащаго: мнѣ случилось (что-то); б) при дат. над. лица; субстанція котораго совпадаетъ съ именн. пад. личнаго оборота: мнѣ пьется (=я пью), мнѣ говорится (=я говорю), и в) при страдательно-возвратныхъ глаголахъ съ значеніемъ латин. *dicitur*, нѣмец. *man sagt*, гдѣ субстанція дательнаго лица и устраненнаго подлежащаго не совпадаютъ: «мнѣ говорится», т. е., *не я, а другіе* говорятъ (209). Проявленіе значенія «ман» въ рус. яз. при глаголахъ чисто страдательныхъ и при причастіяхъ на *и* и *т* отъ глаголовъ возвратныхъ, взаимныхъ и среднихъ (210).

Знакъ и значеніе въ словѣ. Знакъ, какъ представитель значенія слова (9). Сохраненіе значенія словъ только въ рѣчи (13).

Знаменательныя слова или вещественныя (12).

Именит. второй паd. при глаголахъ вспомогательныхъ вообще (48—51) и въ частности при глаг. *быть* (133—4). Отличіе именительнаго предикативнаго отъ такового же творительнаго (135—6). Второй именит. при причастіи апозитивномъ—52.

Именит. пад. приложенія при косвенномъ падежѣ опредѣляемаго существительнаго, какъ остатокъ первоначальнаго паратактич. сочетанія (184—6).

Имен. пад. при безлично-субъектныхъ оборотахъ (211, 213, 214, 216).

Именит. самостоят. пад. при апозитивномъ причастіи (55) и при опущеніи его—56. Именит. самост. съ развитымъ при немъ придат. предложениемъ и при мѣстоименномъ подлежащемъ той же субстанціи въ глав. предложеніи—56. Именит. самост. для обозначенія времени (187).

Качественность существительныхъ и первообразность абстрактности именъ качества и дѣйствія. Взглядъ древнихъ мыслителей и простонародья на качество, какъ на реальныя субстанціи (143—4). Предметъ и качество его есть какъ бы мужъ и жена съ челоукообразной точкой зрѣнія. См. Грамматич. родъ—238.—Качественный отгѣнокъ притяжательныхъ: *свой* землянскъ, т. е., *такой же, какъ и я*. Качественный отгѣнокъ при прилагательныхъ, выражающихъ количество: *малые* люди=мало людей и люди *незначительные*—223.

Комплексъ, какъ совокупность признаковъ въ существительномъ (27—8).

Конкретность первообразнаго языка (11, 142—3; 188). Существ. конкретныя и абстрактныя (27—8). Большая конкретность существительныхъ по сравненію съ прилагат. и глаголами (199—200). Большая конкретность опредѣляемыхъ существительныхъ при прилагательномъ притяжательномъ, чѣмъ при род. принадлежности—223. Конкретность существительныхъ въ дистрибутивномъ множ. числѣ—251. Конкретность множественныхъ субстанцій—256. Различіе нѣкоторыхъ конкретныхъ и абстрактныхъ существительныхъ множ. ч. по формѣ: «*посыпъ въ козаки*» и «*стрѣлять въ козаковъ*»—256. Болѣе конкретная форма мышленія при паратактичности въ языкѣ по сравненію съ гипотактичностью—222.

Корень слова. Опредѣленіе корня Курциусомъ, М. Мюллеромъ и Потебней. Отличіе корня отъ слова. Корни индоевропейскіе и специально народныя (10—11). Корни глагольные или безотносительныя (они же—качественныя, объективные) и корни мѣстоименныя или относительныя (они же—указательныя, субъективные) 25.

Лексическое значеніе слова (12).

Логика и отличіе ея отъ грамматики (19—20).

man sagt см. залогъ.

Метонимія и *hyrallage*, какъ первообразный поэтическій способъ выраженія—224. Объясненіе происхожденія метонимій въ языкѣ. Примеры метонимическаго употребленія атрибутивныхъ прилагательныхъ и древность ихъ: *веселый* напитокъ, *просольный* и *свѣжій* рыбишкъ, *товарная* покушка, *мертвое* мыло, *спасенный* путь (225—6).

Множичность. Мнооогія языка (141). Представленіе дѣйствія дѣйствователемъ (200, 245). Двойники (191—2, 225). Субстанціальность множественныхъ субъектовъ и устраненіе ихъ при переходѣ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектныя. Причины устраненія множественныхъ субъектовъ въ языкѣ (206, 216). Особый смыслъ множ. числа именъ съ множественнымъ значеніемъ (256).

Множеств. число и особья значенія его въ рус. яз.: *множ. ч. итер-болитическое* (247), *множ. ч. для обозначенія единичныхъ вещей*, разматриваемыхъ со стороны множественности частей (249), *множ. ч. дльимаго вешества* (250), *множ. ч. мьста* (251), *времени* (253) и *состоянія* (255):

Модальные отгънки въ сочетаніяхъ глаголовъ *имаю*, *иму*, *хочу*, *начну*, *стану*, *быль* и *буду* съ неопред. накл. (93—6). Модальные отгънки безличнаго *есть* съ неопр. накл. (104—5) и безъ неопредѣленнаго (220). Модальные отгънки именъ *множ. ч. на ушки*, *ушеньки*, употребляемыхъ въ смыслѣ междометій (158, 258).

„*Мы*“ *владѣтельныхъ особъ* и „*мы*“ *авторское* (248).

Мужескій родъ именъ па *a* (244—7). Имена муж. рода съ окончаніемъ *сред. рода на ише, шико, я, яш, ло, ie, (ье), ко* (245).

Мѣстоименія. Мѣстоим. существительныя и прилагат. (28). Мѣст. *кое, которое, ово, иное*, какъ существительныя; ставшія союзами и нарѣчными выраженіями (152—3). Мѣст. относительныя между главнымъ и придаточ. предлож. (57—9) и при неопред. наклон. (107—8, 220). Мѣст. *это* въ роли подлежащаго (101) и сказуемаго (138, 9) при неопр. накл. Мѣст. *то* въ качествѣ подлежащаго глав. предложенія, если за нимъ слѣдуетъ пояснительное придат. предложеніе (219). Мѣст. неопред. *ничто* (что-то) въ качествѣ подлежащаго и служащее переходомъ отъ субъектности къ безсубъектности (207, 209). Мѣст. *ся*, какъ *вин. пад.* такъ называемаго внутренняго объекта въ возвратныхъ глаголахъ и потеря этимъ мѣстоименіемъ надежнаго значенія объекта (48, 208, 210).

Нарѣчія. Опредѣленіе нарѣчій, какъ несогласуемыхъ атрибутовъ. Замѣна нарѣчія именемъ прилаг. и употребленіе нарѣчій при существительномъ въ др.-рус. яз. (37, 49, 50). Виды нарѣчій (38). Нарѣчія относительныя между главнымъ и придат. предлож. (58, 107—8, 220). Нарѣчія изъ твор. надежа мѣста и времени (115—6). Нарѣчія изъ *множ. числа* твор. образа дѣйствія (126, 258). Объясненіе значеній *пакы* (126, прим.), *звать, чать, чуть, невѣсть* (104).

Неопред. накл. Опредѣленіе инфинитива. Потеря инфинитивомъ *надежности*, рода и числа (88—9). Степень *существительности* инфинитива. Вытѣсеніе инфинитивомъ причастій (91, 98). *Глагольность* *нѣгнѣшняго* инфинитива, особенно въ серб. и болг. яз. (90, 92). Неопр. накл. *субъективное* съ глаг. *имаю*, *иму*, *хочу*, *начну*, *стану*, *быль* и *буду* (93—6). Другіе глаголы съ субъективнымъ неопред. накл. (96—7). Неопред. накл. *объективное* въ оборотахъ *асс. с. inf.* и *дат. съ неопред.* (98 и сл.). Неопред. накл. съ *дат.* при безличномъ *есть, будетъ, будяше, бѣаше, бѣше, бѣ, бысть, было, суди*, а также *подобаетъ, случается* и проч. (100, 7; 103—4; 219). Неопр. накл. съ опущеніемъ *есть* въ условныхъ предлож.: «*поглядѣть—картина*». Неопр. накл. *бысть* (при подраз. *есть*) съ другимъ неопредѣленнымъ: «*сколько ни плакать, а быть перестать*» (105). Неопр. накл. съ *мнимострад. отгънкомъ*: „*язва вся знать (есть)*» (106). Неопр. накл. связанное съ главнымъ предлож. посредствомъ относительныхъ мѣстоим. и нарѣчій: „*есть что дѣлать*“, „*не быеть куда переѣхати*“ (107—8, 220). *Эпекзегетич.* неопред. накл. („*посланъ есмь глаголати къ тебѣ*“) и замѣна его неопредѣленнымъ съ союзами (109—111). Неопр. накл. съ „*чѣмъ*“: „*чѣмъ на мость*

намъ пти“—111. Неопред. накл. съ *бы, чтобы* (111—2). Абсолютное неопр. накл. (56, 112—3).—0 модальныхъ отгѣвкахъ инфинитива см. *модальность*.

Несогласованіе атрибутивнаго сущ. съ определяемымъ словомъ (30, 31). Пять случаевъ несогласованія атрибутивныхъ сущ. съ определяемымъ въ родѣ и числѣ (168—173). Несогласованіе приложія въ падежѣ: зовуть его Влакомъ, Ивановъ сынъ (184—7). Несогласованіе прилагательнаго атрибутивнаго (31—2) и предикативнаго—34.

Объектъ грамматическій и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи—141. Мнимый объектъ см. *субстанція*.

Объективное и субъектив. неопред. накл. (89—90). см. неопр. накл.

Обстоятельство. слова или нарѣчія—37.

Общій родъ именъ см. *ерисоспа*.

Олицетворенія: сонъ идетъ по снѣжкѣ—206. Олицетвореніе по отношенію къ грам. роду (242—3). Ослабленіе конкретности въ олицетвореніи при переходѣ существительнаго изъ ед. ч. во множественное (256—7).

Описательныя формы, какъ „держать рѣчь“ вм говорить (200). Описат. формы въ спряженіи и отличіе ихъ отъ составнаго сказ. (35, 43, 45). Описат. прош. вр. со вспомогат. глаголомъ см. *причастія*. Описат. буд. вр. въ сочетаніяхъ служебныхъ глаголовъ имамъ, иму, хочу, начну, стану и буду съ неопред. накл. (93—6).

Относительныя слова, служація соединеніемъ причастныхъ сказуемыхъ съ глагольными (57—9). Относит. слова, присоединяющія неопред. наклоненіе къ глав. сказуемому (107). Относит. слова, соединяющія придаточ. предложеніе съ главнымъ (196—8).

Отрицательныя выраженія. Родит. пад. послѣ отрицательныхъ и подобныхъ имъ глаголовъ (83, 221). Отричаніе *не* въ сочетаніи съ *есть* и съ относительными словами при *есть* и неопред. наклоненіи (нечего дѣлать = не есть что дѣлать) 107—8, 220. Объясненіе происхожденія *тъ* и разныя значенія этой частицы (108; 220). Отричаніе *не*, дающее слову положительное противоположное значеніе: *недругъ*—232. Сочетаніе утвердительныхъ и отрицательныхъ словъ, получающихъ значеніе малости, ненадежности: *выспалась—не выспалась; чи спала, чи не спала* (ср. «Игорь спитъ, Игорь бдитъ» = полуспитъ. 233.—Оттѣнокъ сослагательности въ придаточныхъ предложеніяхъ послѣ отрицательнаго главнаго (75—6). Отрицательныя сравненія въ яз., какъ перенуты къ отричанію мнѣческаго дѣйствителя (206—7). Образцы тавтологіи съ отричаніемъ (234—5).

Парность грамматическихъ и философскихъ разрядовъ (141, 242).

Паратактичность рѣчи и замѣна паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: «туръ золотые рога» и «туръ съ золотыми рогами» (173—4). Различіе значеній препозитивной и постпозитивной постановки паратактическихъ сложныхъ опредѣленій. Препозитивность, какъ поводъ къ образованію сложныхъ словъ. *Composita possessiva* (золоторогъ) и *determinativa* (суходоль) 175—6. Образцы паратактич. сочетаній: церковь Спасъ (177), икона Микола (178), подъ Спасъ праздникъ, къ матери ко двору, о немъ о здоровьи (179), на немъ на грудяхъ, къ концу къ обѣдѣ, беретъ за руки за перстни (180), на берегъ надъ рѣку, друзья мужескъ полъ, на бочку на рождѣ, множество золото, войско сила (181), деньги часть, деньги пять рублей, о деньгахъ о пяти рубляхъ (182), кады меду пять пудовъ, двѣ тысячѣ гривнѣ (183). Остатки

паратактическаго сочетанія въ именит. пад. приложенія при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго существительнаго: зовуть его Власкомъ, Ивановъ сынъ (184), съ Иваномъ, прозвище Петомъ (185). Образъ Богородицы Между-вратная—186, шубу тафта желтая, во вторникъ третья недѣля поста (187).

Паратактич. придаточ. предложенія: «прислалъ человека, Ивановъ зовуть». Три вида паратактическихъ предложеній—193—5. Образцы паратактическихъ предложеній, служащихъ переходомъ къ гипотактическимъ дополнительнымъ предложеніямъ—295.

Подлежащее или граматич. субъектъ и опредѣленіе его. Именит. и зв. падежи, какъ выразители подлежащаго—29, 218. Мѣст. указат. это, какъ подлежащее при выдвиганіи неопред. наклоненія на мѣсто подлежащаго (101) и отличие такого подлежащаго отъ сказуемаго это (138, 9). Можетъ ли быть подлежащимъ неопред. наклоненіе и цѣлое предложеніе, какъ замѣна подлежащаго (218—9).

Paralis recerentiae—248.

Предикативность существительнаго или употребленіе субстантива вм. глагольнаго сказуемаго: «я не ѣдокъ», вм. я не ѣзжу—199. Взглядъ Буслаева на предикативность существительнаго и опроверженіе этого взгляда Потебнінъ (199—200). *Nomina agentis* съ глагольнымъ значеніемъ на *z* (ъ) муж. р., на *ye* сред. р. и на *a, я, ъ, ѡ* кажен. р. (201—2). Переходъ предикативныхъ именъ въ прилагательныя и нарѣчія—204.

Предлог. Опредѣленіе ихъ—38—9. Предлоги *ви, на, по* въ словныхъ словахъ множ. ч. (250, 258).

Представленіе въ смыслѣ представителя значенія слова (9).

Предложеніе. Разсмотрѣніе Потебнінъ Буслаевского опредѣленія предложенія и членовъ его—21—3. Опредѣленіе предложенія Потебнінъ. Первобытное предложеніе психологическаго сужденія и его предикативность. Опроверженіе взгляда Попова на именные первообразныя предложенія (24).

Предложенія придаточныя паратактическія (193—5), гипотактическія (196—8), эпиктегетическія (202—3) см. подъ этими словами.—Такъ назыв. совращенныя придат. предлож.—199.

Приложеніе см. аппозиція.

Прилагат. имя и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи—14'. Данный или готовый признакъ въ прилагательномъ и отличие этого признака отъ признака существительныхъ—27. Близость существительныхъ качественныхъ къ прилагательнымъ и признаки этой близости (148). Суффиксы общіе для существительныхъ качества и прилагательныхъ (149). Прилагательное въ роли существительнаго (29) вѣдѣтвѣ оупщенія опредѣляемаго существительнаго—149 и безъ дакого оупщенія (150). Прилаг. сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ—151. Происхожденіе прилагательныхъ отъ существительныхъ въ болѣе древнюю эпоху черезъ выдѣленіе одного изъ признаковъ существительнаго (153—6). Объясненіе причины перехода существительнаго въ прилагательное (155—6, 165—6). Образованіе прилагательныхъ отъ именъ глагольныхъ и двойное значеніе такихъ прилагательныхъ: *доходный* =прибыльный и доходящій (204). Прилаг. атрибутивныя (31—2) и предикативныя (33—4). Атрибутив. притяжательныя на мѣстѣ родительнаго принадлежности (222—3). Атрибутив. прилагательныя на мѣстѣ позднѣйшихъ нарѣчій для выраженія количества (223—4). Атрибутив.

прилагательныя, употребляемыя метонимически (224—6: см. метонимія). Различіе значеній притяжательно-относительныхъ прилагательныхъ на *оузъ, инъ, ъ, ий, ѡскъ, ѡкъ* въ качествѣ атрибутовъ (226—8). Переходъ относительныхъ прилагательныхъ въ безотносительныя или качественныя (230).—Предикативныя прилагат. съ *есмь* (46) и другими глаголами (43—50). Членныя и безчленныя прилагательныя (51, 226—7). Отрицательныя прилагательныя на *лъ* и отличіе ихъ отъ формъ причастныхъ на *лъ* (62). Прилагательныя, сочетающіяся съ неопред. накл. (96—7).

Причастія. Близость ихъ къ первобытному имени (27). Причастія въ качествѣ вторыхъ падежей (36) и въ качествѣ второстепенныхъ связей (37). Предикатив. причастія наст. и прош. вр. (съ, въ) дѣйств. з. и сочетаніе ихъ съ *есмь* (41—3). Предикатив. страд. причастія съ *есмь* (43—5). Предикатив. причастія съ другими вспомогат. глаголами (46). Сооставленіе предикативныхъ причастій страдательныхъ съ дѣйствительными (44). Причастія страд. въ роли аппозицій (45). Аннотивныя причастія дѣйств. з., какъ второстепенныя сказуемыя (51—5). Причастія, какъ связуемыя прилаточ. предложеній, связанныхъ съ главнымъ посредствомъ относительныхъ словъ (56—60).—Причастіе на *лъ* (61) въ сочетаніи съ *есмь*, какъ описат. форма (63). Рѣдкіе случаи сочетанія прич. —*лъ* съ другими вспомогат. глаголами въ др.-русе. яз. (63). Древнѣйшая и позднѣйшая эпоха сочетаній —*лъ* съ *есмь* (66—7). Сочетаніе —*лъ* съ *быхъ, бѡхъ, бѣхъ, бяхъ, былъ* *есмь* и значеніе этихъ сочетаній (67—75). Сочетаніе —*лъ* съ *буду* безусловное и условное (76—8).

Родит. падежъ аблятивный и генетивный по Миклош.—Родит. пад. послѣ глаголовъ отрицательныхъ и подобныхъ имъ Второй родит. послѣ отрицат. гл. (83). Род. пад. въ безсубъектныхъ отрицат. оборотахъ изъ глагола *естъ*: *естры иѣтъ дома* (221). Родит. самост. (84). Родит. пад. послѣ достигат. накл. (92). Род. раздѣлит. (213).

Роль прямая и косвенная (61).

Связка предикативная и глаголы, составляющіе ее (34—5, 46). Связка аппозитивная (35). Второстепенная связка изъ причастій и неопр. наклон. (37, 98, 100). Характерный признакъ вспомогательныхъ глаголовъ (48). Глаголы возникновенія и вещественнаго движенія и пребыванія въ связи съ предикатив. прилагательными (50). Глаголы большей и меньшей энергичности въ составн. сказуемомъ изъ твор. предикативнаго (129, 130).

Свить-Русь, какъ особый случай атрибутивнаго сочетанія существительныхъ. (172).

Синонимы. Происхожденіе синонимическихъ оборотовъ изъ словъ синонимическихъ. Образцы синонимическихъ сочетаній изъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и нарѣчій (233—4).

Синтаксисъ. Опредѣленіе его Буславымъ и Потебней (14—17).

Синтетическія сужденія. См. Сужденія.

Сказуемое или предикатъ. Verb. finit., какъ сказуемое (24). Отличіе значеній простаго сказуемаго отъ составнаго изъ причастій дѣйств. и страд. зал. (42—4).

Сказуемое второстепенное изъ аппозитивнаго причастія [51] и неопред. наклоненія [90, 92]. Неопр. наклоненіе въ качествѣ второстепеннаго сказ. въ оборотѣ дат. съ неопредѣленнымъ [100 и слѣд.].

Сказуемое составное и глаголы, входящіе въ него (34—5, 46). Причастія (кроме —лъ), прилагательныя и существительныя, входящія въ составное сказ. (40—51). Составное сказ. изъ личнаго глагола и неопред. накл. [90, 93—6]. Трехсоставное сказ. [49, 98]. Составное второстеп. сказ. изъ аппозитивнаго причастія и имени [52].

Слово, какъ единство звука и значенія. Слово, какъ форма мысли [9]. Опредѣленіе слова со стороны лексической и грамматической. Слова вещественныя и формальныя [12].

Служебныя слова [12].

Собирательныя имена. Взглядъ М. Мюллера на происхожденіе значенія собирательности въ существительныхъ качества и разрѣшеніе этого вопроса Потебней [145—8]. Собирательныя имена въ качествѣ атрибутовъ [168—9]. Собирательныя имена въ названіяхъ народовъ (252).

Согласованіе и несогласованіе атрибутивныхъ и предикативныхъ существительныхъ и прилагательныхъ [30—34]. Наибольшая согласуемость прилагательныхъ по сравненію съ существительными и глаголами [156]. Объясненіе согласованія прилагательныхъ въ родѣ [157, 243]. Согласованіе по представленію въ существительныхъ уменьшительныхъ, увеличительныхъ, ласкательныхъ и уничижительныхъ [157—9]. Согласованіе атрибутивныхъ существительныхъ въ родѣ и числѣ съ опредѣляемымъ [166—7]. Согласованіе по смыслу, какъ переходъ къ несогласованію [168]. Согласованіе сказуемаго при сочетаніи родового и частнаго имени: «рѣчка Вореколь *палъ*» и «рѣчка Волчьи воды *пала*» [171]. Согласованіе опредѣлительныхъ словъ при числительныхъ [186, 212—213].

Сослагательность, выражаемая посредствомъ —лъ съ *быхъ*. Сослагательность въ условіяхъ [72], въ независимыхъ [73] и косвенныхъ вопросахъ [74]. Сослагательность съ *ни* послѣ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ; сослагательность въ придаточ. предложеній съ *qui* послѣ главныхъ отрицательныхъ и выражающихъ сомнѣніе; сослагательность въ *ogatio obliqua* послѣ *quia*, *прежде чѣмъ* и под. [74—5].

Союзы. Союзы между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ [53—4], между главнымъ и придаточ. предлож. [58—9]. Союзъ *бы* и отличіе его отъ глагола *бы* въ древнихъ памятникахъ. Союзы условныя [72]. Объясненіе союзовъ *буде*, *если*, *се*, *весе*, *такъ*, *только*, *ужо* [78]. Союзы съ энекетич. неопред. накл. [109—111]. Союзъ *бы* (чтобы) при неопред. накл. (111—2). Объясненіе союзовъ *чѣмъ* и *нежели* (117).

Средній родъ, какъ выразитель неопредѣленности лица (205). Сред. родъ, какъ средство обозначенія качества субстанціи (143, 151). Исчезновеніе средняго рода въ языкахъ романскихъ, кельтскихъ и лит.-лотыш. (235).

Субстанція грамматическая и метафизическая (28, 141). Мнимая субстанція подлежащихъ въ субъектныхъ оборотахъ, переходящихъ въ безсубъектныя (216). Мнимая субстанція возвратнаго мѣст. *ся* въ глаголахъ на *ся* (208).

Субъектъ и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи (141). Субъектъ грамматическій см. подлежащее.

Субъективное и объективное неопр. накл. (89—90). См. неопр. накл.

Сужденія аналитич. и синтетическія и сопоставленіе ихъ съ предложеніями (154). Сліяніе въ синтетическихъ сужденіяхъ двухъ единствъ и

отсюда двойственность течения мысли (155, 188). Устранение этой двойственности превращением существительного в прилагательное 156, 165—6.

Суффиксы, образующие граматич. родъ именъ 239—241. Первоначальный смысл суф. жен. р. *a, iē, i*, а также *o, u, ter, en* по Бругману 243. [Суффиксы существительныхъ см. *существов. имя, атрибутивное существительное* и *предикативность существительного*; суффиксы прилагательныхъ см. *прилагательное*]. Особое значение суффиксовъ въ именахъ множ. ч. на *ки, ушки, ашки, ины, ощи* отъ ед. ч. *ость*, а не *ще, уши, уш-еньки* 158, 239, 254, 257—8.

Существительное имя и опредѣленіе его 28, 141. Данный или готовый признакъ въ существительномъ. Отличіе этого признака отъ признака прилагательныхъ и причастій. Существ. конкретныя и абстрактныя (27). Качественность существительныхъ (143) и близость существительныхъ качества къ прилагательнымъ (148). Два случая образованія существительныхъ изъ прилагательныхъ: портной [мастеръ], озимое [149—50]. *Nomina agentis*, какъ первобытныя существительныя [159]. Простыя имена *agentis* на *z* и *ь* и переходъ ихъ въ имена *instr., actionis, acti* и *loci* [161]. Имена сложныя на *z*; значеніе ихъ въ цѣл. и древ.-рус. яз. [162]. Имена на *nie, nie, omz, emz, ota* и *esz* [163]. Образцы сложныхъ именъ *agentis* [163—4]. Производныя имена *agentis* на *ьцъ, ькз, ькзъ, окз* [164—5]. — Существительныя, входящія въ составное сказ. съ *естъ* [46] и другими вспомог. глаголами [51]. Сущ., сочетающіяся съ неопред. накл. (97). Сущ. въ качествѣ атрибута см. *атрибутив. сущ.*

Тавтологія. Образцы: скажите не утайте (234); не кто, [а] самъ... Никто не..., только (235).

Твор. надежъ. Различныя взгляды на развитіе значеній творительнаго п. 113—4. Твор. соціативный безпредложный (114). Твор. мѣста (115). Твор. орудія и средства 117. Твор. орудія въ психологическихъ явленіяхъ 119. Твор. энергическій или условленный страдательнымъ сказ. 119. Отличіе этого твор. отъ твор. причины и орудія 120. Твор., условленный именемъ и нарѣчиемъ и три вида его: твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ сравн. степени, твор. при прилагательныхъ не сравнит. степени и твор. отношенія (121—2) Твор. причины и виды его: твор., тяготящій только къ сказуемому, и твор., не зависящій отъ качества глагола 123. Твор. образа дѣйствія и близость его къ нарѣчіямъ 124. Средства къ различію нарѣчій и существительныхъ въ твор. образа 125. — Твор. на мѣстѣ вторыхъ падежей или предикативный. Взглядъ разныхъ ученыхъ на этотъ твор. п. 126. Взглядъ Востокова на им. и твор. предикативный 127. Объясненіе твор. предикативнаго Потемной 128—131. Твор. аппозитивный при им., вин., род. и дат. первомъ падежѣ 131—2. Твор. предикативный на мѣстѣ предикативнаго имени и вторыхъ косвенныхъ падежей существительнаго (132—3) и прилагательнаго 134—5. Отличіе значенія твор. предикативнаго отъ именинаго 135—6; 137, *η*. Твор. предикатив. въ польскомъ яз. 137—8.

Уменьшительность словъ инфинитивныхъ и нарѣчій 158; 257—8.

Условія. Выраженіе условій посредствомъ—*лз* съ *быхъ*. Условія недѣйствительныя 69—70. Выраженіе условія посредствомъ—*лз* съ *буду* и

отличіе значенія этого выраженія отъ—*лъ быхъ* 77. Условіе, выражаемое неопред. наклоненіемъ при опущеніи *есть* 105.

Флексивный и дофлексивный періоды въ языкѣ 10.

Фонетика. Отношеніе ея къ этимологіи по Бусл. и Потебнѣ 15.

Формальные слова (12). Формальные и близкіе къ формальности глаголы—93 и слѣд.

Формы грамматическія. Разрушеніе и созиданіе ихъ. Формы этимологическія и синтаксическія 12—19.

Числительная имена сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ 152. Постановка падежа прилагательныхъ послѣ 1, 2, 3 и 4 съ существительными 186, 212—213.

Эксплетивныя частицы въ др.-рус. яз. и народной словесности 189—190.

Экзегетическое неопред. накл. 109.

Экзегетич. придаточ. предложенія при глагольныхъ именахъ: «Псковское взятіе, како взятъ ѿ кн. Вас. Пв-чъ», и объясненіе происхожденія такихъ предложеній 202—3. Современная замѣна экзегетическихъ придаточ. предложеній 203—4.

Этимологія. Опредѣленіе ея Буслаевымъ и Потебней 14, 15.

Языкъ, какъ исторія человѣческаго духа 141. Языкъ прозаическій и поэтическій и различная степень отраженія въ нихъ смысла грамматическихъ формъ 241—2.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
26	2 сн.	предложенія	опредѣленія
32	14 сн.	оппозицію	аппозицію
33	22 св.	средство	средство
40	5 св.	дифференцированію	дифференцированію
42	24 св.	плачущася	плачущася
45	5 сн.	прич. наст.	прич. наст.
47	1 сн.	II, 198, 199	II, 198, 199, 332, 333.
82	11 сн.	главнаго предл. и въ развитіи	главнаго предл., и въ развитіи
87	2 сн.	ставилось и ставится	въ новомъ яз. ставится
95	6 сн.	буди, уповаѡ	буди уповаѡ
96	24 св.	съ опредѣл. подлежащимъ	съ опредѣленнымъ подлежащимъ
109	1 сн.	далѣе стр. 437	далѣе II, 436.
111	4 сн.	наступило втор. прош.	наступ. втор. пришествіе
147	13 сн.	на ѡня, ѡбѡ	на ѡня, ѡба
176	12 сн.	съ присоединеніемъ	съ присоединеніемъ
187	1 св.	одницы	одинцы
197	17 св.	ср. III, 300	Ср. III, 300 и 520
—	20 св.	постипозитивныя	препозитивныя
228	11 сн.	въ род. падежѣ	въ род. пад. при примыж. прилагательномъ
251	2 сн.	имена	имени

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Предисловіе къ изданію настоящей книги	3
Часть первая «Изъ Записокъ по рус. грамматикѣ». Введеніе: I) Что такое слово?—II) Представленіе и значеніе.—III) Различныя понятія о корнѣ слова	9
IV) Грамматическія формы.—V) По чемъ узнается присутствіе грамматич. формы въ данномъ словѣ.—VI) Формы этимологическія и синтаксическія.—VII) Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ	12
VIII) Грамматика и логика.—IX) Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ	17
X) Члены предложенія и части рѣчи: предложеніе (24), личный глаголь—сказуемое (24—6), имена существительныя, прилагательныя и причастія, какъ именныя члены предложенія (26—8); подлежащее (29), собственно—атрибутъ и приложеніе (30), атрибутъ въ сказуемомъ (33), предикативная связка (34), дополненіе (35), составное дополненіе и падежи первые и вторые (36), второстепенныя связки, обстоятельства и нарѣчія (37), предлоги (38)	23
Часть вторая. Составныя члены предложенія и ихъ замѣны. Составное сказуемое и составное приложеніе. Глаголы, входящіе въ составное сказуемое (40). Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ (41), страдательныхъ (43) и именъ прилагательныхъ и существительныхъ (46) съ <i>есмь</i>	39
Сочетаніе причастій (46), именъ прилагательныхъ (48) и существительныхъ (51) съ другими вспомогательными глаголами, кромѣ <i>есмь</i>	46
Причастія наст. и прош. (ъ, въ) дѣйств. залога, какъ второстепенныя сказуемыя. Аппозитивное причастіе безъ второго и со вторымъ именит. падежомъ (52), союзъ между аппозитив. причастіемъ и глаголомъ (53), именит. самостоятельный (55), причастіе безъ личнаго глагола, какъ сказуемое придат. предложенія, связанное съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова (56)	51
Причастіе прош. на <i>лъ</i> и отлічіе его отъ прилагательныхъ на <i>лъ</i> (62). Сочетаніе прич.— <i>лъ</i> съ существительнымъ глаголомъ настоящаго (64), прошедшаго (69) и будущаго (76) времени	61
Вторые косвенныя падежи: винительный (79), родительный (83) и дательный (84), за исключеніемъ дательнаго при неопред. наклоненіи	79
Неопред. наклоненіе и потеря имъ именныхъ функций	88
Неопред. наклон. <i>субъективное</i> и сочетаніе его съ глаг. <i>имамь</i> , <i>иму</i> , <i>хочу</i> , <i>начну</i> , <i>стану</i> , <i>былъ</i> , <i>буду</i> , съ другими служебными глаголами, именами и вторымъ именительнымъ	93
Неопред. накл. <i>объективное</i> . Винит. съ неопред.—98. Дат. съ неопред.—100.	98
Неопред. накл. съ дательнымъ при безличномъ « <i>есть</i> »	103
Неопр. накл. съ опущеннымъ « <i>есть</i> » въ условныхъ предложеніяхъ.—Неопр. « <i>быть</i> » (при подразумѣваемомъ « <i>есть</i> ») съ другимъ неопредѣленнымъ	105
Неопред. накл. съ мнимо-страдательнымъ отгѣнкомъ	106
Неопред. накл. (<i>субъективное</i> и <i>объектив.</i>), связанное съ глав. предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова	107
Эпиктетическое неопредѣл. наклоненіе	109

347

Неопр. накл. съ «бы» и союзами, сложными съ «бы»	111
Неопред. наклоненіе абсолютное	112
<i>Творительный падежъ.</i> Разногласія во взглядахъ на развитіе значеній творительнаго падежа (113). Твор. соціативный безпредложный (114), твор. мѣста (115), времени (116), орудія и средства—117; твор. энергическій, или условленный страдательнымъ сказуемымъ—119; твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ—121; твор. причины—123 и твор. образа дѣйствія	113
<i>Твор. на мѣстѣ вторыхъ падежей</i> или такъ назыв. твор. предикативный. Взглядъ разныхъ ученыхъ на этотъ твор. п.—126. Связь его съ твор. образа и первая ступень твор. предикативнаго—128. Глаголы, входящіе въ составное сказ., и твор. предикативный при нихъ на мѣстѣ второго именительнаго—129.—Твор. аппозитивный	126
Твор. предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа существительныхъ—132. Творит. существительнаго на мѣстѣ предикативнаго именительнаго при глаголахъ большей энергичности—132. Именит. и твор. прилагательныхъ на мѣстѣ вторыхъ винительныхъ, родительныхъ, дательныхъ и именительныхъ—134.	132
Отличіе значенія творительнаго предикативнаго отъ именительнаго	135
Ходъ развитія твор. предикативнаго въ польскомъ—137—и литов. яз.—139.	137
Общій выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія	139
Часть третья. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. —Введеніе	140
I. Первообразна ли отвлеченность въ существительномъ качества?	141
II. Предполагаютъ ли сущ. имена качества значеніе собирательности?	145
III. Происхожденіе имени прилагательнаго	148
IV. Согласованіе прилагательныхъ	156
V. Происхожденіе разрядовъ существительнаго	159
VI. Атрибутивность существительнаго	165
VII. Несогласованіе въ падежѣ	184
VIII. Союзъ между словами, соединенными атрибутивно. Hendiadys.	188
IX. Переходъ приложеній въ предложенія	193
X. Мѣсто придаточныхъ предложеній съ относит. словомъ по отношенію къ главнымъ	196
XI. Предикативность существительнаго	199
XII. Устраненіе подлежащаго. Образцы безсубъектныхъ оборотовъ.	205
Приложенія къ третьей части: I) Формальные признаки конкретности существительнаго	221
II. Тождество, сочетаніе синонимовъ	233
III. Грамматическій родъ (235). Замѣтки на изслѣдованіе Бругмана «Родъ именъ въ индогерм. языкѣ» (241) и разборъ «Розысканій по вопросу о грамматиц. родѣ» Эд. Вольтера (244)	235
Значенія множ. числа въ рус. языкѣ. Множ. число гиперболическое (247), единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей (249), множ. число дѣлимаго вещества (250), мѣста (251), времени (253) и состоянія (255)	247
Алфавитный указатель.	